

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт социологии

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ■ АЛЬМАНАХ

Основан в 2010 году

Выпуск **10**

Минск
«Беларуская навука»
2019

В сборнике представлены статьи ведущих белорусских, российских и украинских социологов, посвященные актуальным проблемам развития белорусского, российского, украинского, румынского и польского обществ, социальной теории, методологии и методикам социологических исследований.

«Социологический альманах» рассчитан на студентов, аспирантов, профессиональных социологов, а также читательскую аудиторию, интересующуюся современным социальным развитием Беларуси.

Редакционная коллегия:

Г. П. Коршунов (главный редактор),
Ю. Г. Черняк (зам. главного редактора),
М. И. Артюхин, Е. М. Бабосов, Н. А. Барановский, В. А. Ильин, В. В. Кириенко,
А. А. Коваленя, И. В. Лашук, Н. Е. Лихачев, В. В. Локосов, Ю. М. Резник, Г. Н. Соколова,
А. А. Шабунова, С. А. Шавель, Н. С. Щекин, В. Р. Шухатович,
Е. В. Мартищенко (ответственный секретарь)

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор Д. Г. Ротман,
доктор психологических наук, профессор И. А. Фурманов

*«Социологический альманах» подготовлен в рамках выполнения
Государственной программы научных исследований
«Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 гг.;*
Подпрограмма 3 «Социология и философия». Раздел 1 «Социология»

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка главного редактора.....	7
Теория и методология социальных исследований	
<i>Шавель С. А.</i> Синдром потребительства и стиль жизни.....	8
<i>Дулина Н. В., Каргаполова Е. В., Миронова Ю. Г.</i> Трансформация первичных социальных сетей региона (по итогам социологического мониторинга)	22
<i>Смирнова Р. А.</i> Социально-экономический мониторинг как инструмент оценки регулирующего воздействия государства на развитие страны	29
<i>Злотников А. Г.</i> Современная белорусская семья: социально-бытовые отношения и репродуктивные процессы.....	38
<i>Кочергин В. Я.</i> Структурно-функциональный анализ социальных технологий	49
<i>Леонов Н. Н.</i> О методике применения машинного обучения в анализе социологических данных	56
<i>Малмыгин А. С.</i> Особенности и тенденции трансформационного развития современного белорусского общества.....	65
<i>Мартищенкова Е. В.</i> Феномен общественного мнения в анализе социальных явлений....	73
<i>Волосников Р. А.</i> Влияние социальных медиа на формирование и функционирование общественного мнения	82
<i>Скорая И. Г.</i> Структура свободного времени: теоретический аспект.....	91
Социология культуры и культурсоциология	
<i>Титаренко Л. Г.</i> Динамика ценностных ориентаций студенческой молодежи и ее влияние на развитие модернизационного потенциала.....	98
<i>Анарбек Н.</i> Социокультурные механизмы воспроизводства духовных ценностей общества	106
<i>Смирнов В. Э.</i> Мораль как аксиологическое обеспечение институализированных взаимодействий людей: к вопросу о моральных нормах и источниках их изменения.....	117
<i>Галич Л. П.</i> Социальное самочувствие как импрессионистский инструмент самопрезентации индивида в обществе	128
<i>Балан М., Станеску С. М.</i> Психосоциальное и экономическое влияние потребления наркотиков среди молодежи	135
<i>Веренич М. И.</i> Культура в контексте современных трансформаций: практика Республики Беларусь	146
<i>Стаселька К. I.</i> Літаратурныя прэміі і поле літаратуры ў Беларусі.....	157
<i>Павлють О. А.</i> Виртуализация образовательного пространства: перспективы и вызовы...	165
Экономическая социология и социально-экономические трансформации	
<i>Кобяк О. В.</i> Социологическое моделирование экономического поведения социальных субъектов.....	172
<i>Поплавский Т., Поплавский К.</i> Анализ постфордизма в контексте социально-экономической трансформации	183

<i>Кройтор С. Н.</i> Социальные аспекты трансформации труда и занятости в условиях цифровизации экономики	197
<i>Терещенко О. В.</i> Дистанционная работа в Беларуси	204
<i>Андрос И. А.</i> Доверие как ключевой компонент социального взаимодействия субъектов хозяйствования	212
<i>Кутуев П. В., Костюкевич С. В.</i> Подготовка инженера-предпринимателя как актуальная задача для бывших советских стран	219
<i>Балан М.</i> Сравнительный анализ молодежной занятости и безработицы в регионах развития Румынии	225
<i>Денисов А. Ю.</i> О некоторых проблемах статистической оценки уровня рождаемости сельского населения в Республике Беларусь	238

Социология политики и политические процессы

<i>Бабосов Е. М.</i> Непримируемая борьба с коррупцией в современной Беларуси	246
<i>Барановский Н. А.</i> Повышение эффективности деятельности Советов депутатов в контексте модернизации политической системы современного белорусского общества	251
<i>Дулина Н. В., Моисеева Д. В.</i> Трампизм как новое социальное явление: анализ современного научного дискурса	262
<i>Хамутовская С. В.</i> Правовая база избирательной системы Республики Беларусь: особенности формирования и развития	273
<i>Бойко Н. Л.</i> Интернет и демократизация в современном научном дискурсе	281
<i>Климашин А. Г.</i> Понятие безопасности: проблемы интерпретации	290
<i>Аббаси П.</i> Насилие в отношении женщин в современной иранской семье (социологический анализ)	297
<i>Гавриков А. В.</i> Типология политических партий Беларуси в контексте теорий Мориса Дюверже и Энтони Даунса	304

Социология науки и проблемы образования

<i>Артюхин М. И., Пушкевич С. А.</i> Состояние и основные тенденции развития кадрового потенциала белорусской науки за период 2006–2017 годы	314
<i>Душина С. А., Камнева А. В.</i> В поисках коллаборации. Возможности академических социальных интернет-сетей	326
<i>Шарый И. Н.</i> Динамика возрастной структуры профессорско-преподавательского состава и исследователей в Республике Беларусь: сравнительный анализ	337
<i>Онопrienко В. И.</i> Аспирантура глазами аспирантов и экспертов	346
<i>Ворошень О. Г.</i> Особенности формирования профессиональной идентичности молодых ученых академического сектора науки	356
<i>Соловей А. П.</i> Феминистские исследования науки: обзор зарубежного опыта	365
<i>Урбан Д. О.</i> Состояние среднего образования в Беларуси: результаты опроса населения и экспертов	373
<i>В память о Соколовой Галине Николаевне</i>	385

CONTENT

Editorial column	7
Theory and Methodology of Social Studies	
<i>Shavel S. A.</i> Syndrome of consumerism and style of life.....	8
<i>Dulina N. V., Kargapolova E. V., Mironova Yu. G.</i> Transformation of primary social networks of the region (results of sociological monitoring).....	22
<i>Smirnova R. A.</i> Socio-economic monitoring as a tool for the assessment of the regulating influence of the state on the development of the country.....	29
<i>Zlotnikov A. G.</i> Modern Belarusian family: social-personal relations and reproductive processes ..	38
<i>Kochergin V. Ya.</i> Structural-functional analysis of social technologies	49
<i>Leonov N. N.</i> About the method of application of machine learning in the analysis of sociological data.....	56
<i>Malmyhin A. S.</i> Features and trends of transformational development of modern Belarusian society	65
<i>Martischenkova E. V.</i> Phenomenon of public opinion in the analysis of social phenomena	73
<i>Volosnikov R. A.</i> The influence of social media on the formation and functioning of public opinion	82
<i>Skoraya I. G.</i> Structure of free time: the theoretical aspect.....	91
Sociology of Culture and Kultursociology	
<i>Titarenko L. G.</i> Dynamics of the students' value orientations and its influence on the development of modernization potential	98
<i>Anarbek N.</i> Socio-cultural mechanisms of reproduction of society's spiritual values	106
<i>Smirnov V. E.</i> Morals as axiological support of institutional interactions of people: to the question of moral norms and sources of their changes	117
<i>Galich L. P.</i> Social well-being as an impressionistic tool of individual presentation in society ...	128
<i>Bălan M., Stănescu S. M.</i> The psychosocial and economic impact of drug consumption among youths.....	135
<i>Viarenich M. I.</i> Culture in the context of modern transformations: practice of the Republic of Belarus.....	146
<i>Staselka K. I.</i> Literary awards and the field of literature in Belarus	157
<i>Pavlut O. A.</i> Virtualization of educational space: perspectives and challenges	165
Economic Sociology and Social-Economic Transformations	
<i>Kabiak A. V.</i> Sociological modeling of economic behavior of social subjects.....	172
<i>Popławski T., Popławski K.</i> Oblicza postfordyzmu w kontekście społeczno-gospodarczej transformacji = Analysis of postfordism in the context of social and economic transformation.....	183
<i>Kroitor S. N.</i> Social aspects of the transformation of work and employment in the conditions of the economy of digitalization.....	197
<i>Tereschenko O. V.</i> Remote work in Belarus	204
<i>Andras I. A.</i> Trust as a key component of social interaction of economic entities	212

<i>Kutuev P. V., Kostjuevich S. V.</i> Training of engineer-entrepreneur as a challenge for the former soviet countries	219
<i>Bălan M.</i> Comparative analyses on youths' employment and unemployment in Romania's regions of development.....	225
<i>Denisov A. Yu.</i> About some problems of statistical estimation of the rural population fertility level in the Republic of Belarus	238

Sociology of Politics and Political Processes

<i>Babosov E. M.</i> Ruthless struggle against corruption in modern Belarus	246
<i>Baranovski N. A.</i> Increase of the council of deputies efficiency in the context of political system modernization of the modern Belarusian society.....	251
<i>Dulina N. V., Moiseeva D. V.</i> Trampism as a new social phenomenon: an analysis of modern scientific discourse	262
<i>Khamutouskaya S. V.</i> Legal base of the electoral system of the Republic of Belarus: features of formation and development.....	273
<i>Boyko N. L.</i> Internet and democratization in a modern scientific discourse	281
<i>Klimashin A. G.</i> The security definition: problems of interpretation.....	290
<i>Abbasi P.</i> Violence against women in a modern Iranian family (sociological analysis)	297
<i>Gavrikov A. V.</i> Typology of political parties in Belarus in the context of the theories of Maurice Duverger and Anthony Downs.....	304

Sociology of Science and Problems of Education

<i>Artyukhin M. I., Pushkevich S. A.</i> State and main tendencies of the development of the personnel potential of the Belarusian science for the period of 2006–2017	314
<i>Dushina S. A., Kamneva A. V.</i> Searching for collaboration. Opportunities of academic social Internet networks.....	326
<i>Shary I. N.</i> The dynamics of the age structure of the professorial-teaching staff and researchers in the Republic of Belarus: a comparative analysis.....	337
<i>Onopriyenko V. I.</i> Post-graduate study as seen by post-graduate students and experts.....	346
<i>Voroshen O. G.</i> Features of the formation of professional identity of young scientists of the academic sector of science.....	356
<i>Solovei A. P.</i> Feminist studies of science: a review of foreign experience	365
<i>Urban D. O.</i> State of secondary education in Belarus: results of Republican research and interviews with experts	373
<i>In memory of Sokolova Galina Nikolaevna</i>	385

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Вы держите в руках юбилейный выпуск «Социологического альманаха», подготовленного в стенах Государственного научного учреждения «Институт социологии НАН Беларуси». Десять лет назад вышел первый номер альманаха. Его предшественником были ежегодные сборники работ сотрудников Института. Идея смены формата сборника трудов на альманах зародилась в беседах Георгия Михайловича Евелькина и Владимира Леонидовича Абушенко, в разные годы¹ возглавлявших Институт социологии, и стала реальностью в 2010 г., когда Институтом руководил Игорь Васильевич Котляров.

Опыт прошедшего десятилетия позволяет констатировать – альманах состоялся. И как периодическое издание ведущего научно-исследовательского учреждения страны в области социологии, и как дискуссионная площадка для обсуждения животрепещущих междисциплинарных вопросов современности. Десятки ведущих аналитиков самого разного профиля (социологов, философов, политологов, экономистов, науковедов, демографов, культурологов и т. д.) практически со всей Евразии опубликовали на страницах нашего альманаха более 500 статей по самому широкому спектру проблем, волнующих современное общество.

Сегодня альманах является тем изданием, которое консолидирует передовой отечественный и мировой опыт осмысления социальных и социокультурных вызовов времени, динамики демографических и образовательных процессов в мире, функционирования социально-экономической и социально-политической подсистем трансформирующегося общества.

Разделы настоящего выпуска также сформированы в рамках сферной парадигмы анализа общества², позволяющей как изучать традиционные для социогуманитарной экспертизы явления и процессы, так и пытаться выходить на те культурные, экономические, политические тренды, которые только намечаются в связи с разворачивающейся цифровизацией человечества.

Г. П. Коршунов,

*кандидат социологических наук, доцент,
директор ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси»*

---

¹ Евелькин Г. М. – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии НАН Беларуси в 2000–2008 гг.; Абушенко В. Л. – кандидат социологических наук, доцент, возглавлял Институт социологии с апреля по декабрь 2008 г.

² Шавель С. А. Сферная парадигма в социальном знании и жизнеспособность общества // Социол. альм. Минск, 2018. Вып. 9. С. 70–76.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 316.622+330.567.2

С. А. ШАВЕЛЬ,

доктор социологических наук, профессор, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СИНДРОМ ПОТРЕБИТЕЛЬСТВА И СТИЛЬ ЖИЗНИ

В статье рассмотрены синдром потребительства и стиль жизни (этос) с точки зрения консуммативного поведения социальных групп и категорий населения. Исследуется семантика синдрома потребительства и его отличие от естественного потребления. Стиль жизни оценивается по типу характеров, выделенных Э. Фроммом.

Ключевые слова: синдром, потребительство, мотивация, стратегическое и нестратегическое потребление, функционализм, престижное потребление.

S. A. SHAVEL,

Doctor of Sociology, Professor, Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk

SYNDROME OF CONSUMERISM AND STYLE OF LIFE

The article discusses the syndrome of consumerism and lifestyle (ethos) in terms of the consummate behavior of social groups and categories of the population. The semantics of consumerism syndrome and its difference from natural consumerism are investigated. Lifestyle is assessed by the type of characters highlighted by E. Fromm.

Keywords: syndrome, consumerism, motivation, strategic and non-strategic consumption, functionalism, prestigious consumption.

За небывало короткий исторический срок сфера личного потребления современной Беларуси претерпела заметные изменения, оценить которые однозначно – «по совокупности» или на основе некоторого индекса – не представляется возможным. Приходится учитывать разные модальности тех или иных перемен, разные векторы сил, их вызывающих, а главное – перспективные возможности развития прогрессивных тенденций и элиминирование недостатков, связанных с несбалансированностью структур потребления многих семей, включаемых в систему бюджетных обследований (завышенные по удельному весу расходы на питание и крайне низкие на культуру) или даже «недопотребление» отдельных категорий населения.

К наиболее важным позитивным тенденциям последнего 26-летия можно отнести: во-первых, преодоление (хотелось бы думать, что окончательное) острого товарного дефицита начала 1990-х годов и вызванных им унижительной системы карточного распределения (талонов, купонов), спекуляции, теневого перераспределения и пр.; во-вторых, относительное насыщение товарного рынка, повышение на нем доли пользующихся спросом отечественных

товаров, прежде всего продовольствия; в-третьих, появление новых форм торговли и новых видов услуг, развитие негосударственных форм собственности в этой сфере, приближение мест торговли, соответственно товара, к потребителям; в-четвертых, трудное и противоречивое становление рекламного бизнеса, расширение маркетинговых исследований; в-пятых, формирование законодательной базы, регулирующей отношения в сфере потребления; в-шестых, возникновение первых структур гражданского общества, контролирующих соблюдение правил торговли, прав покупателей, качество товаров и т. д. (общество защиты прав потребителей), а также адекватность рекламы (общественные комиссии по рекламе) и др.

Уже этот, далеко не полный, перечень говорит о движении в сторону цивилизованных форм и стандартов потребления. Но что наиболее фундаментально и примечательно, так это подвижки в состоянии массового сознания, психологии и покупателей, и продавцов. Совсем недавно покупатель брал то, что есть, про запас, сегодня – ищет то, что нужно, и берет в меру. Продавец государственного магазина часто имел основной доход от продаж «из-под прилавка», поэтому старался не замечать рядовых покупателей, сейчас же пришло понимание, что доброжелательность, вежливость приносят дополнительный доход, тем самым успешно решается казавшееся ранее неразрешимой проблема повышения культуры обслуживания.

Постепенно преодолеваются представления о «бесплатности» услуг (коммунальных, бытовых и др.), основанные на порочной практике «перекрестного субсидирования»; вводятся критерии нуждаемости и адресности социальной помощи; пересматривается прежняя система льготирования; уходит в прошлое имитация «коллективности» потребления; пересматриваются содержание и направленность общественных фондов потребления. Все это объективно направлено на повышение эффективности тех бюджетных средств, которые выделяются на поддержание уровня потребления малообеспеченных групп населения, на предотвращение бесконтрольного, нецелевого использования этих средств. Что касается отрицательных моментов современной ситуации в сфере потребления, то они состоят, во-первых, в высокой степени дифференциации населения по доходам, то есть источникам потребления; во-вторых, в несбалансированности структуры потребления многих семей; в-третьих, в существенных региональных различиях; в-четвертых, в существовании бедности и малообеспеченности, определяемой по прожиточному минимуму или минимальному бюджету; в-пятых, в высокой доле импорта и медленном развитии импортозамещения потребительских товаров импортного спроса отечественными.

В сфере потребления действуют две взаимосвязанные тенденции, которые и определяют восприятие людьми своего уровня жизни, его отдельных параметров и их оценку в плане возможностей потребления. Первая тенденция отражает ожидания роста количественных показателей материального благосостояния (заработной платы, денежных доходов, натуральных поступлений).

Вторая – субъективные оценки доступности значимых социальных благ и услуг. Определенная согласованность названных выше тенденций формирует основу просоциального потребительского поведения, в то время как их диссонанс чреват асоциальными, вплоть до криминальных, формами.

Каждый месяц население Беларуси получает на руки более двух миллиардов долларов в эквиваленте. Эта сумма складывается из зарплаты работающих (средняя за сентябрь 2018 г. составила 963,60 руб.¹), пенсий (средняя пенсия после повышения на 5 % с ноября 2018 г. приблизится к 40 % от средней зарплаты), стипендий, различных пособий из фонда соцзащиты, а также доходов от личного подсобного хозяйства, переводов от сограждан, работающих за границей, дивидендов, кредитов и других источников. В данном случае важна не точность расчета, а общая логика, позволяющая с небольшими отклонениями установить объем платежеспособного спроса населения страны. Экономика может работать устойчиво, если к следующему месяцу (условно «к дню полочки», хотя зарплата выплачивается два раза в месяц) эти деньги будут истрачены, «отоварены»: в идеале – все, но реально некоторая часть переходит в ту или иную форму сбережений, образуя так называемый отложенный спрос.

Всякий потребительский акт (покупка, заготовка продукции, сбор «даров природы» и т. п.) имеет в своей основе определенный мотив, то есть осознанное побуждение, придающее смысл действию и отвечающее на вопросы: зачем, ради чего это делается. Чем больше распространены в обществе стратегические мотивации потребления, особенно среди молодежи, тем основательнее и осмысленнее просоциальная активность людей, выше шансы самореализации и меньше вероятность девиантного (отклоняющегося) поведения. Расходы определяются по объему розничного товарооборота (покупок) вместе с различными выплатами, проходящими по официальным документам (плата за учебу, коммунальные услуги, проездные билеты и т. д.). Однако статистика не фиксирует наличные деньги, переходящие из рук в руки: оплата частнику за ремонт, строительство, репетиторство и прочее, как и некоторые другие виды затрат и покупок.

С экономической точки зрения превышение платежеспособного спроса над предложением, когда денег на руках больше, чем товаров, вызывает инфляцию. Так, в 2018 г. инфляция составила 5,6 %², в 2019 г. прогнозируется 5,0 %. При этом более половины инфляции образуется за счет роста цен на продукты питания. Обратный процесс называется дефляцией, при которой платежеспособный спрос ниже предложения, то есть денег меньше, чем товаров, что ведет к затовариванию, повышению кредитных рисков и прочим дисфункциям. Для того чтобы грамотно проходить между Сциллой инфляции и Харибдой дефляции, недостаточно обобщенных данных о балансе до-

¹ Номинальная начисленная средняя заработная плата работников Республики Беларусь с 1991 по 2019 г. URL: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/trud/operativnaya-informatsiya_8/zarabotnaya-plata/ (дата обращения: 02.07.2019).

² Инфляция в Беларуси. URL: <https://myfin.by/wiki/term/inflyaciya> (дата обращения: 02.07.2019).

ходов-расходов и депозитах, необходимо знать и учитывать мотивационные стратегии потребления разных категорий населения. Чем больше распространены в обществе стратегические мотивации потребления, особенно среди молодежи, тем основательнее и осмысленнее просоциальная активность людей, выше шансы самореализации и меньше вероятность девиантного (отклоняющегося) поведения.

Умение правильно (разумно, нравственно и ответственно) потреблять – атрибутивная черта зрелой личности. Но она не является врожденной, а формируется в процессах социализации и воспитания. Для того чтобы влиять на мотивационную сферу личности, необходимо знать типичные мотивы потребительского поведения в белорусском обществе.

В социологической научно-исследовательской работе особое внимание уделено анализу престижного потребления, как с теоретической точки зрения, так и в плане оценок общественным мнением, разработки научных рекомендаций по учету мотивации потребительского поведения в рекламе, маркетинге и других сферах.

Социологические исследования многогранной проблематики потребления приобретают в современных условиях повышенное значение. Прежде всего, общество нуждается в полной и адекватной информации о данном социальном феномене. Это значит, что обобщенные статистические данные о розничном товарообороте, структуре расходов домашних хозяйств и другие должны дополняться репрезентативными сведениями о предпочтениях, ожиданиях, вкусах и мотивах принятия решений по поводу любых консуммативных актов разными группами и категориями населения. Для социологии информационное обеспечение означает реализацию первых двух функций науки: описание и объяснение. Третья функция – предвидение (прогнозирование) – требует отслеживания в мониторинговом режиме динамики потребительских диспозиций под воздействием социально-экономических, культурных и других факторов.

Эмпирические исследования предполагают, как известно, «теорию на входе», которая позволяет грамотно построить методологическую часть программы, сформировать категориальный аппарат, провести интерпретацию и операционализацию основных понятий, дефинировать новые термины. С этой точки зрения социологию потребления можно отнести к исследовательским направлениям, которые находятся в процессе становления, развития. Несмотря на значительный объем прикладных разработок, как в мировой, так и отечественной социологии, нетрудно заметить определенный маркетингологический уклон. В этом нет ничего удивительного, поскольку маркетинг зародился на стыке нескольких наук и от социологии взял методическую часть – методы, процедуры, технику анализа. Следовательно, существует возможность привлечения социологов к такого рода проектам, а также большая заинтересованность в результатах любых исследований, хотя бы косвенно затрагивающих потребительское поведение. При этом, однако, теоретико-методологический

анализ отходит на второй план уже потому, что заказчик заинтересован в активизации спроса и не приветствует так называемые «отвлечения». По-прежнему распространенной схемой программирования эмпирических исследований является, примерно, следующая: потребление – это процесс удовлетворения потребностей, а потребность есть нужда (недостаток или отсутствие) необходимого предмета (блага), рождающая энергетическую напряженность и мотивацию поиска. Но даже физиологические потребности – голод, холод, жажда – ощущаются как нужды только при их депривации в экстремальных условиях. Не случайно еще А. Маслоу отмечал: «Рассмотрение голода в качестве парадигмы в корне неверно как с точки зрения теории, так и в практическом смысле» [1, с. 60].

Социологическую парадигму, которая должна синтезировать все основные подходы – экономический, антропологический, психологический и другие, можно представить как основывающуюся на следующих положениях. Потребность есть ценностное отношение человека к самому себе, другим людям, обществу и природе, формирующее энергетический принцип и мотивационную сферу личности. Потребление – это процесс воспроизводства человека как социализированного субъекта, носителя социокультурного кода соответствующего общества и его ценностно-нормативного сознания. В этом смысле правомерно и необходимо рассматривать потребление как «меру усвоения ключевых ценностей современного общества, представлений о себе и окружающей реальности» [2, с. 79]. Вместе с тем важно учитывать парадоксальное свойство консуммативной идентичности, вытекающее из одновременного присутствия социального сравнения и контингентности (инаковости). Действительно, человек стремится идентифицировать себя, причислить к той или иной группе через материальный уровень потребления, приобретение, скажем, престижных благ, эксклюзивных вещей, предметов роскоши и пр. Все это имеет значение только в качестве символов дистанции, границ. Еще швейцарский экономист Ж. Сисмонди (1773–1842) отмечал: «Роскошь является источником радости, когда она создает различия» [3, с. 130]. Это субъективное восприятие дистанции, но именно такие потребительские акты дают объективную характеристику мировоззрения, духовного мира человека, его социальных качеств, в том числе и гражданской позиции, патриотизма, нравственного уровня. Тот, кто хочет избежать такого оценивания, должен последовать совету стоиков: «Живи незаметно», особенно при сомнительных источниках дохода.

О влиянии потребления на стабильность общества, причем не отдельной страны, как это случалось в прошлом, а в планетарном масштабе, можно судить по современному мировому кризису. Одной из его причин аналитики называют «сверхпотребление». Термин этот далеко не однозначен, особенно на фоне растущего недопотребления во многих странах мира. В свое время известный французский социолог Ж. Бодрийяр высказал крамольную мысль о том, что в современных развитых странах нет изобилия. «Изобилие утра-

чено, и его нельзя восстановить никаким приростом производительности, изобретением новых производительных сил, так как структурный характер изобилия и богатства коренится в социальной организации» [4, с. 95–96]. Подлинное изобилие, по мнению автора, было у примитивных народов, веривших в богатство природных ресурсов и их достаточность для удовлетворения потребностей человека. «Богат не тот, у кого много, а тот, кому хватает», – гласит народная мудрость.

С социологической точки зрения сверхпотребление – это возникновение и институционализация «синдрома потребительства», согласно которому жить в долг не стыдно, а наоборот, престижно, поскольку повышается консумативная идентичность. Такая подмена целей средствами, смыслов – иллюзией обладания ведет к реификации и другим деформациям ценностного сознания. Богатый человек, писал К. Маркс, «это в то же время человек *нуждающийся* во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как *нужда*» [5, с. 125]. О том, как спекулянты извратили ипотеку, превратив ее в худшую форму ростовщичества, которое Христос изгонял из Храма, никто и не упоминает. В декларациях мировых лидеров G7 и G20 о преодолении современного кризиса нет слов о необходимости изменения идеологии потребления, освобождении ценностного сознания от соблазнов, мифов и иллюзий потребительства. К сожалению, и критики потребительского общества не доводят свой контрдискурс до требования новой «переоценки ценностей». Рано или поздно такую работу придется все-таки проводить. Современный кризис, безусловно, будет преодолен, однако предложенные способы оставляют незатронутыми его истоки. В США материальное богатство – важный элемент американской мечты. «Мы верим в силу мечты, – отмечает маркетолог К. Рапай, – и мы никогда не перестанем проповедовать свою философию другим странам мира» [6, с. 12]. Казалось бы, нам синдром потребительства не грозит, но социологические исследования показывают усиление утилитарных мотивов, рост престижного потребления, подражательности и другим симптомов, характерных для данного феномена. Вместе с тем нельзя не учитывать, что престижное потребление имеет и положительные стороны: оно стимулирует инновационный поиск отечественных производителей товаров народного потребления, повышает запросы к качеству услуг и т. д. В конечном счете, многие предметы престижа, высокой моды входят в жизнь именно таким путем и становятся доступными широким слоям населения.

В подавляющем большинстве исследований природы потребления и его исторической динамики за отправную точку в плане методологии принимается нехватка, ограниченность средств существования. Отсюда следует необходимость борьбы за предметы удовлетворения потребностей, прежде всего за продукты питания, защиты от неблагоприятных воздействий среды и др. Так оформляется императив целенаправленной активности – труда, производственной деятельности, хозяйствования. Действительно, это естественная пред-

посылка и постулат здравого смысла, ибо даровых благ, «манны небесной» природа не обещает. Даже примитивное собирательство требует огромных усилий, а охота и рыбная ловля – орудий труда и наблюдательности, передачи опыта и сохранения знаний. Экономисты называют парадоксом то, что некоторые потребительные стоимости, такие как воздух, солнечный свет, питьевая вода в естественных водоемах, имея жизнеопределяющую значимость (пользу), тем не менее не являются благами в экономическом смысле слова. Натуралистический подход понимает потребность как нужду, нехватку, дефицит, а ее удовлетворение – как насыщение в процессе потребления. Но, как отмечал А. Маслоу, «человек переступил дефициентный уровень функционирования» [1, с. 9]. Речь, конечно, не об отдельных индивидах, которые, даже в примитивном состоянии, а тем более в современных обществах, могут иметь все, что позволяет получить существующий уровень развития производительных сил, а о большинстве человечества. Как же изменяется сам человек, включенный в поистине экзистенциальный переход от дефицита к достатку. В полном согласии с философской антропологией Маслоу пишет: «Рассуждая о потребностях человека, мы обращаемся к самой сути его существования» [1, с. 15], добавляя, что ее (суть) нельзя выявить при помощи лабораторного опыта или посредством экспериментов с животными. Критикуя тех, кто рассматривает голод как парадигму, как модель всех других мотивационных состояний, А. Маслоу конкретизирует вопрос о влиянии потребления на изменения сущностных характеристик человека: «Перефразируя уже упомянутую поговорку («Не хлебом единым жив человек». – *С. III.*), можно сказать, что человек и действительно живет одним лишь хлебом, но только тогда, когда у него нет этого хлеба. Но что происходит с его желаниями, когда у него вдоволь хлеба, когда его желудок не требует пищи?» [1, с. 81]. В поисках ответа А. Маслоу отверг как неэвристичные попытки создания перечня человеческих потребностей, в том числе и известный список из двадцати наименований, составленный автором ТАТ (тематического апперцептивного теста) Г. Мюррея. В самом деле, можно назвать миллион желаний, а можно оставить одно-единственное – потребность жить, и все остальные понимать как средства ее реализации. Более продуктивно, по Маслоу, выделять группы (таксоны) взаимосвязанных потребностей, упорядочив их по месту в ценностном пространстве культуры и роли в развитии личности. Так возникла фундаментальная классификация, называемая обычно иерархической концепцией потребностей. Ей посвящена большая литература, она широко используется в качестве методологической основы эмпирических исследований и как идеология гибких методов менеджмента, в том числе и управления потреблением. В концепции Маслоу выделены и иерархически упорядочены пять групп потребностей:

- 1) физиологические потребности – голод, холод, жажда, сексуальный позыв и др.;
- 2) потребности в безопасности, стабильности, защите, свободе от страха, тревоги, хаоса;

3) потребности в принадлежности и любви, общении и приобщенности к ценностям группы (социума);

4) потребности в признании, самоуважении, уважении другими, репутации, престиже;

5) потребности в самоактуализации – самовоплощении, реализации потенциала, идиосинкразии (самобытности, индивидуальности), идентичности.

Кроме того рассматриваются еще три группы потребностей: а) когнитивные – знать, понимать, удовлетворять любопытство; б) эстетические – в красоте, гармонии, симметрии, структурированности, порядке; в) экспрессивные – эмоционального и материального самовыражения. Иногда они как бы накладываются на общую схему, придавая определенную окраску, подчеркивая отдельные аспекты той или иной группы; иногда выделяются как особые образования, например при терапевтическом подходе. Динамический характер концепция приобретает благодаря тому, что, во-первых, удовлетворение препотентных (предшествующих, нижерасположенных) потребностей есть необходимое условие перехода на следующий уровень. «Если в организме доминируют физиологические позывы, то все остальные потребности могут даже не ощущаться человеком... Но стоит ему удовлетворить эти потребности, как их место тут же занимают новые (более высокие) потребности, и так до бесконечности» [1, с. 79–81]. Во-вторых, подчиненность единственной потребности, пока она не удовлетворена, вызывает «специфическое изменение личной философии будущего» [1, с. 80]. Поиск средств становится главной стратегической задачей, целью и ценностью, определяющими идейное содержание мышления, внимания и пр. В-третьих, удовлетворенные потребности теряют свою побудительную силу. «Они переходят в разряд потенциальных, оставляя за собой лишь право на возвращение... Энергией обладает лишь неудовлетворенное желание, неудовлетворенная потребность» [1, с. 81]. Вместе с тем ранняя фрустрация (срыв, невозможность достижения целей) может зафиксировать индивидуума на определенном уровне развития, как правило, низком. В-четвертых, возможно и обратное движение – от высших потребностей к низшим. Из всех случаев такой реверсии самую высокую значимость представляют те, которые связаны с высшими ценностями и идеалами. «Люди, преданные таким идеалам и ценностям, готовы ради них терпеть лишения, муки и даже пойти на смерть», – отмечает А. Маслоу [1, с. 97]. Автор полагает, что именно оптимальное удовлетворение базовых потребностей в раннем детстве, – без потакания прихотям, закармливания и вседозволенности, но и без депривации разумных желаний, – закладывает основы высокой фрустрационной толерантности, то есть терпимости к возможным ограничениям материального плана, спокойствию и уверенности в опасных ситуациях. В-пятых, высшие потребности актуализируются не автоматически и скачкообразно, а постепенно, по мере удовлетворения низших. Так, стремление к принадлежности, включающее, кстати, и гражданскую позицию, «пробуждается» на пять процентов, если безопасность обеспечена на двадцать пять процентов,

но она обнаружит себя на пятьдесят процентов, когда безопасность составит семьдесят процентов, и т. д. И, наконец, изменение потребностей направляется к вершине иерархии, каковой является самоактуализация. Маслоу поясняет: «Человек *обязан* быть тем, кем он *может* быть. Человек чувствует, что он должен соответствовать собственной природе» [1, с. 90]. Портрет самоактуализированной личности может показаться романтической идеализацией, если не учитывать, что его фоном служит клинический опыт автора и реальные психотерапевтические задачи, побуждавшие к борьбе против бихевиоризма, фрейдовского психоанализа, экзистенциальных методик и т. п. Об этом следующие слова: «Я убежден, что особое внимание, которое уделяет наука незрелости, нездоровью, патологии, крайне негативно отражается на ее развитии, порождает ущербную психологию и ущербную философию. Базисом универсальной науки о человеке должно стать изучение самоактуализированной личности» [1, с. 259]. С этим нельзя не согласиться, ибо любая генерализация невротических импульсов и темных экзистенциалов, – а у нас героизации рецидивизма, «блатняка», «паханов» и т. п., – подхваченная и популяризированная отдельными видами искусства, СМИ, рекламой, становится патогенной (заразной) для массового сознания.

Концепция Маслоу не содержит готового однозначного ответа на поставленный им же вопрос, она, скорее, расширяет понимание динамики потребностей и намечает более плодотворные пути поиска. Лейтмотивом выступает движение человека к самоактуализации, которое автор обозначил термином «дочеловечность». По-русски его точнее было бы назвать «доочеловечивание», имея в виду обратный перевод термина П. Тейяра де Шардена «гоминизация человека». Речь идет о развитии человека в соответствии с его природой. Это возможно только в «хорошем обществе», под которым понимается не формальная система контроля за человеком, а институциональное обеспечение чувства базового удовлетворения. Интересно, что Маслоу создал психологическую утопию, назвав ее «Евпсихея» (видимо, с намеком, на евгенику), о государстве, все граждане которого обладают отменным психологическим здоровьем. Есть у него и публикации, посвященные евпсихическому менеджменту [7]. На основе базового удовлетворения открывается возможность для перехода от потребностей-нужд двух первых уровней к высшим потребностям роста. Личностному росту мешают: дурные привычки, групповое давление и определенного толка социальная пропаганда. Сюда же можно добавить и некоторые формы культурного кода, который транслируется пропагандой, но ею не создается. Сам А. Маслоу, имея в виду США, отмечает: «В нашем обществе, отличающемся чрезвычайным прагматизмом, все пропитано духом функциональности, духом инструментализма. Он вездесущ. Мы функциональны, когда говорим о любви (“занятие сексом полезно для здоровья”), о спорте (“физические упражнения улучшают пищеварение”), об образовании (“учись, или в дворники пойдешь”), о пении (“...развивает легкие”), об отдыхе (“активный отдых – крепкий сон”), о погоде (“будет хороший урожай”),

о чтении (“нужно быть эрудированным человеком”), о нежности (“ты ведь не хочешь, чтобы твой ребенок вырос невротиком?”), о доброте (“делай людям добро, и воздастся тебе”), о науке (“интересы национальной безопасности”) и об искусстве (“...что бы делала реклама без искусства”)) [1, с. 373–374]. Препятствия личностному росту вызывают психологическую задержку индивида на нижних этажах или реверс высших потребностей к низшим, что тормозит естественное развитие мотивационной сферы и ценностного сознания. Самоактуализированных людей немного, но сам факт их существования позволяет с оптимизмом смотреть в будущее. «Главными мотивами самоактуализированного человека являются не потребности дефициентных уровней, а мотивы роста. Источники удовлетворения потребностей в росте и развитии находятся не во внешней среде, а внутри человека – в его потенциях и скрытых ресурсах» [1, с. 236]. Применительно к нашей теме важно подчеркнуть, что самоактуализированные индивиды не захвачены фетишизмом товаров и реификацией (овеществлением себя через обладание); не подневольны конформистской зависимости от мнений, оценок, рейтингов демонстративного поведения; у них стойкий иммунитет к коррупции, nepотизму, благу, синекуре, ко всякого рода излишним потребительским соблазнам – роскоши, гурманству, гламуру и прочим, призванным по сути компенсировать реальные, а чаще мнимые, комплексы, фобии и т. п. Одним словом, они свободны от синдрома потребительства. К сожалению, Маслоу, уделив большое внимание «синдромной концепции», не включил в нее даже примеров из области потребительского поведения. Так образовался отрыв «динамики синдрома» от авторской теории мотивации, который не оправдан ни логически, ни содержательно. При всей важности рассмотренных личностных синдромов – самоуважения, защищенности, любви и других, они не существуют вне базовых нужд, как это вытекает из иерархии фундаментальных потребностей.

Что такое синдром в психологическом смысле слова? Отталкиваясь от медицинского понимания данного термина, как совокупности симптомов, А. Маслоу пишет: «Наше предварительное определение личностного синдрома устанавливает, что он является упорядоченной, структурированной совокупностью составляющих (типа поведения, мыслей, побуждений к действию, ощущений и т. д.), которые, однако, при более тщательном исследовании обнаруживают имеющееся у них единство, которое может быть определено поразному: как похожий динамический смысл, проявление, “аромат”, функция или цель» [1, с. 416]. Более операционально, синдром есть комплекс организованных предрасположенностей, имеющий в рамках определенного логического круга одну и ту же психологическую направленность. Последнее позволяет утверждать, что «синдром представляет собой нечто большее, чем просто сумма его отдельных составных частей». Здесь уместна аналогия с мелодией, возникающей не из случайного набора нот, а при их определенном расположении (организованности), и независимо от того, на какой бумаге она записана и в какой тональности исполняется.

Э. Фромм, современник Маслоу и яркий представитель гуманистической этики, связал понятие синдрома с ориентацией характера. «Черты характера, – по его словам, – следует понимать как *синдром*, являющийся следствием особой структуры, которую я буду называть ориентацией характера» [8, с. 60]. В качестве методологического основания классификации ориентации Э. Фромм использует понятие «идеальный тип», введенное в науку его учителем М. Вебером. Выделяется два вида ориентаций: плодотворный и неплодотворный. Первый вид представлен одним типом, но с разновидностями его проявления: в любви, в мышлении, отношении к природе, другим людям, самому себе: «Плодотворность – это человеческая способность использовать свои силы и реализовывать заложенные в человеке возможности. Она включает ментальную, эмоциональную и сенсорную реакции на других людей, на самого себя и на вещи» [8, с. 86]. Автор особенно подчеркивает, что к плодотворной установке «способно каждое человеческое существо, не искалеченное ментально и эмоционально». Это есть личностный потенциал, вытекающий из самой природы человека. Исходным условием его реализации, а значит, соответствующего характерологического синдрома, является наличие репродуктивной и созидательной способностей. Нормальный человек обладает ими обоими, хотя их удельный вес и различен. Но если одна из них атрофируется, возникают нарушения в ориентации характера, восприятии, деятельности. «Когда потенциал отсутствует, – отмечает Э. Фромм, – человеческое отношение к миру извращается в желание господствовать, проявлять свою силу над другими, обращаться с ними как с вещами, соответственно, все более и более парализуется его собственная потребность быть плодотворным» [8, с. 89–90]. Так возникает второй, неплодотворный, вид ориентации. Его презентуют четыре типа характера, названные по доминирующей ориентации, – рецептивный, эксплуататорский, стяжательский и рыночный.

Рецептивный тип ориентирован не на творчество, созидание, а исключительно на то, чтобы получить желаемое – будь то товары и услуги или любовь, знание, удовольствие – со стороны, то есть от других людей. Если он и делает что-то для тех, с кем контактирует, то только ради завоевания их доверия и расположения. Такие люди оптимистичны и дружелюбны, но лишь до тех пор, пока им не грозит потеря «источника питания».

Эксплуататорский тип также нацелен на получение, но он не ждет «милости», а отнимает желаемое силой или хитростью. Его носители склонны не создавать идеи (новое знание), а воровать их; и любят они тех, кого могут отнять у других. Именно поэтому они переоценивают то, что принадлежит другим, и недооценивают свое собственное достояние, способности.

Стяжательский тип мало верит в возможность получения чего-то нового из внешнего мира, поэтому делает ставку на накопление и экономию. Отсюда скупость, педантичная аккуратность, маниакальная чистоплотность, навязчивая пунктуальность, и все это с отметкой ригидности и бесплодности. У людей данного типа специфическое чувство справедливости: «мое – это мое,

а твое – это твое». Представления, что другие всегда готовы посягнуть на их богатство, формируют в характере сильный уклон в компульсивную подозрительность.

Рыночный тип – это тип, интернализовавший рыночное понятие ценности как меновой стоимости, распространивший его на все и вся, включая и собственную личность. «Человек заботится не о своей жизни и счастье, а о том, чтобы стать ходким товаром», – отмечает Э. Фромм [8, с. 73]. Для такого типа индивидуальность – это балласт, своеобразие – странность, равенство – взаимозаменяемость, идентичность – ролевая функция, скромность – инфантильность, открытость – наивность, знание – товар, жизнь – борьба, в которой «не щадят и не ждут пощады». Рыночная ориентация не развивает человека как личность, его потенциальные задатки, поскольку ее интересуют лишь «те свойства, которые можно пустить на продажу» [8, с. 79].

Как видим, описанные типы характера малопривлекательны, но автор не случайно воспользовался веберовской методологией идеальных типов, которую он поясняет следующими словами: «В вышеизложенном описании неплодотворных ориентаций мы исходили из того, что они доминируют в характере». Понятно, что в действительности они в значительной степени купируются плодотворными ориентациями, и на эмпирическом уровне «их можно рассматривать как искажения ориентаций, которые являются сами по себе нормальной и необходимой частью жизни» [8, с. 112]. Заметим, что М. Вебер понимал идеальную типизацию не как выделение и обобщение абстрактных свойств, а как усиление тех сторон явления объекта, которые существуют реально. Исходя из этого можно сказать, что человек, живущий в рыночном обществе, должен принять его правила игры и адаптироваться к его императивам, в частности, высокой ответственности за сохранение рабочего места, субсидиарности в социальной сфере, дисциплине, достижениям и, конечно, имиджевым стратегиям завоевания репутации и карьерного роста. Казалось бы, опыт постсоветских стран в рыночной ориентации микроскопичен по сравнению с вековой историей Англии, Голландии и других капиталистических стран. Но и у нас достаточно определенно проявляется подобная логика. Например, молодежь в поисках лучших шансов участвует во всевозможных кастингах, конкурсах, презентациях, подготовке и рассылке так называемых личных резюме – всего того, что и составляет имиджевые стратегии. Формально в этом можно увидеть симптомы рыночного типа ориентации характера. На деле же такое поведение обусловлено правилами игры и составляет нормальную и необходимую часть жизни, даже с учетом того, что неопиты всегда проявляют бóльшую активность в следовании тем или иным нормам, в защите новых для них идей. Ситуация принципиально меняется лишь тогда (и для тех субъектов), когда происходит искажение ориентации, а именно – превращение таких средств, как имидж, рейтинг, престиж и прочих в стратегические цели поведения, определяющие смысл жизни. Так зарождаются

те черты характера, которые конституируют рыночный синдром. Э. Фромм приводит перечень положительных и отрицательных сторон рыночной ориентации, связанных попарно так, что каждая отрицательная сторона есть вырожденная форма положительной. Например, рационализм переходит в навязчивую аккуратность, отрицающую самое себя; молодость – в ребячливость; терпимость – в безразличие; свободомыслие – в беспринципность; любознательность – в бестактность и т. д. Но эти стороны не являются двумя отдельными классами синдромов. «Каждую из этих сторон можно представить *превалирующей* в данный момент точкой в континууме, который задан уровнем плодотворной ориентации» [8, с. 114]. С социологической точки зрения это положение допускает следующую интерпретацию. На шкале плодотворности – от 0 до 100 баллов – можно:

оценить все 15 черт характера рыночного типа и выявить доминирующие симптомы конкретного индивида;

определить различия между разными респондентами по каждому из качеств. Если, например, толерантность у А составляет 90 баллов, значит, он контингентен; у Б – 50, он индифферентен; у С – около 0, он нетерпим, склонен к ксенофобии в отношении иных верований, этносов и т. д.;

установить представленность рыночной ориентации в социальном характере по сравнению с другими типами. Под «социальным характером» Фромм понимает «сходство значимых элементов, репрезентирующих суть склада характера некоторого общественного класса или культурной общности».

Проведенный анализ показывает, что термин «синдром» используется в двух значениях: а) как совокупность внешних наблюдаемых признаков (симптомов) некоторого латентного явления или процесса; б) как самостоятельное явление, возникшее в результате преобразования некоторой исходной формы или структуры. Под синдромом потребительства можно понимать ценностную деформацию естественной склонности к потреблению, характеризующуюся тем, что потребление из средства обеспечения жизни, воспроизводства человека превращается в самоцель. Соответственно, предметы потребления наделяются высшей ценностью, и обладание ими воспринимается как субстанциализация личностных качеств – способностей, ориентационной направленности, достоинства и др. Потребительским обществом является такое, в котором подобные ориентации институциализируются в качестве нормативно-ценностной системы, в которой к маргиналам относят всех, кто не может или не хочет включаться в гонку потребления и принимать ее презентации в качестве критериев идентичности. Надо иметь в виду, что синдром потребительства – это идеально типический конструкт, образованный усилением некоторых эмпирических черт. О его распространенности на индивидуальном уровне можно судить по структуре мотивационных ориентаций. В социологических исследованиях целесообразно использовать опыт и методики А. Маслоу, в частности, тест самоактуализации, а также разработки Э. Фромма о типах характеров и особенностях их проявления.

Список использованных источников

1. *Маслоу, А. Г.* Мотивация и личность / А. Г. Маслоу. – СПб. : Евразия, 2001. – 478 с.
2. *Лебедева, Е. В.* Потребление как конструирование идентичности / Е. В. Лебедева // Социология. – 2005. – № 4. – С. 79–83.
3. 25 ключевых книг по экономике. – Челябинск : Урал ЛТД, 1999. – 560 с.
4. *Бодрийяр, Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М. : Культурная революция ; Республика, 2006. – 269 с.
5. *Маркс, К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. – М. : Политиздат, 1974. – Т. 42.
6. *Ранай, К.* Культурный код. Как мы живем, что покупаем и почему. – М. : Альпина, 2008. – 168 с.
7. *Maslow, A. H.* Eupsychian management : A Journal / A. H. Maslow. – Homewood, IL : Irwin-Dorsey, 1965. – 277 p.
8. *Фромм, Э.* Человек для себя: исследование психологических проблем этики / Э. Фромм. – Минск : Коллегиум, 1992. – 253 с.

Поступила 15.10.2018 г.

УДК 316.772.3

Н. В. ДУЛИНА,

*доктор социологических наук, профессор, Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, e-mail: nv-dulina@yandex.ru*

Е. В. КАРГАПОЛОВА,

*доктор социологических наук, профессор, Российский экономический университет
им. Г. В. Плеханова, г. Москва, e-mail: k474671@list.ru*

Ю. Г. МИРОНОВА,

*кандидат социологических наук, доцент, Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, e-mail: lysjakova@mail.ru*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЕРВИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ РЕГИОНА (ПО ИТОГАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА)

В статье на основе результатов мониторингового социологического исследования в Астраханской области Российской Федерации проведен анализ трансформации социальных сетей региона. Зафиксированы тенденции укрепления первичных социальных сетей, что подтверждается существенным ростом значимости семьи, круга друзей, соседей, коллег по работе для жителей региона. С одной стороны, это повышает адаптационный потенциал населения в условиях финансово-экономического кризиса. Но, с другой стороны, затрудняет прогнозирование векторов формирования социокультурного пространства страны.

Ключевые слова: первичные социальные сети, регион, трансформация, социологический мониторинг.

N. V. DULINA,

*Doctor of Sociology, Professor, Volgograd State University,
Volgograd, e-mail: nv-dulina@yandex.ru*

E. V. KARGAPOLOVA,

*Doctor of Sociology, Professor, Russian Economic University named after G. V. Plekhanov,
Moscow, e-mail: k474671@list.ru*

Yu. G. MIRONOVA,

*Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Astrakhan State University,
Astrakhan, e-mail: lysjakova@mail.ru*

TRANSFORMATION OF PRIMARY SOCIAL NETWORKS OF THE REGION (RESULTS OF SOCIOLOGICAL MONITORING)

Based on the results of the monitoring of the Astrakhan region of the Russian Federation the analysis of the transformation of social networks of region is presented. The tendencies of strengthening of primary social networks are fixed. It is confirmed by essential growth of importance of a family, a circle of friends, neighbors, job colleagues for citizens of the region. On the one hand, it increases the adaptive potential of the population during financial and economic crisis. However, on the other hand, it makes it difficult to predict the vectors of the formation of the socio-cultural space of the country.

Keywords: primary social networks, region, transformation, sociological monitoring.

Огромное пространство Российской Федерации для сохранения целостности требует иерархической организационной структуры. Но динамизм современных социальных процессов, сопровождающихся нарастанием сложности социальных систем с учетом дифференциации пространства страны по регионально-территориальному признаку, приводит к необходимости анализа региона как гетерархической системы, то есть сложной социальной сети, формы спонтанной самоорганизации, возникающей в результате децентрализованной активности участников [3; 6]. Актуальным представляется получить ответ на вопрос о степени востребованности сетевых ресурсов неформальных гетерархий для реализации новых экономических стратегий, модернизационного рывка и т. п.

Под социальной сетью понимается система устойчивых связей «между индивидами и организациями, которые характеризуются ориентацией на взаимовыгодное сотрудничество, отсутствием иерархичности или снижением ее значимости, формированием структуры “горизонтальных” отношений. Социальные сети... выступают базисом устойчивого развития территории» [4, с. 6]. Первичные социальные сети связаны с функциями личностного и группового самоопределения, препятствующими распаду культурно установленных форм социальности, таких как взаимопомощь, взаимопонимание, упорядоченность межличностных отношений, ролей, идентичностей и т. п. Первичная социальная сеть характеризуется прямыми контактами между людьми, интенсивной эмоциональной окрашенностью, многомерностью личностных проявлений [2, с. 6].

Рассмотрим личностные слоевые близости, образующие первичные социальные сети (круги взаимопонимания) на примере конкретного региона Российской Федерации – Астраханской области. Из результатов мониторингового социологического исследования¹ вытекает, что в 2010 г. семья находилась на первом месте среди кругов взаимопонимания, далее с большим отрывом располагались круг друзей, следующий круг взаимопонимания – профессиональный, и замыкали перечень круги соседей и людей того же вероисповедания (табл. 1).

В 2016 г. наблюдается значительное (на 9,4 %) увеличение значимости семьи, которая продолжает сохранять лидирующее место. В 2,9 раза увеличивается значимость круга друзей. При этом на вопрос: «Есть ли у Вас друг или

¹ Мониторинговое социологическое исследование проведено под руководством Е. В. Каргаполовой в Астраханской области методом интервью по месту жительства по Типовой методике Всероссийской научно-исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (руководители и разработчики инструментария на федеральном уровне – Н. И. Лапин, Л. А. Беляева, Центр изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук). Первый этап был проведен в январе 2010 г. ($N = 1000$), второй – в мае–июне 2012 г. ($N = 600$), третий – в апреле–мае 2016 г. ($N = 1000$). Выборка стратифицированная, квотно-маршрутная. Квотируемые признаки: «пол», «возраст», «тип поселения», «этническая структура». Погрешность выборки – 3 %. Обработка и анализ данных проведены с использованием SPSS 17.0. Матрица разработана специалистами Центра изучения социокультурных изменений ИФ РАН.

подруга, на чью помощь Вы можете рассчитывать в трудную минуту?», в 2016 г. 51 % астраханцев ответили «да, есть такой друг/подруга», что соотносится с долей тех, для кого значимость круга друзей является важной. 32 % респондентов выбрали вариант ответа «пожалуй, да», 10,8 % опрошенных – «пожалуй, нет», 4,8 % – «нет таких друзей», 0,5 % – «затрудняюсь ответить» и 0,9 % – «отказ от ответа».

Таблица 1. Ответы астраханцев на вопрос «Среди каких людей Вы встречаете наибольшее взаимопонимание?» (% от числа опрошенных)

Вариант ответа	2010 г.	2012 г.	2016 г.
В семье	71,9	70,6	81,0
В компании друзей	18,0	17,5	52,3
Среди соседей	4,3	7,0	13,5
На работе	5,8	7,7	16,7
Среди людей моей национальности	нет данных	нет данных	4,4
В кругу единоверцев	1,6	1,5	0,2

Значительно увеличилась значимость профессионального круга и круга соседей, причем эта тенденция проявилась уже в 2012 г. В 2016 г. 4,4 % назвали значимым круг людей своей национальности, а выбор круга единоверцев снизился до исчезающе малого значения – 0,2 %. Хотя сравнительный анализ результатов первой волны мониторинга 2010 г. в Астраханской области с результатами исследования в других регионах России по аналогичной методике демонстрировал очень высокий уровень религиозной идентичности: только 4,6 % астраханцев назвали себя неверующими и атеистами (это был самый низкий показатель среди исследуемых регионов) (табл. 2). Верующими (по сумме ответов «верующий», «скорее верующий, чем неверующий») себя считали 86,7 % опрошенных (для сравнения: в Смоленской области таковых было 67 %, в Тюменском регионе – 57,8 %). Это был один из самых высоких показателей наряду с Курской и Ульяновской областями, в которых доля верующих составляла 87,9 % и 85,6 % соответственно [9, с. 201].

В 2012 г. доля верующих снизилась на 6,3 % за счет увеличения доли отказавшихся от ответа. В 2016 г. этот показатель вырос на 3,3 %, при этом значительно увеличивается доля опрошенных, выбравших однозначный вариант «верующий». Отметим, что данная тенденция зафиксирована уже в 2012 г. Таким образом, можно сделать вывод об увеличении значимости религиозной идентичности в структуре первичных социальных сетей астраханцев. Хотя в 2016 г. наблюдается также увеличение числа неверующих и атеистов на 3,8 % по сравнению с 2010 г.

Необходимо подчеркнуть, что поликонфессиональность Астраханской области является ее исторически сложившейся характеристикой. Веротерпимость процветала на территории Астраханской области уже в эпоху Хазарского каганата и Золотой Орды. В культовой практике золотоордынской повседневности

сочетались тенгрианство, шаманизм, буддизм, ислам и христианство. На современном этапе в Астраханской области деятельность осуществляют около 30 религиозных конфессий, из которых самые крупные – христианство, представленное русской православной церковью, старообрядческими, протестантскими, римско-католической, евангелическо-лютеранской и армянской апостольской общинами, мусульманство, иудаизм и буддизм. При этом мы наблюдаем среди опрошенных рост доли православных и снижение числа мусульман (табл. 2).

Таблица 2. Отношение астраханцев к своей религиозности (% от опрошенных)

Вариант ответа	2010 г.	2012 г.	2016 г.
Ответы респондентов на вопрос «Что Вы можете сказать о своей религиозности?»			
Верующий человек	43,9	47,0	52,0
Скорее верующий, чем неверующий	42,8	33,4	31,7
Скорее неверующий, чем верующий	7,2	9,0	5,0
Неверующий	2,5	2,5	4,1
Атеист	2,1	2,1	4,3
Отказ от ответа	1,5	6,0	2,9
ИТОГО	100	100	100
Ответы респондентов на вопрос «Верования какой религии, вероисповедания Вы разделяете?»			
Православие	61,5	67,0	67,0
Ислам	28,9	22,9	19,7
Иудаизм	0,1	0	0,7
Буддизм	1,0	0,4	1,7
Протестантизм	0,1	0	0,1
Католицизм	0	0,2	0,1
Другие	0	0,2	0,3
Отказ от ответа	2,2	6,2	4,0
ИТОГО	93,8	96,9	93,6

О структурных характеристиках первичных социальных сетей населения региона свидетельствуют также ответы астраханцев на вопрос: «Как вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит от Вас самих?», на который в 2010 г. 85,3 % астраханцев ответили «полностью зависит» и «пожалуй, зависит». 64,7 % опрошенных отмечали определенную степень зависимости от близких родственников и семьи, 48,4 % – от начальника по работе, 47,1 % – от общероссийской власти, 46,1 % – от городских и районных властей, 38,6 % – от областной власти, 35 % – от друзей и земляков (табл. 3).

Как видно из анализа результатов мониторинга, в 2016 г. 91,5 % респондентов отметили значимость улучшения жизни от собственных действий, что на 6,2 % более, чем в 2010 г. Причем значительно (на 13,8 %) увеличилась доля

ответивших однозначно «полностью зависит», а доля выбравших вариант «пожалуй, зависит» снизилась на 7,6 %. Также выросло осознание зависимости от близких родственников (на 9,2 %), составившее 73,9 %, что подтверждает полученные результаты опроса о росте значимости семьи в структуре первичных социальных сетей. На 6,2 % увеличилось число респондентов, связавших улучшение жизни с друзьями и земляками, и составило 41,2 %, что также в определенной степени коррелирует с увеличением значимости круга друзей в структуре кругов взаимопонимания. Выросло также осознание зависимости улучшения жизни от республиканских, областных властей (на 6 % и составило 44,6 %) и от общероссийской власти (на 8,2 % и составило 55,3 %), что отражает процессы укрепления вертикали власти в современной России. При этом количество выборов вариантов ответа «от начальника по работе», «от районных, городских властей» остается неизменным (50,5 % и 47,1 % соответственно). Это свидетельствует о нарушении принципов существования региона как сложной, гетерархической системы на важнейшем уровне институционального регулирования – уровне муниципальных образований.

Таблица 3. Ответы астраханцев на вопрос «Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит...» (% от числа опрошенных)

Вариант ответа	Полностью зависит			Пожалуй, зависит			Не знаю, трудно сказать			Пожалуй, не зависит			Совсем не зависит		
	63,2	74,1	77,0	22,1	14,3	14,5	7,5	3,0	2,5	4,6	2,1	2,9	2,6	4,8	2,0
От Вас самих	63,2	74,1	77,0	22,1	14,3	14,5	7,5	3,0	2,5	4,6	2,1	2,9	2,6	4,8	2,0
От Ваших близких родственников	19,0	21,5	25,6	45,7	45,0	48,3	16,2	9,4	11,1	11,2	8,7	7,5	7,9	12,0	6,1
От друзей, земляков	6,7	8,2	9,3	28,3	32,6	32,8	30,7	22,3	27,4	20,0	17,0	19,3	14,3	15,9	9,9
От начальника по работе	13,8	11,3	16,2	34,6	33,9	34,3	17,8	18,7	22,0	13,4	17,3	13,6	20,4	14,8	12,1
От районных, городских властей	15,6	17,6	15,0	30,5	29,2	32,1	25,3	26,3	25,1	15,3	10,7	16,2	13,3	12,5	10,0
От республиканских, областных властей	15,8	19,6	15,2	22,8	23,9	29,4	27,2	26,1	25,2	16,5	12,6	17,0	17,7	13,5	11,8
От общероссийской власти	21,7	22,4	21,8	25,4	29,5	33,5	22,1	19,8	19,3	13,8	11,6	14,1	20,0	12,8	9,4

Результаты опроса отражают процессы укрепления значимости первичных социальных сетей, что выражается в существенном росте значимости для жителей региона семьи, круга друзей, соседей, коллег по работе. Это повышает адаптационный потенциал населения в условиях финансово-экономического кризиса. При этом достаточно трудно однозначно интерпретировать увеличение значимости опоры на собственные силы индивида для улучшения жизни. Так, по мнению Г. Ф. Ромашкиной и В. А. Давыденко, можно говорить о формировании у определенной части населения граждански самостоятельного

типа личности и ослаблении патерналистского начала [11]. Но другой возможной интерпретацией может быть вынужденная опора на собственные силы в условиях роста социального одиночества [5], экспансии рынка в личностные структуры [10], отсутствия диалоговых форм взаимодействия, соответствия между вновь созданными социальными структурами и символическим универсумом. Мы уже также неоднократно отмечали, что рост значимости семьи как ценности не подкрепляется конкретными семейно-брачными практиками, сохраняется высокий уровень разводимости [3; 8].

Подводя итоги, следует отметить, что сложившаяся структура жизненного мира населения области с точки зрения реализации насущных потребностей его жителей повышает их шансы на выживание и может являться причиной достаточно высокого уровня социального самочувствия, демонстрируемого астраханцами на протяжении всего периода мониторинга. Но с точки зрения складывания единого социокультурного пространства страны подвижность региональных социальных структур на современном этапе, сопровождающаяся сохранением элементов существовавших ранее укладов и становлением новых типов и форм взаимосвязей и взаимодействий, позволяет интерпретировать современную ситуацию как «открытый сценарий». Об этом ярко свидетельствует наличие существенных различий между отдельными муниципальными образованиями в структуре первичных социальных сетей [1–3; 7]. Кроме того, средняя оценка по региону на вопрос: «Вы считаете, что большинству людей можно доверять, или, наоборот, лишняя осторожность не помешает?» в 2016 г. составила 4,51 балла по 10-балльной шкале.

Список использованных источников

1. *Арясова, А. Ю.* Первичные межличностные отношения астраханцев / А. Ю. Арясова // Потенциал интеллектуально одаренной молодежи – развитию науки и образования : материалы V Междунар. науч. форума молодых ученых, студентов и школьников, 26–29 апр. 2016 г. / под общ. ред. Д. П. Ануфриева. – Астрахань : ГАОУ АО ВО «АГАСУ», 2016. – С. 543–547.
2. *Арясова, А. Ю.* Этноконфессиональная принадлежность в структуре первичных социальных сетей региона (на примере Астраханской области) / А. Ю. Арясова, Е. В. Каргаполова // Социология города. – 2017. – № 4. – С. 6–12.
3. Астраханская область в процессах модернизации на социокультурной карте России (опыт системного анализа) / Д. П. Ануфриев [и др.] ; под общ. ред. Е. В. Каргаполовой. – Астрахань : АГАСУ, 2017. – 378 с.
4. *Бражник, Г. В.* Роль и значение социального капитала в развитии муниципального образования [Электронный ресурс] / Г. В. Бражник // Современные проблемы науки и образования. Электронный научный журнал. – 2013. – № 2. – Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8965/>. – Дата доступа: 23.09.2018.
5. *Гаврилюк, В. В.* Специфика проблемы одиночества в современном российском обществе / В. В. Гаврилюк // Вестн. РУДН. Сер. Социология. – 2007. – С. 5–10.
6. *Дулина, Н. В.* Социально-экономическое развитие региона как гетерархической системы / Н. В. Дулина // Социально-гуманитар. вестн. Прикаспия. – 2017. – № 1–2 (6–7). – С. 27–32.
7. *Каргаполова, Е. В.* Первичные социальные сети (на примере Астраханской области) / Е. В. Каргаполова, А. Ю. Арясова, А. Д. Онофриук // Социально-гуманитар. вестн. Прикаспия. – 2016. – № 1 (4). – С. 46–50.

8. *Каргаполова, Е. В.* Семья как ценность современного общества (по итогам социологических исследований в Астраханской области Российской Федерации и Республике Беларусь) / Е. В. Каргаполова, И. В. Лашук // Социол. альм. – 2017. – № 8. – С. 305–314.

9. *Каргаполова, Е. В.* Тридцатый регион: потенциал социального развития / Е. В. Каргаполова ; под общ. науч. ред. проф. Н. В. Дулиной. – Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2011. – 375 с.

10. *Лушников, Д. А.* Вызовы и угрозы правам и свободам человека в ситуации мирового социально-экономического кризиса / Д. А. Лушников, Т. И. Барсукова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8, № 3-2. – С. 121–126.

11. *Ромашкина, Г. Ф.* Жизненные миры и региональная идентичность как сопряженные научные проблемы / Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2016. – Т. 7, № 4. – С. 86–96.

Поступила 28.09.2018 г.

УДК 303.1;316.1;316.43(476)

Р. А. СМІРНОВА,

*доктор философских наук, Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, e-mail: smirnovasoc@yandex.ru*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА НА РАЗВИТИЕ СТРАНЫ

В статье осуществлен критический анализ методологии проведения социологических мониторингов как в мировом сообществе, так и в Беларуси. Показаны достоинства и ограничения специализированных тематических мониторингов, обоснована необходимость периодического проведения комплексных социально-экономических исследований, позволяющих дать целостную экономическую, экологическую, социальную и культурную картину развивающегося общества и на ее основе осуществлять исчерпывающую оценку регулирующего воздействия государства на все сферы общества и экономики в частности.

Ключевые слова: социологический мониторинг, социологические и экономические показатели, критерии уровня развития страны, оценка регулирующего воздействия, межкультурные мониторинги, природно-ресурсный и экономический потенциал, экономические инновации.

R. A. SMIRNOVA,

*Doctor of Philosophy, Associate Professor, Chief researcher,
Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, e-mail: smirnovasoc@yandex.ru*

SOCIO-ECONOMIC MONITORING AS A TOOL FOR THE ASSESSMENT OF THE REGULATING INFLUENCE OF THE STATE ON THE DEVELOPMENT OF THE COUNTRY

The article provides a critical analysis of the methodology of sociological monitoring both in the world community and in Belarus. The advantages and limitations of specialized thematic monitoring are shown. The necessity of periodic complex socio-economic research, which allow to give a whole economic, ecological, social and cultural vision of the developing society was justified. It allows providing for an exhaustive assessment of the regulatory impact of the state on all spheres of society in general and the economy in particular.

Keywords: sociological monitoring, sociological and economic indicators, criteria for the level of a country's development, regulatory impact assessment, cross-cultural monitoring, natural-resource and economic potential, economic innovations.

Одним из важных факторов социально-экономического развития стран переходного периода, в число которых входит и Беларусь, являются обществоведческие науки, и в частности, – социология, культурология, экономическая наука и даже общественная психология. Являясь более мобильными, нежели

материальная жизнь общества, хозяйственная сфера и производство, общественные науки быстрее схватывают (перенимают) парадигмы и принципы видения социальной и экономической реальности, научные достижения в этой сфере более развитых стран. Однако экстраполяция многих из них на отечественную почву иногда вступает в противоречие с ее социально-экономическими реалиями. Это касается, в первую очередь, таких критериев экономического роста и зрелости социума, которые задаются развитыми странами странам переходного периода: уровень ВВП, степень деловой активности, индекс человеческого развития, место и роль предпринимательства в экономике и др. В связи с этим становится чрезвычайно трудно научно обоснованно определить реальный уровень социально-экономического развития страны (особенно в сравнении с развитыми странами), а также степень регулирующего воздействия государства на этот процесс. В этом плане чрезвычайно востребованным является социально-экономический мониторинг как инструмент оценки регулирующего воздействия государства на экономическое развитие страны, который на основе диалога общества, бизнеса и власти в отношении социально значимых вопросов экономики, экологии, культуры и общества способен повлиять на выбор политиков и сделать так, чтобы они, пользуясь научно обоснованными методами анализа возможных последствий различных вариантов регулирования, отдали предпочтение наиболее действенному и эффективному из них. Суть оценки регулирующего воздействия (ОРВ) заключается в том, что она является одним из наиболее важных инструментов повышения качества регулирования, имеющихся в распоряжении органов государственного управления.

Наглядно это можно продемонстрировать на примере того уровня эпистемологического и идеологического влияния результатов регулярно осуществляющихся мониторинговых исследований социального, культурного и экономического состояния различных стран, которые на Западе практикуются не первое десятилетие. Основная их цель – получение информации об экономическом, человеческом и природно-ресурсном потенциале государств как внутри, так и на международной арене. Необходимые для данных государств информационно-аналитические и прогностические возможности мониторинговых исследований определяются тем, что они помогают отслеживать социокультурные и экономические процессы непрерывно (с определенным интервалом времени) и на основе полученных данных принимать соответствующие решения по актуальным процессам региональной и мировой политики и экономики. В последние десятилетия на Западе все более широкое распространение приобретают мониторинговые кросс-национальные исследования, специфика которых определяется тем, что они позволяют осуществлять межгосударственные сравнения по различным показателям. По социально-пространственному критерию они разделяются на межрегиональные, кросс-национальные и кросс-культурные исследования. Это масштабные кросс-национальные проекты (World Values Survey, European Social Survey, European Value Survey, International Social Survey Programme). В частности, известный мони-

торинг «Евробарометр» занимается сбором данных, анализом, оценкой и распространением информации об исследуемом объекте в разных странах. Его результаты являются основой для разработки решений, прогнозов социально-экономического развития и эффективности деятельности органов власти, а также оценки состояния социального, экономического, культурного и политического положения других стран. Кросс-культурные мониторинги, например, проводимые по методике Г. Хофстеде и Р. Инглхарта, направлены на определение культурных особенностей разных стран и народов [1; 2].

Одним из недостатков данных мониторинговых исследований является то, что в них зачастую сравниваются страны по индикаторам, заданным развитыми странами, но различающиеся исторически, культурно и технологически. При этом не учитывается, что данные различия определяются не столько национальными особенностями, сколько местом в современном мировом разделении труда, что соответственно сказывается на возможностях и перспективах их социально-экономического роста. Социологи, особенно работающие в странах постсоветского пространства, первыми заметили, что именно данный социально-экономический статус в глобальном мировом пространстве определяет культурную уникальность восприятия и осознания социального мира. По мнению ученых, этим объясняется факт, что релевантность данных сравнительных исследований всегда остается под вопросом [3]. Более того, на результатах мониторинговых исследований сказывается беспристрастная, казалось бы, статистика: в разных культурах она имеет разную степень соответствия действительности.

Это же относится и к используемым агрегированным показателям экономического развития, которые задаются развитыми странами в отношении иных, развивающихся или пока еще «неразвитых» стран. Их использование для измерения уровня социально-экономического роста, например, развивающихся стран, как правило, ставит последних в положение вечно догоняющих, а по существу – всегда отстающих. Более того, с помощью этих показателей в принципе невозможно дать объективную оценку экономического развития большинства стран мира (например, сравнение Люксембурга, имеющего самый высокий в мире ВВП, и той же Беларуси с несравнимо низким уровнем ВВП, показывает, что в отличие от Люксембурга Беларусь способна не только производить товары с высокой добавленной стоимостью, иметь высокоэффективное производство необходимых товаров и услуг, но и сохранять свой военный потенциал, обеспечивать продовольственную безопасность, проводить социально ориентированную политику, сохранять суверенитет и т. п.).

Для того чтобы избежать культурно, социально и экономически обусловленных смещений результатов межстрановых мониторингов, необходимо, прежде всего, в методологическом плане отказаться от онтологизации видимой картинки социальной реальности, составленной из статистических данных и результатов опросов общественного мнения населения западных стран, подвергнув ее социологической рефлексии. Данная социологическая работа показывает, что теория, описывающая условия одного типа культуры и со-

циально-экономического устройства, но погруженная в иной смысловой дискурс, не может быть использована напрямую в интерпретации данных, полученных в обществе с другими культурой и экономикой. Более того, не всегда избранные измерительные процедуры, используемый понятийный аппарат и культурная принадлежность авторов исследования позволяют осуществить соотносимый сравнительный анализ разных стран.

Если к тому же учесть неравномерность хозяйственного освоения природно-ресурсного потенциала территорий в пределах каждой страны, а также и в мировом пространстве, размещение населения, особенности экологического состояния территорий и загрязнение отдельных административных образований, усложняющих проведение комплексной оценки уровня социально-экономического развития стран, то выработка единых агрегированных показателей окажется трудноосуществимой. Тем более, что в связи с перманентным кризисом финансово-экономической мировой системы, а также все усиливающейся техногенной нагрузкой на окружающую среду все более остро проявляется тенденция, связанная с рядом негативных последствий: сужением процесса воспроизводства средств производства и жизненных благ (экономический спад); нарушением процесса воспроизводства естественных природных ресурсов (как органических, так и неорганических) и условий жизнедеятельности людей (определенная деградация экосистемы); сужением процесса воспроизводства населения (депопуляция). Поэтому возможность соотносимости данных агрегированных показателей у разных стран является одним из проблемных методологических аспектов межстрановых мониторинговых исследований.

Но не менее проблемными являются внутристрановые мониторинги, так как они, как правило, не учитывают необходимости комплексного анализа как отдельных процессов, так и регионов, и страны в целом. Стало совершенно очевидно, что все изменения, затронувшие в ходе жизнедеятельности человека культурную, экономическую, социальную и природную окружающую среду за последние столетия, требуют кардинальных изменений в комплексной оценке уровня развития той или иной страны. Поэтому все большее внимание большинства ученых привлекают, наряду с культурной, экономическая, экологическая и социальная оценка стран и регионов в комплексе. В целях профилактики критических ситуаций, связанных со спадом экономики, экологическими рисками и неудовлетворенностью различных групп населения их социально-экономическим положением, остро встают конкретные управленческие задачи, направленные на стабилизацию процессов социально-экономического развития. Однако информация, получаемая в результате отдельных мониторинговых исследований, пока не позволяет обеспечить проведение комплексной научно обоснованной эколого-социально-экономической политики, в частности, прогнозирование, планирование, организацию и контроль за реализацией принятых решений. Все это ставит перед учеными задачу разработки методики и методологии таких мониторинговых исследований, которые с помощью единых агрегированных показателей могли быть использова-

ны для получения объективной научно обоснованной информации о социально-экономическом состоянии той или иной страны, с одной стороны, и оценки государственной политики, с другой.

На постсоветском пространстве накоплен достаточно солидный опыт проведения мониторинговых исследований. Первый общенациональный мониторинг на постсоветском пространстве был осуществлен Всероссийским центром исследований общественного мнения как ежемесячный опрос по единой выборке и системе социальных показателей («Мониторинг социальных и экономических перемен»). Дальнейшее распространение мониторинговых исследований по всему постсоветскому пространству привело к отработке научно-методического и методологического инструментария исследований и расширению спектра их предметного анализа. Международное исследовательское агентство «Евразийский монитор» осуществляет регулярные исследования на территории Северной Евразии с 2004 г. и ориентировано на многомерное измерение потенциала межстранового взаимодействия («Социальное самочувствие населения стран бывшего СССР»; «Восприятие экономического кризиса»; «Показатели и индексы межгосударственного гуманитарного сотрудничества»; «Интеграционный барометр ЕАБР»; «Взаимные интересы граждан стран СНГ как основания интеграции: что нас сближает, чем мы интересны друг другу»; «Политическая культура стран постсоветского пространства»; «Энергетическая проблематика постсоветского пространства в зеркале общественного мнения»; «Экспертные опросы по теме политической культуры»; «Политическая культура стран постсоветского пространства»; «Интеграционные настроения») [4].

В Беларуси также сложилась довольно устойчивая традиция системы проведения мониторинговых исследований различных сфер общества, осуществляемая с определенной периодичностью научными и научно-практическими организациями. В частности, в стране регулярно проводятся социологические мониторинги социального самочувствия населения страны (Институт социологии НАН Беларуси, Институт социально-политических исследований при Администрации Президента Республики Беларусь, Центр социологических и социально-политических исследований БГУ и др.), статистические мониторинги различных сфер жизни (Белстат), мониторинги экономического развития (Институт экономики НАН Беларуси), мониторинги политического сознания и поведения (Институт социально-политических исследований при Администрации Президента Республики Беларусь, Институт социологии НАН Беларуси), мониторинг продовольственной безопасности страны («Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси»), мониторинговые исследования по восприятию и оценке постчернобыльской ситуации в стране (Институт социологии НАН Беларуси) и др.

Каждое из этих мониторинговых исследований имеет свой специфический предмет исследования, теорию и методологию, определяющие логику исследования и интерпретацию данных. Так, если социологический мониторинг позволяет фиксировать представления и действия групп людей в определен-

ных социальных ситуациях, то экономический мониторинг как система экономической информации о развитии страны на всех стадиях расширенного воспроизводства позволяет оценить степень реализации стратегии государства и принять на основе этой оценки эффективные управленческие решения. Социальный мониторинг, так же как и экономический, в результате анализа и систематизации информации приводит к выработке мотивированных управленческих актов в области формирования социальной политики региона, позволяет осуществлять прогноз, оценку результатов и корректировку на всех уровнях управления. Эту же функцию информационного обеспечения процесса подготовки и принятия управленческих решений выполняет «экологический мониторинг» как система наблюдения, контроля, оценки и прогноза состояния окружающей природной среды. Все эти мониторинги направлены на изучение состояния и динамики развития конкретных областей социальной действительности.

Однако до сих пор объединение данных конкретных мониторингов в единую картину социально-экономической реальности вызывало проблемы именно в связи с отсутствием комплексной системы показателей. Сущность проблемы заключается в том, что широко используемые показатели, такие как валовой национальный продукт (ВНП) и величины индивидуальных ресурсов или потоков загрязняющих веществ, не обеспечивают достаточной информации о характере и темпах развития. Для этого необходимо, на наш взгляд, выполнить два условия. Во-первых, использовать экологическую, культурную, демографическую, социальную и отражающую развитие экономическую информацию системно, рассматривая социально-экономическую систему как единое целое, все элементы которого взаимообусловлены и взаимозависимы. Во-вторых, разрабатывая критерии уровня развития той или иной страны, необходимо не столько брать за образец социально-экономическое состояние наиболее экономически развитых стран, сколько учитывать их потенциал для дальнейшего развития, то есть характер тех общественных и производственных отношений, которые задают вектор исторического развития любого общества. В этом смысле можно вспомнить социально-экономическое состояние бедной молодой советской республики, которая, в отличие от теряющего потенциальную мощь богатого классического капитализма, имела более высокий инновационный потенциал именно в силу более прогрессивных общественных отношений и новой системы производства и распределения, более сложной системы разделения труда, что и обусловило социально-экономический рост страны в тот период. Правда, когда эти общественные отношения и система хозяйствования исчерпали себя, и, более того, не сформировались материальные условия и социальные силы, способные вывести страну на новый уровень, начался упадок всех сфер общества, и страна стала деградировать в сторону упрощения и отката в прошлое, в результате чего сфера экономики вернулась к худшему варианту традиционного капитализма, политическая система и управления – к феодализму, человеческие отношения и культура – к социальному неравенству, индивидуализму и невежеству.

Учет этих обстоятельств даст возможность разработать методологический подход, который позволит определить показатели, свидетельствующие о том, на каком уровне общественного, экономического и исторического развития находится та или иная страна, какие государственные усилия имели успех и способствовали развитию страны, что стало тормозом этому развитию. По существу, такого рода социально-экономический мониторинг с помощью данных показателей может стать неотъемлемым инструментом института оценки государственной социально-экономической политики.

Естественно, невозможно учесть влияние абсолютно всех факторов на уровень и динамику общих агрегированных показателей социально-экономического развития, тем не менее чрезвычайно важно учитывать те из них, которые поддаются количественному исчислению и качественному анализу. Существующие в Беларуси экономический, социокультурный и экологический мониторинги, как и другие, чаще всего разобщены и действуют на индивидуальной методологической основе. Более того, концентрация внимания авторов мониторинговых исследований на сугубо специализированных проблемах сужает горизонты целостного видения общества как развивающегося организма в единстве человеческих, социальных, культурных, экономических и природно-экологических факторов, не позволяет увидеть систему «человек (трудовые ресурсы) – производство как процесс создания, обмена и распределения национального богатства (экономика) – среда (естественная или искусственная (виртуальная, культурная, интеллектуальная))» в качестве основы развития страны. Данный подход зачастую не позволяет отличить сущность от явления, определить объективные основания экономических и социальных изменений, приводит к смешению причин и следствий, абсолютизации субъективного фактора в социальных трансформациях, что ограничивает возможности научного объяснения действительности, построения научных прогнозов не только отдаленного, но и ближайшего будущего.

С учетом указанных недостатков, присущих мониторинговым исследованиям, проводимым в стране, можно утверждать, что пока система их разработки не дает достаточно полного и реального объема имеющейся информации для обобщения ее в информационные потоки, необходимые для формирования и функционирования эффективной общенациональной и региональной экономики. Однако нынешнее состояние эколого-социо-экономического развития как страны в целом, так и ее регионов как системы взаимосвязанных факторов имеет прямое воздействие на смежные сферы жизнедеятельности общества. Экологические проблемы затрагивают социальную стабильность, здоровье нации, а как следствие – демографию, трудовую деятельность и миграцию населения. Экономические проблемы влияют на внутреннюю политику, уровень жизни населения, социальное неравенство, трудовую деятельность, и как результат этого – миграцию населения. Поэтому страну в целом или отдельный ее регион необходимо рассматривать с точки зрения непрерывного взаимодействия трех структурных компонентов: экологического,

то есть природной окружающей среды, экономического, то есть промышленно-хозяйственной деятельности региона, и социокультурного, то есть человека и общества в целом. Это свидетельствует о необходимости создания комплексной системы теории и методологии социально-экономического мониторинга развития страны, которая сможет обеспечивать органы управления, субъекты хозяйствования и все население достаточной полнотой информации о жизнедеятельности людей, процессах функционирования социальной, экономической, экологической, рекреационной и политической сфер в их целостности и взаимообусловленности, чтобы принимать взвешенные научно обоснованные решения.

Проблема заключается в том, что при декларации единства и неразрывности связи социальных, культурных, экологических и экономических наук и соответствующих сфер политических действий реально эти науки и политика существуют как бы в параллельных мирах и почти не стыкуются. При этом данные социологии в экономических исследованиях и принятии политических решений используются, как правило, в качестве примеров или иллюстраций, а социально-культурная и экологическая политика – как обременительный довесок к экономической политике, отягощающий ее и мешающий успешно развиваться. Вопрос о том, как сделать экономику социальной (человекомерной) и экологически безвредной по сути, а не по форме, а социальную, культурную и экологическую политику экономически обоснованной, а не благотворительной – вот первостепенная задача, одним из этапов решения которой могут стать мониторинговые исследования социально-экономического, культурного и экологического развития страны. Конечно, такой мониторинг предполагает систематическое отслеживание социологических данных. Кроме того, при проведении социально-экономического мониторинга используются не только социологические методы сбора информации, но и статистические, экономические, экологические и др. Вместе с тем именно мониторинг социально-экономического развития страны является наиболее оптимальным методом организации сбора и анализа информации, поскольку целостная и достаточно глубокая интерпретация тех или иных экономических, социальных и экологических процессов может быть достигнута на сравнительных, регулярно фиксируемых данных, полученных с помощью агрегированных показателей и в достаточно значимом интервале времени.

Нужно сказать, что такого рода социально-экономический мониторинг требует решения ряда методических, научных и информационных задач. В частности, разработки программы научного исследования и экспериментальной проверки основных гипотез; определения системы специфических методов построения и реализации выборки; разработки методов и инструментов опроса, определения методов обработки и анализа данных. Но главное – это создание системы базовых индикаторов, по которым предполагается осуществлять сбор информации. В частности, в нее входят показатели как системного характера (институциональная среда, правовая культура и государственное управление; трудовые ресурсы и занятость; предпринимательство; населе-

ние и социальная стратификация; социальная инфраструктура; материальное благосостояние и уровень жизни; трудовая мотивация; экономическое поведение населения; система ценностей, социальное самочувствие и состояние культурного уровня населения; экологическая культура и социальные риски, связанные с экологическими проблемами страны и регионов), так и динамического, позволяющего определить потенциал развития данных сфер и общества в целом.

Именно использование получаемых с помощью этих показателей данных для отслеживания и анализа состояния общества и социальной динамики позволит выявить тенденции развития социально-экономической, культурной и экологической обстановки в условиях перманентного изменения и воздействия комплекса факторов, связанных с переходом экономики страны на рыночные условия хозяйствования; определить негативные последствия социально-экономического реформирования хозяйственной деятельности, рационализации природопользования и получить достоверную информацию для минимизации нежелательных экологических, социальных и экономических последствий. Все эти наработки позволят органам власти и управления оценить общую социальную направленность экономического реформирования и социально-экономических инноваций, а также выступить в качестве эмпирической проверки гипотез о направлениях и результатах и перспективах социально-экономического процесса в стране. В этом смысле мониторинг социально-экономического развития страны может стать качественно новым в Беларуси способом получения целостной информации о протекании экономических, культурных, экологических и социальных процессов в их единстве и взаимосвязанности, способной выявить происходящие в обществе трансформации с тем, чтобы, с одной стороны, не пропустить ростки прогрессивного нового, с другой, – вовремя предотвратить возможные нежелательные последствия социальных трансформаций, то есть стать инструментом оценки государственного воздействия на совершенствование социально-экономических процессов.

Список использованных источников

1. *Хофстеде, Г.* Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур [Электронный ресурс] / Г. Хофстеде. – Режим доступа: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=2ahUKEwjY7ruktJ3jAhUNxIsKHfezAg0QFjABegQIABAC&url=http%3A%2F%2F1se2010.narod.ru%2Ffolderfiles%2F2FLSE2014pdf%2F2FLSE2014Hofstede.pdf&usq=AOvVaw3XrxLYuD2NK-uIv-KQGT8P>. – Дата доступа: 12.09.2018.
2. *Инглхарт, Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир [Электронный ресурс] / Р. Инглхарт. – Режим доступа: https://sotsium.ru/uploads/files/demo-mysl/inglehart_p1-40.pdf. – Дата доступа: 05.10.2018.
3. *Головаха, Е. И.* Трансформирующееся общество. Опыт социологического мониторинга в Украине / Е. И. Головаха. – Киев : Ин-т социологии НАН Украины, 1996. – 143 с.
4. Евразийский Монитор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: eurasiamonitor.org/issliedovaniia#ul-id-27-224. – Дата доступа: 05.10.2018.

Поступила 08.10.2018 г.

А. Г. ЗЛОТНИКОВ,

кандидат экономических наук, доцент,

*Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации,
г. Гомель, e-mail: zlot@tut.by*

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ СЕМЬЯ: СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И РЕПРОДУКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ

В статье представлен анализ взаимосвязи экономических и неэкономических явлений и процессов в демографическом развитии Беларуси. Показано влияние социально-бытовых отношений на современные репродуктивные процессы страны. Выявлены противоречия между реализацией демографической социальной политики и групповыми ведомственными интересами. Дана характеристика факторов роста депопуляционных явлений. Излагаются результаты социолого-демографического мониторинга. На их основе обосновываются возможные подходы активизации репродуктивной политики в демографической сфере Беларуси и нейтрализации последствий предыдущего демографического спада.

Ключевые слова: демографическое развитие, репродуктивная политика, депопуляционные процессы, социолого-демографический мониторинг, социально-бытовые отношения.

A. G. ZLOTNIKOV,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

*Belarusian Trade and Economy University of Consumer Cooperatives,
Gomel, e-mail: zlot@tut.by*

MODERN BELARUSIAN FAMILY: SOCIAL-PERSONAL RELATIONS AND REPRODUCTIVE PROCESSES

The article presents an analysis of the relationship between economic and non-economic phenomena and processes in the demographic development of Belarus. The influence of social and domestic relations on the modern reproductive processes of the country is shown. The contradictions between the realization of demographic social policy and group departmental interests are revealed. Characteristics of growth factors of depopulation phenomena are given. The results of sociological and demographic monitoring are presented. On their basis, possible approaches to the activation of reproductive policy in the demographic sphere of Belarus and neutralization of the consequences of the previous demographic decline are substantiated.

Keywords: demographic development, reproductive policy, depopulation processes, sociological and demographic monitoring, social and domestic relations.

Систему взаимосвязи социальной и экономической сфер отражает ведущий закон экономической социологии – закон единства и диалектической связи экономических и неэкономических явлений и процессов. Так, основной социальной проблемой современного белорусского общества является проблема демографического развития, которая находится в системе сложнейших

и теснейших взаимосвязей с социально-экономическими, политическими, культурными, экологическими явлениями, тем самым характеризуя и отражая их органическое единство. И эта взаимосвязь демографического развития с экономикой, экологией, потреблением, перспективами будущего ставится в центр социологического анализа современного и перспективного развития белорусского общества.

О таком позитивном теоретико-методологическом подходе свидетельствуют труды выдающихся мыслителей прошлого и современности. Начиная от Платона и Аристотеля, эта взаимосвязь проходит красной нитью через концепции А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса, Г. Спенсера, М. Вебера, Й. Шумпетера, П. Сорокина и современной плеяды лауреатов Нобелевской премии по экономике (Г. Беккера, С. Кузнеця, В. В. Леонтьева, А. Сена, Т. Шульца и др.). К примеру, роль влияния указанных (бытового характера и системы здравоохранения) взаимосвязей на демографические процессы в целом и перспективном состоянии качества будущего демографического потенциала в своей фундаментальной монографии «Идея справедливости» отметил лауреат Нобелевской премии по экономике 1998 г. Амартия Сен. «Недостаточное вскармливание материнским молоком или недоедание в детстве повышают восприимчивость детей к заболеваниям, увеличивая риски для здоровья», – писал он [10, с. 337].

Односторонний подход к анализу экономических и неэкономических явлений и процессов, когда в практической деятельности на первый план выходит только экономическая эффективность с игнорированием развития социальной сферы, а также роли неэкономических ресурсов развития белорусского общества ведет в итоге к существенным потерям экономических ресурсов общества. К примеру, эти потери состоят: в затратах здравоохранения на лечение больных детей; затратах системы социального обеспечения на выплаты из фонда социальной защиты населения больничных листов матерям; потерях производительности труда. В перспективе это ведет к еще большим потерям, что выражается в худших физических способностях болеющих в детстве детей и отражается на качестве их репродуктивной функции.

В интернет-ресурсах в комментариях к материалам, призывающим население повышать рождаемость, преобладает негативная оценка респондентами роста дороговизны воспитания детей. Соответствует ли такой критический подход (то есть субъективный фактор, а он являет важную сторону этой взаимосвязи – взаимосвязи субъективных и объективных явлений) объективному состоянию развития социально-бытовых отношений, в рамках которых прежде всего и реализуются демовоспроизводственные процессы?

В этом плане изменения в структуре потребления продуктов питания, особенно в потреблении продуктов детского питания, связанные с уменьшением покупательской способности населения, свидетельствуют о роли развития бытовой сферы семьи как отправного фактора влияния социальной сферы и неэкономических ресурсов белорусского общества на его развитие. Объективные статистические данные с учетом субъективных оценок, полученных в ходе

социолого-демографического мониторинга, выявляют доминирование негативных тенденций в развитии бытовой сферы.

На наш взгляд, в социологическом плане самая существенная проблема – это проблема взаимосвязи субъективного и объективного – проявляется в негативной оценке населением своего материального благополучия, связанного с заработной платой. Проиллюстрируем это противоречие сообщением Национального статистического комитета Республики Беларусь по итогам июля 2018 г.: «Средняя зарплата в Беларуси в июле составила 973,8 рубля... В пересчете по средневзвешенному курсу доллара средняя зарплата составила 491 доллар» [13]. Однако среднестатистический белорус, сопоставляя размер своего заработка, оценивает его как находящийся далеко от заявленных 500 долларов.

Здесь проблема взаимосвязи субъективного и объективного находится в нескольких ипостасях. Следует отметить, что в Беларуси при расчетах уровня оплаты труда используется несколько показателей, основанных на различных методических подходах. Это: а) **номинальная начисленная** среднемесячная зарплата; б) **начисленная** среднемесячная заработная плата работающих и в) **реальная** среднемесячная заработная плата. Средняя зарплата по указанной информации Национального статистического комитета в Беларуси, составившая в июле 973,8 рубля, – это номинальная начисленная среднемесячная зарплата. Номинальная начисленная среднемесячная зарплата включает подоходный налог и обязательный страховой взнос работника. Начисленная среднемесячная заработная плата работающих, отражающаяся в их расчетных листках и которая учитывается в документах при оформлении пенсий, на 34 % (это величина отчислений работодателей в фонд социальной защиты населения) меньше номинальной начисленной среднемесячной зарплаты. Соответственно начисленная среднемесячная заработная плата работающих в этом случае будет на 34 % менее – 642,7 рубля. Величина реальной среднемесячной заработной платы на 14 % меньше (минус 13 % подоходного и 1 % индивидуального пенсионного налога) начисленной среднемесячной заработной платы работающих, что в итоге составляет 552,7 рубля. Таким образом, величина реальной среднемесячной заработной платы оказывается на 43,25 % меньше номинальной начисленной среднемесячной заработной платы. Но большинство белорусов, не разбирающихся в тонкостях методологии расчетов, оценивают свой уровень заработной платы (при том, что чиновники при оценке оперируют показателями номинальной начисленной среднемесячной заработной платы) как низкий.

В социологическом плане (социология денег), сравнивая свою реально начисленную и реально получаемую зарплату с афишируемым номинально начисленным размером оплаты труда, население через этот разрыв неадекватно воспринимает социальные процессы. Во-первых, оно считает свой уровень зарплаты низким, во-вторых, предъявляет завышенные требования к социальным институтам и, в-третьих, негативно реагирует на протекающие социальные процессы, в том числе и в социально-бытовых отношениях в демографической сфере.

Среди факторов, негативно повлиявших на демографические процессы, немалую роль сыграли негативные изменения в бытовой сфере населения Республики Беларусь. Это такие объективные показатели, как рост оплаты за коммунальные услуги, изменения в структуре потребления товаров, изменения в структуре потребления продуктов питания, особенно в потреблении продуктов детского питания. Во-первых, растет удельный вес по отношению к реальным располагаемым доходам оплаты населением различного вида услуг, и прежде всего коммунальных, рост которых за период 2010–2016 гг. составил 564,5 % [11, с. 444]. Отметим при этом, что рост цен в целом на товары и услуги за этот период составил 432,4 %, и хотя величина номинальной начисленной заработной платы выросла в 5,9 раза, реальная заработная плата увеличилась только в 1,4 раза. Об этом свидетельствуют сопоставимые темпы их роста по отношению к предыдущему году: 2011 г. – 156,1 % к 101,9 %, 2012 г. – 193,55 % к 121,5 %, 2013 г. – 137,7 % к 116,4 %, 2014 г. – 119,3 % к 101,3 %, а в 2015 г. даже снизились – 110,3 % к 97,7 % [11, с. 111–112; 12, с. 231–232].

Во-вторых, в структуре потребления товаров уменьшился удельный вес расходов населения на покупку непродовольственных товаров и другие виды услуг при росте продуктовой группы потребительских расходов. Такая тенденция – явно негативная. Это связано с уменьшением покупательской способности среднестатистического реально располагаемого денежного дохода населения. Так, из почти двух десятков основных продуктов питания за период 2010–2016 гг. уменьшилось более половины их количества, которое можно приобрести на величину среднестатистического располагаемого денежного дохода.

В репродуктивных процессах Беларуси последних двух лет (с октября 2016 г.) сложились самые низкие показатели в ее демографической истории за послевоенный период. Это снижение рождаемости характеризуется следующими данными. Если среднемесячная рождаемость за 2013 г. составила 9833 младенца, за 2014 г. – 9877, за 2015 г. – 9919, а за три квартала 2016 г. – 9937, то в последнем квартале 2016 г. среднемесячная рождаемость составила 9448 младенцев. А среднемесячная рождаемость за 2017 г. стала 8546 младенцев, что существенно ниже уровня десятилетней давности: в 2007 г. среднемесячная рождаемость составляла 8635 человек. Еще ниже опустилась среднемесячная рождаемость в 2018 г. – 7857 младенцев, то есть за год она снизилась на 9,0% (табл. 1).

Социальная политика Беларуси в демографической сфере включает разветвленную систему мероприятий государственной поддержки семей, базирующихся на основном Законе страны – Конституции Республики Беларусь, Кодексе Республики Беларусь о браке и семье, Законе Республики Беларусь о демографической безопасности и других государственных документах. Эта система включает меры прямого действия и косвенной поддержки семей, воспитывающих детей. К мерам прямого действия относятся:

- система государственных пособий и выплат семьям, воспитывающим детей;
- государственная адресная социальная помощь;
- гарантии и льготы в сфере жилищно-кредитных отношений.

Таблица 1. Сравнительная характеристика полугодовой рождаемости в Республике Беларусь за период 2010–2018 гг. (детей) [1, с. 3; 6, с. 55]

Год	Всего за год	В том числе по полугодиям	
		1-е полугодие	2-е полугодие
2010	108 050	52 901	55 149
2011	109 147	50 801	58 306
2012	115 893	54 155	61 738
2013	117 997	56 184	61 813
2014	118 534	57 284	61 250
2015	119 028	56 548	62 480
2016	117 779	58 266	59 513
2017	102 556	50 556	52 000
2018	94 042	46 743	47 299

Меры косвенного характера включают:

меры по улучшению условий для совмещения гражданами и прежде всего матерями их трудовых и семейных обязанностей;

льготы в сфере налогообложения, здравоохранения, образования, социального обслуживания семей с детьми.

Система государственных пособий и выплат семьям, воспитывающим детей, включает 11 видов пособий. Их получают более 550 тыс. детей, или около 30 % семей в масштабах страны. Это:

пособия по беременности и родам (100 % среднемесячной заработной платы (СЗП) женщины до начала отпуска по беременности и родам);

пособия женщинам, вставшим на учет в организациях здравоохранения до 12-недельного срока беременности;

пособие в связи с рождением ребенка (10 бюджетов прожиточного минимума (БПМ) – при рождении первого ребенка; 14 БПМ – при рождении второго и последующих детей);

пособия по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет (35 % СЗП – на первого ребенка).

Кроме этого осуществляется государственная адресная социальная помощь отдельным группам населения, базирующаяся на применении более высоких пособий и доплат: малообеспеченным семьям; для детей с различными заболеваниями; при рождении двоих и более детей одновременно, а также выплат пособий по временной нетрудоспособности по уходу за ребенком. Снижает жизненный уровень семей и не способствует иметь в семье больше детей, чем имеется, сложившаяся практика оплаты за факультативы, кружки в системе образования (в детских дошкольных учреждениях и в школах). В результате оказывается, что даже содержание единственного ребенка для семьи становится слишком дорогим. Есть проблемы и с дороговизной лекарств и т. д.

Реализация других мер затруднена противоречием подзаконных актов или вовсе носит декларативный характер. Прежде всего это касается предоставления квартир семьям, у которых родился третий ребенок. Органы государственной власти на местном уровне при этом ссылаются на такие препятствия, как отсутствие прописки в этом населенном пункте у одного из супругов; недостаточный срок проживания в нем; вообще отсутствие у местных властей финансовых возможностей выделения квартиры; и др.

Неудивительно, что по результатам социологических исследований Института социологии НАН Беларуси (данные К. Весоловски, Е. Бородачевой и В. Шухатович) среди уже имеющих в семьях детей намерение рождения еще детей, как у мужчин (за исключением возраста 25–29 лет), так и у женщин на порядок меньше, чем у не имеющих детей (табл. 2).

Таблица 2. Доля долгосрочных намерений рождения ребенка в зависимости от пола, возраста и наличия детей, % [4, с. 352]

Пол	Наличие детей	Возраст							Итого
		До 20 лет	20–24 года	25–29 лет	30–34 года	35–39 лет	40–44 года	45–49 лет	
Мужчины	нет	83,3	82,4	65,9	64,1	44,4	15,8	8,5	57,7
	есть	72,0	66,7	69,0	34,7	14,1	6,1	2,5	32,2
Женщины	нет	82,1	95,8	96,3	73,7	35,3	4,5	0,0	47,4
	есть	75,0	50,0	40,3	39,1	10,4	3,3	8,3	31,8

Из данных табл. 2 видно, что в наиболее репродуктивных возрастных группах, на которые приходится более высокие показатели рождаемости, этот разрыв растет. У женщин с ростом коэффициентов рождаемости эту тенденцию характеризуют следующие величины в соответствующих возрастных когортах: до 20 лет – 1,095, 20–24 года – 1,960, 25–29 лет – 2,390. Для возрастных групп, где наблюдается тенденция уменьшения коэффициентов рождаемости, эти величины следующие: 30–34 года – 1,885, 35–39 лет – 3,394. И, как видно из комментария авторов статьи, где приводятся данные табл. 2, проблемы социально-бытового характера в преобладании нежелания иметь больше детей занимают не последнее место.

Существуют и другие противоречия между государственной политикой в деле преодоления депопуляции и интересами различных министерств и ведомств, которые объективно порождают негативные процессы в демографическом развитии страны и функционирования семей. В Республике Беларусь при жилищном строительстве на первом плане стоят вопросы ввода жилья, что проявляется в отставании от темпов ввода жилья ввода детских дошкольных учреждений, то есть ввод объектов социальной инфраструктуры запаздывает, хотя в сметах стоимости жилья затраты для населения на социально-бытовые объекты уже заложены.

В проводимом нами социолого-демографическом мониторинге при ответе на открытый вопрос: «Какие проблемы, связанные с жизнью детей в Вашей

семье, требуют решения в первую очередь?», респонденты областных центров, а также других больших городов Беларуси отметили, что в микрорайонах нового строительства отсутствуют детские сады, детские поликлиники. Респонденты своих детей отвозили в детские дошкольные учреждения в другие районы города, а не по месту своего проживания. Это значит, детские дошкольные учреждения в большинстве своем вводятся в действие, когда дети вырастают из детсадовского возраста.

Опросы, проводимые нами в рамках социолого-демографического мониторинга, свидетельствуют, что в целом социально-демографическая политика Республики Беларусь, к сожалению, не вполне удовлетворяет носителей демографических процессов. Так, если в 2011 г. процент респондентов, указавших варианты «совсем не удовлетворены» и «в большей степени не удовлетворены», составлял 27,2 %, то в 2017 г. этот показатель несколько вырос и составил 30,3 %. Степень же удовлетворенности («полностью удовлетворены» и «удовлетворены в значительной степени») остались на прежнем уровне. Так, в 2011 г. показатель удовлетворенности составлял 17,1 %, а в 2011 г. – 17,4 %. Степень удовлетворенности государственной политикой в демографической сфере на региональном уровне в целом соответствует оценкам в масштабе страны, составившей по результатам опроса 2017 г. 17,6 %.

На наш взгляд, основной причиной неудовлетворенности является не отсутствие действенной социальной политики в демографической сфере, а отсутствие новых мероприятий. Существует психологическое привыкание к существующей системе социальной политики, после трех-четырёх лет ее действия она считается само собой разумеющейся, то есть теряется ее актуальность. Поэтому наиболее действенными мерами в деле оценки населением социально-демографической политики является обновление ее мероприятий.

В перспективе демографические процессы в стране будут стоять еще острее. Тенденции показывают, что Беларусь вступает в период наложения нескольких демографических волн, объективно вызывающих процесс депопуляции: во-первых, четвертой волны последствий Великой Отечественной войны, во-вторых, последствий резкого снижения рождаемости 1990-х годов, порожденных распадом единого демографического пространства. Казалось бы, в этих условиях стимулирующая социальная и экономическая политика в демографическом развитии страны должна активизироваться. К сожалению, в Беларуси в условиях обострения финансовых проблем изменение вектора социальной политики существенно повлияло на депопуляционные процессы. Численность основного репродуктивного контингента в 2017 г. по сравнению с 2016 г. уменьшилась на 1,13 %, но падение рождаемости за этот период оказалось более 13 % [2; 3]. Доля изменений в демографическом потенциале рождаемости почти в 13 раз меньше реального снижения рождаемости. Это означает, что такое снижение связано с другими факторами. Хотя уже в ближайшей перспективе структура демографического потенциала, несомненно, станет весомым фактором снижения рождаемости. Более полно эти изменения и тен-

денции освещены в нашей статье в журнале «Социология» [8]. И даже если бы напрямую это и было связано с изменениями в структуре демографического потенциала, то отсюда происходит вывод, что нейтрализация последствий демографического спада периода 1990–2006 гг. должна быть в центре не только самой демографической политики, но и всего комплекса социальной политики [14].

Здесь негативным фактором стало влияние изменений в социальной политике – и прежде всего в пенсионном законодательстве. С 1 января 2016 г. в пенсионное законодательство Республики Беларусь «в целях адаптации социального обеспечения к изменяющимся социально-экономическим условиям» были внесены существенные изменения: в основу назначения трудовой пенсии стал учитываться не трудовой стаж, как прежде, а страховой стаж: «при наличии стажа работы с уплатой обязательных страховых взносов в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь».

В ходе реформирования финансового бюджета, получившего название «финансовой диеты», во-первых, был отменен при назначении трудовой пенсии учет периода нахождения женщины в оплачиваемом декретном отпуске, а также предлагалось сократить до 2 лет срок нахождения женщин в декретном отпуске. Исследования 2016 и 2017 гг. выявили, что эти «новации» респондентами не были приняты. Как показал анализ репродуктивной ситуации, женщины в последнем квартале 2016 г. и в целом в 2017 г. отреагировали на них резким снижением рождаемости. Таким образом, субъективная отрицательная оценка этих «новаций» подтверждает гипотезу о негативных последствиях реформы финансового бюджета в пенсионной сфере на репродуктивное поведение, высказанную нами задолго до того, как ее негативные итоги проявились в демографической сфере [7].

Эти пенсионные нововведения породили негативные последствия прежде всего в демографической сфере. Во-первых, произошло обострение депопуляционных процессов в настоящее время. Во-вторых, эта ситуация проецирует еще большее обострение демографических процессов в будущем. В-третьих, она в свою очередь обостряет негативные процессы в формировании фонда самой пенсионной системы.

Как пенсионная система может стимулировать рождаемость? Первого (а может, и единственного) ребенка – будет или не будет это стимулирование – большинство семей (женщин) рано или поздно родят. Поэтому должно быть стимулирование рождения тех детей, которые будут обеспечивать хотя бы простое, а лучше – расширенное демовоспроизводство. Это можно осуществить только стимулированием рождения третьего ребенка. Поэтому рождение третьего и последующего детей надо стимулировать пенсией. Женщины, родившие и воспитавшие, то есть давшие экономике страны троих и более детей, должны получать надбавку к пенсии. Если женщины, будущие пен-

сионерки, воспроизвели больше трудового потенциала, это означает, что от их потомства, занятого в экономике страны, будет поступать и больше отчислений в пенсионный фонд. То есть это означает, что они внесли и для себя, и для страны более высокий вклад в фонд социальной защиты населения и, соответственно, в пенсионный фонд: из 34 % отчислений работодателем от фонда заработной платы в ФСЗН населения 22 % в настоящее время составляет пенсионный фонд.

Как может отнестись население к увязке пенсионной системы с активизацией репродуктивной политики в демографической сфере Беларуси? Несколько лет в ходе постоянного демографического мониторинга в рамках государственных научных программ мы зондировали возможное отношение наших респондентов к связи их репродуктивной деятельности и будущего пенсионного обеспечения. Удельный вес респондентов, согласившихся с предложением о назначении большего размера пенсий женщинам в зависимости от числа родивших и воспитавших ими детей, в среднем составляет около 60 %: 2012 г. – 59,1 %, в 2013 г. – 61,4 %, в 2014 г. – 61,2 %, в 2015 г. – 67,3 %, в 2016 г. – 59,0 % и в 2017 г. – 50,8 % (табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Может ли повысить рождаемость назначение большего размера пенсии женщинам в зависимости от числа родивших и воспитавших ими детей?», в % к итогу

Годы	Всего	Положительно	Отрицательно	Не ответили
2012	100,0	59,1	34,6	6,3
2013	100,0	61,4	35,0	3,6
2014	100,0	61,2	30,5	8,3
2015	100,0	67,3	32,0	0,7
2016	100,0	59,0	20,2	20,8
2017	100,0	50,8	26,1	23,1

Приведенные данные мониторинга означают, что если примерно около двух третей женщин самого активного репродуктивного возраста смогли бы в перспективе получать более высокую пенсию за рождение хотя бы третьего ребенка, то коэффициент суммарной рождаемости уже смог бы превысить уровень простого замещения поколений (2,14–2,15). Учет назначения большего размера пенсии женщинам от числа рожденных и воспитавших ими детей обосновывается тем, что их пенсионное будущее в таком случае будет обеспечиваться «произведенным» ими соответствующим демографическим и трудовым потенциалом, создающим материальные блага и пополняющим пенсионный фонд. Кто больше создал такой потенциал, должен иметь и более высокий размер пенсии. Это одновременно и нейтрализация негативных последствий предыдущего демографического спада, и обеспечение роста рождаемости в перспективе.

К сожалению, происшедшие за последние три месяца 2016 г. в репродуктивной сфере Беларуси явления или не были почему-то замечены, или не были осознаны. В социологических опросах, проведенных нами в сентябре 2016 г. и октябре 2017 г. в рамках демографического мониторинга по Государственной программе научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества», на вопрос «Как Вы относитесь к тому, чтобы не учитывать периода нахождения в декретном отпуске в стаж при назначении пенсии?» в 2016 г. 86,0 % и в 2017 г. 84,6 % респонденток (квалифицированное большинство) ответили отрицательно. То есть налицо и объективная, и субъективная связь проблемы пенсии с демографическим развитием страны.

Законом о демографической безопасности Республики Беларусь поставлена цель снижения депопуляционных тенденций. Глава государства также подчеркнул проблему «увеличения положительной динамики прироста населения». Поэтому вектор на рождение в семьях только первого и второго ребенка не обеспечит положительной динамики ни сейчас, ни в будущем. Для Беларуси как раз свойственно преобладание рождаемости первых и вторых детей, а такой подход недостаточно ориентирован на цели и задачи демографической политики государства.

Положение в репродуктивной сфере ставит проблему приоритетов развития Беларуси, что высказал Президент Республики Беларусь в Послании 2019 г. к белорусскому народу и Парламенту в отношении проблемы демографии: «Это вопрос будущего. Будущего, и нашей государственности, и нашей национальной идентичности» [9]. Преодоление негативных тенденций в важнейшей социальной проблеме белорусского государства должно идти по пути обеспечения взаимосвязи пенсионной системы и демографических процессов, чтобы пенсионная система стимулировала рождаемость по следующим направлениям:

для женщин необходимо учитывать в определении трудового стажа при назначении пенсии и период нахождения в декретном отпуске;

женщины, родившие и воспитавшие для экономики страны троих и более детей, должны получать соответственно и более высокий размер трудовой пенсии.

Первое из этих направлений вытекает из анализа резкого падения рождаемости периода последнего квартала 2016 г. – первого полугодия 2018 г. Второе направление мы не раз обосновывали в ряде своих публикаций и выступлениях на конференциях. И, в частности, оно было озвучено в работе Всероссийской научно-практической конференции (июнь 2013 г.) «Стратегия демографического развития России: рождаемость и семейная политика» под председательством министра по труду Российской Федерации М. А. Топилина, где был представлен наш доклад «Мониторинг состояния и стратегии демографической политики Республики Беларусь» [5]. Предлагаемая нами взаимосвязь пенсионной системы и демографических процессов в модифицированном виде

была учтена в Российской Федерации. В Закон о пенсионной реформе был добавлен репродуктивный аспект: женщинам, родившим и воспитавшим троих и четверых детей, возрастной ценз выхода на пенсию уменьшен соответственно на один и два года. К сожалению, подобные изменения в законодательстве о пенсионном обеспечении Беларуси пока отсутствуют.

Список использованных источников

1. Естественное движение населения по Республике Беларусь за 2018 год : стат. бюл. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2019. – 42 с.
2. Естественное движение населения по Республике Беларусь за 2016 год : стат. бюл. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2017. – 42 с.
3. Естественное движение населения по Республике Беларусь за 2017 год : стат. бюл. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018. – 42 с.
4. Здоровье населения: проблемы и пути решения : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси [и др.] ; редкол.: И. В. Котляров (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2017. – 359 с.
5. Злотников, А. Г. Мониторинг состояния и стратегии демографической политики Республики Беларусь / А. Г. Злотников // Стратегия демографического развития России: рождаемость и семейная политика : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 19–20 июня 2013 г. – М. : Экон-информ, 2013. – Вып. 1 : Доклады к московскому заседанию конференции. – С. 39–50.
6. Злотников, А. Г. Пенсионная система и обеспечение демографической безопасности Республики Беларусь / А. Г. Злотников // Потребительская кооперация. – 2017. – № 4. – С. 52–60.
7. Злотников, А. Г. «Финансовая диета» как механизм депопуляционного развития Беларуси / А. Г. Злотников // Актуальні проблеми сьогодення у сфері фінансів, обліку та аудиту : тези доповідей інтернет-конференції, 24–25 травня 2016 р. – Хмельницький : ХКТЕІ, 2016. – С. 433–439.
8. Злотников, А. Г. Экспертиза современной репродуктивной ситуации в Беларуси // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2017. – № 3. – С. 59–68.
9. Лукашенко, А. Г. Три столпа уверенного курса нашей страны: благополучие народа, миролюбивая внешняя политика, национальная безопасность / Выступление Президента А. Г. Лукашенко при обращении с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Парламенту // Беларусь сегодня (СБ). – 2019. – 20 апр.
10. Сен, А. Идея справедливости / Амартия Сен ; пер. с англ. Д. Кралечкина ; науч. ред. перевода В. Сафронов, А. Смирнов. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара ; Фонд «Либеральная миссия», 2016. – 530 с.
11. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2017 : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2017. – 508 с.
12. Труд и занятость в Республике Беларусь : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016. – 290 с.
13. В Беларуси растет средняя зарплата. Сколько осталось до 1 тысячи рублей? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://finance.tut.by/news605548.html?sub=1>. – Дата доступа: 29.08.2018.
14. Лукашенко озаботился демографической ситуацией в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.tut.by/society/554208_print.html. – Дата доступа: 03.08.2017.

Поступила 06.09.2018 г.

УДК 316.7

В. Я. КОЧЕРГИН,

*кандидат философских наук, доцент, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: Vyacheslavkochergin47@gmail.com*

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассматриваются сущность и виды социальных технологий, а также их отличие от традиционных инструментальных технологий. Отражена ролевая структура социальных технологий, рефлексивное управление и связь с профессиональной культурой.

Ключевые слова: социальная технология, социальная роль, рефлексивное управление, профессиональная культура.

V. Ya. KOCHERGIN,

*Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, e-mail: Vyacheslavkochergin47@gmail.com*

STRUCTURAL-FUNCTIONAL ANALYSIS OF SOCIAL TECHNOLOGIES

The nature and types of social technologies are considered in the article. Also the article deals with the difference of social technologies from conventional instrumental technologies. The role structure of these technologies, reflexive management and connection with professional culture are reflected in the article.

Keywords: social technology, social role, reflexive management, professional culture.

«Социальная технология» – термин, появившийся в сфере социальных наук сравнительно недавно. В связи с этим существует некоторый консенсус в его определении: технология, призванная решать социальные проблемы.

Конкретные социальные технологии оказываются погруженными в некоторый социальный контекст, таким образом, существует тенденция рассматривать социальные технологии с позиций историзма и социального детерминизма, то есть появляющихся, развивающихся и умирающих в определенных социальных, экономических, политических и культурных условиях. Существует и другая точка зрения – технологического детерминизма, подчеркивающая орудия и технику, но обращающая сравнительно малое внимание на руки и сознание, использующие их. Социальные технологии и общество влияют друг на друга весьма сложным способом: это проблема экспертизы и получения нового знания, превращения его в технологию.

На наш взгляд, социальные технологии можно определить как обусловленные состоянием знаний и общественной эффективностью организованные

воспроизводимые способы достижения целей, поставленных индивидами, социальными группами и институтами.

В социальной технологии можно обнаружить ту же общую структуру, которая присуща и производственной технологии. Однако гораздо важнее отличия. Социальная технология имеет сложный, нелинейный характер. В отличие от обычных технологий социальная технология лишь очерчивает поле возможных результатов. Основным инструментом социальной технологии являются сами субъекты. В силу этого подготовка средств для социальной технологии – это прежде всего изменение и самоизменение субъекта, а управление данным процессом является преимущественно рефлексивным. Рефлексивным управлением называется процесс передачи оснований для принятия решений одним из персонажей другому (В. Лефевр). В этой схеме предполагается наличие общего «плацдарма» (реального или воображаемого поля деятельности). На этом «плацдарме» управляющий подводит управляемого (следует подчеркнуть их возможную взаимозаменяемость) к принятию определенной цели как собственной, к выбору средств из имеющихся, к осмыслению всей ситуации на «плацдарме» или такому решению задачи, которое может быть неизвестно и самому управляющему. Рефлексивное управление – это управление «изнутри», а не «извне». Оно хорошо моделирует режим сотрудничества, хотя рассматривалось первоначально для анализа конфликтующих структур. Самоизменение субъекта социальной технологии в контексте рефлексивного управления предполагает переход от уровня «квазиочевидности» к уровню самостоятельного выбора (из предложенного набора альтернатив) цели и средств решения. Самый высокий уровень означает переход от предварительного базиса принятия решений к построению и введению собственных правил на «плацдарме». Таким образом, социальная технология изнутри меняет уровень алгоритмизации, переходя с уровня, предписанного прежней программой, на уровень, фактически «разрушающий» эту технологию, когда последняя перестает быть технологией в прежнем смысле.

Поскольку структура социальной технологии выстраивается как динамичная структура отношений между субъектами, реализующими эту технологию, то она может быть описана и как ролевой ансамбль. В силу этого следует констатировать существование баланса ролевых функций, включающих как стабилизирующие, например, роли «адептов», так и развивающие. Последние создают избыточность вариантов реализации, осуществляют постоянную проверку технологий с точки зрения эффективности, жизнеспособности. Носителями этих функций являются «генераторы идей» и «критики». Усиление критической и генерирующей функции приводит к смещению или разделению цели, отщеплению реализующих новые цели функций и превращению их в самостоятельные технологии. Проявления стагнации возникают при необоснованно длительном существовании социальной технологии, а также ослаблении социального контроля. Предпосылкой может служить и специализация, в силу которой технология имеет тенденцию герметизироваться, тем самым

«защищаясь» от непрофессионалов, непосвященных. Внутренние нормы, правила трансформируются в мифологическую защиту вокруг определенного рода функций, а некоторые из их носителей удостоиваются «харизмы». Вырождение социальной технологии приводит ее к замыканию на себя, то есть обслуживанию той группы или институтов, которые первоначально формировались для реализации этой технологии. Таким образом, баланс функций социальной технологии чрезвычайно важен, и задача управляющей системы состоит в поддержании его в оптимальном режиме. Однако понятие «баланс» в данном случае характеризует динамическое равновесие лишь на определенном уровне алгоритмизации (см. выше) технологии. Социальные технологии, различаясь по уровням алгоритмизации, в основе своей представляют собой циклы: неопределенность – построение алгоритма.

Практика и теория выработали для каждого вида человеческой деятельности, для каждого социального процесса различные технологии.

В зависимости от того, на каком уровне общественных отношений разрабатываются и внедряются социальные технологии, можно разделить их на три группы:

- 1) макротехнологии, то есть технологии макросистем;
- 2) мезотехнологии, то есть технологии, используемые на «среднем» уровне;
- 3) микротехнологии.

По направленности деятельности выделяют четыре типа социальных технологий:

- 1) технологии формирования социальных систем;
- 2) функциональные технологии, направленные на поддержание стабильности социальных систем и процессов;
- 3) технологии, направленные на преобразование и развитие социальных систем;
- 4) технологии социальной борьбы как средство защиты социальных систем, подавления нежелательных явлений.

Социальные технологии могут также классифицироваться по степени алгоритмизации: на сильно- и слабоалгоритмизированные. К последним обычно относят авторские технологии, которые несут на себе отпечаток личности создателя этой технологии. С точки зрения новизны решаемых задач они могут подразделяться на инновационные и рутинные. По сферам их применения они обычно классифицируются на организационно-управленческие, экономические, политические, образовательные, коммуникативные и т. д.

В общем виде социальные технологии представляют собой циклически повторяющуюся цепочку социальных действий. Согласно М. Веберу, эти социальные действия следует отнести к целерациональному типу, хотя данный идеальный тип на практике не исключает определенных отношений с другими типами «ориентации действия», например, отношений с ценностно-рациональным типом «ориентации действия». У М. Вебера описывается и общая структура действия: индивид и его мотивы, прежде всего цель; средства или условия; результат [1, с. 628–630].

Как известно, Т. Парсонс, следуя традиции М. Вебера, разработал в XX в. одну из самых обстоятельных в истории социологии теорию социального действия. Он считал, что предметом теории социального действия являются социальные системы, системы личности и культурные системы.

Первые две системы рассматривались Т. Парсонсом как акторы, ориентированные в действиях на цели и диспозиции потребностей в определенных ситуациях. Действия имеют нормативные регуляторы значений, которые задаются культурой в виде ценностных эталонов посредством институционализации в социальной системе и интернализации в системе личности, что позволяет последней осуществлять выбор [2, с. 458–498].

Э. Гидденс разработал стратификационную модель социального действия. Она предполагает три уровня: а) уровень рефлексивного мониторинга (отслеживание и контроль акторами собственного поведения, характера взаимодействия с другими акторами и социального контекста, то есть ситуации); б) уровень рационализации (способность акторов понять и объяснить собственные действия и действия других акторов, что делает ее своеобразным критерием компетентности или полноценности в повседневном поведении); в) уровень мотивации действия (осознанные и неосознанные желания, побуждающие актора к действию, которые проявляются иногда только в проблематичной ситуации) [3, с. 30–39]. Воспроизводство практик в режиме повторяемости действий обозначается Э. Гидденсом термином «рутина».

Рутинизация практик обуславливает социальную стабильность, стандартизирует действия акторов, устанавливает своеобразный баланс в регуляции сознательных и бессознательных компонентов, сдерживает напряжение. Контекстуально очевидным является то, что рутинизация практик связана с исполнением акторами определенных ролей. Напряжение, возникающее в результате различного рода неувязок между ролевыми предписаниями и исполнением ролей, способствует развитию социальной дезорганизации. В свою очередь разрыв или разрушение «институциональных рутин», которые Э. Гидденс называет «критическими ситуациями», имеют не только отрицательный характер дезорганизации, но и приводят к обновлению.

Число степеней свободы, а следовательно, реальных возможностей, переводит отношения рефлексивного управления в русло различных социальных процессов. Это могут быть не только конфликт и соперничество, но также адаптация и сотрудничество. Потенциал же этого феномена включает в себя и творческое соревнование, которое возникает в процессе сотрудничества (кооперации). Данные аспекты позволяют рассматривать рефлексивное управление социальными технологиями также в контексте манипуляции и антимаnipуляции.

Манипулирование людьми становится все более распространенным явлением, так же как и разнообразие и утонченность его способов. Например, к широко известным PR и рекламным технологиям добавляются «процедурное манипулирование» и «регламентирование поведения посредством специ-

ально стимулируемых потоков событий». По сути, и тот, и другой способы относятся к сфере рефлексивного управления. При этом они могут применяться как для управления поведением акторов, реализующих социальную технологию, так и управления поведением акторов, на которых направлена социальная технология. Суть первого способа состоит в том, что свобода выбора, а следовательно, свобода принятия решения, ограничивается последней фазой. Таким образом, сама выработка решения остается за скобкой, а предлагаемые варианты, из которых необходимо сделать выбор, искусственно задают ту степень свободы актора, которая выгодна манипуляторам. Суть второго способа состоит в преднамеренном создании определенных обстоятельств, например кризисов. После этого, используя нужные и ожидаемые поведенческие реакции акторов, склонных к интуитивному (таких большинство), а не аналитическому или тем более стратегическому (таких очень мало) типу принятия решений, – осуществляют манипулятивное рефлексивное управление.

Важнейшей чертой социальных технологий является их целерациональность и рефлексивность, которые между собой тесно связаны. Социальные технологии обычно, то есть «рутинно», реализуются в виде повторяющихся циклов, которые разбиваются на этапы и серии операций. При этом чем сложнее технология, тем более детально становится это разделение на этапы и операции. Ролевая структура технологии, о которой шла речь выше, фактически объединяет вокруг определенных ролей не только специфические операции, но, по-видимому, дает основание предположить, что исполнение роли задает характер этапа. Например, этапа генерации новой идеи («новатор») или этапа критической оценки этой идеи или оценки ее реализации («критик»). При этом процесс реализации социальной технологии, управляемый рефлексивно «лидером», может иметь институционально-организационное подкрепление, то есть выступает как использование инструментальной функции определенной организации (производственной, управленческой, учебной и т. д.). Подобная привязка к организационной основе размещает циклы социальной технологии «внутри» жизненных циклов организации, от имени которой она действует. Соответственно, жизненный цикл организации не может не влиять на технологический цикл. Это же касается и обратной связи. Например, сравнение различных моделей жизненного цикла позволяет не только более полно описать развитие организации, но и сопоставить управленческий цикл, его практики и технологии с общеорганизационным циклом. В конечном итоге это дает возможность продемонстрировать значение инновационной технологии, порождаемой новой идеей, для продления жизни организации.

В данном контексте следует отметить, что речь идет о циклах различной длительности, а следовательно, разноразмерных. Организация за время своего (иногда весьма долгого) существования на разных этапах может применять ряд управленческих технологий оперативного характера. Последние, в зависимости от поставленной цели, активизируют ролевой ансамбль при доминировании соответствующего типа ролевых функций. Однако помимо тех-

нологий с коротким циклом существуют технологии с более протяженными циклами, типа образовательных технологий, которые относятся к классу развивающихся. Естественно, их использование требует не просто времени одного занятия, а иногда нескольких месяцев и лет, что делает их соизмеримыми по времени и скорости с циклами жизнедеятельности учебного заведения.

Характерной особенностью социальных технологий является их взаимодействие с профессиональной культурой. Одним из основных механизмов формирования профессиональной культуры, профессионализма и компетентности выступает профессиональная социализация и характер труда как комплекс социальных технологий. В частности, профессиональная культура содержит следы циклов порождающей ее технологии [4, с. 43–62].

Другим ключевым механизмом, посредством которого профессиональная культура воздействует непосредственно на характер социальных технологий, является социальное проектирование и социальное управление.

Кроме того, отношения между социальными технологиями и профессиональной культурой определяются генезисом их взаимодействия, структурными и функциональными особенностями, а также влиянием других социальных групп, институтов и процессов.

Если рассматривать социальные технологии как своеобразные аттракторы [5], в которые вливается «стихия» социальных действий, то, очевидно, следует ожидать и обратного влияния на профессиональную культуру, как индивида, так и группы в виде изменения ценностей по отношению к основным профессиональным ролям. Например, основная роль, интегрированная личностью как актором социальных технологий и одновременно представителем профессиональной культуры («адепт», «критик», «новатор», «лидер» и т. д.), избирательно кумулирует ценности, образующие смысловое и мотивирующее «ядро». Основным фактором в данном случае можно считать цель, которая ставится перед технологиями и которая интерпретируется и реализуется исполнителями ролей.

Общей характеристикой направленности социальной технологии, включающей мастерство рефлексивного управления, является, на наш взгляд, страатагемность.

Страатагемность, в отличие от обычного «штатного» описания циклически повторяющихся технологических операций, во-первых, характеризует общий замысел, то есть по сути смысловой код технологии, во-вторых, хотя она опирается на определенные правила и принципы (как это бывает, например, в шахматной игре), представляет собой, скорее, сплав искусства и рационального расчета, так как обращена прежде всего к нерутинным ситуациям. Если анализировать взаимосвязь страатагемности и компетентности, представляющих соответственно социальные технологии и профессиональную культуру, то компетентность, несомненно, предполагает формирование у «творцов» («новаторов»), «мастеров», «лидеров» страатагемного мышления. Напомним также, что компетентность может выходить за пределы узкого профессиона-

лизма и данной профессиональной культуры. Выход компетентности в поле более широких (по сравнению с одной профессиональной культурой) целей, норм, ценностей обуславливает выход в это же социокультурное поле соответствующей стратагемности. Здесь же рождаются и предпосылки того, что характеризует связанную со стратагемностью технологию как «манипулятивную» либо «антиманипулятивную». Стратагемный смысловой код «оживляет» технологическую «машину», соединяя общую, профессиональную групповую и индивидуальную культуру акторов.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что социальные технологии представляют собой структурированные (в виде ансамбля социальных ролей) системы циклически повторяющихся действий, связанных общей целью, которая в качестве стратагемы (замысла, плана, проекта) направляет действия акторов разного уровня. Следует подчеркнуть, что социальные технологии, в отличие от инструментальных, лишь очерчивают поле возможных результатов. Поэтому большое значение имеют интерпретативные возможности акторов. Наконец, социальные технологии через свою ролевую структуру тесно связаны с ценностями, нормами определенной профессиональной и корпоративной культуры.

Список использованных источников

1. Вебер, М. Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова, предисл. П. П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с. – (Социологическая мысль Запада).
2. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М. : Акад. проект, 2000. – 880 с.
3. Романова, С. П. Теория структуризации Э. Гидденса как новая попытка осмысления социальной реальности : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01 / С. П. Романова ; БГУ. – Минск, 2004. – 18 с.
4. Кочергин, В. Я. Профессиональная культура и социальные технологии / В. Я. Кочергин. – Минск : БГЭУ, 2007. – 179 с.
5. Стёпин, В. С. Проблемы прогнозирования сложных развивающихся социальных систем / В. С. Стёпин // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология = J. of the Belarusian State University. Sociology. – 2018. – № 3. – С. 4–10.

Поступила 12.10.2018 г.

УДК 316:519.876.5

Н. Н. ЛЕОНОВ,

*кандидат физико-математических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, e-mail: nick.leonov@gmail.com*

О МЕТОДИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ В АНАЛИЗЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

В статье представлен анализ применения машинного обучения к обработке данных социологических исследований. Показано, что методика такого применения развита недостаточно. Рассмотрены особенности социологических исследований с точки зрения использования в них методов машинного обучения. Приведены конкретные рекомендации такого использования. Сделан вывод о целесообразности дальнейшей работы в этом направлении.

Ключевые слова: машинное обучение, применение, социологические исследования, методика.

N. N. LEONOV,

*Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, e-mail: nick.leonov@gmail.com*

ABOUT THE METHOD OF APPLICATION OF MACHINE LEARNING IN THE ANALYSIS OF SOCIOLOGICAL DATA

The article presents an analysis of the application of machine learning to data processing in sociological research. It is shown that the technique of such an application is underdeveloped. The features of sociological research in terms of the use of machine learning are considered. Some recommendations for such use are given. The conclusion about the usefulness of further investigation in this direction is made.

Keywords: machine learning, application, sociological research, methods.

Введение. Сделаем, прежде всего, терминологическое замечание. Термин «машинное обучение» (machine learning), на наш взгляд, не совсем удачен. Он означает вовсе не обучение посредством машин, как можно было бы подумать при буквальном понимании, а обучение машин, то есть компьютеров. Еще точнее, речь идет о построении алгоритмов, способных к самообучению. При всей «лихости» этой формулировки ничего сверхъестественного здесь нет, и машинное обучение в значительной мере является развитием и обобщением таких областей, как автоматическая классификация (распознавание образов), регрессионный анализ, методы оптимизации и др. Коль скоро это так, то возникает естественный вопрос о том, что качественно нового есть в машинном обучении, и не наблюдаем ли мы здесь такое встречающееся иногда явление, как приклеивание новых эффектных ярлыков к известным, в сущности, вещам. К счастью, это не так, и машинное обучение представляет собой

хороший пример перехода количественных изменений в качественные. Такое новое качество порождается в первую очередь кардинально возросшими объемами анализируемых данных, что и породило выражение «большие данные» (big data). Если взять в качестве примера обычную таблицу «объект – признак», то речь идет как о числе объектов, так и о числе признаков. Оказалось, что многие из традиционных методов математической статистики и вычислительной математики в этих условиях не способны обеспечить получение результата с необходимой точностью за приемлемое время. Следует заметить, что увеличение мощности вычислительной техники всех проблем не решает. Большие объемы – не единственная особенность данных в современных задачах. Другим существенным отличием от прежней ситуации является большое разнообразие типов данных. Классическая статистика имела дело в основном с числовыми данными. В терминах шкал при этом говорят об абсолютной шкале и шкалах отношений и разностей. Затем стали рассматривать порядковые (ординальные, ранговые) и номинальные шкалы. В настоящее же время приходится обрабатывать тексты, изображения, аудио- и видеофайлы. Есть задачи, решение которых ограничено жесткими временными рамками, и т. д. Развитие теории и практики машинного обучения происходит исключительно интенсивно, о чем свидетельствует огромное количество проводимых мероприятий, большое число книг, научных и практических статей. Поскольку массив статей поистине необозрим, ограничимся кратким обзором книжной литературы. Предварительно заметим, что проблемам машинного обучения часто посвящаются источники, в названиях которых фигурируют термины «большие данные» (big data), «статистическое обучение» (statistical learning), «глубокое обучение» (deep learning) и др. По очевидным причинам в рассматриваемой нами области преобладают книги, написанные на английском языке. Судя по ссылкам, авторитетными среди специалистов считаются [1; 2]. В силу большого интереса к машинному обучению российские издательства довольно оперативно переводят на русский язык наиболее значимые сочинения, такие как [3–5]. Появились также интересные сочинения российских авторов, например [6; 7].

При использовании машинного обучения весьма важным является вопрос выбора и применения программных средств. В популярных интегрированных статистических пакетах, таких как SPSS, STATISTICA, соответствующие методы представлены, но незначительно. Наиболее часто методы машинного обучения применяются с использованием языков программирования и библиотек программ к ним. Языки программирования можно подразделить на общие и специализированные. Из специализированных языков здесь используется в основном R-язык, созданный в первую очередь для статистических вычислений, а из общих – практически все применяемые в настоящее время – C++, Java, Python и др., однако именно Python в сочетании с библиотеками к нему стал к настоящему времени абсолютным лидером в машинном обучении среди всех программных средств. По этой причине машинное обучение часто излагается применительно к использованию этого языка [8–11].

При всем обилии литературы по машинному обучению нельзя не заметить, что практически вся она посвящена либо общим проблемам, либо наиболее популярным применениям, каковыми являются в первую очередь бизнес, Интернет, биотехнологии. Что касается социологии, то преобладают либо констатации возможности применения машинного обучения в ней, либо описания конкретных случаев такого применения. Систематический анализ проблемы, на наш взгляд, явно недостаточен. В этой работе мы попытаемся проанализировать современные особенности задач анализа данных в эмпирических социологических исследованиях и, соответственно, особенности использования методов машинного обучения для анализа этих данных и построения математических моделей.

Далее в разделах 1–4 анализируются различные аспекты анализа данных при проведении эмпирических социологических исследований и выявляются особенности этого анализа. В заключении делаются выводы и формулируются предложения по развитию теории и практики применения машинного обучения в социологии.

1. Объемы данных. Начнем с самого, по-видимому, до сих пор распространенного способа получения эмпирических данных – с анкетного опроса. Анализируемыми объектами здесь являются люди (респонденты), и их число (далее мы его для краткости будем обозначать n) редко превышает несколько тысяч, что по нынешним меркам немного. Что же касается числа признаков, которое определяется количеством и формой вопросов (обозначим его m), то оно легко достигает нескольких сотен. Это немного по сравнению с объемом данных, возникающих, скажем, в бизнесе, но достаточно для того, чтобы создать определенные проблемы. Заметим, что число признаков, как правило, более критично, нежели число объектов, при этом чем больше число одновременно анализируемых признаков, тем больше должно быть число объектов для этого анализа. В свое время такой крупный специалист, как И. М. Гельфанд, даже назвал примерное соотношение между этими параметрами для задач автоматической классификации – n должно быть не меньше, чем $15m$ [12]. По-видимому, главной проблемой при решении задач анализа данных для больших m и сравнительно небольших n является опасность так называемого *переобучения* (overfitting). Сущность этого явления в том, что при слишком чувствительной модели и слишком тщательной подгонке ее параметров к выборке, по которой строится модель (так называемая *обучающая* выборка), модель начинает описывать не только (а порой даже и не столько) закономерности в данных, но и случайные колебания в них. Понятно, что ценность подобной модели невелика.

В последнее время социологам все чаще приходится иметь дело с Интернетом, причем в двух аспектах – как с объектом изучения, так и с инструментом исследования. В обоих случаях объем данных становится большим как по m , так и по n , причем существенно осложняется проблема извлечения данных и приведение их к виду, пригодному для анализа.

2. Измерительные шкалы. Традиционно в социологии используются числовые шкалы (абсолютная шкала, шкалы разностей и отношений), порядковые и номинальные шкалы. Для этих типов шкал методы анализа, в общем-то, известны. Здесь следует отметить одно обстоятельство, до сравнительно недавних пор в литературе не обсуждавшееся. Дело в том, что варианты ответов на вопрос социологической анкеты редко образуют порядковую шкалу, и основная причина этого – отказ от ответа («Не знаю», «Затрудняюсь ответить» и так далее). Эти варианты не находятся ни в каком порядковом отношении с «обычными» вариантами. Заметим, что является грубой ошибкой считать эти варианты «нейтральными» – например, находящимися между отрицательными и положительными вариантами. Несколько лет назад автору довелось вместе с Г. М. Евелькиным и Е. М. Бородачевой анализировать данные опроса общественного мнения, где было много отказов ответить на вопрос, в существенной мере определяющий политическую ориентацию респондента. Благодаря остроумному приему, предложенному Е. М. Бородачевой, удалось выяснить, что люди, отказавшиеся отвечать, отнюдь не были нейтральны. Шкала такого рода называется шкалой *частичного* порядка. Кроме отказов, есть и другие источники возникновения этих шкал в социологических исследованиях. К сожалению, в наиболее распространенных статистических пакетах нет специальных методов для шкал частичного порядка. Кроме того, недостаточно развита и теория таких методов, и если, скажем, определение и вычисление коэффициентов ранговой корреляции М. Кендалла для признаков, измеренных в шкалах частичного порядка, особой трудности не представляет, то решение проблемы значимости этих коэффициентов автору в литературе не встречалось.

3. Математические структуры на значениях данных. На множествах значений анализируемых признаков (переменных) можно рассматривать не только порядковые, но и другие математические структуры. Таким образом, подход с точки зрения произвольных структур является более широким, чем с точки зрения шкал. Некоторый подход к использованию разнообразных структур развивается в [13]. Среди структур, отличающихся от порядковых, в первую очередь следует отметить структуру метрического пространства, то есть множества, на котором задано достаточно общим образом понимаемое расстояние. Структура метрического пространства хороша тем, что ввести ее можно в гораздо большем числе случаев, чем порядковую. Среди расстояний (метрик) выделяется класс так называемых неархимедовых расстояний (ультраметрик). Они примечательны, в частности, тем, что естественно порождают иерархическую классификацию. Недостатком же является то, что методы анализа данных со значениями в метрических пространствах сравнительно немногочисленны. В первую очередь развивались всевозможные методы классификации, в особенности кластер-анализа [14; 15]. Другим достаточно давно применяемым методом является многомерное шкалирование [16; 17].

4. Методы машинного обучения на различных структурах. Мы будем рассматривать две основные задачи машинного обучения – задачи описания

зависимостей и задачи классификации и, соответственно, наиболее популярные методы решения этих задач, а именно деревья решений и нейронные сети (по поводу общей теории этих методов см. [1–11]). При этом внимание будет уделяться, в частности, такому свойству метода, как интерпретируемость и наглядность решения. На наш взгляд, важность этого свойства является особенностью задач социологического происхождения.

4.1. Деревья решений. Этот метод используется для решения задач классификации и задач предсказания значений некоторой непрерывной переменной. Поскольку переменные с непрерывными значениями для данных социологических исследований не особенно характерны, мы ограничимся задачами классификации. Деревья решений используются в ситуации так называемого *обучения с учителем*. Это означает следующее. Имеются так называемые обучающая и тестовая выборки, элементы которых по некоторому правилу разделены на классы. Требуется построить алгоритм (классификатор, решающее правило), который по значениям определенных исследователем переменных классифицировал бы элементы генеральной совокупности максимально близко к тому, как это делает исходное правило. Близость оценивается по тестовой выборке. Дерево решений работает следующим образом. Для произвольного элемента генеральной совокупности анализируется значение некоторой первой переменной v_1 . В зависимости от того, каким оно окажется, делается следующий шаг. На этом шаге либо принимается решение о принадлежности элемента к какому-то классу, либо анализируется вторая переменная v_2 . Выбор второй переменной, вообще говоря, зависит от значения первой переменной. В зависимости от значения второй переменной опять же либо выносятся решение о принадлежности элемента к классу, либо делается выбор очередной переменной. В конце концов выбор переменных всегда заканчивается, и выносятся решение о принадлежности к классу. Дерево строится по обучающей выборке, а качество его проверяется по тестовой выборке. Дерево решений очень наглядно, легко понимается и интерпретируется. Мы предлагаем следующую методику использования этого метода. Предварительно отметим, что данные социологических исследований часто вполне успешно классифицируются методами, не требующими обучения – скажем, методами кластеризации или дискриминантного анализа. При этом, однако, мы получаем лишь разбитую на классы совокупность, но не получаем правила классификации – оно выступает по отношению к исследователю в роли «черного ящика». Из-за этого, во-первых, не выявляется никакой логики процесса классификации, а во-вторых, при предъявлении новых элементов генеральной совокупности мы не можем их отнести какому-либо классу – процедуру классификации нужно повторять заново. Исходя из этого, мы предлагаем следующую процедуру применения деревьев решений. Классифицируем имеющуюся выборку каким-либо методом, не требующим обучения. Делим выборку на обучающую и тестовую части. Затем строим дерево решений по обучающей части и проверяем качество модели по тестовой части.

4.2. Нейронные сети. Нейронные сети являются наиболее часто применяемым аппаратом в машинном обучении. Они предназначены в основном для решения задач описания зависимостей и задач классификации, причем по существу задачи классификации решаются путем сведения их к задачам описания зависимостей, на каковых мы по этой причине и сосредоточимся. Наиболее распространенными типами нейронных сетей являются сети *радиальных базисных функций* (radial base function, RBF) и *персептроны* (о нейронных сетях см. [1–11]).

Сеть радиальных базисных функций в простейшем случае представляет собой *взвешенную сумму* (линейную комбинацию) таких функций, то есть сумму с числовыми множителями (коэффициентами), которые называются *весами*. Заметим, что обычно термины «веса» и «взвешенная сумма» применяются при неотрицательных множителях. В теории нейронных сетей знаки весов могут быть любыми. В свою очередь, радиальная базисная функция строится по некоторой точке пространстве значений вектора независимых переменных, называемой *центром*, и значение ее в произвольной точке этого пространства измеряет близость этой точки к центру, а именно: в центре значение этой функции максимально, а по мере удаления от центра оно убывает. Как видно из сказанного, ключевую роль в построении сети радиальных базисных функций играет расстояние, и поэтому в метрических пространствах такие сети строятся без принципиальных затруднений, что в силу сказанного в разделе 3 открывает широкие возможности для использования их в социологических исследованиях.

При описании персептронов ограничимся вначале *однослойными* персептронами. Основу их образуют так называемые *нейроны*. Нейрон работает следующим образом. Берутся значения независимых переменных $x_1, \dots, x_s$ (которые в данном контексте называются обычно *входными переменными*, *входными сигналами* или просто *входами*), умножаются на некоторые коэффициенты (веса) $w_1, \dots, w_s$ и суммируются. Затем к этой взвешенной сумме $w_1x_1 + \dots + w_sx_s$ применяется некоторая функция одного переменного φ , называемая *функцией активации*. Ее значение $\varphi(w_1x_1 + \dots + w_sx_s)$ является *выходом* нейрона. Функцию f , которая сопоставляет вектору входов значение выхода, назовем *функцией выхода* нейрона. Таким образом, $f(x_1, \dots, x_s) = \varphi(w_1x_1 + \dots + w_sx_s)$. Однослойным персептроном является опять же линейная комбинация нейронов в том смысле, что выход персептрона является взвешенной суммой (линейной комбинацией) выходов нейронов. Таким образом, персептрон – это функция, аргументом которой является вектор входов, а значением – выход. Совокупность нейронов называется *слоем*. Построение однослойного персептрона заключается в выборе числа нейронов, весов в нейронах, функции активации и весов, образующих выход. Следующим по сложности является *многослойный персептрон прямого распространения*. Его первый (входной) слой содержит несколько групп нейронов. Нейроны устроены так же, как описано выше, а каждая группа работает так же, как слой однослойного персептрона. Таким

образом, у первого слоя не один выход, а несколько. Эти выходы служат входами второго слоя, который устроен аналогично, и т. д. Последний слой может содержать либо одну группу нейронов, и тогда выходом сети является число, либо несколько групп, и тогда выход – это некоторый вектор. Построение многослойной сети заключается в определении числа слоев, числа групп нейронов в слоях, числа нейронов в группах и всех весов. Кроме описанной сети прямого распространения, где входной сигнал распространяется от входного слоя к последующим, возможны сети более сложной архитектуры, где распространение сигнала описывается графом большей или меньшей сложности.

Стремление расширить набор структур, на которых можно построить персептрон, привело в свое время автора к попытке построить его на метрическом пространстве [13]. Буквальный перенос метода построения здесь невозможен, потому что на произвольном метрическом пространстве не существует операций умножения на числа и сложения. Можно, однако, прибегнуть к некоторой аналогии. Поясним ее вначале на примере функции выхода нейрона, которая использует простейшую функцию активации – так называемую *единичную ступеньку*. Так называется функция, равная единице при положительных значениях аргумента и нулю – при отрицательных. Соответственно функция выхода вычисляется по формуле

$$f(x_1, \dots, x_s) = \begin{cases} 1, & \text{если } w_1 x_1, \dots, w_s x_s - b > 0, \\ 0, & \text{если } w_1 x_1, \dots, w_s x_s - b \leq 0, \end{cases} \quad (*)$$

где b – некоторое число. Теперь заметим, что $w_1 x_1, \dots, w_s x_s - b = 0$ – это уравнение гиперплоскости в s -мерном пространстве входов (гиперплоскость – это аналог прямой на плоскости и плоскости в обычном трехмерном пространстве), и множества, описываемые неравенствами в правой части формулы (*), суть полупространства по обе стороны этой гиперплоскости. Таким образом, единичная ступенька приводит к следующей функции выхода: задается гиперплоскость, и выход равен единице на одном полупространстве пространства входов и нулю – на другом. Затем в [13] был использован тот простой факт, что гиперплоскость – это множество точек, равноудаленных от некоторых двух заданных точек y и z , и соответственно одно из полупространств образовано точками, которые расположены к точке y ближе, чем к z , а другое – наоборот. Это позволяет строить функцию выхода нейрона в метрическом пространстве следующим образом: задаем в метрическом пространстве входов пару точек y и z , и полагаем выход нейрона равным единице для входов, которые ближе к y , чем к z , и равным нулю в остальных точках. Практика показала, однако, что единичная ступенька и ее модификации, использованные в [13], приводят не к самым эффективным нейронным сетям; гораздо лучше работает так называемый *линейный выпрямитель*, или *полулинейный элемент*. Это функция, значение которой при положительных значениях аргумента равно этому значению, а при отрицательных равно нулю. Функцию выхода нейрона на метрическом пространстве входов, аналогичного обычному нейрону

с такой функцией активации, предлагается строить так. Зададим в пространстве входов точки y и z , и пусть существует точка u посередине между ними. Не будем вдаваться в детали определения серединной точки, заметим лишь, что она может не существовать. Тогда для входов x , расположенных к y ближе, чем к z , положим выход равным расстоянию от x до u , а для остальных положим выход равным нулю. Если серединной точки не существует, то можно постараться задавать точки y и z возможно ближе друг к другу, а вместо расстояния от входа до u использовать расстояние до y . Можно также попытаться использовать аналоги более сложных формул многомерной геометрии, а главное – провести эксперименты с различными функциями выходов.

Разумеется, необходимы эксперименты и с различными архитектурами сетей.

Поскольку, как было отмечено выше, в задачах социологического происхождения количество единиц анализа (объектов) по отношению к числу признаков может быть невелико, то возникает опасность переобучения. Наиболее общим методом решения этой проблемы является так называемая *регуляризация*. Показано [18], что регуляризация нейронной сети приводит к конструкции так называемой машины опорных (или несущих) векторов (support vector machines, SVM). Эта конструкция также рассматривается в указанной выше литературе по машинному обучению.

Что касается интерпретируемости и наглядности при использовании нейронных сетей, то достичь их нелегко, поскольку даже из приведенного описания понятно, что нейронная сеть – конструкция достаточно сложная. Поэтому разрабатываются, например, методы вербализации нейронных сетей [19]. Эти методы, естественно, должны быть адаптированы к предметной области, в данном случае – к социологии.

Заключение. Таким образом, нами рассмотрены особенности социологических исследований с точки зрения применения методов машинного обучения. Приведены некоторые конкретные рекомендации такого применения. Проведенные рассмотрения позволяют сделать нижеследующие выводы.

1. Применение методов машинного обучения в социологических исследованиях возможно и полезно.
2. Методика такого применения необходима, но к настоящему времени развита недостаточно.
3. Для разработки такой методики имеются предпосылки в виде, с одной стороны, уже весьма обширной и глубокой общей теории машинного обучения, а с другой – определенных результатов в области применения математики в социологических исследованиях.

Список использованных источников

1. James, G. An Introduction to Statistical Learning with Applications in R / G. James, D. Witten, T. Hastie, R. Tibshirani. – New York ; Heidelberg ; Dordrecht ; London : Springer, 2013 (Corrected at 6th printing 2015). – XIV, 440 p.
2. Abu-Mostafa, Y. S. Learning From Data / Y. S. Abu-Mostafa, M. Magdon-Ismail. – Pasadena : AMLbook.com, 2012. – XII, 204 p.

3. Флах, П. Машинное обучение. Наука и искусство построения алгоритмов, которые извлекают знания из данных / П. Флах. – М. : ДМК Пресс, 2015. – 400 с.
4. Бринк, Х. Машинное обучение / Х. Бринк, Дж. Ричардс, М. Феверолф. – СПб. : Питер, 2017. – 336 с.
5. Гудфеллоу, Я. Глубокое обучение / Я. Гудфеллоу, И. Бенджио, А. Курвилль. – М. : ДМК Пресс, 2017. – 652 с.
6. Николенко, С. Глубокое обучение. Погружение в мир нейронных сетей / С. Николенко, Е. Архангельская, А. Кадури. – СПб. : Питер, 2018. – 480 с.
7. Груздев, А. В. Прогнозное моделирование в IBM SPSS Statistics, R и Python. Метод деревьев решений и случайный лес / А. В. Груздев. – М. : ДМК Пресс, 2017. – 652 с.
8. Шолле, Ф. Глубокое обучение на Python / Ф. Шолле. – СПб. : Питер, 2018. – 400 с.
9. Мюллер, А. Введение в машинное обучение с помощью Python. Руководство для специалистов по работе с данными / А. Мюллер, С. Гвидо. – СПб. : Алфа-книга, 2017. – 480 с.
10. Рашка, С. Python и глубокое обучение / С. Рашка. – М. : ДМК Пресс, 2017. – 418 с.
11. Плас, Дж. В. Python для сложных задач. Наука о данных и машинное обучение / Дж. В. Плас. – СПб. : Питер, 2018. – 576 с.
12. Гельфанд, И. М. Структурная организация данных в задачах медицинской диагностики и прогнозирования / И. М. Гельфанд, Б. И. Розенфельд, М. А. Шифрин // Вопросы кибернетики. Задачи медицинской диагностики и прогнозирования с точки зрения математика. – М., 1985. – С. 5–64.
13. Леонов, Н. Н. Математическая социология: структурно-аппроксимационный подход / Н. Н. Леонов. – Минск : ФУАинформ, 2002. – 220 с.
14. Жамбю, М. Иерархический кластер-анализ и соответствия / М. Жамбю. – М. : Финансы и статистика, 1988. – 342 с.
15. Методы анализа данных. Подход, основанный на методе динамических сгущений / под рук. Э. Дидэ. – М. : Финансы и статистика, 1985. – 357 с.
16. Толстова, Ю. Н. Основы многомерного шкалирования / Ю. Н. Толстова. – М. : КДУ, 2006. – 160 с.
17. Дэйвисон, М. Многомерное шкалирование: методы наглядного представления данных / М. Дэйвисон. – М. : Финансы и статистика, 1988. – 254 с.
18. Andras, P. The Equivalence of Support Vector Machine and Regularization Neural Networks / P. Andras // Neural Processing Letters. – 2002. – Vol. 15, iss. 2. – P. 97–104.
19. Миркес, Е. М. Логически прозрачные нейронные сети и производство явных знаний из данных / Е. М. Миркес // Нейроинформатика : сб. ст. – Новосибирск : Наука, Сибирское предприятие РАН, 1998. – 296 с.

Поступила 30.10.2018 г.

А. С. МАЛМЫГИН,
*магистр социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

В статье представлен анализ феномена трансформационного развития и трансформационного развития современного белорусского общества в частности. Предложена социологическая дефиниция и выделены сущностные характеристики трансформационного развития. Показана взаимосвязь социального события и трансформационного развития современного белорусского общества. Выделены характеристики трансформационного развития современного белорусского общества.

Ключевые слова: трансформационное развитие общества, современное белорусское общество, социальное событие, переходный период, эволюционный путь развития.

A. S. MALMYHIN,
*Master of Sociological Sciences,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk*

FEATURES AND TRENDS OF TRANSFORMATIONAL DEVELOPMENT OF MODERN BELARUSIAN SOCIETY

The article presents an analysis of the phenomenon of transformational development and transformational development of modern Belarusian society, in particular. A sociological definition is proposed and essential characteristics of transformational development are highlighted. The interrelation between the social event and the transformational development of modern Belarusian society is shown. The characteristics of the transformational development of modern Belarusian society are highlighted.

Keywords: transformational development of society, modern Belarusian society, social event, transition period, evolutionary path of development.

Значимыми этапами в исторической эволюции любого общества являются периоды его трансформационного развития, в которые происходит переход от прежнего к качественно новому типу социума. Именно таким – переходным периодом, временем трансформационного развития, является современный этап исторической эволюции белорусского общества.

В этой связи существенную актуальность, научно-практическую значимость приобретает социологическое исследование трансформационного развития современного белорусского общества, заключающегося в переходе от советского к качественно новому типу белорусского социума.

Эвристически необходимым и целесообразным для анализа трансформационного развития современного белорусского общества является научная социологическая категоризация феномена трансформационного развития, определение его сущностных свойств и характеристик.

Что же представляет собой трансформационное развитие или трансформация общества?

Анализ социологической литературы показывает, что в современном социологическом научном дискурсе существует несколько дефиниций социальной трансформации.

Так, известный польский социолог П. Штомпка в своей монографии «Социология социальных изменений» отмечает, что «когда помимо количественных наблюдаются и базовые качественные изменения, тогда мы можем говорить скорее о трансформации, нежели о репродукции» [1, с. 39]. П. Штомпка считает, что «такие сдвиги затрагивают основу социальной реальности, поскольку их отзвуки обычно чувствуются во всех сферах (“элементах”) социальной жизни, трансформируют ее важнейшее сущностное качество» [1, с. 39–40].

Российский социолог Т. И. Заславская, исследовавшая системную трансформацию российского общества, обусловленную распадом Советского Союза, следующим образом определяет ее сущность: «Под социальной трансформацией понимается обусловленное внешними факторами и внутренней необходимостью постепенное, не связанное со сменой правящей элиты, но в то же время радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы, или социетального типа общества» [2, с. 149].

Белорусский социолог Е. М. Бабосов полагает, что трансформация общества представляет собой «процесс преобразования социальных структур, институтов, образов жизни, социально-политических установлений, норм, культуры, стандартов поведения и ценностных ориентаций в результате осуществляющихся социально экономических, политических, социокультурных преобразований» [3, с. 420]. По мнению Е. М. Бабосова, «именно такой характер носят трансформационные процессы, происходящие в конце XX – начале XXI века на громадном геополитическом пространстве бывшего СССР». Белорусский социолог также отмечает, что «эти изменения приобретают системные качества и охватывают все сферы общества, все его социальные структуры, деятельность всех социальных институтов, включают в себя коренное преобразование политической системы (из тоталитарной в демократическую), политических отношений, политического режима, структур и функции власти и государственного воздействия на все сферы общественной жизни» [4, с. 224]. Как считает Е. М. Бабосов, в ходе данных трансформационных процессов «возникают новые правовые механизмы социального и государственного регулирования, происходит замена старой иерархии ценностей, смысложизненных ориентаций, в том числе и в сфере политики, новыми системами ценностей и стандартов поведения, осуществляется плюрализация политических интересов, предпочтений, позиций различных социальных групп и общностей» [4, с. 224].

В свою очередь белорусский социолог А. Н. Данилов в монографии «Переходное общество: проблемы системной трансформации» утверждает, что гуманитарные науки используют термин «трансформация» «с 50–60-х гг. XX столетия для описания радикальных структурных перемен» [5, с. 9]. По мнению А. Н. Данилова, этот термин «выражает переход к качественно новому состоянию общественной организации» [5, с. 9].

Анализ приведенных выше дефиниций позволяет сделать вывод, что трансформационное развитие, или трансформация общества, является значимым типом социальной динамики, связанным с масштабными качественными изменениями, которые системно происходят во всех сферах общества.

На наш взгляд, *трансформационное развитие* общества представляет собой совокупность системных явлений и процессов, в ходе которых происходит перестройка прежних и возникновение новых социальных институтов и общественных отношений, качественные изменения социальной структуры, образа жизни, ценностных ориентаций социальных субъектов и переход к новому прогрессивному типу социума.

Сущностными социологическими характеристиками трансформационного развития общества являются:

детерминированность социальным событием макросоциального характера; наличие социальных субъектов, выступающих в качестве движущей силы трансформационных процессов и изменений;

прогрессивная социальная направленность, то есть выбор социальными субъектами качественно другого пути развития и последовательного созидания нового типа социума;

системные изменения на всех уровнях и во всех сферах общества, в образе жизни, ценностных ориентациях основных социальных субъектов;

параллельное существование, а также противостояние между социальными субъектами, представляющими старые и зарождающиеся новые социальные институты и общественные отношения.

Трансформационное развитие общества также характеризуется неопределенностью, противоречивостью, нестабильностью.

Трансформационные процессы, явления и изменения, таким образом, существенно отличаются от других явлений и процессов, меняющих общество, например, от процессов социальной модернизации и социального совершенствования. Социальная модернизация, например, представляет собой глубокое обновление, приведение в соответствие с современными нормами и требованиями институтов и отношений, образующих политическую, экономическую, социальную и культурную системы общества, без кардинального, качественного изменения его типа. В свою очередь, социальное совершенствование являет собой эволюционный вид социальных изменений, когда при сохранении основы ведущих в социуме политических, экономических, социальных и культурных институтов, отношений и структур происходит улучшение их различных качественных характеристик. Трансформационное раз-

витие общества, в отличие от социальной модернизации и социального совершенствования, а также от других видов социальных процессов, связанных с изменениями социальных институтов, общественных отношений и структур, предполагает качественное изменение типа политической, экономической, социальной и культурной системы социума.

Толчком для трансформационного развития современного белорусского общества явилось эпохальное социальное событие макросоциального характера – распад Советского Союза в 1991 г. и крах мировой социалистической системы. Это социальное событие макросоциального характера открыло новый исторический этап в развитии белорусского общества и обусловило возможность и необходимость трансформации его базовых социальных институтов и отношений. На наш взгляд, в этом и состоит парадигмальное значение распада Советского Союза как макросоциального события в новейшей истории современного белорусского общества и его взаимосвязь с современным этапом трансформационного развития белорусского социума.

Следует отметить, что распад Советского Союза воспринимается в качестве знаковой и значимой исторической вехи белорусского общества общественным мнением населения Республики Беларусь. Так, согласно данным репрезентативного социологического опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в июле–августе 2016 г., распад Советского Союза, по мнению 51,7 % жителей Беларуси, является значимым и знаковым социальным событием в истории белорусского общества (в сумме больше 100 %, так как каждый респондент мог выбрать несколько вариантов ответа на предложенный вопрос).

Первые годы трансформационного развития белорусского общества характеризуются возникновением и становлением трансформационных явлений и процессов в условиях кризисной и во многом хаотичной социально-политической и, особенно, социально-экономической ситуации, которая имела место в 90-е годы прошлого столетия.

В политической сфере белорусского общества основными трансформационными процессами и изменениями – последствиями влияния распада Советского Союза были: утрата Коммунистической партией Беларуси главенствующей политической роли и влияния в белорусском обществе; демократизация общественно-политической жизни в стране, появление и развитие множества политических партий и общественных движений, выражающих различные идеологические взгляды.

В экономической сфере современного белорусского общества основной тенденцией трансформационного развития является формирование рыночных отношений, проявляющееся в постепенном правовом оформлении рыночных отношений и соответствующих механизмов хозяйствования, коммерциализации производственно-экономических и развитии торговых отношений, возникновении первых предпринимательских и коммерческих структур, в том числе частных и акционерных предприятий, предприятий с иностранным

капиталом, банков, возникновении первых субъектов рыночных отношений – социальной группы предпринимателей и бизнесменов, а также класса работников, занятых на предприятиях частной формы собственности.

На государственном уровне были предприняты попытки экономических реформ, направленных на формирование рыночных отношений. Однако многие из начатых рыночных преобразований проводились крайне медленно, непоследовательно и непродуманно и реализовались без должных политических, экономических и духовно-культурных предпосылок, что привело ко многим негативным социальным явлениям. Так, например, трансформационный процесс, связанный с переходом от плановой экономики к рыночной, заключающийся в преобразовании государственной формы собственности в частную, – процесс приватизации (разгосударствления) проводился крайне медленно и нерезультативно, затронул незначительную часть малых предприятий. Его проведение не изменило структуру собственности в экономике Беларуси. Другой важнейший трансформационный процесс, связанный с переходом к рынку, – либерализация цен, которая проводилась с целью перехода от государственного ценообразования к рыночному, состоялась также только частично и привела, главным образом, к негативным социальным последствиям – повышению цен, росту инфляции, товарному дефициту.

Таким образом, несмотря на возникновение качественно новых политических, экономических, социальных и культурных явлений, процессов, перемен и тенденций, в первые годы после обретения государственной независимости в белорусском обществе не произошло трансформационных преобразований, которые бы позволили утверждать о стремительной и радикальной ломке прежних и интенсивном формировании новых социальных институтов и общественных отношений.

Важной и знаковой вехой трансформационного развития современного белорусского общества стало принятие Конституции Республики Беларусь, в которой правовое признание и легитимацию получили следующие, связанные с трансформационным развитием современного белорусского общества, изменения: перемена социально-политического и социально-правового статуса белорусского государства – Республика Беларусь объявлялась независимым, демократическим, социальным и правовым государством; признание многообразия различных политических идеологий и возникновение политико-идеологического плюрализма в обществе; признание человека, его прав и свобод высшей целью и ценностью общества и государства; признание частной формы собственности на средства производства.

Во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов в условиях утверждения социально-политического института президентства белорусское государство выделяется в качестве субъекта, оказывающего доминирующее влияние на развитие белорусского общества. Это обстоятельство является значимой особенностью трансформационного развития современного белорусского общества.

Вследствие влияния ряда факторов: 1) глубокого системного кризиса, который разразился в белорусском обществе вследствие влияния распада Советского Союза; 2) хаотичного, социально болезненного и во многом провального осуществления первоначальных попыток трансформационных преобразований в первые годы после обретения независимости; неготовности широких слоев населения в условиях падения их уровня и качества жизни к радикальным общественным реформам; 3) вследствие отсутствия многих значимых для осуществления трансформационных преобразований политических, экономических и социокультурных предпосылок, условий и факторов новым руководством Беларуси был сделан стратегический выбор в пользу эволюционного пути развития белорусского общества. Данный путь заключается не в радикальной ломке социалистических институтов и отношений, то есть не в проведении глубоких институциональных политических и экономических реформ, структурной перестройки политической и экономической системы по пути «шоковой терапии», а в постепенном, социально взвешенном и мирном политическом, экономическом, социальном и культурном формировании нового типа белорусского общества, по так называемому «белорусскому пути» или «белорусской модели развития».

В частности, в политической сфере современного белорусского общества новое руководство страны взяло курс на активное созидание современного суверенного независимого белорусского государства, основными социально-политическими признаками которого являются: сильная и эффективная государственная власть; социальная ориентированность государственных органов; многовекторная и миролюбивая внешняя политика; ориентация на стратегическое сотрудничество и интеграцию с Российской Федерацией, связанная со строительством Союзного государства Беларуси и России, а также развитием других интеграционных объединений с Российской Федерацией и иными странами СНГ.

В экономической сфере современного белорусского общества стратегическим выбором руководства страны стало созидание, на основе производственно-экономической базы, доставшейся Беларуси после распада Советского Союза, социально ориентированной модели рыночной экономики, предполагающей одновременное развитие как частного сектора, так и государственного; социальную защиту со стороны государства малоимущих слоев населения; использование как рыночных механизмов, так и применение административных методов управления экономическими процессами.

Характерными особенностями трансформационного развития современного белорусского общества по эволюционному пути являются социально взвешенный и мирный характер перехода к новым социальным институтам и отношениям (в частности, немаловажным социально значимым преимуществом продвижения по эволюционному варианту трансформационного развития стало то, что отсутствие радикальных, «шоковых» реформ позволило

широким слоям населения Беларуси легче адаптироваться к качественно изменившимся после распада Советского Союза социально-экономическим условиям); преемственность с советским этапом развития; существенное регулирование трансформационных процессов со стороны государства; длительность и медленный переход к новому типу белорусского социума.

Трансформационное развитие современного белорусского общества также характеризуется трудностью, то есть наличием значительного количества объективных и субъективных трудностей и проблем, препятствующих осуществлению трансформационных процессов и изменений и незавершенностью, несформированностью в полной мере новых социальных институтов и общественных отношений.

Важной характеристикой трансформации современного белорусского общества, по мнению белорусского социолога Н. А. Барановского, являются различные темпы динамики трансформационных процессов и изменений. Так, следует согласиться с его мнением, что «трансформационные изменения в экономической, политической, социальной и культурной сферах современного белорусского общества имеют различную динамику, что в определенной степени затрудняет его развитие» [6, с. 61].

Во втором десятилетии XXI в. качественно новой тенденцией трансформационного развития современного белорусского общества становится постепенное формирование предпосылок, связанных с его переходом в стадию постиндустриального и информационного этапа развития. Данный курс дальнейшего развития Беларуси активно поддерживается руководством белорусского государства. В частности, об этом свидетельствует принятие в 2017 г. Президентом Беларуси Декрета № 8 «О развитии цифровой экономики».

Таким образом, резюмируя, следует отметить, что, во-первых, распад Советского Союза стал эпохальным социальным событием – судьбоносной вехой в исторической эволюции белорусского общества. Значимая роль распада Советского Союза в 1991 г. состоит в том, что данное социальное событие макросоциального масштаба открыло новый исторический этап – переходный период в эволюции белорусского общества, заключающийся в эволюционной трансформации социалистических социальных институтов и общественных отношений. Внезапный и во многом катастрофический характер распада Советского Союза для белорусского общества во многом предопределил особенности и динамику его развития в трансформационный период. Во-вторых, социодинамика и направленность политического, экономического, социального и культурного развития современного белорусского общества, а также характер происходящих в нем изменений за годы после обретения государственной независимости позволяют сделать вывод, что трансформация социалистических институтов и отношений, причинно-следственно связанная с распадом Советского Союза, осуществляемая по эволюционному пути – без радикальных политических и экономических преобразований, является соци-

ально оправданной. Однако этот процесс, оправданный особенно в кризисные 90-е годы прошлого века, нельзя растягивать на длительный период, так как обостряются социальные противоречия и создается реальная угроза срыва трансформационных процессов и возврата к прежнему типу общества.

Список использованных источников

1. *Штомпка, П.* Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
2. Социальная траектория реформируемой России : исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. – Новосибирск : Наука, Сиб. предприятие РАН, 1998. – 737 с.
3. *Бабосов, Е. М.* Социология : энцикл. слов. / Е. М. Бабосов ; предисл. Г. В. Осипова. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009. – 480 с.
4. *Бабосов, Е. М.* Человек в социальных системах / Е. М. Бабосов. – Минск : Беларус. навука, 2013. – 481 с.
5. *Данилов, А. Н.* Переходное общество: проблемы системной трансформации / А. Н. Данилов. – Минск : Харвест, 1998. – 432 с.
6. *Барановский, Н. А.* Национальная идея в контексте общественного развития Беларуси / Н. А. Барановский // Беларус. думка. – 2017. – № 7. – С. 60–65.

Поступила 14.09.2018 г.

Е. В. МАРТИЩЕНКОВА,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, e-mail: marti.74@mail.ru

ФЕНОМЕН ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В АНАЛИЗЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

В данной статье рассматривается история возникновения и развития знаний ученых-гуманитариев о феномене «общественное мнение». Проведенный теоретико-методологический анализ позволил сделать вывод: общественное мнение – это многогранное социальное явление, которое зависит от типа общества, в котором оно формируется и развивается, от его ценностей и совокупного общественного строя. Существовая в среде других социальных институтов, институт общественного мнения тесно переплетается с ними, обладает своей структурой и функциями. Без всестороннего изучения общественного мнения невозможно развитие эффективных форм принятий решений и управления в современных условиях.

Ключевые слова: общественное мнение, методологические подходы, социум, социальный строй.

E. V. MARTISCHENKOVA,

*Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
e-mail: marti.74@mail.ru*

PHENOMENON OF PUBLIC OPINION IN THE ANALYSIS OF SOCIAL PHENOMENA

The article considers the history of the emergence and development of scholars of the humanities knowledge about the phenomenon of “public opinion”. Theoretical and methodological analysis made it possible to conclude that public opinion is a multifaceted social phenomenon that depends on the type of society in which it is formed and develops, on its values and the overall social system. Existing within other social institutions, the institution of public opinion is closely connected with them and it has its own structure and functions. Without a comprehensive study of public opinion, it is impossible to develop effective forms of decision-making and management in modern conditions.

Keywords: public opinion, methodological approaches, society, social structure.

В современной Беларуси, как и во всем мире, существенно возрастают требования общества к качеству государственного управления. Тем самым еще большую социальную ценность приобретает наука «Социология», которая призвана решать конкретные теоретические и практические проблемы совершенствования управленческой практики. В сложившейся ситуации необходим поворот в сторону большего учета общественного мнения, которое должно стать для управленца действенным механизмом улучшения своей работы. Общественное мнение является первичной социальной информацией; сообщает управленцу необходимые сведения о коллективных потребностях, интересах, суждениях, ценностных ориентациях и поведенческой мотивации

членов подведомственного социума. Вся эта информация имеет принципиальное значение для государственного управления и должна систематически изучаться кадрами государственного управления. Знание общественных потребностей и интересов позволяет разрабатывать управленцу адекватное им управленческое решение.

Необходимость изучения общественного мнения обусловливается возрастанием его роли в условиях деbüroкратизации системы управления, становления и развития государства для народа. Увеличивается потребность в знаниях и принципах его формирования, чтобы, во-первых, направлять данный процесс и правильно выражать то, что народ сознает; во-вторых, умело пользоваться мнением как орудием регулирования отношений между людьми. Постоянное знание взглядов и настроений людей позволяет учесть их требования при решении многих вопросов как государственного, так и местного значения, и опереться на людей в реализации мер по управлению социально-экономическими процессами.

На протяжении истории развития социального знания феномен общественного мнения постоянно привлекал внимание мыслителей и ученых. Уже в трудах Платона, Сократа, Протагора, Аристотеля мы находим интерпретации понятия общественного мнения, первые попытки осознания его роли и значения в общественной жизни [1, с. 105].

В эпоху Ренессанса происходило переосмысление идей древнегреческих мыслителей в работах представителей итальянского гуманизма XV в. (Л. Бруни, М. Пальмиери, А. Ринуччини), которые выступали за последовательное осуществление демократических начал в политической жизни Флорентийской республики, равенство всех полноправных граждан перед законом и одинаковые возможности их участия в государственном управлении [2, с. 160].

В эпоху Нового времени наиболее яркой работой, связанной с изучением феномена общественного мнения в его политической интерпретации, является трактат «Государь» Н. Макиавелли. По его мнению, правителю государства необходимо изучать мнения и изменения настроений своего народа, так как народ обладает «большой силой» и является мощной опорой для своего государя: «...тем государям, которые больше боятся народа, нежели внешних врагов, крепости полезны; а тем из них, кто больше боится внешних врагов, чем народа, крепости не нужны... Лучшая из всех крепостей – не быть ненавистным народу...» [3, с. 364].

Также феномен общественного мнения рассматривался в трудах английских философов Ф. Бэкона, Т. Гоббса и Дж. Локка. Ф. Бэкон обратил особое внимание на возможность возникновения среди людей устойчивых массовых заблуждений. В общественном мнении присутствует множество недостоверных представлений, которые являются следствием прирожденной склонности людей некритически воспринимать общепринятые идеи и мнения, опираясь скорее на спонтанные чувства и предрассудки, чем на рациональное рассуждение и познание [2, с. 163].

В эволюции взглядов на роль общественного мнения важнейшее место занимают ученые эпохи Просвещения: французские просветители Ж. Ж. Руссо, Ш. Монтескьё, К. А. Гельвеций, Д. Дидро и П. Гольбах, а также немецкие мыслители – Г. Э. Лессинг, И. Г. Гердер, Ф. Шиллер и И. В. Гёте. Представители эпохи Просвещения боролись за установление «царства разума», основанного на «естественном равенстве» людей, за политическую свободу и всеобщее гражданское равенство [4, с. 670].

Вплоть до конца XIX в. общественное мнение выступало предметом философской дискуссии. Одну из первых целостных теоретических концепций общественного мнения представил Г. В. Ф. Гегель [5, с. 56]. Он выделил *субъект* и *объект* общественного мнения в их диалектической взаимосвязи, а также условия и факторы становления и проявления общественного мнения. В общественное мнение входят «принципы справедливости, подлинное содержание и результат всего государственного строя, законодательства и вообще общего состояния дел в форме человеческого здравого смысла». Гегель выявил, что «во все времена общественное мнение было большой силой» [6, с. 336–337], потому что считал субъектом общественного мнения народ, а не монарха, который может быть только выразителем народного мнения.

В работах К. Маркса и Ф. Энгельса общественное мнение рассматривалось через призму понятий «идеология», как «ложное сознание, предрассудки, стереотипы, иллюзии» [7, с. 271]. В современных толковых словарях русского языка идеология трактуется как система идей, представлений, лозунгов, взглядов, характеризующая воззрения на социально-политическую или иную жизнь какой-либо социальной группы, класса, политической партии, государства, общества [8, с. 826; 9, с. 227]. Приведенные определения фиксируют общее значение данного термина, социально-гуманитарные науки же пытаются дать более конкретные определения, выделяя характерные особенности идеологии, ее онтологический и функциональный аспекты. В социологических исследованиях преобладают трактовки идеологии как совокупности (системы) теорий, идей и представлений, выражающих интересы социальных групп, классов, всего общества, объясняющих через призму этих интересов социальную реальность и содержащих директивы (программы) практического действия [10, с. 340].

Французский социолог Гюстав Лебон также рассматривал общественное мнение сквозь призму групповой психологии, акцентируя наступление «эры масс», «бессознательной деятельности толпы», которая и выступает субъектом общественного мнения. В работе «Психология народов и масс» он указывает на некомпетентность мнения толпы («ничто не может быть изменчивей мыслей толпы, и нередко можно наблюдать, как толпа подвергает проклятьям то, что она превозносила накануне»), выражая озабоченность тем, зачастую негативным, влиянием, которое общественное мнение оказывает на прессу и правительство [11].

Значимой вехой в развитии социологии общественного мнения стали работы Эмиля Дюркгейма. Общественное мнение начинает играть особую роль

в современном обществе, которое, в отличие от традиционного, основано на формальном юридическом праве, органической социальной базой для функционирования которого и выступает общественное мнение. Общественное мнение как элемент общесоциальных, коллективных представлений и знаний передается индивиду, члену общества, посредством обучения. Эти знания уже содержат в себе определенный взгляд на мир и вытекающую из него систему ценностей и убеждений, которые в дальнейшем будут руководить поступками человека как внешняя, объективная и принудительная социальная сила.

Следуя выдвинутому им принципу социологизма, Э. Дюркгейм утверждает, что «представления, индивидуальные или коллективные, могут исследоваться научно только при условии, что они исследуются объективно» [12, с. 396], и что «нужно систематически устранять предпонятия» [12, с. 435], чтобы преодолеть обыденное мышление и сформировать научный взгляд на вещи. Таким образом, Э. Дюркгейм одним из первых осознает, что общественное мнение является специфичным предметом исследования, который должен быть мысленно изолирован и объективирован исследователем, в том числе и в отношении самого себя, своего собственного «здравого смысла».

Фердинанд Тённис, один из основоположников немецкой социологии, посвятил значительное внимание анализу общественного мнения. В своей работе «Община и общество», проводя анализ двух типов общественных связей (общинных, или традиционных, и общественных, или современных), он отмечал, что общественное мнение выступает инструментом выработки и закрепления социальных норм, играя тем самым схожую с религией роль [13, с. 354]. Тённис был одним из первых критиков зарождающейся индустрии опросов общественного мнения: в 1922 г. вышла его работа «Критика общественного мнения». На взгляд Ф. Тённиса, такие опросы неизбежно упрощают реально существующую действительность [14], в понимании которой значительную роль должна играть свободная пресса.

Свой вклад в развитие социологии общественного мнения внес и М. Вебер. Уже в 1910 г. он планировал провести исследование прессы, опередив тем самым на тридцать лет знаменитые коммуникационные исследования П. Лазарсфельда (см.: [15, с. 78–91]). Предметом исследования выступило взаимовлияние медиа и общества. Как пишет сам М. Вебер: «Исследование прессы должно быть направлено на значимые проблемы современной культуры: 1) конституирование средств психического воздействия, с помощью которых современное общество непрерывно пытается адаптировать и ассимилировать индивида (пресса – средство придания определенной формы субъективной индивидуальности человека); 2) влияние общественного мнения (в значительной мере формируемого прессой) на развитие, сохранение и разрушение художественных, научных, этических, религиозных, политических, социальных и экономических элементов культуры (пресса – элемент объективной индивидуальности современной культуры)» (цит. по: [16, с. 40–41]). Таким образом, Вебер осознавал сложную, диалектическую связь индивидуального и коллективного, социума и общественного мнения.

В американской социологии одним из первых проблематику общественного мнения затронул Чарльз Хортон Кули. В своем труде «Человеческая природа и социальный порядок» он указывал, что общественное мнение является результатом межличностного взаимодействия и коммуникации, особо подчеркивая возникающий в них эффект синергии. «Общественное мнение – это не просто агрегация отдельных индивидуальных суждений; это – организация, совместный продукт коммуникации и взаимного влияния. Оно может быть столь же отличным от суммы всего того, что каждый индивид в состоянии получать в отдельности, сколь корабль, сооружаемый сотней человек, отличается от сотни лодок, которые они построили бы каждый в одиночку», – отмечал американский социолог [17, с. 121]. Поэтому Чарльз Кули, признавая неизбежную ограниченность общественного мнения по сложным и специфическим вопросам, полагал правильным привлекать к их решению и экспертов.

Большую роль в закладывании основ эмпирического социологического анализа общественного мнения сыграли работы американского социолога Уолтера Липпмана. В работе «Общественное мнение» он актуализировал вопрос о социальной сущности общественного мнения, за основание выделения которого «взял способ его функционирования и формирования как кристаллизацию представлений, знаний и мнений, существующих в виде эмоционально окрашенных стереотипов, представляющих своего рода механизм “селективного восприятия”» [18, с. 59]. Стереотипы, по У. Липпману, упрощают с целью «экономии усилий» сложную картину окружающего мира, помогая людям воспринимать и интерпретировать информацию: «Мы допускаем, что человеческие поступки основываются не на прямом и очевидном знании, а на картинах, которые индивид рисует сам или получает от кого-то другого» [18, с. 46]. Поэтому результаты проводимых опросов по изучению общественного мнения, на взгляд У. Липпмана, отражают не реальные мнения людей, а существующие в конкретном обществе стереотипы. Соответственно власть не должна всегда опираться на общественное мнение, поскольку оно может быть некомпетентным, но может учитывать его и влиять на его с помощью системного информационного обеспечения населения.

Представитель символического интеракционизма Герберт Блумер считал, что общественное мнение относится к сфере коллективного поведения, где согласуются линии индивидуального поведения. «Будучи коллективным продуктом, – писал он, – общественное мнение представляет всю общественность в ее готовности к действию по решению проблемы и как таковое делает возможным согласованное действие, которое не обязательно основано на консенсусе, контакте или случайном совпадении индивидуальных выборов. Общественное мнение всегда движется по направлению к какому-то решению, пусть даже оно и не бывает иногда единодушным» [19, с. 88–89].

С 30-х годов XX в. интенсифицируется проведение эмпирических исследований общественного мнения Дж. Гэллапом, А. Кроссли, Х. Кэнтрилом, Э. Роупером, Ж. Стетцелем [4, с. 672–673]. Общественное мнение отождест-

вляется с результатами массовых опросов населения, сводясь к простой совокупности разрозненных индивидуальных мнений. Значимой вехой в развитии прикладной социологии общественного мнения стали электоральные измерения Дж. Гэллага, впервые давшего точный научный прогноз итогов выборов президента США в 1936 г. Опросы общественного мнения начинают активно внедряться в исследовательскую практику политических, коммерческих и гражданских организаций по всему миру.

Изменяется и направленность рефлексии феномена общественного мнения: осознается возможность изменения общественного мнения в результате определенного информационного воздействия на людей. Сами опросы общественного мнения постепенно также начинают рассматриваться не только как инструмент изучения, но и как инструмент влияния на общественное мнение людей, как средство манипулирования и политического воздействия. Позднейшая теоретическая база под эту идею была подведена Робертом Мертоном в его концепции «самоисполняющегося пророчества», которая, в свою очередь, восходит к сформулированной им же «теореме Томаса» («Если человек определяет ситуацию как реальную, она – реальна по своим последствиям») [20, с. 168].

Огромный вклад в исследование общественного мнения внес П. Лазарсфельд, который возглавлял Бюро прикладных социальных исследований в Нью-Йорке, являющееся одним из крупнейших в мире исследовательских учреждений середины XX столетия. Круг научных интересов коллектива этого Бюро был достаточно широк: ими изучались социальные функции популярной и серьезной музыки (Э. Зухман и Т. Адорно), газеты (Б. Берельсон), а Л. Левенталь проводил контент-анализ биографий современников в популярных журналах. Работы П. Лазарсфельда касались изучения воздействия радио и прессы на их аудиторию [4, с. 674].

Сложную природу общественного мнения продолжают изучать исследователи современной западной социологии. Следуя марксистски ориентированным концепциям общественного мнения, где оно признается продуктом манипуляции и представляется как «ложное сознание» (Ч. Р. Миллс, Д. Рисмен), свои провокативно-критические взгляды на сущность общественного мнения в работе «Общественное мнение не существует» высказал Пьер Бурдьё [21, с. 159–177]. Автор демонстрирует производность, «искусственность» общественного мнения, поскольку, во-первых, не все люди могут иметь собственное мнение по различным проблемам; во-вторых, не все мнения одинаково значимы (а простое суммирование индивидуальных мнений приводит к конструированию псевдореальности); в-третьих, в обществе чаще отсутствует консенсус по восприятию тех или иных проблем, что лишает исследователя возможности применять одинаковые вопросы и индикаторы в своих опросах. Таким образом, в действительности не отрицая существования общественного мнения как такового, П. Бурдьё призывает критически и рефлексивно относиться к этому социальному феномену.

Проблема общественного мнения рассматривается и в работах современного немецкого социолога Никласа Лумана [22, с. 114–125]. Следуя собственной теории коммуникации, Н. Луман фокусируется на процедурной и тематической стороне коммуникации, лежащей в основе феномена общественного мнения. Учитывая невозможность одновременного обсуждения всех актуальных проблем, необходимо иметь процедуру определения приоритетных тем в условиях высокой конкуренции «повесток дня», самих медиа и неизбежной неопределенности происходящих процессов. В этом и состоит один из ключевых вызовов для всей системы общества: формирование, удержание и обсуждение действительно актуальной «повестки дня», а не только ведение «коммуникации ради коммуникации». При этом важно понимать, что коммуникативный процесс распределен, «рассеян» по всему социуму, охватывает в той или иной степени его многочисленные разнородные сообщества и группы, которые, однако, в значительной мере подчиняются общим «законам» коммуникации.

Особое место среди работ советских социологов, посвященных феномену общественного мнения, принадлежит трудам Б. А. Грушина, впервые предложившего комплексный подход к изучению массовых мнений [23, с. 67]. Критикуя монистическую позицию А. К. Уледова, он утверждает, что общественное мнение – это плюралистическое образование. «Тезис о том, что субъектом общественного мнения является “общество в целом”, оказывается удовлетворительным и вполне достаточным лишь до тех пор, пока речь идет о единодушном мнении всех членов общества, т. е. пока общество выступает действительно как нечто монолитное – случай довольно частный в практике функционирования общественного мнения. Когда же мнение “общества в целом” раскалывается, когда по тому или иному вопросу появляется несколько различных мнений, мнение большинства и мнение меньшинства и т. д., тогда отождествление субъекта мнений исключительно с “обществом в целом” уже не “срабатывает”», – отмечает Б. А. Грушин [23, с. 171].

Большое внимание советских исследователей было обращено на изучение структуры общественного мнения. Так, М. К. Горшков говорит о сущностной структуре феномена, выделяя рациональный, эмоциональный и волевой компоненты [24, с. 147]. Он предлагает динамическую концепцию общественного мнения, сочетая монистический и плюралистический подходы А. К. Уледова и Б. А. Грушина и выявляя нелинейную связь общественного мнения и социального поведения.

Особо значимым аспектом исследования общественного мнения является изучение связи между процессом его формирования и выражения и уровнем социальной напряженности в обществе, векторе социальных настроений и социального самочувствия. Среди работ, посвященных анализу подобных тем, следует назвать труды российских социологов В. Б. Житенева, В. Н. Иванова, С. П. Парамоновой, Ж. Т. Тощенко, С. В. Харченко [25]. Применение институционального подхода к исследованию общественного мнения можно найти

в работах А. М. Демидова, М. С. Ошерова, Л. Г. Судас [26]. Особо следует отметить труды Д. П. Гавры, в которых определены институциональная природа общественного мнения, выделены его многообразные функции [27].

В белорусской социологии общественное мнение становилось предметом изучения в работах Е. М. Бабосова, А. Н. Елсукова, С. А. Шавеля [28], А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана, В. О. Беспалого [29] и др. Так, С. А. Шавель общественное мнение понимает как «полный набор возможных альтернатив, кем бы они ни выдвигались, и выбор тех из них, против которых никто не выступает. Это важно: не тех, которые поддерживает большинство, а тех, против которых не возражают» [28, с. 40].

Первое белорусское учебное пособие «Социология общественного мнения: курс лекций» подготовила Л. Г. Титаренко. В данном учебном пособии представлены классические и современные теории общественного мнения, проанализированы объект и предмет общественного мнения, рассмотрены методология и методы его изучения.

Таким образом, на протяжении многих веков и вплоть до настоящего времени философы, социологи, историки и юристы проявляли большой интерес к феномену общественного мнения. Ими было высказано много глубоких идей о его значимой роли в государственной и общественной жизни любого социума. Сегодня общераспространенным является положение, что общественное мнение выступает важнейшим фактором развития всех демократических социумов [30, с. 66].

Список использованных источников

1. *Аристотель*. Политика : пер. с древнегреч. – М. : АСТ, 2002. – 393 [2] с.
2. *Горшков, М. К.* Общественное мнение: история и современность / М. К. Горшков. – М. : Политиздат, 1988. – 383 с.
3. *Макиавелли, Н.* Избранные сочинения / Н. Макиавелли. – М. : Худож. лит., 1982. – 503 с.
4. *Добренков, В. И.* Фундаментальная социология : в 15 т. / В. И. Добренков, А. И. Кравченко. – М. : ИНФРА-М, 2005. – Т. 7 : Человек. Индивид. Личность.
5. *Гегель, Г. В. Ф.* Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 524 [2] с.
6. *Гегель, Г. В. Ф.* Сочинения : в 14 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М. ; Л. : Соцэкгиз, 1934. – Т. 7. – 380 с.
7. Идеология (Противоположность марксистско-ленинской и буржуазных концепций). – М. : Мысль, 1979. – 271 с.
8. *Ефремова, Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ : Астрель, 2006. – Т. 1 : А – Л. – 1165 с.
9. Современный толковый словарь русского языка / авт.-сост. А. Н. Чехомоненко. – Минск : Харвест, 2007. – 784 с.
10. Социологическая энциклопедия : в 2 т. / Нац. обществ. науч. фонд ; рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин ; гл. ред. В. Н. Иванов. – М. : Мысль, 2003. – Т. 1. – 694 с.
11. *Лебон, Г.* Психология народов и масс / Гюстав Лебон. – СПб. : Макет, 1995. – 311 с.
12. *Дюркгейм, Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М., 1991. – 575 с.
13. *Тённис, Ф.* Община и общество / Ф. Тённис // В. Чеснокова. Язык социологии. – М. : ОГИ, 2010. – 544 с.
14. *Tönnies, F.* Kritik der öffentlichen Meinung / F. Tönnies. – Berlin : Julius Springer, 1922.

15. Мануильская, К. М. Становление и развитие эмпирических исследований в немецкой социологии / К. М. Мануильская // Социол. журн. – 2010. – № 1. – С. 78–91.
16. Сокулер, З. А. Размышления над проблемами теоретического наследия Макса Вебера в современной западной социологии (сводный реферат) / З. А. Сокулер // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. – 1999. – № 4. – С. 22–43.
17. Cooley, Ch. Social Organization. Human Nature and the Social Order. Glencoe, Illinois: Freadress, 2002. – 413 p. (Кули, Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. – М. : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 2000.)
18. Липпман, У. Общественное мнение : пер. с англ. / У. Липпман. – М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
19. Блумер, Г. Американская социологическая мысль / Г. Блумер ; под ред. В. И. Добренкова. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 496 с.
20. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М. : Хранитель, 2006. – 880 с.
21. Бурдьё, П. Общественное мнение не существует / П. Бурдьё // Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр. Г. А. Чередниченко ; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М. : Socio-Logos, 1993. – С. 159–177.
22. Луман, Н. Что такое коммуникация? / Н. Луман ; пер. с нем. Д. В. Озирченко // Социол. журн. – 1995. – № 3. – С. 114–125.
23. Грушин, Б. А. Мнения о мире и мир мнений: проблемы методологии исследования общественного мнения / Б. А. Грушин. – М. : Политиздат, 1967. – 400 с.
24. Горшков, М. К. Партийные организации и общественное мнение / М. К. Горшков. – М. : Политиздат, 1981.
25. Тощенко, Ж. Т. Социальное настроение / Ж. Т. Тощенко, С. В. Харченко. – М. : Academia, 1996. – 196 с.
26. Судас, Л. Г. Общественное мнение: российский дискурс / Л. Г. Судас // Социально-гуманитарные знания. – 2001. – № 6. – С. 24–31.
27. Гавра, Д. П. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт / Д. П. Гавра. – СПб. : ИСЭП РАН, 1995. – 350 с.
28. Шавель, С. А. Общественная миссия социологии / С. А. Шавель. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 404 с.
29. Беспалый, В. О. Общественное мнение в современном обществе: институционализация и безопасность функционирования / В. О. Беспалый // Труды Ин-та нац. безопасности Респ. Беларусь. – 1997. – № 4. – С. 131–140.
30. Урбан, М. Социальные отношения и политические практики в посткоммунистической России / М. Урбан // Полис. – 2002. – № 4. – С. 66–85.

Поступила 15.09.2018 г.

Р. А. ВОЛОСНИКОВ,

*Государственный пограничный комитет Республики Беларусь, г. Минск,
e-mail: Roman-Volosnikov@rambler.ru*

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА НА ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Анализируются особенности влияния социальных медиа (социальных сетей, форумов, блогов) на общественное мнение. Исследуется природа воздействия социальных медиа на процесс формирования, проявления и функционирования общественного мнения. Даются определения таким понятиям, как «общественное мнение», «социальные медиа», «социальная сеть Интернета», «блогосфера».

Ключевые слова: социальные медиа, социальные сети, интернет-блоги и форумы, общественное мнение, информационное общество.

R. A. VOLOSNIKOV,

*State Border Committee of the Republic of Belarus, Minsk,
e-mail: Roman-Volosnikov@rambler.ru*

THE INFLUENCE OF SOCIAL MEDIA ON THE FORMATION AND FUNCTIONING OF PUBLIC OPINION

In this article the features of influence of the social media (social networks, internet blogs and forums) on public opinion are analyzed. The essence of impact of the social media on the process of public opinion formation and its functioning is investigated. The definitions of such concepts as “public opinion”, “social media”, “social networks”, “blogosphere” are given.

Keywords: social media, social networks, Internet blogs and forums, public opinion, information society.

Реалии современной жизни таковы, что в мире в целом и в Республике Беларусь в частности уже осуществлен переход к информационному обществу. Этот переход затрагивает все сферы общественной жизни и сопровождается ускоренным развитием информационных технологий, формирующих принципиально новое информационно-коммуникационное пространство. Развитие цифровых технологий актуализирует изучение проблем их влияния на социальную и духовную сферы общества. Особый интерес представляют вопросы формирования, развития и функционирования общественного мнения в условиях развития социальных медиа.

Теоретический анализ проблемы позволяет выделить два основных направления, позволяющих определить особенности формирования общественного мнения в условиях развития социальных медиа.

Первое направление обусловлено гносеологическими особенностями общественного мнения. С этой точки зрения общественное мнение рассматривается как состояние, форма, специфическое проявление, способ существования общественного или массового сознания. Общественное мнение – специфическое состояние массового сознания, выражающееся в рационально-оценочных суждениях и коллективных поведенческих актах (действиях или бездействиях), которые характеризуют когнитивное, эмоциональное и волевое оценочно-ценностное отношение (явное и латентное) субъекта (социальных групп, общностей и социума в целом) к объектам социальной действительности (фактам, событиям, явлениям, процессам, социальным институтам, личностям, отдельным темам и сюжетам). Различные феномены общественного (массового) сознания влияют на формирование общественного мнения, обуславливают его своеобразие, но не составляют его структуру, поэтому, применительно к общественному мнению, их следует считать его надструктурными духовными образованиями. В научной литературе такие образования называют причинами, движущими силами общественного мнения.

Являясь определенным состоянием, срезом, «снимком» массового сознания, общественное мнение испытывает на себе влияние различных массовидных духовных образований, которые обуславливают его качественную сторону: направленность, интенсивность, действенность. Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий сопровождается возрастанием объемов и разнообразия производимой информации, эти процессы, в свою очередь, оказывают значительное влияние на духовную жизнь людей: меняются их ценности, особенности протекания основных психических процессов (например, феномен «клипового» мышления и сознания).

Второе направление, описывающее специфику влияния социальных медиа на формирование общественного мнения, связано с сущностным изменением информационного пространства и качественной трансформацией характера коммуникационного процесса. В этом контексте различные интернет-ресурсы, в том числе и социальные медиа, рассматриваются как принципиально новые каналы (источники) формирования общественного мнения.

Под социальными медиа (social media) принято понимать совокупность всех онлайн-ресурсов, которые предназначены для создания добровольных сообществ их пользователей. К социальным медиа, в специальной литературе, принято относить социальные сети («Facebook», «ВКонтакте»), блоги и форумы.

Социальные сети и общественное мнение

Социальные сети – специализированная технологическая интернет-площадка, позволяющая пользователям регистрироваться (создавать свой профиль, «страничку») и вступать в коммуникационный процесс с другими пользователями (публиковать посты и комментарии, отвечать на сообщения (генерировать контент), создавать сообщества и группы.

Непосредственно проблемам влияния социальных сетей на процесс формирования и функционирования общественного мнения посвящены работы С. Г. Ушкина [10], Ю. А. Поповой [9], Д. И. Шведовой [12], Т. Кимур [6], Б. Хьюз [11], С. В. Капраловой [5] и др. Согласно результатам исследований различных авторов, социальные сети Интернета могут выступать инструментом влияния на общественное мнение, каналом для его формирования и площадкой для его кристаллизации, а также механизмом, способствующим переводу общественного мнения из сферы духовной в сферу практическую (например, консолидация и активизация деятельности протестных групп).

Основные особенности коммуникации в социальных сетях, в контексте влияния на формирование общественного мнения, сводятся к следующим моментам:

1. В социальных сетях накапливается информация, которая в последующем может оказывать влияние на формирование и функционирование общественного мнения. Насыщение социальных сетей контентом определенной направленности и содержания зависит от социальной значимости той или иной проблемы, активности определенных сил, использующих социальные сети как инструмент конфликтного взаимоотношения.

2. Социальные сети обеспечивают как горизонтальную коммуникацию между индивидами и социальными группами, так и вертикальную (между государственными структурами и членами общества). Это позволяет государственным органам вступать в диалог с обществом, выявлять потенциальные факторы негативного информационного воздействия на имидж и репутацию организации и на этой основе влиять на общественное мнение.

3. Социальные сети, являясь удобным «полем» для выражения мнения, могут служить каналом обратной связи между обществом и государством. В связи с этим представляется перспективным изучение тенденций, пристрастий, настроений участников коммуникативного процесса в социальных сетях. Систематический мониторинг социальных сетей позволяет своевременно выявлять факторы, негативно влияющие на развитие общественного мнения. В настоящее время изучение общественного мнения в социальных сетях является одним из перспективных направлений прикладной социологии.

4. Преимущественной формой общения в социальных сетях является «транзактная медийная коммуникация», в которой каждая сторона может по очереди выступать в роли получателя или передатчика информации. При этом вид информации может быть любой: текст, картинка (фото), видео, аудио. Индивид может вступать в процесс общения одновременно со множеством других пользователей. Технологическая платформа социальной сети является своеобразным информационно-коммуникационным пространством, в котором участники коммуникаций выступают одновременно получателями и создателями информации. Особенность коммуникации в социальных сетях на основе генерации мнений ее участников позволяет значительно ускорять процесс формирования общественного мнения, его кристаллизацию.

5. В социальных сетях происходит сегментация (деление) ее участников по интересам, потребностям и ценностям. Это позволяет целенаправленно осуществлять поиск необходимых социальных групп для точечного воздействия на общественное мнение конкретных субъектов.

6. Социальные сети служат как средством выражения общественного мнения, так и площадкой для его формирования. Вступая в процесс общения в рамках социальной сети, индивид, генерируя свой контент (публикуя сообщения, посты, комментарии), знакомится с мнением других участников коммуникации.

7. В условиях информационных войн и широкого распространения технологий манипулирования, информация в социальных сетях способна быть источником, формирующим общественное мнение, в интересах определенной социальной группы (оппозиции, конкретного государства, группы стран и т. д.), что может выступать фактором, создающим угрозу национальной безопасности. В этой связи социальные сети являются принципиально новым инструментом конфликтных взаимоотношений в современном обществе, средством информационного противоборства.

9. Социальные сети позволяют выявлять и объединять разрозненные очаги протестного мнения, консолидировать его и, в конечном счете, переводить общественное мнение из сферы духовной в сферу практическую, деятельностную. В этом случае социальные сети выступают реальным триггером воздействия на активность масс [10].

Общественное мнение и блоги

Проблема влияния социальных медиа на формирование и функционирование общественного мнения требует анализа такого феномена, как блогосфера. Блогосфера – совокупность всех интернет-блогов [8]. Коллективный блог – лента записей пользователей конкретной блог-платформы или социального медиа, состоящих в одном сообществе или группе. Коллективный блог, как правило, посвящен определенной тематике и ведется только теми, кого администраторы блога выбрали в качестве экспертов.

Следует выделить следующие особенности влияния блогосферы на общественное мнение:

1. Блог может выступать технологической платформой для общественной полемики. Информация по блогосфере, как и в социальных сетях, распространяется быстро и бесконтрольно, что приводит к ускорению процесса формирования общественного мнения.

2. Появление блогосферы привело к возникновению нового социального феномена – «гражданской журналистики», которая приобретает оттенок массовости. Любой желающий, имеющий возможность выхода в Интернет, может освещать события, публиковать свое мнение в блоге. Однако «гражданская журналистика» существенно отличается от традиционной: во-первых, ее пред-

ставители не принадлежат к официальным СМИ, значит, на них не распространяются правила, установленные законодательством; во-вторых, так называемые журналисты от народа зачастую не соблюдают нормы журналистской этики. Следует отметить, что на общественное мнение, в случае «гражданской журналистики», в большей степени влияет не то, насколько аргументированно излагается позиция автора и насколько глубоко проанализировал он проблему, не то, насколько она соотносится с реальными фактами, а то, насколько образно, ярко и красочно изложено его мнение.

3. Блоги являются эффективным инструментом для реализации своих потребностей и выступают механизмом, позволяющим снижать конфликтность и социальную напряженность, либо, наоборот, ее повышать. Блоги позволяют человеку самореализовываться, что способствует смягчению социальной напряженности. С другой стороны, блоги ведут к радикализации общественных процессов, обострению социальных отношений.

4. Основной особенностью блогосферы следует считать воспроизводство лидеров мнений, которые могут влиять определенным образом на общественное мнение, формировать его в нужном направлении. Лидером мнений выступают создатели и ведущие блогов. Это могут быть обычные люди, журналисты, политики, руководители государства. Именно через лидера мнений происходит влияние блогосферы на формирование общественного мнения. Социальным организациям, различным государственным институтам следует анализировать направленность публикаций в блогосфере. Государственные органы и коммерческие организации могут организовывать взаимодействие с лидерами мнений в своих интересах, тем самым оказывать влияние на процессы формирования общественного мнения.

Общественное мнение и форумы

Еще одним видом социальных медиа являются интернет-форумы (веб-форумы). Интернет-форумы представляют собой технологическую платформу для коммуникации. Форумы могут формироваться по интересам или для обсуждения конкретной темы. На форумах, как правило, вскрываются многие проблемы, которые волнуют людей. Анализ сообщений, публикуемых на форумах, позволил выявить ряд тенденций в их функционировании: пользователи в большей степени склонны комментировать статьи с негативным содержанием, чем с позитивным; большая часть сообщений, оставляемых форумчанами, может напрямую не относиться к теме статьи; содержательный анализ комментариев позволяет вскрыть имеющиеся проблемы в деятельности власти, государственных институтов; форумы являются площадкой для реализации своих потребностей в выражении скрытой агрессии (троллинг, флейминг).

Главной особенностью форумов выступает возможность общения вне режима реального времени. Пользователь может ознакомиться с мнением форум-

чан в любое время, оставить свое сообщение, вступить в дискуссию с другими пользователями.

Общественное мнение как социальное явление обладает рядом свойств: направленностью (положительной, негативной, нейтральной), подвижностью (слабой, средней, большой), стабильностью (закрепляется в традициях, нормах, обычаях), распространенностью (в экономической, культурной, политической сферах, молодежной среде, группах по интересам), компетентностью (способностью массового сознания отражать уровень владения информацией респондентов) и интенсивностью (силой напряженности), которая возникла по обсуждаемой проблеме (высокая, средняя, низкая), активностью (высокой, средней, низкой; созидательной, разрушительной) [7, с. 22–28].

Воздействие социальных медиа на общественное мнение следует охарактеризовать следующими моментами:

1. Социальные медиа позволяют ускорить процесс формирования общественного мнения. Информация, появившаяся на страницах популярных интернет-изданий, становится достоянием общественности в считанные минуты и распространяется по социальным сетям через специальные кнопки. Возможность делиться информацией в социальных сетях называется кросспостингом.

2. Социальные медиа, как правило, приводят к возрастанию некомпетентности общественного мнения. Связано это в большей степени с двумя причинами: во-первых, каждый может быть экспертом в сети, при этом даже не обладая достаточными знаниями в этой области; во-вторых, различные социальные группы могут использовать социальные сети, форумы и блоги для управления общественным мнением в рамках информационного противоборства.

3. В социальных медиа (особенно анонимных) имеется тенденция к формированию общественного мнения с негативной направленностью к объекту. Объясняется это склонностью индивидов в условиях анонимности выражать внутреннюю агрессию посредством виртуального общения (троллинг и флейминг).

4. В социальных медиа проще и удобнее консолидировать протестные настроения, переводить общественное мнение из сферы духовной в сферу практическую.

В социологии общественного мнения принято выделять следующие функции общественного мнения: регулятивную, воспитательную, оценочную, контрольную, консультативную, директивную, познавательную и др. [2–4].

Общественное мнение выступает регулятором экономических, политических, социальных, нравственных и других видов отношений (управленческий аспект). В данном контексте общественное мнение является инструментом, позволяющим посредством специальных механизмов, непосредственно или опосредованно включаться в процесс регулирования деятельности властных и иных социальных институтов, влиять на их деятельность [4, с. 10; 3, с. 43; 2, с. 215]. В этой связи, в зависимости от характера взаимодействия обществен-

ного мнения и социального института, его влияния, содержания высказываний, выделяют две основные формы: позитивную (поощряет что-либо) и негативную (осуждает, отрицает что-либо) [4, с. 10]. Социальные сети, форумы и блоги могут существенно влиять на процесс формирования общественного мнения, значительно искажая его направленность. Следует указать, что для воздействия на массовое сознание многие организации, в том числе и государственные, заручаются поддержкой лидеров мнений (создателей блогов), посредством которых обеспечивается влияние на общественное мнение в их интересах.

Сущность оценочной функции заключается в выражении ценностного отношения масс к социальным фактам, событиям, процессам или явлениям социальной действительности, деятельности социальных институтов и их представителей. Оценочная функция общественного мнения определяется его гносеологической природой, основу которого составляют оценочно-ценностные субъект-объектные отношения. Не каждый объект социальной действительности может быть однозначно и объективно оценен в массовом сознании. Технологические возможности социальных медиа позволяют оценивать что-либо одним кликом, например, кнопками «нравится», «лайк» и т. д.

Сущность контрольной функции заключается в том, что общественное мнение всегда занимает какую-либо позицию по некоторому вопросу и стремится к тому, чтобы деятельность отдельных социальных организаций и институтов отвечала ему. Общественное мнение с данной точки зрения может выступать реальным контролером деятельности социальных институтов, причем эффективность общественного мнения бывает достаточно высокой, во-первых, в силу его авторитета, а во-вторых, возможности перехода недовольного большинства к нежелательным для власти (определенного социального института) формам социальных действий.

Возможности социальных сетей и форумов позволяют быстро распространять любую информацию о деятельности социального института, объединять отдельные разрозненные группы в единую сеть на основе отношения к объекту. Социальные сети выступают эффективным механизмом, позволяющим переводить общественное мнение из духовной сферы в практическую (например, готовить петиции и даже собирать людей на площади). Близка по своей сути к контрольной функции защитная функция общественного мнения, которая отражает его двойственную сущность как духовного феномена, с одной стороны, и духовно-практического – с другой. С помощью данной функции общественного мнения широкие массы могут отстаивать и защищать свои интересы, права и свободы.

Консультативная функция общественного мнения заключается в том, что она позволяет выработать мнение в форме совета, предложения по различным социальным проблемам и поэтому служит укреплению механизма взаимодействия общества и власти, различных социальных институтов. В этой связи

необходимо учитывать возможности (объективные и субъективные) работы компетентного мнения, способного выполнять консультативную функцию [2, с. 221; 3, с. 42]. Социальные медиа и форумы могут выступать платформой, в которой генерируются мнения многих индивидов по конкретным темам и вопросам. При этом пользователи социальных сетей зачастую бывают дилетантами в тех или иных вопросах, поэтому общественное мнение, формируемое в социальных сетях, не всегда обладает достаточным уровнем компетентности.

Изучение и анализ научной литературы по исследуемой проблеме позволяет констатировать, что между общественным мнением и таким феноменом, как имидж, существует определенная функциональная связь, которая проявляется в двух основных моментах: во-первых, общественное мнение об объекте (социальном институте, организации, личности) выступает эффективным инструментом формирования его имиджа; во-вторых, сформированный устойчивый образ (имидж) может влиять на общественное мнение [1]. В первом случае это означает, что формирование позитивного общественного мнения в отношении объекта и его различных сторон позволяет в массовом сознании создать его положительный образ (имидж), а во втором – положительный имидж объекта может сглаживать в сознании людей негативные проявления с его стороны. В этом случае субъект будет проявлять стремление оправдать эти негативные проявления. Другими словами, чем безупречнее имидж и репутация объекта, тем труднее поменять общественное мнение о нем. На основании вышеизложенного представляется возможным выделить дополнительную функцию общественного мнения – имиджеформирующую, раскрывающую механизм воздействия общественного мнения на имидж и репутацию его объекта. Учитывая, что социальные сети могут использоваться различными социальными группами для продвижения своих частных интересов, в рамках конфликтной коммуникации, то в социальных сетях может целенаправленно проводиться работа по дискредитации отдельных организаций.

Таким образом, социальные медиа выступают существенным фактором информационного пространства, обуславливающим процессы формирования общественного мнения. При этом общественное мнение может формироваться как на основе достоверной, так и искаженной информации. Выступая принципиально новым каналом коммуникации, социальные медиа ускоряют процесс зарождения и формирования общественного мнения, а также значительно расширяют коммуникационное пространство, вовлекая в процесс формирования общего мнения широкие массы. Мнения, публикуемые в социальных сетях и форумах, не всегда обладают достоверным и объективным знанием, что может существенно влиять на компетентность сетевого общественного мнения. Социальные медиа воздействуют на функционирование общественного мнения, трансформируя его оценочную, контрольную, защитную и имиджеформирующую функции.

Список использованных источников

1. *Батайкина, С. В.* Имидж государственной службы как социальный конструкт : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / С. В. Батайкина ; Казанский гос. технол. ун-т. – Казань, 2009. – 17 с.
2. *Горшков, М. К.* Общественное мнение: история и современность / М. К. Горшков. – М. : Политиздат, 1988. – 383 с.
3. *Горшков, М. К.* Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ), 1992–2002 гг. / М. К. Горшков. – М. : РОССПЭН, 2003. – 512 с.
4. *Грушин, Б. А.* Проблемы методологии исследования общественного мнения : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.01 / Б. А. Грушин ; Ин-т философии АН СССР. – М., 1966. – 35 с.
5. *Капралова, С. В.* Прогресс информационно-компьютерных технологий и развитие интернета как факторы формирования общественного мнения / С. В. Капралова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 4 (20). – С. 169–172.
6. *Кимура, Т.* Интернет, СМИ и общественное мнение в Японии (Ч. 1) [Электронный ресурс] / Т. Кимура. – Режим доступа: <http://www.nippon.com/ru/currents/d00333/>. – Дата доступа: 10.10.2017.
7. *Коробейников, В. С.* Пирамида мнений: (Общественное мнение: природа и функции) / В. С. Коробейников. – М. : Молодая гвардия, 1981. – 222 с.
8. *Масленченко, С. В.* Социальная структура сетевого пространства / С. В. Масленченко. – Минск : А. Н. Вараксин, 2011. – 202 с.
9. *Попова, Ю. А.* Информационные технологии в системе формирования общественного мнения [Электронный ресурс] / Ю. А. Попова // Психология, социология и педагогика : электрон. науч.-практ. журн. – Режим доступа: <http://psychology.snauka.ru/2015/07/5560>. – Дата доступа: 18.06.2018.
10. *Ушкин, С. Г.* Влияние виртуальных социальных сетей на протестную активность в российском обществе : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / С. Г. Ушкин ; Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. – Саранск, 2015. – 25 с.
11. *Хьюз, Б.* О роли социальных сетей в формировании общественного мнения [Электронный ресурс] / Б. Хьюз // Rambler News Service. – Режим доступа: <https://rns.online/opinions/O-rol-i-sotsialnih-setei-v-formirovanii-obschestvennogo-mneniya-2016-10-25/>. – Дата доступа: 18.06.2018.
12. *Шведова, Д. И.* Влияние социальных сетей на формирование общественного мнения [Электронный ресурс] / Д. И. Шведова // Молодежный научно-технический вестник : электрон. журн. – Режим доступа: <http://sntbul.bmstu.ru/doc/823670.html>. – Дата доступа: 18.06.2018.

Поступила 12.10.2018 г.

И. Г. СКОРАЯ,

*аспирант Института социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: ina.skoraya@yandex.by*

СТРУКТУРА СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье дается обзор научных исследований преимущественно советских авторов о структуре свободного времени, описываются различные подходы к определению термина «свободное время». Структура свободного времени рассмотрена на фоне бюджета времени как его неотъемлемая часть.

Ключевые слова: свободное время, бюджет времени, структура, необходимое время, исследование.

I. G. SKORAYA,

*Graduate Student Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk,
e-mail: ina.skoraya@yandex.by*

STRUCTURE OF FREE TIME: THE THEORETICAL ASPECT

The article gives an overview of scientific research of predominantly soviet authors about the structure of free time, describes various approaches to the definition of the term «free time». The structure of free time considered against the background of the budget of time as its integral part.

Keywords: free time, time budget, structure, necessary time, research.

Теоретико-методологические подходы к изучению свободного времени, в разные исторические периоды, рассматривались учеными в основном с позиций философии, экономики, психологии и смежных социальных дисциплин. На наш взгляд, чтобы глубже изучить структуру свободного времени, нужно проанализировать его как неотъемлемую часть всего бюджета времени.

В исторической ретроспективе эта проблематика рассматривалась следующим образом. Одним из первых, кто ввел понятие «бюджет времени» в научный оборот в начале XX в., был американский социолог Ф. Гиддингс. Также П. Сорокин в 20-х годах прошлого века в своих работах использовал понятия «бюджет времени человека», «бюджет суток» [1, с. 64].

В 1920-х годах изучением бюджетов свободного времени занимался экономист и социолог С. Г. Струмилин. По его инициативе в России начались первые изучения бюджетов времени. Отмеченные исследования носили в основном экономический характер, так как в то время в научном познании пре-

обладала материалистическая концепция. В своих работах ученый опирался на лозунг английского философа Р. Оуэна «три восьмерки»: восемь часов человеку нужно для сна, восемь для работы и столько же для отдыха. Струмилин впервые выдвинул положение о том, что не только рабочее время имеет ценность, но и свободное время, отдых, домашний труд имеют значение в жизни человека [2].

Далее, в 1950-е годы, уделялось большое внимание изучению бюджетов времени работающего населения, а исследования имели в основном прикладной характер. На основании полученных данных удалось улучшить условия труда и отдыха различных групп населения. Полученные результаты давали возможность оценить эффективность проведенных реформ и преобразований в разных областях жизнедеятельности людей. В этот период понятие «свободное время» трактовалось как часть нерабочего времени, в свою очередь рассматривалось очень узко и носило чисто экономический характер. Большой вклад в изучение и развитие данного вопроса внесли такие ученые, как Г. А. Пруденский и Б. А. Грушин. Пруденский одним из первых начал выявлять в бюджете свободного времени нерабочее время. Он показывал, что свободное время можно использовать для всестороннего развития и формирования личности. Именно эти определения приобрели в то время большое значение. Грушин определял свободное время как часть времени, которая остается у человека за вычетом непреложных затрат [3].

Проводимые мероприятия стали толчком для разработки социологических методов, что способствовало зарождению субъективного подхода и преодолению ограниченности экономических методик. В этом ключе работали такие ученые, как Л. А. Гордон, В. Д. Патрушев, Э. В. Клопов. Патрушев в бюджете времени выделял следующие виды деятельности: работа (основная и дополнительно оплачиваемая, передвижение до места работы и обратно); труд в личном и домашнем хозяйстве (бытовой труд, воспитание детей); удовлетворение физических потребностей (сон, приготовление и прием пищи); удовлетворение культурных и социальных потребностей (отдых, общение) [4].

В научной литературе, посвященной этой проблематике, свободное время рассматривалось как время, необходимое для всестороннего развития индивида. Подчеркивалась связь потребностей человека и общества. Любая работа в свободное время могла быть нацелена на развитие внутренних личностных качеств, определялась роль свободного времени в жизни человека. Деятельность могла быть связана с производственной функцией, а могла быть направлена на рекреацию. В этот период были введены в оборот такие понятия, как субъективное восприятие свободного времени и возможность свободы для выбора времяпрепровождения.

В методологических концепциях Г. П. Орлова, В. А. Ядова подчеркивается влияние внутренних факторов на структуру бюджета времени. Здесь уже говорится о выборе деятельности в свободное время, исходя из своих интересов и возможностей, для удовлетворения собственных потребностей [1; 5].

В исследованиях под руководством И. В. Бестужева-Лады появилась проблематика понятия «образ жизни» [6]. Изначально структура образа жизни состояла всего из четырех частей: труд, быт, общественно-политическая и культурно-образовательная деятельность. Но после данная система показателей была расширена и включала в себя уже четырнадцать блоков (образование, показатели брака и семьи, национальную принадлежность, структуру свободного времени и т. д.). Это стало основой для изучения основных социальных показателей и характеристик образа жизни. На основании полученных данных появилась возможность упорядочить различные виды деятельности по степени значимости, в том числе и свободное время.

По нашему мнению, позиции, изложенные в работах Струмилина, Грушина, Пруденского, выражают чисто объективные взгляды на свободное время, в то же время определения Орлова, Ядова строго субъективные, что, конечно, не способствует всестороннему изучению данной проблематики. Поэтому, исходя из вышеизложенного, мы предлагаем рассмотреть структуру свободного времени в рамках диалектической концепции, объединяющей оба эти подхода. Предложенная методология позволит в большей степени определить структуру свободного времени, так как именно сочетание субъективной и объективной составляющей помогут в комплексе рассмотреть данный феномен.

Всю сферу социального времени К. Маркс делил на следующие части: рабочее время, досуг, свободное время и т. д., где рабочее время выделял как главное. Ученый подчеркивал наличие зависимости между способом деятельности и социальным временем. Другими словами, социальное время и деятельность характеризуются друг через друга. Деятельность и время являются основой образа жизни человека. На выбор деятельности в свободное время влияет образ жизни человека. Маркс определил образ жизни как «определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни» [7, с. 19].

Развитие производительных сил и производственных отношений определяет возможность увеличения продолжительности свободного времени, которое человек сможет потратить на личные нужды и развитие творческих способностей. К. Маркс писал, что богатство общества будет измеряться не количеством рабочего времени, а свободного. Именно свободное время даст возможность человеку развиваться духовно и творчески как личности. В структуре свободного времени К. Маркс выделял две составные части: досуг (отдых, развлечение) и время для более возвышенной деятельности. Эти части одинаково важны, но выполняют разные социальные функции. Функция досуга прежде всего рекреационная и направлена на восстановление сил человека, вторая составляющая ориентирована на развитие личности. Это могут быть творческие занятия, хобби и др. Время – это пространство для человеческого развития, через объективные потребности личности в совершенствовании, где деятельность зависит от системы ценностей индивида [8, с. 147].

Исходя из открытого К. Марксом закона экономии времени – «всякая экономия сводится к экономии времени» [9, с. 116–117], определяем, что время –

вид богатства, которым человек может распоряжаться только в условиях свободы. Учение Маркса о необходимости и свободе положено нами в основу структурирования бюджета времени. Марксистское понимание свободы в том, что она нужна человеку для ее практического воплощения в собственной деятельности. Необходимость воплощает внутреннюю личностную потребность действия, определяемую системой жизненных ориентаций и ценностей. Исходя из этого подхода, из общего бюджета времени выделим вне рабочее время и разделим его на необходимое и свободное время. В работах С. Г. Струмилина можно проследить предложенные им следующие направления видов деятельности:

1. Необходимое время: производственный труд: в общественном хозяйстве, в личном хозяйстве; семейный, домашний труд: уход за детьми, приготовление пищи, другие затраты; потери времени: ходьба и езда на работу и обратно, покупки; неустраняемые потребности: прием пищи, дневной и ночной сон.

2. Свободное время: физическое развитие: туризм, спорт, физкультура, прогулки; культурная самодеятельность: общественные обязанности, посещение лекций, учеба, чтение книг, газет, посещение музеев, художественная самодеятельность; культурный отдых: театр, кино и прочие зрелища, домашние игры, шашки, шахматы и др.; развлечения: хождение в гости, прием гостей, прочие потери времени; бездеятельный отдых [2].

Концепция Струмилина о необходимом и свободном времени в советский период не нашла достаточной популярности, так как превосходство в то время общего над частным, по мнению Е. В. Матвеевой, не могло дать жизнь положениям, где преобладали частные ценности индивида над общественными [10, с. 128].

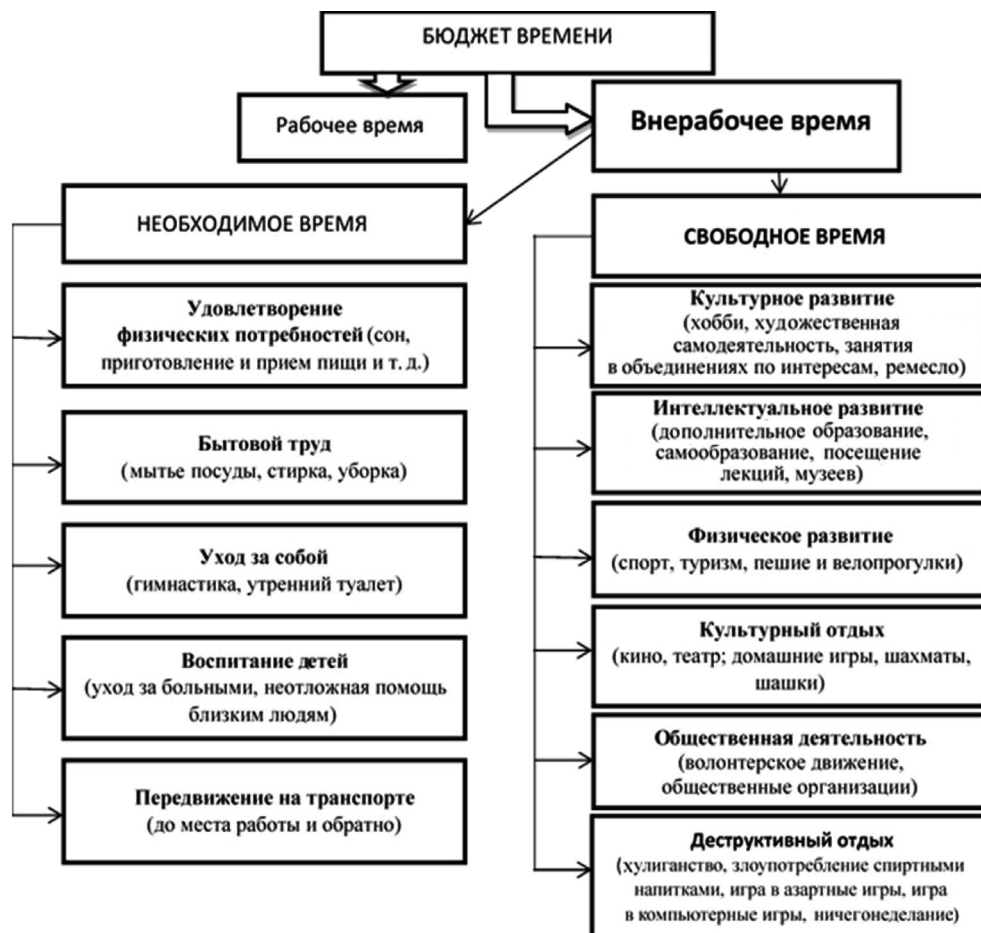
На основании вышеизложенного выделим в структуре бюджета времени необходимое и свободное время (рисунок).

Поскольку выявленные нами группы деятельности в свободное время взаимообусловлены, то далее необходимо определить их место и роль в структуре бюджета времени, а также изучить те виды деятельности, на которые направлены цели индивида. В рамках системного подхода целесообразно рассмотреть виды деятельности в совокупности, а не как отдельные явления. Значение видов деятельности в общей структуре свободного времени рационально рассмотреть с учетом его функций. Исследователями выделяется порядка десяти, но в данном исследовании нас интересуют следующие три:

- 1) развивающая (интеллектуальное, культурное, физическое развитие);
- 2) рекреационная (восстановление физического и психологического здоровья);
- 3) деструктивная (саморазрушающее поведение).

На основании вышеизложенного выделим параметры свободного времени (таблица).

Доктор философских наук Э. В. Соколов отмечает: «В свободное время возможна всякая деятельность: творческая и потребительская, созидательная

Структура бюджета времени (составлено автором по: [2; 4; 11])

и разрушительная. Имея возможность выбора, человек может предпочесть ничегонеделание, лежание, сидение, а может приняться за тяжелую работу, желая помочь близким людям или заработать дополнительные деньги» [11, с. 35]. Придерживаясь данной точки зрения, не всю деятельность в свободное время будем считать конструктивной, так как очевидно, что в отмеченных конструктах присутствуют виды деятельности и деструктивного характера.

Таким образом, свободное время – это часть внерабочего и внеучебного времени, которое остается у человека за вычетом затрат необходимого времени и может быть потрачено по собственному усмотрению на развивающие, рекреационные и деструктивные виды деятельности.

На наш взгляд, представленная методология в дальнейшем позволит выявить досуговые стратегии различных групп населения, а также изучить их ценностные ориентации и мотивации.

Параметры свободного времени

Параметры свободного времени			
Виды использования времени	Структура (в зависимости от содержания)		Содержание
	Тип деятельности	Вид деятельности	
Рабочее время (производственно- трудовые функции)	Развива- ющий	Культурно- художественный	Знакомство с культурно-историческим наследием, обращение к произведениям искусства
		Образовательно- развивающий	Учеба в свободное от работы время, посещение курсов, лекций
Необходимое время физиологический отдых (ночной сон); оздоровительные и санитарно-гигиени- ческие нужды (вклю- чая утренний туалет, гимнастику, стирку белья, мытье посуды и др.); покупка продуктов, их приготовление, прием пищи; приобретение необхо- димых вещей, товаров повседневно- го спроса и длитель- ного пользования; воспитание малолет- них детей, неотлож- ная помощь близким людям (уход за больными); дорога к месту работы и обратно		Самодельно- любительский	Хобби, самодеятельные занятия художественным творчеством, занятия в объединениях по интересам
		Общественно- политический	Посещение просветительских и благотворительных мероприятий, детских домов, волонтерская деятельность; участие в избирательных кампаниях. митингах, демонстрациях, пикетах
	Рекреа- ционный	Природно- рекреационный	Пребывание на природе, общение с домашними животными или наблюдение за дикими, фотоохота
		Санаторно- оздоровительный	Санатории, профилактории, курорты, отдых в SPA-салоне
	Рекреа- ционный	Зрелишно- развлекательный	Посещение концертов, шоу и праздников
		Спортивный	Пешие, конные, автобусные, воздушные, железнодорожные, морские путешествия; непосредственные занятия спортом или наблюдение за спортивными соревнованиями
	Деструк- тивный	Внешне- деструктивный	Нарушение социальных норм (правовых, морально-этических, культурных)
		Внутри- деструктивный	Экстремальные виды спорта, пьянство, наркомания, игра в казино, игра в компьютерные игры, ничегонеделание

Составлено автором по: [2,10,11].

Список использованных источников

1. *Артемов, В. А.* История социологии. К истории возникновения исследований бюджетов времени / В. А. Артемов // Социол. исслед. – 2003. – № 5. – С. 64–67.
2. *Струмилин, С. Г.* Проблемы социализма и коммунизма в СССР / С. Г. Струмилин. – М. : Экономиздат, 1961. – 414 с.
3. Социальные исследования. Проблемы бюджета времени трудящихся / под ред. В. И. Болгова. – М. : Наука, 1970. – 134 с.
4. *Патрушев, В. Д.* Динамика использования бюджетов времени городским и сельским населением / В. Д. Патрушев // Социол. исслед. – 2005. – № 8. – С. 34–43.
5. *Ядов, В. А.* Социологические методы исследования клубной работы / В. А. Ядов. – М. : ВНИИКИ, 1986. – 92 с.
6. *Бестужев-Лада, И. В.* Социальные показатели образа жизни советского общества / И. В. Бестужев-Лада, Г. С. Батыгин, Т. М. Дридзе ; под ред. И. В. Бестужева-Лады. – М. : Наука, 1980. – 216 с.
7. *Маркс, К.* Немецкая идеология / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1955. – Т. 3.
8. *Маркс, К.* Заработная плата, цена и прибыль / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1968. – Т. 16.
9. *Маркс, К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1978. – Т. 46, ч. 1. – С. 116–117.
10. *Матвеева, Е. В.* Социология досуга / Е. В. Матвеева. – Улан-Удэ, 2009. – 134 с.
11. *Соколов, Э. В.* Свободное время и культура досуга / Э. В. Соколов. – Л. : Лениздат, 1977. – 207 с.

Поступила 26.09.2018 г.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРСОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.2(476)

Л. Г. ТИТАРЕНКО,

*доктор социологических наук, профессор кафедры социологии,
Белорусский государственный университет, Минск, e-mail: larissa@bsu.by*

ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА

Рассматривается проблема студенческой молодежи как потенциального и актуального субъекта процесса модернизации Республики Беларусь. На основе типологии студенчества по его ведущим ценностным ориентациям выделены группы с разным модернизационным потенциалом. Выявлена связь между ценностными ориентациями студенчества и наличным потенциалом, который может быть использован государством в процессе модернизации Беларуси.

Ключевые слова: студенческая молодежь, ценностные ориентации, модернизационный потенциал, Беларусь.

L. G. TITARENKO,

*Doctor of Sociology, Professor, Belarusian State University,
Minsk, e-mail: larissa@bsu.by*

DYNAMICS OF THE STUDENTS' VALUE ORIENTATIONS AND ITS INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF MODERNIZATION POTENTIAL

The author discusses the problem of the students as a potential and actual subject of the modernization process in the Republic of Belarus. On the basis of the students' empirical typology several groups have been selected that differ by their modernization potential. Correlation between the value orientations of the students and their actual potential to be used in the modernization in Belarus has been revealed.

Keywords: students, value orientations, modernization potential, Belarus.

В современном мире происходят постоянные трансформации, и в условиях глобализации ни одна страна не может избежать влияния многих глобальных трендов. Одним из них является развитие взаимозависимости стран в мире – в экономическом, политическом, культурном измерениях. Республика Беларусь также включена в глобальные процессы, то есть существует в пространстве, названном З. Бауманом «текучей современностью» [2], а другими социологами – турбулентным миром, обществом риска и неопределенности [3; 15; 16].

В условиях глобальной изменчивости, или текучести мира, ценности и ценностные ориентации молодежи находятся под влиянием многообразных, зачастую противоречивых процессов и факторов. С одной стороны, родители

и семья как социализирующий институт по-прежнему прививают своим отрокам базовые, или «вечные», ценности семьи, любви, дружбы, уважения старших и т. п. С другой стороны, молодые люди погружены в свои возрастные референтные группы, которые могут очень сильно влиять на них и навязывать те или иные модели поведения и образцы. Зачастую молодые люди поневоле становятся объектом влияния нескольких референтных групп и в случае противоречия (конфликта) между родителями и сверстниками молодой человек нередко выбирает вторых. В таких ситуациях может происходить «разрыв поколений», затрудняться передача исторической памяти и определенных культурных образцов старших поколений. Далее, вся система образования пытается оказать влияние на молодежь – школа, среднее и высшее учебное заведение. Эти институты ориентированы на то, чтобы дать молодежи современные знания и подготовить к самостоятельной жизни. Многие из этих социальных институтов также должны решать практическую задачу подготовки квалифицированных специалистов разного уровня подготовки для народного хозяйства в соответствии с конъюнктурой рынка, заявками работодателей на выпускников учебных заведений, наличием утвержденных государством программ подготовки специалистов.

При этом молодые люди погружены в плотную сетевую информационную среду и в огромной степени подвержены влиянию ее ценностей и стереотипов – как своей страны, так и зарубежья. По некоторым данным, практически все молодые люди старше 17 лет постоянно используют интернет-ресурсы, не обращаясь к другим источникам информации [10]. В результате такого разнопланового влияния они вырастают, будучи раздираемы внутренними противоречиями и часто не имеют логически стройной и непротиворечивой системы ценностей [1; 6]. Однако главной практической целью молодежи, как и всего населения, является рост качества жизни, а образование, работа, заработная плата – это только средства для достижения данной цели. На уровне государства, как показывают многие научные разработки, признано необходимым осуществление современной модернизации общества. Остро стоит задача развития постиндустриальной экономики, к которой сегодня относят пятый и шестой экономические уклады. Они характеризуются ростом производительности труда, ростом используемой информации при одновременном снижении капиталоемкости и энергоемкости национального производства. Важно подчеркнуть, что источниками информации, обеспечивающими рост производительности труда в постиндустриальной экономике, являются новые технологии и человеческий капитал высококвалифицированных специалистов. Причем «движение к достойному качеству жизни людей... возможно прежде всего на основе инноваций, т. е. как инновационная модернизация» [8, с. 10]. Как подчеркивает известный исследователь российской модернизации Н. И. Лапин, старые факторы экономического роста уже не могут обеспечить модернизационное развитие страны, поэтому нужно активно использовать новые факторы, в том числе связанные с человеческим капиталом, наукой

и инновациями. Этот вывод означает, что страна, осуществляющая модернизацию, – будь то Россия или Беларусь – должна уделять особое внимание развитию агентов экономического развития и их модернизационного потенциала. Молодежь, как и другие социальные группы, включенные актуально или потенциально в процесс модернизации, являются таким образом и субъектом модернизации.

Исследовательская проблема состоит в том, чтобы определить, в какой мере современная белорусская молодежь, получающая высшее образование, сегодня ориентирована на то, чтобы за годы учебы сформировать такой человеческий капитал, который в будущем будет использован в деятельности, способствующей модернизации белорусского общества. Если, несмотря на возможные изменения в ценностях, студенческая молодежь наращивает свой человеческий капитал с целью последующей его конвертации в модернизационную практическую деятельность, то можно считать, что нынешние ценности студенчества способствуют (или хотя бы не препятствуют) развитию молодежного модернизационного потенциала. Таким образом, объектом нашего исследования является студенческая молодежь как потенциально важный активный субъект модернизации, а предметом исследования – влияние ценностных ориентаций студенчества на развитие его модернизационного потенциала. Студенчество является наиболее динамичной группой молодежи, которая потенциально ориентирована на ее эффективное включение в экономику и социальную жизнь страны [9]. Студенчество – это важнейший трудовой ресурс любой страны; это будущие профессионалы и управленцы, ученые и деятели культуры, поэтому выявление потенциальных возможностей участия студентов в модернизационном развитии страны поможет выбрать оптимальные пути развития их наличного трудового потенциала и инновационных возможностей. В России, по данным Росстата, за 1999–2014 гг. значительные изменения претерпела динамика занятости молодежи. Молодежь постепенно занимает более важные позиции в модернизирующейся экономике. Было выявлено, что «в настоящее время отраслевая занятость молодежи отличается от всего населения прежде всего тем, что более соответствует трендам развития постиндустриальной экономики» (цит. по: [7, с. 165]). В Беларуси таких исследований не проводилось, хотя потребность в изучении динамики отраслевой занятости молодежи, ее связи с динамикой молодежных ценностных ориентаций весьма актуальна. В частности, представляет научный интерес проблема определения, какого рода рациональность преобладает у молодежи – та, которая способствует развитию научно-технического прогресса в Беларуси, или тормозит. По мнению Г. Н. Соколовой, сегодня в мире происходит очередная смена доминирующего типа научной рациональности, что необходимо для успешного развития модернизирующегося общества [12, с. 89]. Ее развитию способствует внедрение изобретений в области информационной техники и биотехнологии, соответствующих новому циклу развития.

Социологические исследования, посвященные изучению ценностных ориентаций современной молодежи, фиксируют разные тенденции, причем социоло-

логи иногда сами оказываются в затруднении: как интерпретировать выявленную динамику ценностей современной молодежи? Можно ли быть уверенными, что студенты вкладывают в исследуемые понятия те же смыслы, что и сами социологи? [6]. В методологическом отношении оказывается необходимым тщательно подходить не только к проведению собственных опросов, но и к любым сравнительным анализам полученных результатов с другими, полученными по другим методикам, часто по другим выборкам, и с разными целями. Так, в течение десятилетий во многих странах мира проводятся исследования WVS–EVS. Их методика широко описана, собранная база данных по странам находится в открытом доступе. Однако выборки по отдельным группам населения могут быть недостаточно велики, да и группы молодежи представлены в них лишь таким образом, чтобы сделать возможным сравнения по возрастным группам, без учета социального статуса и уровня образования молодежи. Сами вопросы, для сохранения повторяемости от волны к волне, не меняются, хотя их понимание каждым новым поколением респондентов не контролируется интервьюерами. Респонденты могут по-своему понять смысл вопроса, интерпретировать его для себя в удобном виде и т. п. Многие ценности, изучаемые в опросе, звучат абстрактно, вне контекста, что дает возможность понимать под ними самое разное содержание (например, ценность «семьи вообще» позволяет понимать под ней традиционную белорусскую семью с детьми, но не закрывает возможности подводить под эту категорию другие типы семьи, включая бездетные и нетрадиционные). Если механически сравнивать полученные в этих опросах количественные результаты с данными других исследований, можно сделать неверные выводы. На наш взгляд, в некоторых случаях вместо замера ценностных ориентаций осуществляется замер существующих в сознании населения стереотипов. К таким вопросам можно отнести и вопрос о базовых ценностях. Сформулированный прямо, вне ситуации, он не измеряет реального отношения к той или иной ценности, а отражает ее общепринятую оценку в массовом сознании. Отсюда – высокие рейтинговые места, занимаемые во всех опросах семьей. Согласно данным мониторинга, проводимого Институтом социологии НАН Беларуси, семью как один из топ-приоритетов постоянно называет чуть более 70 % населения, и это число изменяется от года к году лишь в пределах ошибки выборки [5]. На наш взгляд, в современной Беларуси – стране, где почти половина заключаемых браков распадается, признание высокой ценности семьи как модели близких взаимоотношений граждан, скорее, соответствует идеальной модели семьи, но не реальной практике повседневной жизни, в которой люди легко идут на разрыв этих отношений.

По большому счету, ценности нельзя адекватно исследовать в количественных массовых опросах. Если этим пренебрегать, тогда и получают результаты, которые допускают различную интерпретацию. Однако ряд проблем, относящихся к повседневной жизни молодежи, могут изучаться и количественными методами. На наш взгляд, замер мотивов и интересов молодежи,

жизненных планов, оценка молодыми людьми своего самочувствия и удовлетворенности той или иной стороной жизни, представляя субъективные данные, тем не менее дает основание делать выводы о том, насколько высоко или низко их позиционируют респонденты, и помогают выявлять ценностные ориентации молодежи.

Данный методологический посыл был положен в основу нашего исследования ценностных ориентаций студенчества с целью последующей типологизации студенческой молодежи по критериям ориентации на инновации, творчество, самостоятельность в будущей профессиональной работе, с одной стороны, или же на будущий труд ради заработка, независимо от специальности, и на учебу в вузе ради получения диплома, а не любимой специальности. Отдельные результаты этих исследований уже излагались в ряде статей [13; 14]. В данной статье постараемся показать, что способствует, а что тормозит рост модернизационного потенциала белорусского студенчества.

Сконструированная нами типология студентов выявила, что лишь малая часть студенчества по своим ценностным ориентациям готова к инновационной деятельности в ближайшем будущем, то есть после получения высшего образования. Большинство студентов признали, что они учатся ради получения диплома, так как диплом о высшем образовании стал в Беларуси рассматриваться как необходимая основа для профессиональной карьеры молодого человека, независимо от того, будет ли он работать по полученной специальности или нет. Были сконструированы три основные группы по критерию преобладающих у каждой группы ценностей. Сами же ценностные ориентации были разделены на две группы – модернизационные и традиционные. На основе кластерного анализа базовых терминальных ценностей, характеризующих наиболее общие и фундаментальные устремления молодых людей, выделены группы «традиционалистов», «предпринимателей» и «исследователей». К первой группе при первом замере, проведенном в ходе наших исследований, было отнесено около одной трети студенчества, однако через два года эта группа выросла почти до 50 %. Видимо, за короткое время факторы, тормозящие развитие модернизационного потенциала и модернизационных ценностей, стали более значимыми. Вторая группа включала около четверти студентов в первом замере, и ее величина значимо не изменилась во втором замере. Третья группа оказалась самой маленькой, и она имеет тенденцию к уменьшению, причем она в основном представлена юношами. При этом существенная часть студентов вообще не определилась со своими ценностями; эта группа потенциально нуждается в дополнительных факторах воздействия для осознания ими собственных интересов.

Почему же наличие традиционных ценностей, выбираемых, как показывают исследования, пока еще большинством студентов, скорее мешает молодежи стать активным субъектом модернизации? Что мешает студенчеству ощущать себя более активными агентами модернизационных изменений и ориентироваться на активную модель профессионального поведения?

Для ответа на вопрос обратимся прежде всего к исследованиям Г. Н. Соколовой. Изучая состояние модернизации экономики, она выявила такие общие проблемы, которые очевидно и стали препятствием на пути формирования модернизационного потенциала студенческой молодежи. Сама белорусская реальность, развивающаяся по эволюционному пути, создает много проблем на пути модернизации. Как констатировала Г. Н. Соколова, «тенденции, связанные с поворотом государственной социальной политики в направлении инновационного развития, внутренне противоречивы» [11, с. 120]. В чем же состоят эти противоречия?

Во-первых, это разрыв между спросом на те или иные профессии на рынке труда и подготовкой молодых специалистов на рынке образования. Многие молодые специалисты не востребованы. Не случайно почти половина опрошенных нами в обоих замерах студентов выразила свою неудовлетворенность будущей профессией и неуверенность в том, что она востребована в обществе. Возможно, если бы эта востребованность существовала, ситуация могла бы измениться, и баланс между рынком труда и рынком образования был бы восстановлен. Пока же несоответствие по номенклатуре специальностей, а также по профессионально-квалификационному составу молодых специалистов тормозит и модернизацию, и развитие модернизационного потенциала студенческой молодежи.

Во-вторых, не привлекательные для молодежи перспективы оплаты труда. Как было выявлено на данных мониторинга Института социологии, «в качестве главной причины, побуждающей работников иметь вторичную занятость, назван низкий уровень оплаты труда на основной работе» [11, с. 126]. Естественно, что студенты и молодые специалисты хорошо осведомлены об этой экономической проблеме и предпочитают изначально искать работу с достаточно высоким уровнем оплаты труда, независимо от получаемой профессии и от уровня инновационности рабочего места, предлагающего высокую зарплату. Если же молодые специалисты вынуждены работать по распределению и получать небольшую зарплату, они найдут себе вторую работу. Данная ситуация не способствует ориентации нынешних студентов на развитие творчества и инновационности в рамках будущей профессии, которая не может обеспечить высокую зарплату.

В-третьих, практическое отсутствие конкуренции среди молодых специалистов за будущие рабочие места. Принудительное распределение стало гарантом первого рабочего места, независимо от результатов учебы студента. Таким образом, конкуренция нивелируется уже в учебном заведении. Более того, сегодня вузы принимают на первый курс такое количество студентов, которое превышает число тех, кто в данном учебном году окончил среднюю школу. Например, как показывает белорусская статистика, в 2015 г. среднюю школу закончили 56,6 тыс. молодых людей, а принято в вузы в том же году 63,1 тыс. человек. В следующем году ситуация повторилась: среднюю школу окончили 58,3 тыс. выпускников, а студентами стали 62,7 тыс. человек. Рынок

высшего образования растет непропорционально, что, естественно, приводит к попаданию на студенческую скамью молодых людей без высокой мотивации к учебе. Даже молодые белорусские исследователи отмечают этот парадокс, снижающий эффективность подготовки кадров как с высшим, так и со средним образованием: «На выходе из высшей школы мы получаем достаточно слабых специалистов, которые, вероятнее всего, могли бы проявить себя в рамках получения технических специальностей среднего звена. Возращение нездоровых амбиций по обязательному получению высшего образования достаточно опасно» [4, с. 68].

Наконец, имеются противоречия в роли государства, которую оно выполняет в сфере экономики. С одной стороны, государство заинтересовано в росте конкурентоспособности работников и результатов их труда, с другой, не желая стимулировать рост безработицы, государство поневоле создает комфортные условия труда для социально незащищенных групп населения, независимо от их низкой производительности труда, трудовой мотивации и отсутствием профессиональных перспектив роста на технически слабо оснащенных местах. Как указывала Г. Н. Соколова, «мы имеем конфликт между необходимостью достичь экономической эффективности занятости и не допустить при этом снижения ее социальной эффективности» [11, с. 122]. Вследствие этого конфликта у людей имеет место пассивное следование траекториям трудового поведения, которые они не выбирали, что лишает их чувства личной ответственности за труд и его результаты.

Выход из сложившейся противоречивой ситуации предлагался в переходе на механизмы долгосрочной количественной и качественной подстройки экономики к потребностям модернизации экономики, к числу которых относятся повышение эффективности использования рабочей силы на микроуровне; согласование рынка образовательных услуг и рынка труда; повышение институциональной гибкости рынка труда [11, с. 132]. Очевидно, что не все эти механизмы применимы к студенчеству, вместе с тем реформирование механизмов согласования рынка труда и рынка образовательных услуг назрело, ибо без него невозможно будет создать условия для роста человеческого капитала студенчества, необходимого для развития их модернизационного потенциала.

Список использованных источников

1. *Бабосов, Е. М.* Возрастающая значимость социальных сетей в формировании общественного мнения / Е. М. Бабосов // Социол. альм. – 2018. – Вып. 9. – С. 77–83.
2. *Бауман, З.* Текущая современность / З. Бауман. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
3. *Бек, У.* Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М., 2000. – 383 с.
4. *Бельский, А. М.* Деструктивные факторы развития Беларуси в социологическом фокусе / А. М. Бельский // Социол. альм. – 2018. – Вып. 9. – С. 62–69.
5. Власть и долг перед Родиной – внизу списка приоритетов белорусов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/society/31110715/?frommail=1>. – Дата доступа: 25.10.2017.
6. *Данилов, А. Н.* Поколение Z: раскол традиций или перекодировка культуры / А. Н. Данилов, Ж. М. Грищенко, Т. В. Щелкова // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2017. – № 1. – С. 109–118.

7. Демиденко, С. Ю. Молодежь на рынке труда (по материалам круглого стола) / С. Ю. Демиденко // Социол. исслед. – 2018. – № 4. – С. 164–166.
8. Лапин, Н. И. Региональные инновационные системы – способ саморазвития российских регионов / Н. И. Лапин // Социокультурные и социальноэкономические факторы развития инновационных систем в регионах : сб. докл. участников XIV Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», Тула, 15–17 окт. 2018 г. – Тула : ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2018. – С. 7–19.
9. Рожкова, Л. Социокультурный потенциал студенческой молодежи в условиях модернизации / Л. Рожкова // Власть. – 2013. – № 9. – С. 154–157.
10. Смирнов, Д. Белорусы в Интернете: свежая статистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://42.tut.by/418913>. – Дата доступа: 28.10.2017.
11. Соколова, Г. Н. Белорусский рынок труда в условиях структурных изменений в экономике: эффективность механизмов подстройки / Г. Н. Соколова // Социол. альм. – 2016. – Вып. 7. – С. 120–133.
12. Соколова, Г. Н. Научная рациональность как ценность в формировании научно-технического прогресса / Г. Н. Соколова // Социол. альм. – 2018. – Вып. 9. – С. 84–96.
13. Титаренко, Л. Г. Модернизационный потенциал белорусской молодежи: влияние высшего образования / Л. Г. Титаренко // Социол. альм. – 2017. – Вып. 8. – С. 108–114.
14. Титаренко, Л. Г. Ценности труда молодежи в белорусском обществе: потенциал инновационности и традиционности / Л. Г. Титаренко // Социол. альм. – 2016. – Вып. 7. – С. 134–145.
15. Giddens, A. Runaway World: How Globalization is reshaping our lives / A. Giddens. – New York : Routledge, 2003. – 104 p.
16. Joas, H. War and Modernity / H. Joas. – Cambridge, UK : Polity, 2003. – 248 p.

Поступила 01.11.2018 г.

Н. АНАРБЕК,

кандидат педагогических наук, доцент,

*Национальный научно-практический образовательно-оздоровительный центр «Бөбек»,
Алматы, Казахстан, e-mail: nazanar@gmail.com*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ОБЩЕСТВА

В статье автор раскрывает социокультурные механизмы воспроизводства духовных ценностей общества: гражданская позиция, знание и приумножение национальной культуры, традиций и обычаев, знание государственного языка. Приводятся примеры из казахстанской практики духовной модернизации общества, а также осмысливаются возможности их реализации через систему образования.

Ключевые слова: духовность, духовные ценности, механизмы воспроизводства духовных ценностей общества, гражданская позиция, национальная идентичность, «казахизация».

N. ANARBЕК,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,

*National Scientific and Practical, Education and Health Center “Bobek”,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: nazanar@gmail.com*

SOCIO-CULTURAL MECHANISMS OF REPRODUCTION OF SOCIETY’S SPIRITUAL VALUES

Modern society is noted for an increasing interest in the reproduction of its spiritual values. By the beginning of the 21st century, the concepts of “spirituality”, “spiritual values”, and “spiritual production and reproduction” became inherent in various social sciences, which stand on the verge of truly monumental rethinking and development of scientific bases for the spiritual development of society. In this article, the author reveals the key mechanisms for the reproduction of society’s spiritual values, gives reasonable examples from Kazakhstani practice of spiritual modernization of society, and conceptualizes the possibilities of their implementation through the education system.

Keywords: spirituality, spiritual values, mechanisms of reproduction of society’s spiritual values, civic stance, national identity, “kazakhization”.

В эпоху глобализационных процессов многими странами осуществляется переосмысление духовных ценностей общества и социокультурных механизмов их воспроизводства. Развитие казахстанского общества на современном этапе происходит в режиме духовной модернизации, возрождения духовно-нравственных ценностей, характеризуется принятием государственных программ: «Мангилик ел», «Нурлы жол», «Культурное наследие» и др.

Исследование духовности общества в современных условиях глобализации предполагает изучение его духовных ориентиров. Сегодня на роль таковых исследователями «общества потребления» выдвигается концепция

«общечеловеческих ценностей» в их либеральной интерпретации (Ф. Фукуяма, З. Бжезинский, Г. Киссинджер, К. Поппер и др.). Исследователи «общества созидания» отстаивают достоинства национально-духовного опыта, его продуктивности в делах разрешения национальных задач: выступают с критикой культурного единообразия и навязываемых Западом ценностей (Н. С. Трубецкой, Л. Н. Гумилев, А. С. Панарин и др.) [1].

В философской, социологической, психолого-педагогической науках развернулась дискуссия о понятии «национальный»: существуют так называемый «европейский» смысл и смысл, «традиционный» для нашей ментальности. В первом случае под национальным государством понимается государство, подотчетное гражданскому обществу и контролируемое им, то есть понятие нации подразумевает гражданско-политическую идентичность. Для многих наших соотечественников указанное понятие «трактруется как этно-историко-культурно-хозяйственное образование – исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая общность людей, объединенных экономическими связями, родным языком, особенностями культуры и духовного облика» [2]. Таким образом, в попытке объединить эти сущностные трактовки считаем возможным использовать социокультурные механизмы воспроизводства духовных ценностей общества через такие ключевые параметры, как:

- гражданская позиция;
- знание и приумножение национальной культуры, традиций и обычаев;
- знание государственного языка.

Проблемы воспроизводства духовных ценностей общества в Казахстане во многом схожи с белорусскими, так как у наших государств общее историческое наследие – советский режим, и для обеих стран актуальным является модернизация общества. Также актуальным становится обретение национальной идентичности и возвращение к национальной ментальности, к национальному характеру, поворот от унифицированной, уравнилельной системы к духовно-нравственным ценностям, которые невозможно формировать в отрыве от национальных традиций. Перед общественностью стоит двоякая задача: создание современного гражданского общества, базирующегося на современных духовно-нравственных ценностях, и сохранение культурно-исторических, национальных традиций, менталитета.

Итак, **гражданская позиция**, по-нашему мнению, предполагает: готовность к выполнению общественных обязанностей и использованию своих гражданских прав; способность к саморефлексии через усвоение общественных законов, проявление гражданского долга и ответственности; осознание и осуществление своих прав и обязанностей для эффективного межличностного общения; осознанную позицию патриота Отечества. Также гражданская позиция должна включать: с одной стороны, согласно современных трендов развития общества, социальную ответственность каждого, понимаемую нами как бескорыстное служение Родине; с другой стороны, опираясь на исторически сложившуюся у казахского народа национальную идею «жить по совес-

ти». Еще в конце XIX в. в казахском обществе существовало понятие «Наука совести» – понятие, введенное Шакаримом [3]. Современные отечественные ученые, осмысливая современные тренды, приходят к мысли, что в зарубежных странах происходит жесткая подмена понятий, которая препятствует преемственности поколений и воспроизводству духовных ценностей общества. Так, философ Г. Есим отмечает: «Учение о человеке называется антропологией, а есть ли учение о хорошем человеке? Отделив от человека человеческое (то, что на современном языке называется гуманизмом), мы создали науку, которая называется этикой, Шакарим же называл ее учением совести» [4].

В 2014 г. принята «Антикоррупционная стратегия Республики Казахстан на 2015–2025 годы», в которой подчеркнут тезис о воспитании личности в духе патриотизма и абсолютной честности: «Нетерпимое отношение к коррупции должно стать гражданской позицией каждого казахстанца, а честность и неподкупность – нормой поведения. Важно с детства воспитывать личность в духе казахстанского патриотизма и неприятия коррупции» [5].

Следующий ключевой параметр заключается в **ориентации личности на сохранение самобытности этнической группы, к которой она принадлежит, и, одновременно, на освоение ценностей и стандартов народа титульной нации** (к примеру, казахского народа в Казахстане). Общество в процессе модернизации должно сочетать мировой уровень технологического и информационного развития с традиционными культурными ценностями страны, народа, этноса для идентификации личности со своей исконной культурой и усвоения других культур. В связи с глобализационными процессами и наследием интернациональной идеологии советского периода наши страны испытывают определенные трудности. Так, в своей работе российский ученый М. А. Гохгалтер подчеркивает, что «степень сохранности этнической культуры в молодежной среде оценивалась специалистами через сохранность родного языка, культурных национальных традиций, целостности семейных межпоколенных связей. Все эти показатели очень низки среди русской молодежи, они ниже, чем у представителей молодежной среды других национальностей» [6].

Следует отметить, что в развитии казахстанского общества данный параметр динамично стал обретать конкретные формы и продвигаться государством последние пять-десять лет. Так, в 2010 г. ООН принял резолюцию, в соответствии с которой 21 марта был признан Международным днем Наурыза. Наурыз в Казахстане является государственным праздником и отмечается три дня – с 21 по 23 марта, которые с 2010 г. являются выходными днями. История праздника Наурыз имеет непростую судьбу: в эпоху тоталитаризма, когда многое из национального было под запретом, Наурыз мейрамы был отменен. Впервые после долгих лет забвения (с 1926 г.) в Казахстане он праздновался в 1988 г., а с 2001 г. Наурыз объявлен государственным праздником. Светлый праздник Наурыз посвящен весеннему равноденствию, обновлению природы, считается, что в этот день наступает новый год. Наурыз – праздник, который начали отмечать до появления ислама как осколок тенгрианской веры, когда в почете у предков были природные культы [7].

Начиная с 2016 г. в Казахстане появился новый праздник – День благодарности, сущность которого определяется историей и дает возможность ее глубокого осмысления – «народы страны могут поблагодарить казахов за терпимость и гостеприимство в те годы, когда они были депортированы в страну», выражения признательности «казахскому народу, который в тяжелые годы депортации и массовых репрессий принял на своей земле немало наций и народностей, именующих сегодня Казахстан своей Родиной» [7]. Дата его официального ежегодного празднования – 1 марта.

В целях дальнейшей консолидации общества вокруг идеи сохранения и возрождения национальной культуры и идентичности в Казахстане, «казахизации» впервые в 2018 г. отмечен всей страной Национальный день домбры, который будут ежегодно праздноваться в первое воскресенье июля.

Следующий параметр – **знание государственного языка**. В традиционном понимании язык – это специфическое социальное средство передачи информации и управления человеческим поведением. Благодаря языку осуществляется передача социального опыта, наиболее важных и трудновоспроизводимых другими знаковыми средствами достижений. Именно посредством языка реализуется преемственность различных поколений. Интересным представляется опыт Беларуси в продвижении долгосрочного тренда с нестабильной динамикой «Мягкая белорусизация» [8], который рассматривается как процесс укрепления в общественном сознании белорусского национального тождества путем утверждения значимости белорусского языка, а также продвижения нарратива и символов, которые подчеркивают историко-культурную самобытность белорусов.

В своем последнем послании народу Н. Назарбаев подчеркнул важность знания государственного языка и создания условий для его изучения, также в Казахстане реализуется политика полиязычия: «Разработана и внедряется новая методика изучения казахского языка для русскоязычных школ. Будущее казахстанцев – за свободным владением *казахским, русским и английским* языками» [9].

Далее на примере построения национальной системы непрерывного среднего образования Казахстана, как одного из важнейших институтов воспроизводства духовных ценностей общества, покажем реализацию социокультурных механизмов собственно воспроизводства духовных ценностей общества.

Характеризовать национальную модель непрерывного образования по данным параметрам можно на государственном, общественном и личностном уровнях, которые соответствуют социальным уровням осуществления образовательной политики. На государственном уровне вопрос, насколько отражены ключевые параметры национальной модели непрерывного образования Республики Казахстан, решается через выявление их в законодательных актах: Закон Республики Казахстан «Об образовании» от 7 июля 2007 г., Концепция 12-летнего среднего общего образования в Республике Казахстан, Концепция развития образования Республики Казахстан до 2020 года, Концепция этно-

культурного образования в Республике Казахстан от 15 июля 1996 г., Государственная программа патриотического воспитания граждан Республики Казахстан на 2006–2008 годы, Концепция развития гражданского общества в Республике Казахстан на 2006–2011 годы, Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года и др.

Так, достижение цели Государственной программы патриотического воспитания граждан Республики Казахстан на 2006–2008 годы [10] видят через призму следующих мер: пропаганда и применение государственных символов; определение духовной идентичности казахстанцев; сплоченность нации, которая определяется единством национального менталитета; организация туристских маршрутов по историческим местам; развитие системы военно-патриотического воспитания; внедрение принципа проведения государственных праздников как общенародных. Также планируется внести необходимые изменения в учебные программы, дополнить их материалами, посвященными идеям национального единства и согласия, познанию культуры и изучению традиций казахского народа, казахстанских этнических групп. Данная Программа рассматривает участие населения, особенно молодежи Казахстана, в изучении казахского языка как элемента политической и гражданской стабилизации общества. Существенным недостатком этой программы является отсутствие связи с образованием, четких механизмов реализации ее через образовательные институты.

При изучении Концепции развития гражданского общества в Республике Казахстан на 2006–2011 годы [10] в русле исследования параметров национальной модели непрерывного образования выделим социальные механизмы, связанные с созданием условий для высокой политической, правовой и гражданской культуры населения. Среди них: формирование правового сознания человека через работу институтов гражданского общества; введение в стране функционирующей системы местного самоуправления и обеспечение полноценного участия граждан в решении общенациональных проблем; формирование в обществе уважения к Конституции Республики Казахстан, государственным символам; совершенствование практики преподавания основ права в средних общих, начальных и средних профессиональных организациях образования; повышение роли правозащитных НПО в обеспечении прав и свобод человека в казахстанском обществе и усовершенствование форм и механизмов участия национально-культурных объединений в формировании государственной политики в сфере межэтнических отношений, образования, культуры и информации и т. д. Однако эта концепция целиком и полностью ориентирована на построение некоторого стандартного гражданского общества, практически отсутствует в ней принадлежность к определенному государству, которое должно сохранить национальную идентичность.

В статье 11 Закона Республики Казахстан «Об образовании» от 27 июля 2007 г. [11] среди задач системы образования выделим следующие:

воспитание гражданственности и патриотизма, любви к своей Родине – Республике Казахстан, уважения к государственным символам, почитания

народных традиций, нетерпимости к любым антиконституционным и антиобщественным проявлениям;

воспитание личности с активной гражданской позицией, формирование потребностей участвовать в общественно-политической, экономической и культурной жизни республики;

приобщение к достижениям мировой и отечественной культуры; изучение истории, обычаев и традиций казахского и других народов республики;

формирование высокой культуры межличностного и межэтнического общения.

Статья 9 Закона гласит, что «все организации образования, независимо от форм собственности, должны обеспечить знание обучающимся казахского языка как государственного, а также изучение русского и одного из иностранных языков... Право на получение образования на родном языке обеспечивается созданием при наличии возможности соответствующих организаций образования...» К сожалению, в основном документе в сфере образования не отражены социальные и культурные механизмы реализации задач системы образования на каждой ступени, что и явилось бы основой для построения национальной системы непрерывного образования.

Интерес представляет и Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 по 2020 годы, которая «направлена на дальнейшую демократизацию институтов государства и общества... Соблюдение и реализация основополагающих принципов деятельности республики...: общественное согласие и политическая стабильность, экономическое развитие на благо всего народа, казахстанский патриотизм... В свою очередь составной частью научно-образовательной деятельности является правовое образование, правовая пропаганда, то есть вопросы правовой культуры» [12].

Идея лингвистического плюрализма, формирование многоязычной личности в системе среднего образования, которая способна общаться на родном, государственном, русском и другом иностранном языке воплощается с первых дней независимости Казахстана. Важно государственный язык превратить в язык повседневного общения, так как для всех остальных языков есть условия развития:

существуют школы для отдельных этнических групп с преподаванием предметов на родном языке;

распространенность и твердая позиция русского языка в нашем обществе не вызывает сомнений;

мода на западную культуру и интерес к образованию за рубежом являются сильнейшими мотивами изучения иностранных языков.

Структура национальной модели непрерывного образования Республики Казахстан. Современное положение развития системы образования республики в эпоху интеграции в пространство мирового образования предполагает построение собственной национальной модели непрерывного образования, для чего требуется наложение матрицы непрерывного образования и матрицы воспроизводства духовных ценностей общества (рис. 1).

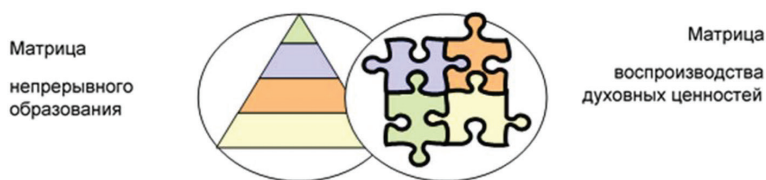

Рис. 1. Конструкт воспроизводства духовных ценностей общества через систему образования

Основные элементы матрицы непрерывного образования разработаны в основном законодательном акте страны – Законе «Об образовании», важнейшие моменты которого нами были приведены при характеристике ключевых параметров национальной модели непрерывного образования на государственном уровне образовательной политики.

В основе данной матрицы находятся следующие уровни системы непрерывного образования [11]:

- 1) дошкольное воспитание и обучение;
- 2) начальное образование;
- 3) основное среднее образование;
- 4) среднее образование (общее среднее образование, техническое и профессиональное образование);
- 5) послесреднее образование;
- 6) высшее образование;
- 7) послевузовское образование.

В основу матрицы воспроизводства духовных ценностей общества легли описанные выше ключевые параметры или социокультурные механизмы воспроизводства духовных ценностей общества: гражданская позиция, знание культуры, традиций и обычаев, знание государственного языка в контексте реализации национальной идеи государства (рис. 2). Образовательные программы всех циклов обучения должны быть ориентированы на реализацию казахской национальной идеи и пронизаны ключевыми параметрами: гражданская позиция, сохранение и приумножение национальной культуры, знание государственного языка. Эти параметры должны красной нитью проходить через все образовательные программы и по вертикали, и по горизонтали. По вертикали – это означает охват всех уровней системы образования, а по горизонтали – предполагает внедрение данных параметров во все образовательные области определенного уровня образования.

При внедрении данной национальной модели непрерывного образования в жизнь казахстанское сообщество при реформировании системы образования не следует шаблонно действовать по образу и подобию передовых зарубежных стран. Необходимо переносить зарубежный опыт органично, постепенно формируя общественное мнение, создавая для нововведений приемлемые условия и основания, ведь образование не только объект, но и субъект модернизации, его мощный рычаг и внутренний ресурс, основной двигатель развития и на-

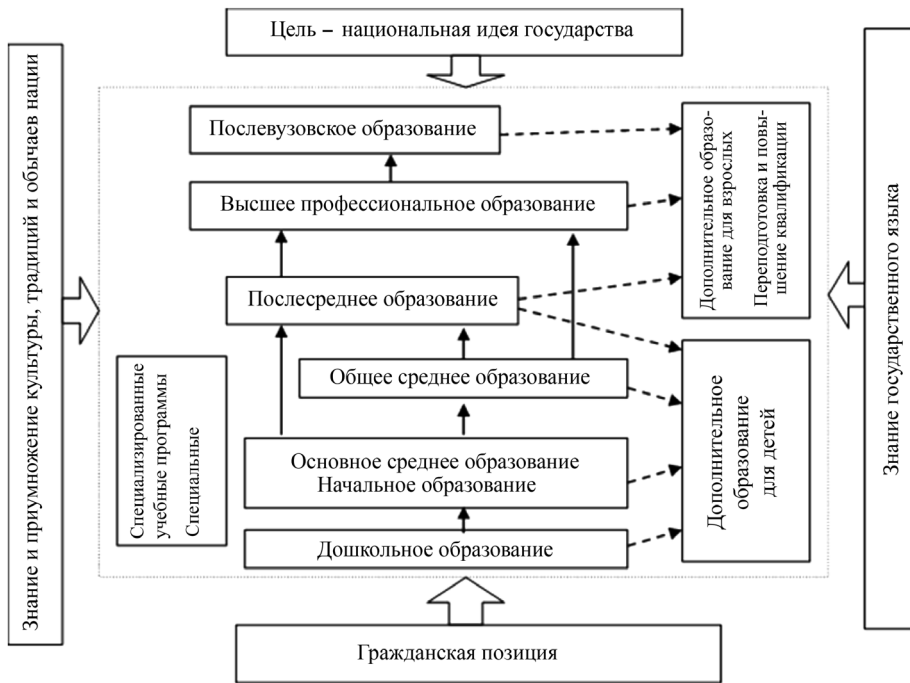

Рис. 2. Структура национальной модели непрерывного образования Республики Казахстан

копления потенциала нации. Анализ Государственного общеобязательного стандарта образования Республики Казахстан (ГОСО РК 2.003.-2007) [10] для выявления степени отраженности ключевых параметров воспроизводства духовных ценностей общества проводился в сопоставлении их по отношению к особенностям японской национальной модели начального образования (6-летняя начальная школа, повышенный удельный вес в программах школьного образования духовно-этических предметов и т. д.).

Данным документом регламентированы основные положения следующих уровней образования, действующих на основе принципа преемственности и непрерывности образования:

уровень начального образования с нормативным сроком обучения 4 года (1–4-е классы, начало обучения – с 6 лет); основное назначение – создание условий для освоения обучающимися учебной деятельности и раскрытия их индивидуальности; организация учебной деятельности обеспечивает усвоение необходимой системы знаний, умений и навыков по чтению, письму, счету, формированию ключевых компетентностей данного уровня;

уровень основного среднего образования с нормативным сроком обучения 6 лет (5–10-е классы);

уровень среднего образования (общее среднее образование) с нормативным сроком обучения 2 года (11–12-е классы).

Структура и содержание среднего образования включают семь образовательных областей:

- 1) язык и литература;
- 2) математика и информатика;
- 3) естествознание;
- 4) человек и общество;
- 5) искусство;
- 6) технология;
- 7) физическая культура.

В результате проведения контент-анализа нами установлено, что из перечисленных семи образовательных областей только три реализуют ключевые параметры воспроизводства духовных ценностей общества Казахстана (таблица).

Характеристика образовательных областей

Образовательная область	Цели обучения	Предметы реализации
Язык и литература	Формирование полиязычной личности, освоившей базовые ценности национальной и мировой литературы, готовой к социокультурному взаимодействию и самореализации; формирование коммуникативной компетентности на основе усвоения казахского языка как государственного и других языков, востребованных в обществе; приобщение через язык и литературу к культуре народов Республики Казахстан и мирового сообщества, воспитание гуманистического мировоззрения	Грамота, литературное чтение, казахский язык, русский язык, уйгурский язык, узбекский язык, иностранный язык, казахская литература, русская литература, всемирная литература
Человек и общество	Формирование исторического мышления, понимания и осмысления прошлого, умений изучать, анализировать и делать обоснованные заключения по материалам исторических, правовых, экономических, политических, социологических источников информации и на их основе формулировать независимые суждения; понимание идеалов и ценностей демократического общества, воспитание патриотизма, формирование активной гражданской позиции; формирование умений определять личностное отношение к системе общечеловеческих, этнокультурных ценностей, к социально-экономической и политической ситуации, наблюдать и оценивать социальные явления и события, необходимые для осуществления нравственного выбора	Основы обществознания, история Казахстана, всеобщая история, самопознание, обществознание, экономика, право
Искусство	Формирование эмоциональной сферы и эстетического вкуса, основных навыков художественно-эстетической деятельности; формирование художественной культуры учащегося как неотъемлемой части духовной культуры, эмоционально-ценностных стимулов жизнедеятельности; воспитание осознанного восприятия лучших образцов народного и профессионального искусства казахского и других народов Казахстана и мирового сообщества	Музыкальное искусство, изобразительное искусство, художественная культура

Таким образом, заявленные образовательные области через перечисленные предметы должны реализовывать ключевые параметры национальной модели непрерывного образования, хотя, как нам кажется, их недостаточно. Так, с 1991 г. на занятиях труда/технологии активно внедрялись элементы казахских ремесел, которые исчезли даже из базового содержания начального образования в образовательной области «Технология». Также образовательная область «Физическая культура» могла бы внести положительный вклад в воспитание здорового образа жизни на примерах национальных игр не только на уровне начального образования. На наш взгляд, стоило бы и в предметах образовательной области «Математика и информатика» включить некоторые элементы национального компонента, например, изучая задачи аль-Фараби или же знакомясь с достижениями казахстанских IT-специалистов и пр. [13]. И конечно, четырехлетняя начальная школа страны, когда в других ведущих странах мира срок обучения в ней составляет 5–6 лет, вызывает много вопросов.

В 2010/11 учебном году осуществлено массовое внедрение предмета «Самопознание» в отечественную национальную систему образования, в вузах начата подготовка будущих учителей самопознания. Самопознание – это светское учение о духовности, направленное на воспитание силы духа личности. Но, к сожалению, на данном этапе не хватает квалифицированных учителей, не во всех школах есть оснащенные кабинеты, не во всех регионах страны есть поддержка официальных органов.

В математической науке есть понятия «достаточность» и «необходимость». Так вот, достаточным условием для вхождения Казахстана в мировое сообщество является построение гражданского общества. Необходимым условием для сохранения национальной идентичности в условиях глобализации является выработка соответствующей стратегии в области воспроизводства духовных ценностей общества, направленной на реализацию государственной политики, на разумную закрытость отечественного общества и на оптимальную гармонизацию, взаимодействие и единство национального менталитета, традиций и мировоззрения с общечеловеческими духовно-нравственными ценностями и перспективами развития мирового сообщества.

Список использованных источников

1. *Хомутцов, С. В.* Духовность, ее подобию и антиподы в культуре : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01 / С. В. Хомутцов. – Барнаул, 2009. – 46 с.
2. *Днепров, Э. Д.* Образование и политика. Новейшая политическая история российского образования / Э. Д. Днепров. – М., 2006. – Т. 1. – 536 с.
3. *Кудайбердиев, Ш.* Избранное / Ш. Кудайбердиев. – Алматы, 2002. – 456 с.
4. *Есим, Г.* Наука совести / Г. Есим. – Алматы : Раритет, 2008. – 480 с. (Серия «Шәкәрім әлемі»).
5. Антикоррупционная стратегия Республики Казахстан на 2015–2025 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Казахстан от 26 декабря 2014 г., № 986) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан Әділет. – Алматы, 2018. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus>. – Дата доступа: 01.10.2018.

6. *Гохгалтер, М. А.* Воспроизводство культурных ценностей в системе современного российского образования : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / М. А. Гохгалтер. – Барнаул, 2012. – 146 с.
7. Календарь событий [Электронный ресурс]. – Астана, 2018. – Режим доступа: <http://24.kz/ru/news/top-news>. – Дата доступа: 27.09.2018.
8. *Рудковский, П.* Исследование BISS: «Мягкая белорусизация» продолжится [Электронный ресурс] / П. Рудковский. – Режим доступа: <http://belsat.eu/ru/news/issledovanie-biss-myagkaya-belorusizatsiya-prodolzhitsya/>. – Дата доступа: 01.10.2018.
9. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 10 января 2018 г. [Электронный ресурс]. – Астана, 2018. – Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-n-nazarbaeva-narodu-kazahstana-10-yanvarya-2018-g. – Дата доступа: 01.03.2018.
10. Министерство образования и науки Республики Казахстан : сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edu.gov.kz>. – Дата доступа: 18.03.2017.
11. Законодательство об образовании в РК. – Алматы : ЮРИСТ, 2007. – 224 с.
12. Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Казахстан от 24 августа 2009 г., № 858) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан Әділет. – Алматы, 2018. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus>. – Дата доступа: 01.10.2018.
13. *Анарбек, Н.* Вариативность высшего образования / Н. Анарбек. – Алматы, 2009. – 272 с.

Поступила 11.10.2018 г.

УДК 316.35;752;758

В. Э. СМІРНОВ,

*кандидат социологических наук, Институт экономики НАН Беларуси,
г. Минск, e-mail: smirnoffv67@gmail.com*

**МОРАЛЬ КАК АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ИНСТИТУАЛИЗИРОВАННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ЛЮДЕЙ:
К ВОПРОСУ О МОРАЛЬНЫХ НОРМАХ
И ИСТОЧНИКАХ ИХ ИЗМЕНЕНИЯ**

В статье на основе институционального подхода с марксистских позиций осуществляется критика новых конструктивистских концепций морали, раскрывается механизм изменения и развития моральных норм в обществе. При этом мораль трактуется как своего рода аксиологическое обеспечение институционализированных взаимодействий людей, и в этом смысле становится имманентной институциональной структуре общества. Авторское видение механизма развития морали демонстрируется на ряде исторических примеров и анализа состояния моральных норм современного общества.

Ключевые слова: социальный институт, организация, способ производства, институциональный подход, мораль, конструктивизм, классы, общественное благо, anomia.

V. E. SMIRNOV,

*Candidate of Sociology, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, e-mail: smirnoffv67@gmail.com*

**MORALS AS AXIOLOGICAL SUPPORT
OF INSTITUTIONAL INTERACTIONS OF PEOPLE:
TO THE QUESTION OF MORAL NORMS AND SOURCES
OF THEIR CHANGES**

On the basis of the institutional approach from the position of Marx the critique of new constructivist concepts of morality is carried out as well as the mechanism of changing and developing of moral standards in society is revealed in the article. At the same time, morality is interpreted as a kind of axiological support for institutionalized interactions of people, and in this sense becomes immanent institutional structure of society. The author's vision of the mechanism of moral development is demonstrated by a number of historical examples and an analysis of the state of moral norms of modern society.

Keywords: social institution, organization, mode of production, institutional approach, morality, constructivism, classes, public good, anomie.

Современные подходы к изучению такого феномена, как мораль отличаются крайним разнообразием, причем, как правило, авторы акцентируют внимание на неких абсолютно новых свойствах и характеристиках, которые, по их мнению, присущи морали в наше время – время чрезвычайно стремительных социальных изменений. Сам факт этих изменений и их стремитель-

ный характер сомнению не подвергаются. Как принципиальные новации рассматриваются такие явления, как расширение «объема альтруистической идентификации» [1, с. 85], вплоть до границ человечества в целом, и за этими границами речь идет о защите прав животных, живых существ, в целом гипотетического искусственного интеллекта. Представители другого подхода говорят о появлении совершенно новых форм морали под общим названием «этического империализма», связанных с экспансией этики в сферы, ранее далекие от нее. Речь идет о таких сферах, как медицина, право, другие сферы деятельности вплоть до ядерной энергетики. Правда немного удивляет представление о решительной новационности таких явлений. Первые клятвы врачей, имеющих существенную моральную компоненту (естественно, в религиозной окраске), встречаются еще в Древнем Египте, а уж клятва Гиппократова, пускай и не в деталях, известна любому образованному человеку. Столь же обычны с древнейших времен клятвы и присяги судей, также включающие обещание следовать определенным моральным принципам. Думается, что эти новации скорее в другом, а именно в упорном стремлении академической профессуры конструировать этические принципы для этих и других сфер деятельности.

Более того, возникает еще одна коллизия с традиционными представлениями о морали, а именно – появление моральных принципов, вменяемых не людям, пускай и представителям определенных профессий и сфер деятельности, а организациям. Речь идет о появлении разнообразных корпоративных этических кодексов, бюрократизированных комиссий по этике и других подобных организаций. Однако то, насколько в данном случае можно говорить о морали, а насколько о новых формах властного принуждения, оформления влияния тех или иных групп и стратегии отказа от законодательно оформленных обязательств через их замену на добровольные этически обусловленные обязательства, это далеко не проясненный вопрос. И немало моментов свидетельствует о том, что на самом деле вся эта экспансия академической этики имеет крайне опосредованное отношение к человеческой морали. Не менее сомнительными представляются теории, утверждающие появление новой, так называемой «безответной», «односторонней» морали. По мнению сторонников этого подхода, новацией является утверждение односторонних моральных обязательств, не требующих взаимности. Например, речь идет о моральных обязательствах государства перед гражданами, моральных обязательств богатых государств перед бедными. Примером подобной морали провозглашается гуманитарная помощь богатых стран странам Африки.

Краеугольным камнем подобных взглядов является убеждение в том, что традиционная мораль базируется на взаимности моральных обязательств, но это крайне спорное утверждение. Собственно, вся религиозная этика христианства, с одной стороны, хоть и обещает награду верующим за их веру, тем не менее следовать моральным принципам христианства христианин должен без расчета на награду. На это вполне ясно указывается в Евангелии: «Если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? ибо и грешники любя-

щих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? ибо и грешники то же делают. И если займы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым. Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» (Лк. 6: 32–36). Впрочем, и античная мораль постулировала долг перед общиной-полисом как безусловный. Поэтому в данном случае скорее можно сказать, что за традиционную мораль выдаются особенности, присущие морали в западных культурах. Например, заявление Л. Фуллера: «Всякое понятие долга неявно содержит понятие взаимности» вполне перекликается со средневековым принципом, отражающим особенности европейского феодализма «*Nulla officium sine beneficium*» (Нет услуги без вознаграждения) [2, с. 33].

Куда интереснее вопрос, почему именно сегодня подобные формы морали провозглашаются как некие полезные новации, и какие явления в обществе они отражают? Для решения этих вопросов есть смысл подойти к рассмотрению морали не как некой самостоятельной сферы нравственно-эмоциональных проявлений, а с социологического ракурса как к феномену общественного сознания, где мораль трактуется как своего рода аксиологическое обеспечение институализированных взаимодействий людей, и в этом смысле имманентна институциональной структуре общества. Соответственно, появление, изменение и ликвидацию тех или иных моральных норм необходимо, по нашему мнению, рассматривать через призму рождения, изменения и исчезновения определенных социальных институтов, где социальные институты выступают как развивающиеся комплексы, включающие в себя и институции, то есть модели устойчивых социальных связей и отношений, отражающих формы типичного поведения людей, на базе которых люди в процессе реальной жизни создают те или иные организации [3, с. 32]. Организации, по сути, воплощают эти модели на практике уже в виде формализованных комплексов взаимодействий людей. Согласно данного понимания, институты и созданные на их базе организации, с одной стороны, выполняют те или иные регулятивные функции в обществе, а с другой, «ведут» человека, вступающего в отношения с другими людьми, по «правильному» или «неправильному» пути. Такие институализированные связи обеспечивают в процессе взаимодействия людей наличие нереклексивного «знания» форм общения, в результате чего участники взаимодействий знают, чего ожидать от других, и, в свою очередь, знают, как соответствовать этим ожиданиям. Понятно, что слово «знание» тут не совсем точно, так как люди усваивают эти формы общения и представления в процессе их интериоризации по мере взросления и социализации, в результате чего эти знания/представления становятся само собой разумеющимися формами общения. Эти представления рационально не обосновываются. Но именно поэтому они обосновываются в другой форме своего существования – в такой сфере общественного сознания, которую мы называем моралью.

Поэтому можно сказать, что сами социальные институты (семья, например) и системы ролей, из которых они состоят и которые правильнее было бы назвать диспозициями поведения, не существуют без ценностей и идеалов, представлений о правильном или неправильном. Собственно говоря, именно моралью институты и обосновываются, легитимизируются, регулируются и поддерживаются.

Социальные институты того или другого общества объединены в институциональные системы с доминированием неких базовых институтов, прямо обусловленных способом производства. Речь идет, в первую очередь, об отношениях собственности, ибо в основе институциональной системы лежат правила взаимодействий людей по поводу средств производства. Нужно заметить, что конкретные организации, которые окружают человека и в которые человек вступает, которые в отличие от институтов созданы сознательно и могут быть сознательно закрыты и ликвидированы – это не сами по себе социальные институты, а лишь часть сложного комплекса, которым является социальный институт, хотя такая ошибка называть организации формальными институтами в отличие от неформальных зачастую встречается в научной и учебной литературе. Но разница между организациями и институтами существенна. Организация, например, конкретное преступное сообщество – банда, есть продукт рациональной и осознанной деятельности людей. Организация всегда формализована, пускай правила, как в той же банде, могут быть и не зафиксированы на бумаге. Но они все равно известны, проговариваются, с ними можно ознакомиться. А институты – нет, так как выстраиваются и изменяются неосознанно, хотя и являются продуктом рациональной деятельности людей. Организации же базируются на институтах, являясь формальным закреплением институциональных норм, ролей и т. п. Можно сказать, что социальный институт – это постоянно меняющееся, текучее социальное движение, продукт перманентного разрешения противоречий между постоянно изменяющимися моделями – институциями и консервативными социальными организациями.

Как уже было сказано, социальные институты сопровождаются комплексами моральных норм, причем как институты они взаимосвязаны благодаря иерархии, их связывающей и ранжирующей (в основе лежит социальный институт частной собственности в ее конкретно-исторической форме), поэтому и комплексы моральных норм связаны в единую систему, также иерархически организованную. Однако институты постоянно меняются, а за ними меняется и общественная мораль. Как и почему это происходит? Большинство современных социологов дают на этот вопрос самые разнообразные ответы. Одни говорят, что первичны организации: дескать, нужно учредить правильные организации, например, законы для предпринимателей, люди покряхтят, да и изменят поведение через некоторое время, полагая его естественным, таким образом изменится институт, а за ним и мораль. Другие утверждают, что люди совершенствуются морально, и в этом заключается ход истории. За моралью меняются институты, а за ними и организации, которые тянут

за собой технологии. А есть такие, которые считают, что правильную мораль нужно сконструировать, придумать, изложить ее в текстах – можно даже в фантастических романах, и сначала уверовать самим, а потом убедить и других.

В марксизме же этот процесс толкуется иначе: источник социальных изменений, и моральных норм в частности, в конечном счете, лежит в том или ином способе производства. Когда он меняется, то меняются не только технологии и навыки. Меняются и способы человеческих взаимодействий, которые приводят к желаемому результату. Впрочем, и сами цели меняются. И вот тут появляется проблема: моралью то освещены старые способы деятельности, но в условиях изменившегося нового способа производства к успеху они не приводят. А те, что приводят, как минимум, не моральны, а как максимум – решительно аморальны. И какое-то количество людей готово поступать аморально ради достижения определенных целей. В начале становления новой системы отношений такие люди становятся изгоями. Причем есть еще один важный момент: все это происходит неосознанно, и люди как слепые щенки тыкаются во все стороны. И массово гибнут. Судьба первых незавидна. Ведь большинство таких людей на грани позднего Средневековья и раннего буржуазного общества стали вовсе не протобуржуазией, а авантюристами, бандитами, куртизанками и сгинули на плахах, под шпагами и кинжалами убийц и подобных себе деятелей, или сгнили в далеких землях. Кстати, возможны и обратные примеры, например, известный герой Сервантеса.

Впрочем, нас интересует не их судьба, а состояние морали. Так как важнейший элемент институтов – ролевые диспозиции – все в меньшей степени обеспечивали людей возможностями добиваться своих целей, а цели, имея не индивидуальный, а общественный характер, постепенно теряли ценность в их глазах, так и мораль теряла легитимность и свою принудительную силу. Наступала аномия (от фр. *anomie* – беззаконие, безнормность). Как говорилось выше, «передовики» аномии в основном гибли. Можно вспомнить первую попытку утверждения раннекапиталистических тенденций в Италии, потом – в Германии, Чехии. Только некоторые из них достигали сногшибательного успеха (вспомнить хотя бы известного Балтазара Коссу – Папу Иоанна XXIII). Но только некоторые, да и они, чаще всего, оставались пустоцветами. Но кто-то, как правило, второй, если не третий ряды новаторов просто по закону больших чисел добивались твердого, уверенного успеха и постепенно своими деятельностью и способами взаимосвязей формировали новые социальные институты, то есть те новые типичные правила и нормы деятельности и отношений, которые постепенно закреплялись как нормативные, те, которым нужно подражать, если хочешь добиться успеха. В этом процессе любопытна роль меньшинств – тех же евреев или итальянцев вне Италии. С одной стороны, они имели легальную возможность нарушать устоявшиеся нормы поведения, но, с другой, зачинателями изменений не становились. Почему? Просто потому, что именно по причине институционально оформленной «инаковости» их поведение не копировали «добрые христиане» (тут, на наш взгляд, Вебер [4, с. 259–260] с рядом своих примеров заблуждался). Так что настоящие изме-

нения происходили тогда, когда новые способы поведения и аномия все более охватывали основные массы населения.

И вот только тогда в обществе начинаются поиски новой нравственной парадигмы, то есть нового основания иерархии, в соответствии с которым выстраивается вся система общественной морали. Ведь людям крайне неудобно жить в аномном обществе: как с точки зрения самочувствования и мироощущения, так и по чисто прагматическим основаниям – транзакции в таком обществе слишком дороги, ибо у людей нет оснований доверять друг другу и приходится крайне затратно страховать риски взаимоотношений. Впрочем, вышеназванное негативное самочувствие и есть социально-психологическое выражение высокой дороговизны транзакций в обществе, всеобщего недоверия. Соответственно, появлялась общественная нужда в новой морали, которая соответствовала бы новым способам деятельности и взаимоотношений. Так что вкупе с моральным разложением начинаются активные поиски новых моральных скреп общества. В эпоху угасания феодализма и рождения раннебуржуазных обществ появился целый комплекс направлений, религиозно оформленных в виде разнообразных ересей. По тому, в каком социальном слое вызревала ересь, она приобретала или более демократические и, соответственно, экстремальные формы, или более мягкие – реформистские. И, в конце концов, пришла Реформация. Новые формы деятельности, соответствующие новому способу производства, получили и новую моральную легитимацию.

Что из этой модели мы можем вынести? В первую очередь то, что новые формы морали невозможно волюнтаристски придумать и установить. Их можно, пока еще не выстроенных в систему, но отражающих самые новые, самые современные формы практической деятельности и общения, только обнаружить в реальности. Однако вычленив такие формы очень сложно. Ведь кому-то и деятельность пресловутого Маска может показаться именно той, что двигает технологический прогресс. И в этом смысле крайне важен опыт взаимоотношения производственных и нравственных отношений в СССР. Наиболее талантливые писатели, как выразители тенденций нравственного сознания и отношений, могли и должны были трансформировать опыт современных им передовых тенденций в этической сфере. Особенно заметно это на примере научно-фантастических произведений. В частности, учитывая то, что СССР сам переживал ряд эпох и тенденций в сфере передовых направлений производственной деятельности, можно увидеть эпохальные различия в провозглашаемых фантастами тех или иных моральных ценностей. Например, И. Ефремов к 1960-м годам попросту устарел. Устарел даже не с точки зрения, например, описываемой техники и технологий, а в том, что описывал идеальные институты и этические нормы индустриального общества, причем только вышедшего из традиционного состояния. Напротив, Стругацкие попытались очертить принципы этики, базирующейся на более передовых производственных практиках, на тенденциях, когда наука становилась непосредственной производительной силой. И хотя, в конце концов, они не завершили ее построение, скатившись в антисоветизм, однако довольно успешно попыта-

лись обнаружить в современности те передовые слои и этические тенденции, которые уже существовали в советском обществе.

Если говорить о взаимоотношении способа производства и морали, то хотелось бы поспорить с утверждением о том, что передовая мораль всегда базируется на заботе об общественном благе: чем более заботится о нем, тем более она передовая. Как будто можно голосованием решать, какая мораль «передовее». Возьмем, к примеру, ту же протестантскую этику. Эта этика вовсе не утверждала необходимость общественного блага. Она фактически утверждала республику избранных в море отверженных, причем избранные по отношению к отверженным имели право на все. Если посмотреть – совершенно людоедская этика. Этика изначального разделения людей. Но с точки зрения общественного прогресса и интереса эпохи, протестантская этика была прогрессивна, ибо стала моральной оболочкой прогрессивных общественных отношений. Но, когда мы говорим о загнивании того или иного общественного строя, то обнаруживаем совершенно паразитическую мораль, зачастую позиционирующую собственное людоедство как общественное благо. Так что не стоит упрощать сложность проблемы. Именно это и есть то, что Ф. Энгельс называл классовым характером морали, а вовсе не вопросом арифметического большинства или провозглашения заботы обо всех [5, с. 95–96].

Кроме того, мораль вовсе не инструмент. Мораль – это совокупность ценностно окрашенных представлений о взаимоотношениях людей (о правильном и неправильном поведении и т. п.) в соответствии с принятыми в обществе представлениями о добре и зле, справедливом и несправедливом, должном и не должном и др., и отражающая определенный уровень развития социальных и производственных отношений. Вот и все. Любопытно то, что в истории бывали периоды, когда мораль была единой для всех: и для господствующих классов, и для трудящихся. Речь идет о тех исторических моментах, когда тот или иной способ производства находится еще на своей начальной, восходящей стадии. Так вот, несмотря на классовый характер такого общества, мораль у него едина. Например, мораль раннебуржуазных слоев была едина, хотя там уже намечилось разделение мастеров – собственников и подмастерьев, превращающихся в «вечных подмастерьев». Ведь «избранными» в рамках религиозных представлений протестантизма были не только собственники, «избранным» мог быть и подмастерье. Главное тут – образ жизни и неустанное «доказывание» своей принадлежности к избранным, причем доказывание, в первую очередь, трудом. Именно тогда впервые в истории появляется в общественной морали акцент на труд как основы морали. Так же, как ни удивительно, единой была мораль в эпоху классического феодализма; тут вообще много периодизаций, но мы бы назвали VIII–XII века. Это была эпоха, когда крестьянин действительно нуждался в феодале – защитнике, до тех пор, пока феодал не умирал в своей постели. Социальные лифты, связанные с храбростью и умением владеть оружием, еще вполне работали, и простолюдин имел возможность перейти в благородное сословие. Эксплуатация, по причине повсеместного господства нетоварного, натурального хозяйства, была

относительно сносной, а феодал в быту мало чем отличался от простолюдинов. Но с развитием производительных сил единая мораль все более испытывается на разрыв и в конечном счете рвется. Дело в том, что именно низшие классы, трудящиеся непосредственно включены в отношения, возникающие в процессе материального производства. И именно они в первую очередь вынуждены менять свое поведение вслед за изменением производительных сил. Только за ними меняются средние слои, а самыми консервативными остается верхушка правящего класса. Более того, в моменты смены способа производства верхушка уже в принципе не может так измениться, чтобы сохранить свое положение. Она должна только уйти, поэтому отчаянно держится за сохранение отживших институтов и отжившей этики, хотя следовать ей вовсе не собирается. Иному поведению все больше мешают старые моральные нормы. Все эти феодальные идеалы о храбрости и наградах за храбрость, о рыцарских шпорах на поле боя, вне зависимости от того, благородный ты или простолюдин, все более приобретают характер мифов. По причине окончания внутренней колонизации во Франции (мы пишем о Франции как стране классического феодализма) и исчерпания фонда свободных земель в XII в. благородное сословие «закрылось». Неблагородные потеряли возможность перехода в благородное сословие – даже за претензию на такое возвышение грозила виселица. А это входило в противоречие с принципами феодальной морали. Конец раздробленности и укрепление королевской власти привели к тому, что и защитная – на уровне феодальных владений, функция феодалов исчезла, а в общегосударственной сфере военным претензиям рыцарства положили конец битвы при Креси и Пуатье. Так наступил кризис феодальной морали, обернувшийся социальными потрясениями. И мораль господствующего класса эпохи сделалась откровенно паразитической. Еще раз: паразитической делает мораль не сам факт принадлежности ее к господствующему классу, а то, что со временем, с развитием производительных сил любой господствующий класс превращается в паразита. И, соответственно, мораль этого класса приобретает паразитический характер.

И еще несколько слов насчет Средневековья. Некоторые авторы с той или иной долей справедливости полагают, что волны чумы, проходившие по Европе с XIV в., в определенной степени «спасли» общество от социальной катастрофы. Трудно сказать, но можно заметить одно: господствующий класс феодального общества претерпел решительную трансформацию, существенно изменив и свою мораль, и свое мировоззрение, превратившись в служилый класс раннебуржуазного абсолютизма – эпохи, когда буржуазия еще не могла взять на себя полноту власти, но терпеть феодализм уже не желала. Раньше производительные силы и отношения более или менее соответствовали друг другу (тут тоже все сложно, поскольку история не дискретна, чтобы можно было выбрать некий момент, когда все соответствует какой-то схеме, но, поскольку речь идет о теоретической модели, закроем на это глаза). Но производительные силы понемногу развиваются. К чему же это приводит? Это приводит к тому, что усиливается несоответствие вышеназванных сил и отношений.

Если отойти от этих общих слов к жизненной практике, то это несоответствие сил и отношений приводит к тому, что привычные модели поведения не дают желаемого результата. Сначала в небольшой, а потом во все большей степени. Какой это результат? В конечном счете, это повышение статуса в рамках референтной группы. Конечно, после минимального, элементарного физического выживания. Статус в разные времена и в разных социальных группах повышается разными способами. Тот же рыцарь может побеждать на турнирах, а крестьянин – драться в трактире. Но все это, так сказать, внешнее проявление. Всегда на всех этапах эпохи экономической формации одним из наиболее значимых признаков (и оснований) статуса было, в конечном счете, богатство.

И тут есть один интересный момент. Формально статус благородного сословия в Средние века исчислялся не количеством золотых монет в сундуках, а его местом в феодальной иерархии, которое определялось его положением как землевладельца (правда, там еще имело значение и место в формальной иерархии, то есть кто сеньор и кто вассал). Так вот, в эпоху стабильного средневекового общества (классического феодализма) все эти моменты совпадали. Тот, кто имел больше земель, был и в формальной иерархии высоко поставлен и одновременно имел больше золота в сундуках. Но когда производительные силы стали развиваться, выросло денежное обращение, производство понемногу начало выбираться из ремесленно-цеховой организации. Рост производительных сил решительно изменяет деревню. Во-первых, возросшие возможности по обработке приводят к расслоению крестьянства, когда большая часть крестьянства просто выталкивалась из деревни в города (знаменем эпохи стал резкий рост городов). А ведь нужно помнить, что богатство феодала – это, в первую очередь, количество зависимых людей. Те относительно богатые крестьяне, что остались, превращаются из поземельно обязанных людей в сравнительно крупных арендаторов. Дело в том, что рост денежного оборота (в результате технологического усовершенствования в горнодобыче, в первую очередь, серебра) привел к инфляции, и денег феодалам стало остро не хватать. Феодалам приходилось продавать свои привилегии, а крестьяне, располагая средствами и не желая тянуть традиционные тягла, задешево покупали их.

В общем, этот процесс можно описывать подробно и в большем объеме, но главное заключалось в следующем: добиться желаемого результата, то есть повышения своего статуса старыми, феодальными способами, стало очень сложно, если не невозможно. Невозможно простолюдину стать дворянином как раньше. Просто потому, что где-то с XII в. во Франции – стране классического феодализма, благородное сословие «закрылось», и не удивительно. Как раз в XII в. закончилась внутренняя колонизация страны, и фонд свободных земель перестал расти. Невозможно дворянину, усиливая феодальную эксплуатацию, разбогатеть – рычагов практически не осталось. Дворянам оставалось только пойти на королевскую службу за плату. При этом возникли совершенно новые способы социального роста, связанные с новой городской промышленностью, торговлей и т. д.

И вот теперь мы обращается к тому, о чем собственно и шел разговор – к морали. Дело в том, что все комплексы человеческой практики, о которых шла речь, сопровождаются изменениями в надстроечной системе, представлениями о том, почему вот эти самые практики правильны, к чему нужно стремиться, а что, наоборот, нехорошо. Эти представления, основанные на ценностных установках и идеалах, и называются общественной моралью. Так вот, новые практики никак не соответствовали старой феодальной морали. Старая мораль утверждала, что феодалу нужно заниматься мечом и копьем, а не «делами», и когда-то это было правильным. Но в новые времена меч и копье не дают никаких возможностей к социальному росту, а «дела» дают.

Так появляется двоемыслие, которое хорошо описано в известном произведении дона Сервантеса. С одной стороны, старая мораль формально еще господствует. То есть, проговаривается, возвышенно вещается с высоких трибун, находится в благородном прошлом (до порчи нравов) – в тех же рыцарских романах. Но на человека, который в реальности попытается вести себя в соответствии с принципами старой морали, будут смотреть как на сумасшедшего. Почему же тогда старая мораль все еще остается и провозглашается? Дело в том, что верхушка господствующего класса позже всех остальных социальных групп попадает под волну изменений, вызванных развитием производительных сил. На низовом и среднем уровне уже все поменялось, а герцоги и графы – наиболее богатые, занимающие государственные посты, с которых кормятся, получающие от королей пенсии и т. п., все еще заинтересованы в сохранении феодальных порядков. Поэтому имеют прямой материальный интерес поддерживать эти устаревшие нормы морали хотя бы гласно и формально, ибо эти нормы оправдывают их положение и существование. И не просто поддерживать. Тем же дворянам Франции было законодательно запрещено заниматься тем, что мы сегодня называем бизнесом. А в Англии нет. Может быть поэтому мы наблюдаем в истории промышленную революцию в маленькой Англии, а не в 22-миллионной на тот момент Франции.

Эволюцию от трудовой морали к морали паразитической мы можем наблюдать и в судьбе буржуазного класса. Я уже упоминал выше протестантскую этику, о которой столь убедительно писал Макс Вебер. Трудно усомниться, что это деятельная, трудовая мораль. Ранняя буржуазия была в полной мере передовым классом. Ее социальный интерес, как интерес прогрессивный, был именно в этом смысле всеобщим интересом эпохи. Молодая буржуазия выполняла важнейшую роль в становящемся буржуазном обществе, поэтому и мораль этого восходящего класса была поистине трудовой, не давая спуска в этом ни себе, ни другим – в этом она доходила поистине до экзистенциальной и трансцендентальной жестокости. А что мы видим, глядя на мораль общества в целом, в частности, в «развитом» мире? А мы видим то, что и должны были видеть, классическую аномию – безнормность. Эта аномия нашла прямое выражение в провозглашаемом моральном релятивизме. Бессмысленная деятельность так называемого креативного класса, обслуживающего па-

разитизм господствующего класса, определяет и аномию в моральной сфере, которая подменяется странным феноменом политкорректности. То же отчуждение людей, порожденное аномией, привело к крайней дороговизне (во всех смыслах) транзакций, что выразилось в тотальном господстве юридического оформления любых отношений. Поэтому, в частности, американское общество вынуждено содержать ужасающую по своему размеру и объему юридическую систему. В обоснование своего высокого места в социальной структуре общества кладется не выполнение господствующим классом той или иной реальной функции, которую класс выполняет в обществе, а невнятное право по рождению, либо по принадлежности к какой-то особой группе и т. п. за отсутствием этой функции. Более того, трудовая этика как таковая куда-то испарилась, а ей на смену пришла этика потребления.

Таким образом, институциональный подход к исследованию изменения и развития морали позволяет сделать следующие выводы: во-первых, мораль есть своего рода аксиологическое обеспечение институализированных взаимодействий людей, и в этом смысле является имманентной институциональной структуре общества; во-вторых, конфликт между привычными, институализированными способами взаимодействий, освященными нормами морали, и новыми, которые диктует развивающийся новый экономический уклад, в непосредственной практике происходит в первую очередь в рамках организаций – формальных структур, организующих взаимодействие людей в соответствии с той или иной функцией на базе господствующих социальных институтов. И, в-третьих, в этих рамках типы взаимодействий обосновываются, легитимизируются, регулируются и поддерживаются не только нормами морали, но и законами, и иными нормативными актами, которые отличаются от норм морали своим формальным характером. Именно в рамках конкретных организаций институциональные правила взаимодействий людей, удобные и полезные на новом экономическом укладе, вступают в конфликт с формальной структурой этих организаций. Вследствие чего эта структура начинает разрушаться – сначала вследствие возникновения двоемыслия, а в конечном счете – разрушения моральных норм с их функциями.

Список использованных источников

1. Назаретян, А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации : очерки эволюционно-исторической психологии / А. П. Назаретян. – М. : ЛКИ, 2008. – 256 с.
2. Фуллер, Л. Мораль права / Л. Фуллер. – М. : ИРИСЭН, 2007. – 306 с.
3. Смирнов, В. Э. Диалектика социального института / В. Э. Смирнов // Социология. – 2019. – № 1. – С. 23–33.
4. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма. Часть II. Профессиональная этика аскетического протестантизма. Примечания / М. Вебер // Вебер М. Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
5. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1961. – Т. 20.

Поступила 08.10.2018 г.

Л. П. ГАЛИЧ,

*кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
исторического факультета БГПУ, г. Минск, e-mail: Galich_lp_bspu@mail.ru*

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ КАК ИМПРЕССИОНИСТСКИЙ ИНСТРУМЕНТ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ИНДИВИДА В ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматривается символическая функция социального самочувствия. Данный феномен представляется в качестве импрессионистского символа, который используется индивидом в целях самопрезентации в социуме. Анализируется влияние культурного фактора на внешнее проявление эмоционального состояния индивида. Описываются культурные различия, которые возникают в процессе демонстрации себя для других с помощью социального самочувствия как невербального средства коммуникации.

Ключевые слова: культура, символическая функция, социальное самочувствие, самопрезентация, эмоции, счастье, благополучие.

L. P. GALICH,

*Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Faculty
of History of BSPU, Candidate of Sociology, Minsk, e-mail: Galich_lp_bspu@mail.ru*

SOCIAL WELL-BEING AS AN IMPRESSIONISTIC TOOL OF INDIVIDUAL PRESENTATION IN SOCIETY

The article deals with the symbolic function of social well-being. This phenomenon is presented as an impressionist symbol, which is used by the individual for self-presentation in society. The influence of the cultural factor on the external manifestation of the individual's emotional state is analyzed. Cultural differences that arise in the process of demonstrating oneself to others through social well-being as a nonverbal means of communication are described.

Keywords: culture, symbolic function, social well-being, self-presentation, emotions, happiness, well-being.

Обращение к индикаторной функции социального самочувствия является лейтмотивом чуть ли не всех работ и исследований, посвященных определению состояния социума и жизненного благополучия людей. Принято считать, что социальное самочувствие является одним из наиболее чувствительных индикаторов, отражающих как индивидуальный жизненный тонус, так и состояние конкретного социума. Справедливости ради отметим, что социальное самочувствие субъекта, основываясь на саморефлексии взаимодействия с социальной средой, выражает, с одной стороны, определенное отношение к различным аспектам собственной жизнедеятельности и является показателем адаптационных и креативных возможностей субъекта в изменяющихся

условиях. В этом аспекте социальное самочувствие выполняет индикаторную функцию и тем самым является человеческим измерением состояния общества, видения перспектив его изменения в ту или иную сторону. С другой стороны, что часто не принимается во внимание многими исследователями, социальное самочувствие является адекватным способом презентации «себя» для «других» в символической форме, причем способом, самым доступным для каждого индивида, таким своеобразным средством «самоподачи» личности в обществе.

Символическую функцию социальное самочувствие также выполняет тогда, когда оно используется разными агентами в целях коллективной презентации, рекламы или демонстрации хорошей работы, успешности в делах, благожелательности и приветливости по отношению к потребителям товаров и услуг тех или иных предприятий, фирм, компаний, учреждений и др. При этом некоторые внешние проявления самочувствия – улыбка, жесты, позы и т. д. – превращаются в средство, становятся импрессионистскими символами, предназначенными для произведения определенного впечатления на других, будь то деловой партнер, клиент, турист, избиратель. В процессе взаимодействия социальное самочувствие становится невербальным средством коммуникации, выражающим не только форму и содержание культурной традиции, принятой в каком-либо конкретном обществе или определенной ситуации, но и является своеобразным способом символизации общей социальной деятельности, реализуя при этом функцию символического регулятора социальных контактов и связанных с ними поведенческих тактик. В данном аспекте социальное самочувствие используется индивидом для презентации себя для других в символической форме. Причем человек предъясвляет себя окружающим людям как осознанно, так и неосознанно, на что у других людей формируется определенное впечатление. Кроме терминов «самопрезентация», «самопредъявление», «самовыражение» часто используются термины «управление впечатлением» и «управление атрибуцией». Результатом этой цепочки является создание определенного впечатления, за которым, по мнению представителей мотивационных теорий, скрывается множество потребностей и стремлений. Кратко перечислим их:

- 1) потребность одобрения или стремление избежать неодобрения;
- 2) мотив власти или стремление к превосходству;
- 3) стремление чувствовать свою эффективность;
- 4) потребность формировать уважительное отношение к себе, связанное с чувством значимости.

Относительно большинства потребностей, составляющих основу процесса самопрезентации, Эрих Фромм выразил свое мнение так: «Человек теряет чувство самости, становится зависимым от одобрения других и поэтому стремится к конформизму, однако чувствует себя неуверенно, он неудовлетворен, ему все наскучило, он обеспокоен и тратит большую часть своей энергии, пытаясь компенсировать или скрыть это беспокойство» [1, с. 296]. Согласно Фромму,

когда человек использует социальное самочувствие в качестве импрессионистского символа, это способствует его превращению в товар, в вещь, которую необходимо выгодно продать. Поэтому и отношение индивида к самому себе характеризуется в духе «рыночной ориентации», при которой человек ощущает себя вещью, которая должна найти удачное применение. «Если бы вещи могли разговаривать, то на вопрос “Кто ты?” пишущая машинка ответил бы: “Я – пишущая машинка”, автомобиль сказал бы: “Я – автомобиль”... Если же вы спрашиваете человека, кто он, он отвечает: “Я – фабрикант”, “Я – служащий”, “Я – доктор” или “Я – отец двоих детей”», – пишет немецкий социолог [1, с. 158]. И это, хочется отметить, абсолютно естественно, так как современный человек определяет себя через преобладающие в его жизни виды деятельности, или, как выразился Фромм, выполняемые функции в социальной системе. Однако с огромным сожалением автор «Здорового общества» отмечает, что это уже не человек с его страхами, любовью, убеждениями и сомнениями, поскольку его самооценка зависит от того, насколько он преуспеет, насколько он может удачно себя продать, насколько он может получить за себя больше того, с чего он начинал.

Подобный символизм социального самочувствия базируется на свойственных человеку естественных проявлениях чувств – как положительных, так и отрицательных – в зависимости от ситуации и внутренней предрасположенности (некоторые социологи, например Т. Парсонс, внутреннюю предрасположенность как установку включают в ситуацию действия) [2]. Используя данное «антропологическое качество» (привычку), специалисты, работающие на рынке, – маркетологи, менеджеры, продюсеры и другие, разработали сложную и психологически тонкую систему символической презентации социального самочувствия. Однако необходимо учитывать, что раскол между «Культуральным Я» (социальные условности и культуральные стандарты) и «Истинным Я» может привести к внутреннему диссонансу, нарушить синтез и единство субъекта как носителя социального самочувствия. Один из лидеров данного направления, педагог по образованию и специалист в области человеческих отношений Дейл Карнеги написал несколько книг в жанре непривычных нам «проповедей». Постепенно идеи символической демонстрации самочувствия приобрели широкую популярность в рыночной экономике, стали программой подготовки персонала частных фирм и компаний, систем образования, здравоохранения, государственных служащих и др. Один из девизов проповеднической литературы гласит: «Человек без улыбки на лице не должен открывать магазин» [3, с. 88]. Слово «открывать» в данном контексте имеет два значения: а) приобретать в собственность, строить; б) отпирать дверь для обслуживания посетителей. И оба они уместны. Для нас, привыкших, что продавцы способны улыбаться только родственникам и друзьям, это особенно понятно. Но и сегодня такие простые символические процедуры в большом дефиците – не только в магазинах, кафе и ресторанах, которые стали, в основном, частными, но и во всех сферах, связанных с обслуживанием

людей, – от приема туристов до работы органов местной власти с населением. За этим скрываются некоторые особенности нашей истории, тех времен, когда слово «обслуживание» отождествлялось с «прислугой», «батрачеством» и т. п. В таком смысле оно и проникло в сознание и менталитет масс, вопреки очевидности того факта, что в обществе все люди обслуживают друг друга, то есть каждый служит тому, кто востребует его услуги. Сказываются, безусловно, и пробелы в культуре общения: многие годы этикетные нормы и правила игнорировались, даже «наверху», как «дворянские», как «буржуазные пережитки» и т. п. В системе образования – на курсах тех же продавцов или водителей, в училищах, колледжах этому не учат, а в университетах считается уже поздно.

Сложные жизненные обстоятельства, конечно, могут снижать самочувствие, но как раз Дейл Карнеги и другие «проповедники» учат не поддаваться обстоятельствам, не замыкаться в такого рода переживаниях, верить в лучшее и действовать. В целом позитивные эффекты символических процедур не вызывают сомнения, и нам в этом направлении предстоит еще значительная работа. Но именно поэтому важно не впадать в очередное эпигонство, как это было на рубеже 1990-х годов с рынком, «шоковой терапией» и т. п., а, с одной стороны, знать и использовать накопленный в народе багаж терпимости, приветливости, гостеприимства и т. д., с другой – трезво отнестись к чужестранному опыту в этой области. Не нужно забывать о влиянии культурного (ментального) фактора на внешнее проявление или демонстрацию внутреннего состояния, то есть социального самочувствия. Действительно, культура является фактором эмоционального фокусирования на формировании определенных эмоциональных стилей поведения и действий. Проявлению эмоций в зависимости от культур посвятил целую главу книги «Психология культуры» итальянский исследователь Луиджи Анолли [4]. Автор неоднократно пишет о том, что отношения между эмоциями и культурами очень сложны по своей природе. Речь идет о том, что в одних культурах принято улыбаться, в других – вести себя сдержанно и не проявлять никаких чувств, в третьих – горевать и плакаться. Взаимоотношения между культурой и демонстрацией самочувствия объясняются в рамках трех подходов. С точки зрения психоэволюционистской теории, выражение эмоций непосредственно сопряжено с реализацией специфических для вида целей, связанных с выживанием. В рамках этой теории выделяют базовые типы поведения, которым соответствуют базовые типы эмоций. К поведенческому блоку относят объединение (прием пищи и т. д.), отвержение (избегание чего-либо опасного), защиту, разрушение (для устранения препятствия), воспроизведение (для продолжения рода), депривацию (для сохранения важных отношений), ориентировку (для направления внимания на что-то важное) и исследование (для познания окружающего мира). Этим типам поведения соответствуют первичные эмоции – радость, гнев, страх, грусть, доверие, отвращение, удивление, ожидание. Согласно данной теории, эмоции как быстро зарождаются, так и мало делятся

и являются непроизвольным, «незванным гостем»), а следовательно, человеком они не могут выбираться и регулироваться. Полным антиподом психоэволюционистской теории являются «концепция оценки» и «конструктивистская теория», в рамках которых эмоциональные состояния человека рассматриваются в качестве социального и культурного продукта [4, с. 270]. Эти подходы придерживаются взгляда, согласно которому внешнее проявление самочувствия, а именно эмоционального его модуса – это результат действия и соответствия определенному кодексу поведения в обществе, который усваивается посредством воспитания, и он указывает каждому, как нужно себя вести в той или иной жизненной ситуации. Так, «эмоции – это социальные синдромы и культуральные продукты» [4, с. 271]. Поскольку все-таки человек есть существо разумное, то мы склонны говорить о его больших возможностях, и более того, о необходимости управления и регулирования собственных эмоций. Интересны сами по себе рассуждения автора о разнообразии эмотивной лексики. Каждая культура имеет собственную эмотивную лексику, то есть совокупность словарных и энциклопедических элементов для выражения эмоций. В зависимости от данного эмотивного словарного запаса люди, принадлежащие к разным культурам, могут как дать название эмоциональному состоянию или опыту, так и сообщить о нем и узнать его от других людей. Оказывается, «лингвистический репертуар» эмоциональной проблематики имеет серьезные различия в плане количественного расширения. Так, в английском языке существует около двух тысяч терминов, обозначающих эмоциональные состояния человека, а в китайской лексике есть только около восьмиста подобных слов. В неграмотных культурах эмоциональный словарный запас еще меньше – от 10 до 60 слов (Микронезия и Малайзия). Конечно, с одной стороны, чем шире словесный эмоциональный репертуар, тем больше возможности у человека о нем сообщить и его выразить. Однако есть культуры, в которых богатая эмотивная лексика позволяет не *чувствовать* эмоции, а *проговаривать* их. Например, британская модель требует более сдержанного, можно сказать, равнодушного и холодного эмоционального состояния от представителей этой культуры. Например, категория счастья, которая в нашей концепции рассматривается как высший уровень позитивного социального самочувствия, весьма неоднозначна с точки зрения культурального подхода. В английском языке эмоцию радости выражают двумя словами – «joy/happiness» («джой/хэппинес»). Как правило, эмоция радости возникает при получении или сохранении желанных для человека отношений и состояний. Словом «хэппи» («I am happy») американцы выражают состояние, при котором они удовлетворены чем-либо, что тождественно слову «довольны» и «счастливы». Что касается этимологии французского слова «счастье» – bonheur – то до XVII в. это были два слова: bon – хороший и heur – удача, шанс. Более того, принятая в американской культуре улыбка на лице – признак благополучия и жизненного успеха. Если в западной культуре выражать собственную

радость – это культурная норма, то, что приемлемо в социуме, то, скажем, в обществе ифалук – это строго запрещено, так как выражение радости является чем-то неприличным, задевающим чувства других и служит проявлением неуважения к окружающим.

Все-таки искусственная, часто вынужденная демонстрация символов самочувствия – здоровья, успехов, благополучия в делах и личной жизни, как и приветливость к случайным клиентам – чревата фрустрациями, особенно когда реальное состояние и конкретная ситуация противоречат этому. Когда К. Прутков взывал: «Хочешь быть счастливым? – Будь» [5], это была тонкая ирония, «прикол» на молодежном сленге. Но когда проповедники утверждают, что «большинство людей счастливы настолько, насколько они решили быть счастливыми», то в этом уже есть доля неправды, диффамации, способной оскорбить значительное число людей. Оптимизм для американцев – это неотъемлемая ценность североамериканской культуры, который оказывает определенное давление на человека, а субъективное благополучие (внешнее проявление счастья) в западной традиции рассматривается как социальное обязательство и культуральное полномочие. В этой модели приветствуется демонстрация самоэффективности, необходимая для одобрения, восхищения и восхваления со стороны окружающих. Рассуждая о культуре, здоровье и субъективном благополучии в духе американской традиции, Л. Анолли писал так: «Часто самоутверждение американцев проявляется в так называемом феномене “лучше среднего”, в котором люди считают себя лучше среднестатистического поведения и стремления, распространенных в их народе. Таким образом, возникают условия для возникновения эффекта *ложного единства*» [4, с. 412]. В этой культуре людям свойственно считать себя лучше других и воспринимать себя уникальными. Таким образом, степень взаимосвязи между самооценкой и субъективным благополучием в североамериканском обществе очень высока. В индивидуалистской культуре самооценка выступает главным фактором удовлетворенности жизнью, поскольку за ней скрываются способность демонстрировать собственную эффективность и достижение собственных целей. В японской модели путь к субъективному благополучию идет в ином направлении и уходит корнями, прежде всего, в религиозную традицию, противоположную западной. Эта традиция основана на убеждении, что счастье и печаль ходят рука об руку, поэтому необязательно слишком радоваться, когда наступает счастье. Поэтому стремление к счастью у японцев – это путь, который проходит через установление гармонии в межличностных отношениях, а благополучие других – неотъемлемое условие личного благополучия. Поэтому в японской модели достижения счастья в игру вступают эмоции, связанные с гармонией, согласием, доверием, эмпатией, уважением и солидарностью, в отличие от западной традиции, где ценятся гордость, счастье, ощущение успеха и превосходства.

Счастливыми, по-видимому, хотят быть все, но жизнь сложна, в ней неизбежны случайности – кризисы, природные катаклизмы, аварии и т. д. Поэтому

не менее важно учить молодые поколения терпению, стойкому восприятию временных неудач, реальной оценке ситуации и своих возможностей, деятельному, а не абстрактному оптимизму и гуманизму. Пока, как нам представляется, отечественная социология, социогуманитаристика в целом данную проблему упустили, и это необходимо исправлять.

Список использованных источников

1. *Фромм, Э.* Здоровое общество : [пер. с англ.] / Э. Фромм. – М. : AST Publishers, 2011. – 446 с.
2. *Парсонс, Т.* О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М. : Акад. Проект, 2002. – 880 с.
3. *Карнеги, Д.* Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. Как выработать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично. Как перестать беспокоиться и начать жить : пер. с англ. / Д. Карнеги. – Минск : Польша, 1990. – 670 с.
4. *Анолли, Л.* Психология культуры / Л. Анолли ; пер. с итал. Ю. С. Вовк. – Харьков : Гуманит. центр, 2016. – 480 с.
5. *Козьма Прутков.* Плоды раздумья – мысли и афоризмы [Электронный ресурс] / Козьма Прутков. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=68969&p=1>. – Дата доступа: 28.09.2018.

Поступила 03.10.2018 г.

M. BĂLAN,

*Doctor of Mathematical Sciences and Economics, Univ. Professor,
SR I Institute for Economic Forecasting-NIER, Romanian Academy,
Bucharest, e-mail: dr.mariana.balan@gmail.com*

S. M. STĂNESCU,

*Doctor of Sociology, SR I Research Institute for Quality of Life,
Romanian Academy, Bucharest, e-mail: simona_vonica@yahoo.com*

THE PSYCHOSOCIAL AND ECONOMIC IMPACT OF DRUG CONSUMPTION AMONG YOUTHS

In the 21st century, drug consumption and traffic exceed the stage of simple phenomena, and unfold as one of the most severe and worrying issues faced by the human civilization. The social changes taking place in the Romanian society have generated social insecurity, suspicion, and frustration, a feeling of discouragement even of inadequacy especially among youths. From a behavioural perspective, these perceptions and attitudes are materialised in deviant behaviour. In the multitude of shapes taken by social deviance, a particular place is taken by drug consumption. The negative effects of drugs on the state of the individual, and on the social relationships are incontestable. Drug users are found most often in conditions of personal and social vulnerability triggered by this type of consumption.

From the methodological viewpoint, the descriptive statistical analysis was used (graphs, tables, average calculations) especially for visualising and synthesising the information detached from data sets from publications of the National Anti-Drug Agency, from European Reports regarding drugs; World Drug Reports published by the Office of the United Nations (UNODC). The classification analysis was used in defining a typology of drug consumption at European, national and regional level.

As results, the paper includes a brief comparative analysis of the psychosocial effects generated by the drug consumption phenomenon among youths from Romania, and from the European Union.

The conclusion of the study is that drug consumption among youths might lead to their excessive marginalisation that can be displayed under the form of increased intolerance of the population against them, and by limiting their access to the usual resources and opportunities for youths of the same age.

Keywords: drugs, youths' vulnerability, psychosocial impact, social exclusion.

M. БАЛАН,

*доктор математических наук и экономики, профессор,
Институт экономического прогнозирования, Академия наук Румынии, Бухарест*

S. M. СТАНЕСКУ,

*доктор социологических наук, Институт исследования качества жизни,
Академия наук Румынии, Бухарест*

ПСИХОСОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

В XXI в. потребление и оборот наркотиков выходят за рамки простых явлений и раскрываются как одна из наиболее серьезных и тревожных проблем, с которыми сталкивается человеческая цивилизация. Социальные изменения, происходящие в румынском обществе, породили социальную нестабильность, подозрительность и разочарование, чувство обескура-

живания, даже неадекватности, особенно среди молодежи. С поведенческой точки зрения эти восприятия и установки материализуются в девиантном поведении. Во множестве форм, относящихся к социальным отклонениям, особое место занимает потребление наркотиков. Негативное влияние наркотиков на состояние личности и социальные отношения неоспоримо. Потребители наркотиков чаще всего встречаются в условиях личной и социальной уязвимости, вызванной этим типом потребления.

С методологической точки зрения описательный статистический анализ (графики, таблицы, средние расчеты) использовался специально для визуализации и синтеза информации, выделенной из наборов данных из публикаций Национального агентства по борьбе с наркотиками, из Европейских отчетов о наркотиках, Докладов о наркотиках в мире, опубликованных Управлением Организации Объединенных Наций (ООН). Классификационный анализ использовался для выявления типологии потребления наркотиков на европейском, национальном и региональном уровнях.

В результате в работе осуществлен краткий сравнительный анализ психосоциальных эффектов, вызванных феноменом употребления наркотиков среди молодежи из Румынии и Европейского союза.

Вывод исследования заключается в том, что употребление наркотиков среди молодежи может привести к их чрезмерной маргинализации, что может проявиться в форме повышенной нетерпимости населения к ним и ограничения их доступа к обычным ресурсам и возможностям для молодежи того же возраста.

Ключевые слова: наркотики, уязвимость молодежи, психосоциальное воздействие, социальное исключение.

JEL Classification: C42, I12, I32, J13, J64, L65

A pertinent analysis of the drug phenomenon in the world for the last years allows for findings about the complex, dynamic character of this phenomenon, and its expansion in the entire world. From the analysis of the general international context and being aware about the internal reasons for its evolution and expansion, it results that the global approach is the only way of approaching efficiently this phenomenon. This presupposes the implementation of an integrated monitoring, control and repression system realised by close cooperation between all states of the world.

The paper explores the psychosocial and economic impact of drug consumption among youths. The first part is dedicated to the psychosocial and economic effects of drug consumption in Romania from an international comparative perspective. The second part of the paper is centred on realising some correlations between drug consumption factors and the economic determinants like labour force employment, productivity, income, and price.

The psychosocial and economic effects of drug consumption in Romania in international context

This situation is translated into a heavy burden on the public health system, in terms of prevention, treatment, and care in the issues related to drug consumption, respectively with respect to the medical consequences of drug use. Out of six problem-consumers, only one has access to medical care. The number of annual deaths caused by drugs is estimated at 190,9 thousand persons for 2015. An exagge-

rated high number of consumers lose their lives because of overdose, in spite of the fact that deaths caused by drugs can be prevented [1].

Next to the effects proper of drug consumption corresponding to the various types of illicit substances, just as damaging is the risk behaviour these persons are engaged in for procuring and using drugs. Most times, drug consumption takes place in uncertain instances, which leads to the outspread of infectious diseases (especially HIV, but also hepatitis, and tuberculosis). To these is added the limited access to preventative and treatment means, thereby increasing the risk of spreading these diseases.

Overdose is the main reason for the deaths, opioids (heroin and the use of opioids prescribed for other purposes than the medical ones) being the main substances accounting for these deaths. Overdose accounts for 3.5 % of the deaths at European level among the population aged between 15 and 39 years. The countries most affected in Europe by this phenomenon are the northern ones: Estonia, Scotland, Finland, Sweden, Northern Ireland, the Russian Federation, Norway, and the Republic of Ireland where over 200 deaths are recorded per one million inhabitants, for the population with ages between 15 and 64 years.

In North America are registered about 29 % out of the total number of deaths caused by drug use at world level, which makes this area to record by far the highest mortality rate. USA reports a number of deaths that is 4.35 times higher than the global average recorded in 2015: 55300 deaths [1, p. 12].

In order to understand better the dynamics of the processes generated by drug consumption, we must mention briefly drug addicts as these consumers are called, for attempting to determine the reasons pushing them to adopting such behaviour. The question why an individual turns into an addict depending on one or more substances generating addiction was answered in various ways, by enumerating causes of psychological, economic, and social nature. The answer to this question is complex, requiring an approach from several perspectives. Some researchers state that all these reasons are nothing else but favourable circumstances of the drug addiction agent, respectively of the drug. Others regard as answerable the personality of the drug addict. Claude Olievenstein states that the drug addict is the “symptom of a profound malady of the society, expressed dramatically by some youths, as it is, in fact, the meeting between a certain product, a certain individual, and society” [2].

The psychological motivation is still the most credible explanation, the highest incidence for beginning with drug use being recorded among the teenage and young population faced with the most disagreeable aspects of life: unemployment, lack of housing, violence, social or racial discrimination. Out of a bravado or refuge wish, they fall in the trap of a vice that they cannot escape subsequently from, and which becomes their only reason for living. Knowing about this situation, we understand once more the necessity of fighting against this phenomenon that leads to individual and social ruin, as we are aware about the difficulty of fighting a monster that proves unforeseen capacities in fighting back.

All developed countries benefit of criminal legislation sanctioning smuggling, production, distribution, or possession of a wide range of psychotropic substances. In case of severe illegalities, the punishment reflects the aversion of society faced with the types of crime considered as extremely dangerous. The imprisonment sanctions for trafficking and distributing drugs equates in some jurisdictions with the sentences for premeditated homicide. However, there are voices contesting the efficiency of these laws, by underpinning their costly character in relation to the generated effects. These voices support the elimination of legal prohibition, fact leading to a debate in which each of the parties brings own arguments for supporting their position.

Total legalisation is the one giving rise to most discussions. While its supporters maintain that the formula applied already in the case of recreational drugs might be extended successfully also to the others, the anti-legalisation party supports the idea that the legal control formula is completely inefficient in preventing the prejudices caused to the population. The disadvantages of the legal way of approaching drugs are best highlighted by the prejudices caused to public health and the significant social costs [3].

Despite inherent limitations occurred while attempting to show the magnitude of the drugs' issue, a brief review of the costs and "benefits" derived from this industry is more than necessary. In spite of the scattered character of the information that might be collected at regional, national, or world level, it is essential to use them for drafting efficient policies with the purpose of combating and preventing drug consumption.

While economic integration as consequence of globalisation represented the rule for several past decades, the speed and geographic expansion of economic operations are a relatively new phenomenon and still in full development. The emergence and development of organised crime networks at world level were supported by an otherwise positive force: the technological progress and these organisations knew to profit fully from appearing opportunities. Illicit substances trafficking is today a major issue in countries that a few years back knew nothing about the existence of this issue, and the authorities have the difficult task of facing a well-functioning machinery which has as sole purpose to obtain power and profits by any means.

Regarding the effects of the operation of these networks, these are multiple and among the most severe. By their organisation and activity, drug cartels represent a real threat to the security and development of the countries where their presence is felt. The states are forced to allot increasingly more resources to the fight against them but also for combating the 'goods' they throw on the market. These organisations have created a true parallel economy constituted from numerous elements pertaining to the organised crime sphere. What makes their annihilation more difficult is that they succeed in increasing constantly their power and multiply their gains up to astronomical shares.

While the operations of these entities increase and are diversified, this process takes place in direct proportionality to the deepening social issue represented by

the recipients of these circuits, respectively the consumers. Their numbers continue to grow despite awareness campaigns about the negative effects of illicit drug consumption. As long as there is demand, also supply will continue to exist. Unfortunately, in this instance, the demand keeps operational a true death industry, responsible for shocking individual and collective dramas considering their size and horror, as drug consumption and its effects are one of the worst afflictions humanity has to bear.

The most outspread communicable diseases associated with drug consumption from the medical point of view are HIV, HVP (hepatitis virus B) and HVC (hepatitis virus C). Bellow are presented some developments of communicable diseases associated to drug consumption in Romania (Fig. 1).

The monitoring of deaths occurred among drug consumers provides for a concrete image about the impact of drug consumption and its consequences (Fig. 2). For the year 2016, as well, difficulties were recorded in collecting data from the entire medical-forensic network regarding deaths because of drug consumption. In this context, at national level (in the absence of data from 11 medical-forensic county institutions), 19 cases of deaths associated directly to drug consumption, and 12 causes of deaths related indirectly to drug consumption were reported for the year 2016.

In the 3060 medical emergency cases recorded at national level was signalled the consumption of at least one illicit drug (used alone or in a combination) in the year 2016. Also in 2016, regarding the distribution on genders of medical emergencies because of illicit drug consumption, an unequal distribution was registered between men and women with a higher weight in the case of men – 77.6 %, compared with 22.4 % for women.

In 2016, 78.2 % from the persons accessing emergency services were below 34 years of age, 18 % persons were aged between 35 and 64 years, and 2 % were persons over 64 years.

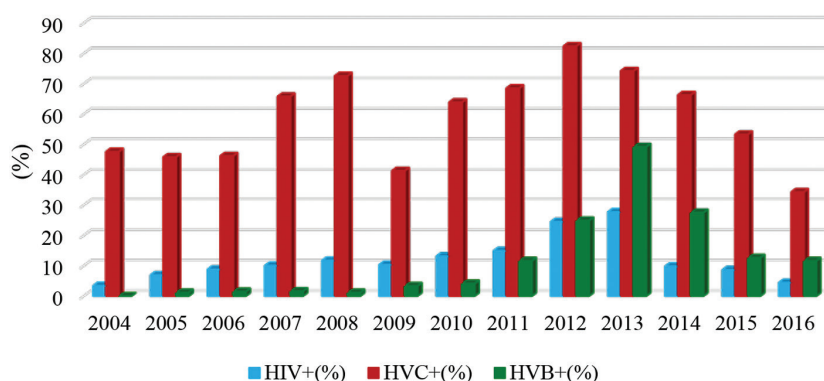

Fig. 1. Prevalence of HVB, HVC and HIV among drug consumers allowed for specialised treatment medical services in Romania, comparative data 2004–2016, (%)

Data source: Report of the National Anti-Drug Agency regarding drugs situation, 2017

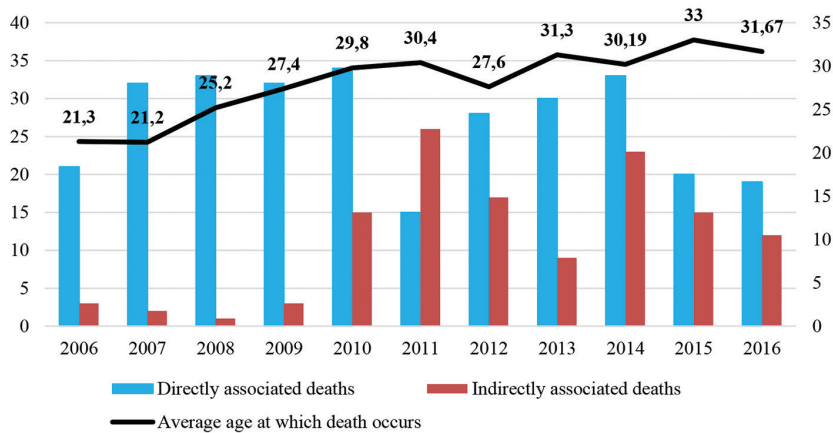

Fig. 2. Distribution of death cases and the evolution of the average age in the case of deaths associated to drug consumption, on types of deaths (direct and indirect)
Data source: Report of the National Anti-Drug Agency regarding drugs situation, 2017

Regarding the consumption model, in 72.7 % cases was registered the use of a single psycho-active substance, while in 18.4 % cases was noticed the use of multiple drugs.

Regarding the geographic distribution of this casuistic, depending on the economic region of development from Romania where the medical emergency was recorded, a diminishment in the number of cases is noticeable (Fig. 3) for the majority of regions, save for the North-West region with an increase by 10.9 pp against 2015 in the year 2016.

The economic effects of drug trafficking and consumption refer predominantly to the following aspects:

- the creation of an underground drugs' economy;
- lack of incomes, poverty state of the addicted persons which brings along also the feeling of insecurity;
- individuals' security considering the economic aspect is approached also in the context of incomes' inequality and of the poverty phenomenon;
- subsequent medical consequences of drug use might be translated into economic costs of the respective society, as well.

- From the economic viewpoint, might be considered also the costs of the states for:
  - assistance and recovery programmes for persons consuming drugs (treatments with mometasone, naltrexone, etc.);
  - programmes, campaigns, and projects of prevention for the population;
  - borders control;
  - detention of individuals who committed crimes against the drugs' regime;
  - supporting the judiciary system prosecuting criminals.

At international level a series of complete and comparative studies were made for measuring the costs of the drugs' industry for the society providing for pertinent

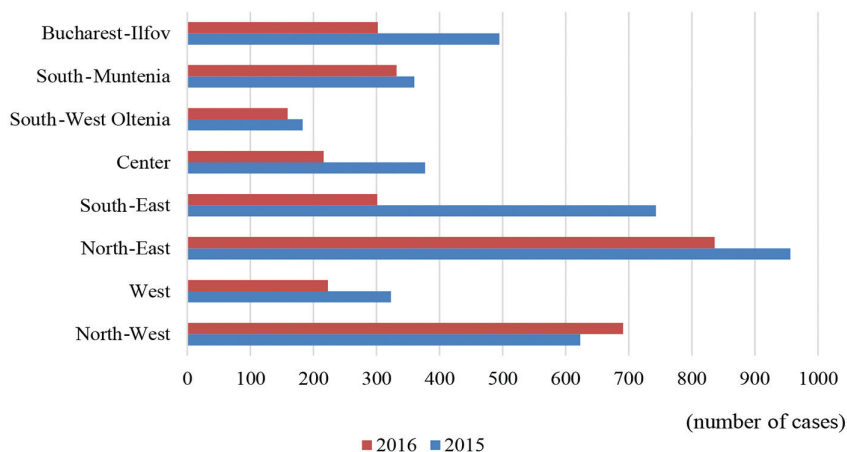

Fig. 3. Distribution of medical emergencies as result of the use of psychoactive substances, on Romania's regions of development, in 2016

Data source: Report of the National Anti-Drug Agency regarding drugs situation, 2017

data, even though the figures are different from one country to another depending on the methodology and policy.

The studies realised in EU member-states, and in non-member states suggest the existence of a considerable variance among countries from the viewpoint of the nature and severity of the economic crisis impact on the budgets and expenditures corresponding to drugs' matter.

In countries like the United Kingdom, Estonia, Ireland, Hungary, and Croatia after a period of diminishing specific public expenditures regarding drugs', a slight increase is noticeable after 2013. In other countries, an annual increase was noticed in total expenditures regarding drugs (Finland, Luxemburg, Belgium and Sweden).

Other major categories of costs were represented by the values for enforcing laws against drug trafficking, and trial expenditures, the costs for imprisonment and prevention, the ones for care and rehabilitation, including the treatment of patients with the human immunodeficiency virus (HIV), or the acquired immune deficiency syndrome (AIDS) related to drugs.

Drug abuse is encountered most frequently among youths with ages between 15 and 35 years, with a particular concentration for the age group 18 to 25 years. Thus, here are included also those who have entered or are about to enter the labour market. Considering the high rates of unemployment in many countries, entering this market is often a major issue. Drug consumption might limit the chances of entering or remaining in the labour market, while the frustration caused by failing to find jobs favours drug consumption, and thereby are created vicious circles.

Very often there is a strong correlation between unemployment and drug consumption, both in developed countries, and in developing countries as well. A study showed that the "difference in the drug consumption among unemployed was 60 % higher than among the employed" [4].

Another recent study, realised by the International Labour Office and the European Community, which examined the “effects of drug and alcohol abuse on the job in European countries found that more than half of the interviewed employers reported that specific performance deficiencies, and absences from the job are the result of drug and alcohol related issues. In about two out of five cases, the organisations were forced to fire the employees on grounds related to drugs and alcohol, and this shows clearly the severity of the issue” [5].

The prices for drugs, in contrast to those for other raw materials reflect firstly the high level of risk involved in their production and trafficking. The prices and profits of the drugs’ industry are not proportional to the factors’ costs, but seem to be related proportionally to the risk and monopoly degree for each stage of the production and marketing costs. Heroin and cocaine have shown a surprising correlation throughout the years 1980, and at the beginning of the 1990s and behaved as a tandem; “which suggests that perceived risks, probably also because of the success or failure degree in law enforcement were indeed a major factor for setting the prices, while changes in the prices of drugs in supplying countries had only a minor influence on retail prices in Europe and the United States of America” [6].

The drug prices’ elasticity is an essential aspect, not only for evaluating the economic consequences of drug consumption but also for evaluating the impact of prohibition efforts, from which many are based on the hypothesis that high prices will reduce consumption.

Prices’ elasticity provides information about the measure in which a change might be expected in the price of merchandise that affects its demand. The question is whether for drug consumption, as in the case of most goods and services, the demand decreases as reply to prices’ increase and grows as answer to prices’ diminishment. Even though it might be stated that there is price elasticity, there are drug addicts who will attempt by any possible means to obtain drugs, irrespective of the costs involved. The direct relationship between prices and demand is not always clear. The emergence of other variables, such as an anti-drug campaign in education might diminish demand and, consequently, trigger price reduction. The studies suggest that demand becomes progressively more elastic, or inelastic together with the addiction level regarding the substance.

A frequent scenario is, in producing countries, that incomes from narcotics either are placed in deposits abroad, or used for legal luxury imports none of them having effects on the level of local prices. Considering the hierarchical structure of the drugs’ industry, most profits are concentrated by a relatively low number of persons, while cultivators operate often under rather competitive market conditions and, therefore, their earnings are relatively low. “In each stage of the refining or preparation process the number of participants decreases and profits grow until at the top, or wholesale level, remain only few sellers controlling the majority of the market both for consumption and production” [7]. These inconsistencies, perhaps more than poverty itself, are often considered as a preliminary condition for drug abuse thus creating a vicious circle.

Capital entries resulting from drug exports and simple capital entries from profits as result of drugs play an important role, as well. Such funds tend to be extremely volatile, reacting rapidly to changes in the political and legal environment and turning thereby governments' hostages of the international money resulting from drugs. The financial flows prove often to be beyond the Government's traditional instruments of macroeconomic control.

Considered with respect to dynamics, the long-term negative effects of the illicit substances industry seem obvious. The countries with flexible exchange rates with be faced with over-evaluated exchange rates, and often obliged to roll high licit commercial deficits, and give up the chance of developing profitable export alternatives. "In the case of Bolivia, for instance, the over-evaluated exchange rate results from the flow of dollars generated by drugs, and this hindered the local leather and textile industry to develop against cheap imports from abroad" [6].

While global funds originating from drug trafficking and not negligible by far are still modest compared with the size of the aggregated economies of the developed countries, they are extremely high by comparison with the economies of many developing countries. Even the lowest estimate (85 billion dollars) means an amount higher than the individual GDPs of three quarters from the 207 economies of the world.

In spite of the high amounts mentioned above, the impact of the drugs industry on the domestic economies seems minimal in the majority of countries. This fact is rather surprising, considering the traditional model of redistributing from small income to groups with high income that increases, in fact, the global rate of savings.

A particular danger developing in countries that aim to the swift privatisation of state assets, such as Eastern Europe is that privatised assets turn into a target for criminal investments. This fact tends to undermine both the bases of the state and of the new market economy. The paradox is that privatisation takes place with the purpose of increasing efficiency, but if financed criminally it might prove to be extremely inefficient from the economic point of view on long term.

The European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction (EMCDDA) estimates that about a quarter of the European adult population has used one illegal drug during their lifetime. Usually, cocaine and cannabis are the most popular – the report stipulates that on the entire continent about 2000 tons of cannabis are ingested yearly. Meanwhile, in Romania, individuals use so much that over one third of the persons entering in treatment programmes for the first time have undergone treatments because of the new psychoactive substances. It was reported that 51 % from users have used injections with the new psychoactive substances.

The negative impact of drug consumption on health is obvious, established and documented scientifically. "This fact proves clearly that the amplitude of the drug consumption, and the health issues both for dependent persons in question and also for the society which is burdened with the health costs related to drug abuse" [6].

The damages for the environment as result of producing or trafficking drugs are caused in the producing countries by deforestation, by the increase in monocultures,

by the processing of harvested plants for drugs, and the use of dangerous chemical products for the environment without adopting the required precautionary measures. Even though the damages to the environment as result of drugs' production were documented to a certain extent, the efforts up to now for repairing the resulting damages from drugs' agriculture and production industry are minimal.

Conclusions

In the 21st century, drugs' trafficking and consumption have exceeded the stage of simple phenomena and they unfold as some of the most severe and worrying issues faced by the human civilisation. It might be maintained that currently the drugs' phenomenon exceeded the reasonable tolerance level regarding understanding and standards of humanity nowadays.

Drugs' consumption and trafficking generates direct and indirect effects on the humanity revealing their concern rising character. The entirety of some social-economic, psychological and biological conditions constitute negative influence factors on the social and biological heredity and on the socio-family, professional and economic state thus generating effects of insecurity, affective and economic instability, of transitory or durable inadequacy to social exigencies, triggering the rejection and revolt against habits, traditions, and system of values practiced by society.

Drug trafficking is in close relation to drugs' production because as long as the production of such substances exists, then also consumers will be anywhere in the world, and the road of drugs to final consumer is, in fact, drug trafficking that might be achieved under various forms.

According to the yearly report of the European Union – EMCDDA-Europol, many of the criminal groups that in the past dealt largely with heroin trafficking, extended currently their activities and are involved in cocaine and methamphetamine drug trafficking in the entire European Union, and the traffic routes are the same ones as those used for heroin trafficking in the past.

The globalisation phenomenon turned gradually into a factor favouring fully drug trafficking and consumption in the world, and many of the countries became gradually points of transit, of warehousing or production.

At the European Union level several efforts were made in the acerbic fight against drugs, so that all EU member states have adopted a European pact which provides that member-states and EU institutions cooperate for putting a stop to illegal drugs' production and trafficking.

Considered based on categories of drugs, the market is rather "plentiful", as consumers might or have the possibility of consuming any drug they wish for.

Drug consumption and trafficking have major impact on the economic situation of a state because the economy of a state producing or exporting high quantities of drugs tends to become dependent on this resource for money, just as a drug consumer becomes dependent on drug. In this way, various criminal organisation might appear that are concerned only with drug trafficking at world and national level and,

implicitly, the money obtained from trafficking are part and parcel of an illegal and 'dirty' circuit which is inside the underground economy, or the 'money laundering' process.

Drug consumption has implications on the economic sector, as well, but this is hard to analyse because at world level there are no real and consistent data regarding the true amounts of money circulating and gained as result of drug trafficking and consumption.

The economic costs related to drug consumption are analysed together with other fields in which they generate effects, such as health, public safety, and criminality.

It is difficult to obtain correct and precise information regarding the economic impact had by drug consumption, because there are various ways by which those involved in such activities find various ways of hiding, or which help in making harder their identification. However, the social impact of drugs might be seen much easily by wider research at society's level, and the effects resulting from this situation are multiple and long lasting.

List of used sources

1. World Drug Report 2017 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.unodc.org>. – Date of access: 10.10.2018.
2. *Drăgan, J.* Aproape totul despre droguri / J. Drăgan. – București : Editura Militară, 1994.
3. *Edwards, G.* Drogurile: o tentație ucigașă / G. Edwards. – București : Editura Paralela 45, 2006.
4. *Mott, J.* Self-reported Drug Misuse in England and Wales: Findings from the 1992 / J. Mott, C. Mirrlees-Black // British Crime Survey, Home Office, Research and Planning Unit Paper 89. – London, 1995.
5. *Smith, J. P.* Alcohol and Drugs in the Workplace: Attitudes, Policies and Programmes in the European Community / J. P. Smith. – Geneva : International Labour Organisation, 1993.
6. *Farrell, G.* Cocaine and Heroin in Europe 1983–1993. A cross national comparison of trafficking and prices / G. Farrell, K. Mansur, M. Tullis // British J. of Criminology. – 1996. – Vol. 36, Nr. 2. – P. 255–281.
7. *Van Ours, J.* The Price Elasticity of Hard Drugs: The case of Opium in the Dutch East Indies 1923– 1938 / Jan van Ours // J. of Political Economics. – 1995. – Nr. 2. – P. 261–279.

Посмунула 16.10.2018 г.

УДК 316.008(476)

М. И. ВЕРЕНИЧ,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, e-mail: lad05@yandex.ru

КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ПРАКТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье представлен анализ современных изменений в сфере культуры и их влияние на удовлетворение культурных потребностей населения. Анализируются роль государственного сектора культуры в реализации культурной политики и современные тенденции развития негосударственных социально-культурных практик: становление творческих индустрий и развитие сектора креативной экономики в Республике Беларусь. Выявлены проблемы и вызовы обществу, связанные с трансформациями сферы культуры на современном этапе, и представлены рекомендации по оптимизации современной культурной политики.

Ключевые слова: культура, трансформации, культурный капитал, творческие индустрии, креативная экономика.

M. I. VIARENICH,

*Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
e-mail: lad05@yandex.ru*

CULTURE IN THE CONTEXT OF MODERN TRANSFORMATIONS: PRACTICE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article presents an analysis of modern changes in the sphere of culture and their impact on meeting the cultural needs of different groups of the population. The role of the public sector of culture in the implementation of cultural policy and modern trends in the development of non-state socio-cultural practices are analyzed, they are the emergence of creative industries and the development of the creative economy sector in the Republic of Belarus. The problems and challenges to society associated with the transformation of the sphere of culture at the present stage are identified and recommendations for optimizing modern cultural policy are presented.

Keywords: culture, transformation, cultural capital, creative industries, creative economy.

Трансформации, происходящие в социально-гуманитарной сфере с середины XX в., оказывают влияние на все сферы общественного развития, затрагивая в первую очередь духовную сторону, порождая серьезные социально-антропологические (культурные) вызовы, среди которых: уход человека (особенно представителей молодого поколения) в online-пространство; замещение культуры китчем и маспотребом; вытеснение реального живого общения виртуальным; деформация форм коммуникации и досуга, ориентация их на однообразность, фрагментарность, исключительно развлекательность.

В противовес этим тенденциям в обществе зарождается новая концепция социального и экономического развития, выдвигающая культурные ресурсы

и творчество на первый план, где культура призвана выступать альтернативой промышленному производству и должна ориентировать на новые виды ресурсов – креативных, инновационных, творческих вместо ограниченных материальных, природных и финансовых. И, как подчеркивают многие исследователи, именно культура сегодня призвана вносить изменения в развитие людей, территорий, общества в целом. Так, Ч. Лэндри, известный английский урбанист, один из идеологов развития социальных и культурных рынков как средства творческого выражения и процветания территорий, отмечает, что «культурные ресурсы – это материал, используемый для создания базовых ценностей города, сырье, которое приходит сегодня на смену углю, стали и золоту» [1, с. 10].

В странах, проходящих через процессы смены общественно-политического строя, культура по-прежнему остается надстройкой, финансируется в недостаточной мере, хотя предпринимаются активные попытки актуализировать, придать новые импульсы ее развитию, делаются акценты на коммерциализацию продуктов культурной деятельности. Исследователи изучают взаимосвязь культуры (творчества, искусства) с экономикой, то, как их симбиоз способен создать экономическую, креативную ценность и культурное благо. И если ранее, в контексте теорий постиндустриального общества, говорилось об экономике как об экономике знаний, экономике информации, то сегодня говорится о креатосфере, об экономике символического обмена, творческой экономике, экономике желаний, прибыль или вклад которой можно просчитать в том числе и традиционными экономическими показателями (доля ВВП, занятость и заработная плата, экспорт и импорт и др.). В связи с этим и возрастает значимость таких составляющих, как «культурный продукт» и «культурное потребление», «культурный капитал личности», «культурный капитал общества», «культурные индустрии», «креативный фактор», «креативная экономика».

Сегодня важно акцентировать внимание на потреблении «культурного продукта» конкретной личностью в рамках ее определенного образа жизни или формирования ее «культурного капитала». Необходимо изучать не просто объем, количество потребляемых продуктов и товаров сферы культуры (посещение музеев, театров, концертов, библиотек и т. д.), но и само поведение потребителя в различных ситуациях, готовность посещать, потреблять и заказывать вновь те или иные «культурные» услуги, «качество» самого культурного продукта, отвечающего ожиданиям либо интересам «потребителей».

Вопрос изучения потребностей человека в сфере культуры достаточно сложен. Так как потребность является формой проявления внутренней природы высокоорганизованной психики, потребности чаще всего предстают в виде эмоционально окрашенных желаний, стремлений, а их реализация – в виде оценочных эмоций, полученного «блага». Но одновременно человек должен «голосовать рублем», оплачивать эмоцию предварительно.

В пирамиде потребностей Маслоу культурные потребности занимают главенствующую позицию. Если витальные, естественные потребности связаны

с необходимостью сохранения и поддержания жизни человека, продолжения его рода, и они практически одинаковы для всех, то культурные отражают уровень образования, социальный статус, уровень культуры самой личности. Общественные изменения непосредственно влияют на качество и характер потребления культурного продукта.

И именно в этом контексте специалисты по-прежнему подчеркивают значимость культуры, отмечают необходимость выявления ее глубинного потенциала и роли в развитии общества в целом, в определении стратегических направлений развития национальной и региональной культуры, в выявлении тактики реализации социально-культурных практик на уровне стран и регионов, в картировании и маркетинге территорий и местностей с целью удовлетворения потребностей различных групп населения.

Кроме неоспоримой значимости аксиологического подхода, сейчас важен деятельностный, прикладной аспект исследования не просто трансформаций культуры, но и всестороннего анализа эффективности, реализуемости и динамики культурной политики, их роли и влияния на конкретного субъекта социально-культурной деятельности.

Само развитие культуры регламентируется культурной политикой. Современная культурная политика выступает направлением политики государства, целью которой является обеспечение культурной жизни всех слоев населения путем проектирования, планирования и реализации деятельности в сфере культуры. Несомненно, роль государства в развитии сферы культуры зависит от времени, ресурсов, нормативно-правового регулирования и уровня финансирования. В Беларуси культурная политика регламентируется нормативно-законодательными актами, и в первую очередь вступившим с 03.02.2017 г. в силу «Кодексом о культуре» [2] и принимаемыми программами развития культуры на общенациональном уровне (сейчас имплементируется Государственная программа «Культура Беларуси» на 2016–2020 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 180 от 4 марта 2016 г.). Согласно утвержденному бюджету, на реализацию Государственной программы потребуются 29 841 955 560,5 белорусских рублей [3]. В табл. 1 представлено распределение финансирования по годам и формам бюджета.

Конкретные целевые показатели Государственной программы включают: процент отреставрированных и имеющих соответствующее функциональное использование памятников архитектуры, включенных в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь (30 %, в 2015 г. – 15 %); прирост количества посещений организаций культуры (увеличение на 5 % по отношению к уровню 2015 г.); доля внебюджетных средств в общем объеме финансирования государственных организаций культуры (26 % к 2020 г.); количество архивных документов, принятых на постоянное хранение в государственные архивные учреждения (не менее 80 тысяч единиц хранения в год); прирост количества мероприятий социально-культурной и экономической направленности, проводимых с участием представителей белорусов зарубежья (увеличение на 5 % по отношению к уровню 2015 г.) [3].

Таблица 1. Распределение средств на реализацию Государственной программы «Культура Беларуси» на 2016–2020 годы

Источник финансирования		Бюджет, руб.
Из республиканского бюджета		5 021 262 163,9
Из местных бюджетов		19 607 345 688
Из собственных средств организаций		5 213 347 708,6
По годам		
2016	Республиканский бюджет – 860 027 340 Местные бюджеты – 3 146 612 580 Собственные средства организаций – 868 365 192	
Всего	4 875 005 112,0	
2017	Республиканский бюджет – 930 788 912,8 Местные бюджеты – 3 568 680 561 Собственные средства организаций – 954 100 301,3	
Всего	5 453 569 775,1	
2018	Республиканский бюджет – 1 006 669 204,1 Местные бюджеты – 3 939 660 500 Собственные средства организаций – 1 038 067 813	
Всего	5 984 397 517,1	
2019	Республиканский бюджет – 1 071 258 901,9 Местные бюджеты – 4 280 049 842 Собственные средства организаций – 1 129 828 103,5	
Всего	6 481 136 847,4	
2020	Республиканский бюджет – 1 152 517 805,1 Местные бюджеты – 4 672 342 205 Собственные средства организаций – 1 222 986 298,8	
Всего	7 047 846 308,9	
Итого	29 841 955 560,5	

Следует учитывать, что цели программы касаются поддержки в первую очередь государственного сектора культуры. Анализ данных международных сравнительных исследований сферы культуры стран СНГ [4] позволяет установить, что на уровне функционирования официального сектора культуры, по количеству посещаемости организаций культуры на 1000 человек, Республика Беларусь достигла достаточно высоких показателей (рис. 1).

Одновременно анализ сведений Белстата указывает на снижение потребления некоторых видов услуг в сфере культуры [5]. Некоторые данные, представленные на рис. 2, сигнализируют в том числе и о том, что если уменьшилось потребление какого-либо продукта сферы культуры, значит, появились ниши, где должны или уже представлены новые формы организации культурно-досуговой деятельности населения.

Также об этом свидетельствует информация, подготовленная Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь, по данным выборочного обследования домашних хозяйств по изучению использования суточного фонда

Рис. 1. Результаты международных сравнительных показателей посещаемости организаций культуры, страны СНГ

В Республике Беларусь за период 2012–2016 гг.
число посещений организаций культуры уменьшилось:

Рис. 2. Сравнительное число посещений учреждений культуры Республики Беларусь (2012 и 2016 гг.)

времени населением, проведенного органами государственной статистики при поддержке Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА) и Детского Фонда ООН (ЮНИСЕФ). Согласно исследованию, изменилась сама структура, форма и содержание свободного времени, одновременно с его количественным увеличением в сравнении с 90-ми годами XX в. [6].

Объективно то, что функции социокультурной политики постепенно начинают выполняться не только государством, но и другими субъектами культуры, со временем предстоит существенное изменение во взаимоотношениях государства и субъектов культуры, преобразование структуры сектора куль-

туры и его финансового обеспечения. В принятом в 2016 г. Кодексе Республики Беларусь «О культуре», текст которого был размещен на сайте Министерства культуры для предварительного общественного обсуждения, в числе новаций включены возможности создания условий для развития и оказания поддержки организациям всех форм собственности, осуществляющим деятельность в сфере культуры, в реализации ими культурных проектов на конкурсной основе; финансирования культурной деятельности путем выделения субсидий, грантов; создания фондов, оказания спонсорской поддержки, развития меценатства и благотворительности в культуре [2].

Внедрение новых форм организации досуга и свободного времени населения позволит расширить круг акторов рынка культурных услуг, разнообразить досуг и творческую активность граждан, будет способствовать интеграции различных сфер общества, взаимодействию творчества и бизнеса, культуры и экономики, развивавшихся до настоящего момента практически отдельно друг от друга, но ощущающих потребность во взаимодействии. Также это позволит изыскать реальные ресурсы для дальнейшего развития, формируя такое новое явление, как креативная экономика. Тем более что, как отмечает автор термина Джон Хокинс, «механизмы креативной экономики весьма эффективны для развития территорий, которые не обладают большим экономическим, промышленным или иным потенциалом», а это важно и для нашей страны [7, с. 25].

Креативная экономика как направление научных исследований и социально-практической деятельности, которое ориентировано на соединение творческих инноваций и экономической активности субъектов и находится во взаимосвязи с концепциями креативного класса, креативных индустрий, кластеров, развития городов и регионов, еще во многих странах проходит процесс становления. Это относится и к Беларуси, где глобализация, формируя единую экономическую, информационную, технико-технологическую и социальную среду, повлияла в том числе и на переосмысление роли и места самой культурно-творческой сферы. Сегодня активизировались культурные инициативы и движения, связанные с возрождением национального самосознания, белорусского языка, социальной и исторической памяти, раздается критика в отношении деятельности формального сектора культуры. Отмечены попытки организации и проведения независимой экспертизы и общественного обсуждения обращения, хранения и восстановления историко-культурных памятников и ценностей, обеспечения доступа широких масс населения к культурным услугам и развитию творческого потенциала городов и сел страны [8].

Но в Беларуси (даже в сравнении с ближайшими соседями Украиной и Россией) не так много альтернативных (государственным) творческих пространств и площадок, первые креативные пространства Беларуси зародились в Минске относительно недавно. Например, в 2009 г. в Минске открылась Галерея «Ў», в 2012 г. – креативное пространство «Место». Сегодня сформировались и активно функционируют: творческое пространство ЦЭХ, лофт «Балки»,

креативные пространства «Корпус 8» и «Верх», «Горизонт», бизнес-клуб «IMAGURU», «Песочница» и др., осваиваются помещения промышленных предприятий, расположенных на улицах Октябрьской и Куйбышева в городе Минске, высвободившиеся пространства бывших промышленных предприятий, общественных зданий в областных центрах, в Борисове, Гродно, Лынтупах, Молодечно, арт-деревня в Каптарунах Витебской области и т. д. Все это организуется при участии инициативных и неравнодушных граждан, предпринимателей, представителей творческих и общественных организаций. Как отметил архитектор Георгий Заборский, один из авторов книги о креативных пространствах Беларуси «Места действий», «у каждого из этих пространств будет своя история формирования, но главное – то, что они будут учитывать местные потребности и возможности. Например, креативное пространство в Лынтупах создается небольшим сообществом минских интеллектуалов, которые приобрели там недвижимость и решили создать место для взаимодействий» [9].

Хотя формирование креативных пространств на территории Республики Беларусь пока sporadично, а участие частного капитала и негосударственного сектора (общественных, неформальных организаций) в культурно-творческой деятельности пока фрагментарно (в том числе в связи с некоторыми лакунами в законодательном сопровождении вопросов спонсорской, благотворительной и меценатской деятельности), тем не менее это объективный, прогрессивный процесс, и со временем творческие кластеры, неформальные арт-пространства, как новые формы организации досуга и свободного времени, обретут своих заинтересованных субъектов.

На территории Беларуси не проводилось масштабных исследований процесса развития новых форм организации культурной деятельности населения, формирования творческих индустрий, что является сейчас достаточно актуальным. Организация и проведение такого исследования позволит выявить, проанализировать и обобщить инициативы в области реализации социально-культурной и культурно-досуговой деятельности представителями креативных пространств с целью оценки их эффективности, поиска форм взаимодействия с официальными структурами, для дальнейшего их публичного обсуждения и расширения практики внедрения и использования.

Сотрудниками Института социологии НАН Беларуси, с целью изучения мнения независимых экспертов, представителей негосударственного сектора культуры о ситуации в сфере творческих индустрий в Республике Беларусь, в 2016 г. методом онлайн был проведен пилотный опрос 100 респондентов в возрасте от 18 до 54 лет, мужчин и женщин с разным уровнем образования и стажем работы.

Первый вопрос был нацелен на изучение мнения экспертов о коммерциализации и внедрении экономических отношений в сферу культуры. Почти треть респондентов (28,6 %) затруднились оценить данное направление. С другой стороны, зафиксировано практически отсутствие однозначных положительных

либо отрицательных оценок. Две самые популярные оценки необходимости коммерциализации в сфере культуры – это «скорее поддерживаю» и «скорее не поддерживаю» (рис. 3).

В качестве основного источника дополнительных ассигнований в сферу культуры экспертами отмечено спонсорство и меценатство (75,0 %), привлечение иностранных грантов (38,9 %), расширение спектра налоговых льгот (27,8 %), увеличение количества платных услуг (19,4 %) (рис. 4).

При ответе на вопрос относительно необходимости развития творческих кластеров в стране активность заполнения анкеты повысилась. Большинство (59,4 %) считают данное направление перспективным (рис. 5).

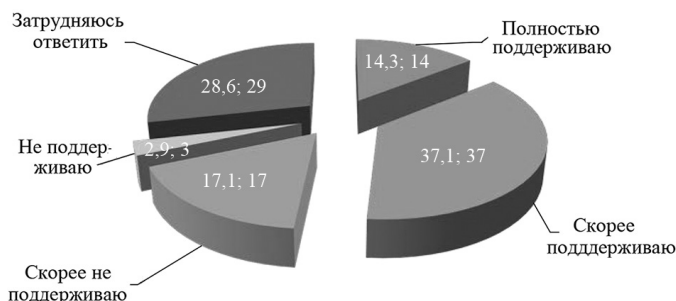

Рис. 3. Отношение к курсу коммерциализации в сфере культуры, %

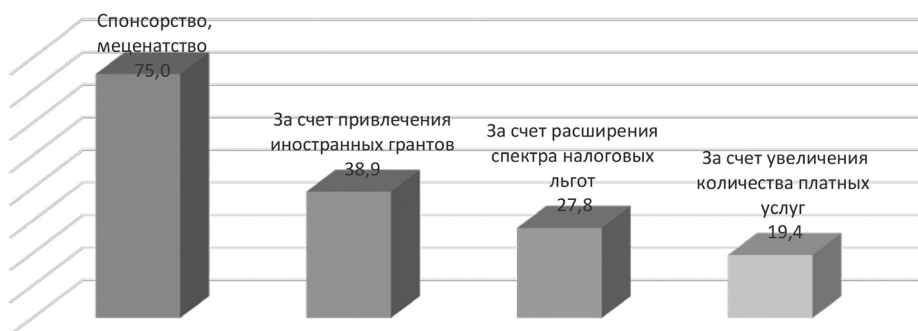

Рис. 4. Дополнительные источники, увеличивающие ассигнования в культуру, %

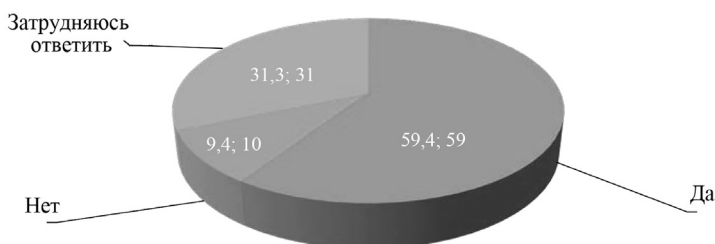

Рис. 5. Распределение мнений респондентов о наличии потребности развития творческих кластеров в Беларуси, %

Результаты проведенного опроса свидетельствуют о том, что отраслями культуры, где эксперты видят возможность организовать творческие кластеры, являются: визуальные искусства, мультимедиа и производство кино- и видеопродукции (табл. 2).

Таблица 2. Сферы культуры, где есть возможность организации творческих кластеров

Сферы	%
Визуальные искусства (галерейный бизнес, фотография, медиа-арт)	88,9
Мультимедиа (создание развлекательных интерактивных программ и компьютерных игр)	66,7
Производство кино- и видеопродукции	55,6
Музыка	50,0
Теле-, радио- и интернет-вещание	50,0
Исполнительские искусства (театр, танец, эстрада)	44,4
Дизайн	27,8
Мода	27,8
Ремесла	22,2
Издательское дело	5,6

Теория развития творческих индустрий предполагает развитие в первую очередь местного потенциала креативной экономики, а среди современных общественно-культурных инициатив Беларуси можно выделить в первую очередь три-четыре основных перспективных направления. По нашему мнению, это инициативы, связанные с популяризацией и изучением белорусского языка и культуры, народные промыслы и ремесленничество, все, что связано с молодежными субкультурами, агротуризм. Реализуя эти инициативы, можно создавать добавленную стоимость, дополнительные рабочие места, делать узнаваемой (брендировать) местность, а далее дублировать и мультиплицировать их на разные территории и регионы страны.

Например, весьма активно возрождаются белорусские народные промыслы и ремесла: керамика, ткачество, вышивка, бондарство, резьба по дереву, плетение из лозы, соломки и т. д. Данные Министерства экономики Республики Беларусь свидетельствуют о том, что в 2005 г. в стране насчитывалось всего 234 ремесленника, на 1 января 2015 г. количество ремесленников, состоящих на учете в налоговых органах Республики Беларусь, составляло 8776 человек, по состоянию на 1 января 2016 г. – 17 660 ремесленников, а на 1 января 2017 г. – уже 23 359 человек [10].

Также с учетом активной поддержки со стороны государства (налоговые льготы, безвизовое пребывание на территории Беларуси для граждан более 80 государств) в Беларуси развивается агротуристическая деятельность. По информации Министерства экономики Республики Беларусь, на начало 2019 г. в стране действовало около 2500 агроусадеб. С принятием Декрета Президента

Республики Беларусь № 7 «О развитии предпринимательства» от 23 ноября 2017 г. выросло число самозанятых граждан, а количество посетителей агроусадьб в 2018 г. достигло более 400 тыс. человек [11].

Агротуризм – это не только гостиничный или туристический бизнес. Агроусадьбы в своей деятельности активно используют народные традиции, национальный и местный колорит, продукцию, произведенную на местах. Они постепенно превращаются в небольшие центры культуры и истории края, развивают сеть тематических маршрутов, проводят событийные мероприятия, фестивали, корпоративный отдых и т. д. Соответственно территория должна будет развиваться за счет привлечения инвестиций, роста туристического потока, активности бизнеса и местного населения, которые организуются в кластеры. Идею создания креативных кластеров в агротуризме продвигает БОО «Отдых в деревне». По мнению Валерии Клицуновой, председателя правления данного общественного объединения, «креативная экономика – направление очень прогрессивное и творческое, не только потому, что дает новые рабочие места, способствует экономическому развитию, но и потому, что оно еще создает и новое качество жизни... – это креативные впечатления, положительные эмоции» [8].

Считаем важным делать акцент на культуре. Культура, как фундаментальный фактор общественных изменений, выполняет важнейшую социальную функцию консолидации общества. Как показывает практика других стран, активное вовлечение местных традиций, историко-культурного наследия в развитие сферы культуры, туризма, народных промыслов, создание арт-кластеров имеют высокий потенциал экономического развития и являются значимым фактором развития как территорий, так и человеческого потенциала, культурного капитала. А эффективное социально-экономическое развитие местности и региона на основе социально-культурных проектов будет способствовать наиболее полной реализации потенциала страны в целом.

Список использованных источников

1. *Лэндри, Ч.* Креативный город : пер. с англ. / Ч. Лэндри. – М. : Классика-XXI, 2005. – 250 с.
2. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры [Электронны рэсурс] : 20 ліп. 2016 г. № 413-3 : прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрв. 2016 г. : адобр. Саветам Рэсп. 30 чэрв. 2016 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Рэжым доступу: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=Hk1600413>. – Дата доступу: 09.10.2018.
3. Об утверждении Государственной программы «Культура Беларуси» на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 4 марта 2016 г., № 180. – Режим доступа: <http://gromc.by/wp-content/uploads/2018/01/2.pdf>. – Дата доступа: 05.10.2018.
4. Информация об итогах деятельности организаций культуры в 2017 году и задачах на 2018 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kultura.by/by/karysnaya-infarmacyya>. – Дата доступа: 10.10.2018.

5. Основные показатели деятельности организаций культуры (статистический бюллетень) [Электронный ресурс] // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/kult/godovye-dannye_15/osnovnye-pokazateli-deyatelnosti-organizatsii-k_2. – Дата доступа: 12.10.2018.

6. Как мы используем свое время [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/time_rus.pdf. – Дата доступа: 11.10.2018.

7. Хокинс, Дж. Креативная экономика: как превратить идеи в деньги : пер. с англ. / Дж. Хокинс. – М. : Классика-XXI, 2011. – 256 с.

8. Креативная экономика в Беларуси как нельзя близка Целям устойчивого развития ООН – мнение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belta.by/regions/view/kreativnaja-ekonomika-v-belarusi-kak-nelzja-blizka-tseljam-ustojchivogo-razvitija-oon-mnenie-168259>. – Дата доступа: 09.10.2018.

9. Как студенты за 500 долларов открыли креативное пространство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://finance.tut.by/news511203.html>. – Дата доступа: 02.10.2018.

10. Более 4 тыс. ремесленников зарегистрировались в Беларуси в январе–марте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belta.by/economics/view/bolee-4-tys-remeslennikov-zaregistrovalis-v-belarusi-v-janvare-marte/>. – Дата доступа: 17.09.2018.

11. Министерство экономики: в белорусских агроусадьбах в этом году отдохнут около 400 тысяч туристов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rest.ej.by/competent/2018/08/26/v-2018-godu-v-belorusskih-agrouadbah-otdohnut-okolo-400-tysyach.html>. – Дата доступа: 10.10.2018.

Поступила 16.10.2018 г.

К. І. СТАСЕЛКА,

*Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі, г. Мінск,
e-mail: kirstaselka@gmail.com*

ЛІТАРАТУРНЫЯ ПРЭМІІ І ПОЛЕ ЛІТАРАТУРЫ Ў БЕЛАРУСІ

У дадзеным артыкуле разглядаюцца месца і роля літаратурных прэмій у полі літаратуры, у прыватнасці, аналізуюцца ўплыў беларускіх літаратурных прэмій на структуру літаратурнага поля і пазіцыі, якія ў ім займаюць айчынныя пісьменнікі.

Ключавыя словы: сацыяльная прастора, сацыяльнае поле, капітал, сімвалічны капітал, поле літаратуры, літаратурная прэмія.

K. I. STASELKA,

*Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk,
e-mail: kirstaselka@gmail.com*

LITERARY AWARDS AND THE FIELD OF LITERATURE IN BELARUS

This article examines the place and role of literary awards in the field of literature, in particular, the influence of Belarusian literary awards on the structure of the literary field and the positions that it occupies in by domestic writers are analyzed.

Keywords: social space, social field, capital, symbolic capital, the field of literature, literary award.

Месца і роля, якія той ці іншы аўтар займае ў літаратуры, залежаць не толькі ад яго пісьменніцкага майстэрства і ўмення, гэта значыць, не толькі ад фактараў, звязаных з унутранымі законамі мастацтва, але ў значнай ступені ад шэрага сацыяльных фактараў, у прыватнасці таго, якую пазіцыю займае пісьменнік у полі літаратуры. У сваю чаргу гэтая пазіцыя вызначаецца інвестыцыямі і выйгрышамі, вынікамі барацьбы за адпаведныя віды капіталу ў полі літаратуры і сумежных палях. У межах дадзенага артыкула мы разгледзім значэнне літаратурных прэмій у барацьбе за рознага кшталту капіталы, у тым ліку сімвалічны; вызначым уплыў, які літаратурныя прэміі аказваюць на структуру літаратурнага поля і пазіцыі пісьменнікаў у ім. У рамках дадзенага аналізу мы выкарыстаем метадыка-катэгарыяльны апарат французскага сацыёлага П'ера Бурдзье, значная частка прац якога была прысвечана таксама вывучэнню літаратурнага поля. У сувязі з гэтым, перш чым перайсці да непасрэднага аналізу літаратурных прэмій у Беларусі, мы вызначым асноўныя пазіцыі тэорыі П. Бурдзье, на якія ў далейшым будзем абапірацца.

П. Бурдзьє разглядаў сацыяльную прастору як пэўную сукупнасць сацыяльных палёў, якая з'яўляецца выяўленнем сацыяльных зносін, структуры сацыяльных пазіцый. Сацыяльная прастора функцыянуе ў логіцы дыферэнцыяцыі і размеркавання, структуруюцца сукупнасцю ўласцівасцяў, якія надзяляюць агентаў ці групы агентаў уладай і сілай. Структура сацыяльнай прасторы, паводле П. Бурдзьє, вызначаецца няроўным размеркаваннем розных відаў капіталу. Розныя віды капіталу выступаюць адначасова і мэтамі, і інструментамі барацьбы, як у розных палях, так і ў сацыяльнай прасторы ў цэлым; з'яўляюцца актыўнымі ўласцівасцямі, якія знаходзяцца ў самым падмурку пабудовы і структуравання сацыяльнай прасторы, даюць уладу, уяўляюць з сябе структуры панавання над іншымі агентамі, перадумовы і ўмовы сацыяльных практык. Пазіцыя агента або групы агентаў у сацыяльнай прасторы вызначаецца пазіцыямі ў розных сацыяльных палях, структурай і сукупным наяўным аб'ёмам розных відаў капіталу, якімі валодае агент або група агентаў [1; 4].

Розныя палі сацыяльнай прасторы маюць розную структуру, уласныя правілы, дынаміку барацьбы, логіку функцыянавання і спецыфічныя заканомернасці. Поле ўяўляе з сябе сістэму адносін паміж пазіцыямі, структураваную прастору пазіцый, якая ў значнай ступені вызначае ўласцівасці і асаблівасці поля, правілы гульні. У полі агенты, групы агентаў ці інстытуцыі вядуць барацьбу за ўладанне спецыфічным капіталам, выгодамі, якія з'яўляюцца мэтамі адпаведнай гульні, па тых правілах, якія сфарміраваны ў дадзенай прасторы. Іншымі словамі, поле ўяўляе з сябе аб'ектыўную сістэму сувязяў паміж пазіцыямі, якія знаходзяцца ў стане саюза або барацьбы, канкурэнцыі ці супрацоўніцтва, вызначанымі сацыяльна. Так, згодна з П. Бурдзьє, у полі літаратуры гэтаксама вядзецца канкурэнтная барацьба, накіраваная на трансфармацыю, змяненне або кансервацыю гэтага поля. Найперш барацьба вядзецца адносна самога паняцця літаратуры. Таксама варта адзначыць, што, адпаведна П. Бурдзьє, літаратурныя канцэпцыі, бачанне тых ці іншых жанраў, крытычны дыскурс таксама залежаць ад занятай пазіцыі ў літаратурным полі. Так, на двух полюсах ёсць як тыя, хто перш за ўсё робіць акцэнт на змесце, і тыя, хто канцэнтруецца пераважна на форме і стылі. Калі разглядаць полюсы дамінуючых і падпарадкаваных пазіцый, то чым бліжэй займаемая пазіцыя да дамінуючых, тым мацней схільнасць да прыняцця акадэмічнага дыскурсу і дэпалітызаваных формаў. У сваю чаргу, чым бліжэй займаемая пазіцыя да падначаленых, тым больш выяўляецца схільнасць да палітызаванасці і абвінавачвання акадэмічнага дыскурсу [2; 3].

Такім чынам, у гэтым кантэксце сацыёлаг літаратуры пры даследаванні літаратурных прэмій рухаецца ад «сацыяльнага» да «мастацкага», а не наадварот, як можа быць у выпадку іншых навук і дысцыплін. Можна казаць пра тое, што літаратурныя прэміі выяўляюць тыя ці іншыя стратэгіі легітымацыі пэўнага парадку структуравання поля літаратуры. Нават такія аспекты, як адбор намінантаў, журы, правілы прэміі (напрыклад, мова ці жанр), здольныя выявіць стратэгіі заснавальнікаў ці арганізатараў прэміі, а дакладней, інсты-

туцы і агентаў, якія за імі стаяць, выкарыстоўваюць як інструмент сімвалічнага гвалту. Літаратурныя прэміі з'яўляюцца адначасова стаўкай і інструментам у барацьбе за навязванне пэўнага бачання як літаратурнага поля, так і літаратуры ў цэлым, легітымацыі іерархій, законаў, канонаў і правілаў гульні ў полі.

У той час як у Беларусі налічваецца не больш за тры дзясяткі літаратурных прэмій, напрыклад, у Францыі іх колькасць перавышае паўтары тысячы. Гэта ў пэўнай ступені сведчыць пра ўзровень развіцця літаратурнай інфраструктуры. З аднаго боку, такая вялікая колькасць прэмій спрыяе пісьменнікам, якія займаюць у полі літаратуры падначаленыя пазіцыі, у аспекце фінансавага стымулявання і інфармацыйнай прамоцыі. З іншага боку, невялікая колькасць літаратурных прэмій у Беларусі ўзмацняе і павышае іх ролю ў полі літаратуры, але ў большай ступені спрыяе пісьменнікам і выдавецтвам, якія займаюць дамінуючыя пазіцыі і тым самым узнаўляюць існуючую іерархію аўтараў і структуры поля.

Калі сегментаваць літаратурныя прэміі ў Беларусі па тых ці іншых агульных крытэрыях, то сярод іх можна вылучыць: нацыянальныя і рэгіянальныя; дзяржаўныя (або тыя, што знаходзяцца ў ведамстве дзяржаўных устаноў) і недзяржаўныя; што прысуджаюцца за творы на рускай або беларускай мове і прысуджаюцца незалежна ад мовы твора; спецыялізаваныя на тым ці іншым жанры. Колькасць дзяржаўных прэмій саступае колькасці недзяржаўных. Некаторыя прэміі, як прэмія імя Ежы Гедройца або «Гліняны Вялес», прысуджаюцца выключна за творы на беларускай мове, у той час як, напрыклад, Нацыянальная прэмія прысуджаецца за творы як на беларускай, так і рускай мовах.

Варта таксама адзначыць, што сярод нацыянальных прэмій чатыры з васьмі дзяржаўных літаратурных прэмій прысуджаліся ў перыяд да 2000 г., і тры прэміі былі заснаваны пасля 2000 г. Пры гэтым за перыяд незалежнасці Беларусі адсутнічаюць дзяржаўныя літаратурныя прэміі, якія б прысуджаліся больш за 10 гадоў. Сярод недзяржаўных прэмій да 2000 г. існавала 5 прэмій, яшчэ 14 былі заснаваны пасля 2000 г. Пры гэтым сярод недзяржаўных 7 прэмій прысуджаліся больш за 10 гадоў. Такім чынам, у літаратурным полі Беларусі пераважаюць недзяржаўныя літаратурныя прэміі. За перыяд з 1991 да 2015 г. назіралася скарачэнне дзяржаўных і значнае павелічэнне колькасці недзяржаўных літаратурных прэмій.

Аднак больш дэтальны аналіз літаратурных прэмій быў праведзены намі на падставе выбаркі з 10 нацыянальных літаратурных прэмій, 5 з якіх – недзяржаўныя, яшчэ 5 з'яўляюцца дзяржаўнымі; 4 заснаваны да і 6 пасля 2000 г., 6 прэмій уручаюцца да цяперашняга часу. Для аналізу былі адабраны наступныя прэміі: прэмія імя Ежы Гедройца, прэмія «Дэбют» імя Максіма Багдановіча, «Залатая Літара», «Кніга года», «Гліняны Вялес», Нацыянальная літаратурная прэмія, «Залаты Купідон», прэмія імя Якуба Коласа, прэмія імя Кастуся Каліноўскага, прэмія імя Івана Мележа.

У межах аналізу ўлічваліся даныя, даступныя з адкрытых крыніц, сярод якіх:

- 1) заснавальнікі;
- 2) год заснавання;
- 3) перыяд прысуджэння;
- 4) патрабаванні да твораў (жанравая прыналежнасць, мова і г. д.);
- 5) алгарытм функцыянавання (спосаб фарміравання журы, этапы адбору прэтэндэнтаў на прэмію, наяўнасць лонг- і шорт-лістоў і г. д.);
- 6) узнагароджанне лаўрэатаў прэміі;
- 7) пераможцы, лаўрэаты прэміі (аўтар, кніга, выдавецтва).

У межах дадзенага артыкула каратка адзначым асноўныя пазіцыі па кожнай прэміі:

1. Прэмія імя Ежы Гедройца была заснавана Пасольствам Рэспублікі Польшча ў Рэспубліцы Беларусь, Польскім Інстытутам у Мінску, Беларускаім ПЭН-цэнтрам і Саюзам беларускіх пісьменнікаў у 2012 г. Прэмія прысуджаецца штогод і да цяперашняга часу за найлепшую кнігу прозы на беларускай мове, выдадзеную ў папярэднім годзе. Гэта значыць, асноўныя патрабаванні, што высоўваюцца да патэнцыйных намінантаў, – моўнае (беларуская мова) і жанравая прыналежнасць (проза). Журы прэміі абіраецца камітэтам, у які ўваходзяць старшыня Беларускага ПЭН-цэнтра, старшыня Саюза беларускіх пісьменнікаў. Трэці член камітэта выбіраецца сярод аднаго з членаў журы папярэдніх гадоў. Можна вылучыць чатыры асноўныя этапы прэміі: 1) падача заявак, па выніках якой фарміруецца поўны спіс прэтэндэнтаў; 2) прамежкавы адбор журы 12 прэтэндэнтаў, па выніках якога складаецца доўгі спіс, або так званы лонг-ліст; 3) на трэцім этапе з 12 прэтэндэнтаў доўгага спіса адбіраецца палова і фарміруецца кароткі спіс, або так званы шорт-ліст; 4) на апошнім этапе журы выбіраюцца 3 фіналісты, сярод якіх пераможца прэміі. Пераможца прэміі атрымлівае фінансavae ўзнагароджанне ў памеры 10 тысяч еўра (у апошнія гады скарацілі да 5 тысяч), яшчэ два фіналісты атрымліваюць магчымасць наведвання літаратурнай рэзідэнцыі той ці іншай еўрапейскай дзяржавы.

2. Прэмія «Дэбют» імя Максіма Багдановіча была заснавана Беларускаім ПЭН-цэнтрам, Саюзам беларускіх пісьменнікаў пры падтрымцы фонду «Вяртанне» ў 2010 г. Прэмія прысуджаецца штогод і да цяперашняга часу за лепшую дэбютную кнігу на беларускай мове або ў перакладзе, выдадзеную ў папярэднім годзе. Асноўныя патрабаванні да патэнцыйных намінантаў: моўнае (беларуская мова), жанравая прыналежнасць (проза, паэзія, мастацкі пераклад), узроставае (аўтары да 35 гадоў), чарговасць (дэбютная кніга аўтара ў дадзеным жанры). Можна вылучыць 3 асноўныя этапы прэміі: 1) падача заявак, па выніках якой фарміруецца поўны спіс прэтэндэнтаў; 2) прамежкавы адбор журы 9 прэтэндэнтаў (па 3 у кожнай намінацыі), па выніках якога складаецца кароткі спіс, або так званы шорт-ліст; 3) на апошнім этапе журы адбіраецца пераможца ў кожнай з намінацый. Пераможцы прэміі ў намінацыях «Проза»,

«Паэзія», «Мастацкі пераклад» атрымліваюць фінансавое ўзнагароджанне ў памеры 2 тысячы долараў ЗША, яшчэ 6 фіналістаў (2 у кожнай намінацыі) маюць магчымасць атрымаць фінансавое ўзнагароджанне ў памеры 500 долараў ЗША.

3. Прэмія «Залатая Літара» была заснавана беларускім пісьменнікам Адамам Глобусам у 2003 г. і прысуджаецца штогод і да цяперашняга часу за найлепшую кнігу года. Асаблівасцю прэміі з'яўляецца адсутнасць журы, выразнага рэгламенту і правілаў, патрабаванняў, а таксама неафіцыйны характар функцыянавання. Спіс прэтэндэнтаў і пераможцы прэміі вызначаюцца выключна яе заснавальнікам. Пераможцы прэміі атрымліваюць фінансавое ўзнагароджанне ў памеры 111 еўра.

4. Прэмія «Кніга года» была заснавана Беларускай ПЭН-цэнтрам у 2015 г. Прэмія прысуджаецца штогод і да цяперашняга часу за лепшую беларускую кнігу, выдадзеную ў папярэднім годзе. Адрозненне прэміі ў адсутнасці фіксаванага журы. Прэмія прысуджаецца ў трох намінацыях: проза, паэзія, дзіцячая літаратура. У склад журы можа ўвайсці, падаўшы заяўку, любы пісьменнік, у якога на працягу апошніх сямі гадоў выйшла хоць адна мастацкая або нон-фікшн кніга. У працэсе вызначэння лепшай кнігі кожны член журы выбірае 3 кнігі, якія, на яго думку, з'яўляюцца лепшымі. Затым вызначаюцца кнігі, што часцей за ўсё называлі члены журы. Пераможцам прэміі становіцца аўтар, чыя кніга атрымала найбольшую колькасць галасоў. Прэмія не прадугледжвае фінансавай узнагароды.

5. Прэмія «Гліняны Вялес» была заснавана Таварыствам вольных літаратараў у 1993 г. Прэмія прысуджаецца штогод і да цяперашняга часу за лепшую мастацкую кнігу на беларускай мове, выдадзеную ў папярэднім годзе. Кароткі спіс і пераможца вызначаюцца членамі журы. Прэмія не прадугледжвае фінансавога ўзнагароджання. Лаўрэат атрымлівае сімвалічную ўзнагароду – гліняны стод апекуна мастацтва.

6. Нацыянальная літаратурная прэмія была заснавана ў 2015 г. Саюзам пісьменнікаў Беларусі, міністэрствамі інфармацыі, культуры і адукацыі Беларусі, Мінскім гарадскім выканаўчым камітэтам. Прэмія прысуджаецца штогод і да цяперашняга часу за лепшы літаратурны твор года ў катэгорыях: проза, паэзія, дзіцячая літаратура, драматургія, крытыка і літаратуразнаўства, публіцыстыка. У аргкамітэт прэміі ўваходзяць прадстаўнікі міністэрстваў інфармацыі, культуры, адукацыі, Саюза пісьменнікаў, Выдавецкага дома «Звязда» і Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Прэтэндэнтаў на прэмію вызначаюць экспертная камісія і журы. Экспертная камісія і склад журы зацвярджаюцца аргкамітэтам прэміі. У межах прэміі журы праводзіць папярэдні і фінальны адбор. На першым этапе экспертная камісія праводзіць папярэдні адбор, вынікі якога накіроўваюцца журы для фінальнага адбору работ. Пераможца прэміі атрымлівае фінансавое ўзнагароджанне ў памеры 30 базавых велічынь.

7. Прэмія «Залаты Купідон» была заснавана Саюзам пісьменнікаў Беларусі, міністэрствамі інфармацыі, культуры і адукацыі Беларусі, Мінскім гарадскім выканаўчым камітэтам. Прэмія прысуджалася з 2006 па 2014 г. па выніках літаратурнага конкурсу «Лепшая Кніга года» ў наступных жанрах: проза, паэзія, драматургія, дзіцячая літаратура, крытыка. Згодна з умовамі конкурсу, творы праходзілі экспертную ацэнку ў Саюзе пісьменнікаў Беларусі. Прэмія прадугледжвала фінансавое ўзнагароджанне лаўрэатаў.

8. Прэмія імя Якуба Коласа з'яўляецца дзяржаўнай, была заснавана ў 1959 г. У межах гэтай працы ўлічваліся вынікі з 1990 г. Прэмія прысуджалася да 2000 г. у наступных жанрах: проза, літаратуразнаўства, крытыка.

9. Дзяржаўная прэмія імя Кастуся Каліноўскага была заснавана ў 1989 г. Аўтарам улічваліся вынікі з 1990 г. Прэмія прысуджалася да 2002 г. за працы мастацкай публіцыстыкі.

10. Прэмія Івана Мележа заснавана ў 1980 г., з'яўляецца дзяржаўнай. У гэтым артыкуле ўлічваліся вынікі з 1990 г. Прэмія прысуджалася да 2000 г. за творы прозы, мастацкай публіцыстыкі, літаратурна-мастацкай крытыкі.

Згодна з вышэйпрыведзенымі пазіцыямі і аналізам вынікаў прэмій розных гадоў можна адзначыць, што ў пераважнай большасці выпадкаў для недзяржаўных прэмій уласцівы аспекты: дамінаванне беларускай мовы, дамінаванне жанра прозы, наяўнасць грашовага ўзнагароджання, транспарэнтнасць і шматэтапнасць публічнай часткі літаратурнай прэміі. У сваю чаргу, для дзяржаўных прэмій, наадварот, характэрныя наступныя акалічнасці: адсутнасць моўнага крытэрыю, шырокі жанравы спектр, адсутнасць або невялікае грашовае ўзнагароджанне, закрытасць працэдурнай часткі прэміі.

Наяўнасць публічнасці і шматэтапнасці літаратурнай прэміі (напрыклад, абвешчэнне складу журы, фарміраванне поўных, доўгіх і кароткіх спісаў намінантаў, публічнае ўзнагароджанне і іншае) мае вялікае значэнне ў барацьбе за сімвалічны капітал як для самой прэміі, так і для выдавецтваў і пісьменнікаў. Гэта звязана з тым, што кожны з этапаў прэміі з'яўляецца патэнцыйнай інфанагодай і мае дадатковыя магчымасці для інфармацыйнай працы і піяру. У такім выпадку аб'ём атрыманага сімвалічнага капіталу намінанта з кароткага спіса, а часам і доўгага, большы за той, што можа атрымаць пераможца літаратурнай прэміі, якая публічна не апавяшчае вынікі тых ці іншых этапаў і абмяжоўваецца, напрыклад, абвесткай пра пачатак прэміі і яе вынікі.

У сувязі з гэтым аналіз без уліку падобных акалічнасцяў, механічная калькуляцыя даюць няшмат пры вывучэнні поля літаратуры, бо колькасць недзяржаўных і дзяржаўных літаратурных прэмій была прапарцыянальнай. Таму пры аналізе мы ўлічвалі таксама прамежкавыя этапы, якія патэнцыйна павялічваюць сімвалічны капітал.

Падобны падыход да аналізу прэмій дазволіў нам праранжыраваць выдавецтвы, чые кнігі часцей за іншыя траплялі ў кароткія спісы або становіліся лаўрэатамі прэмій. Рэйтынг найбольш моцных (па дадзеным крытэрыі) выдавецтваў выглядае наступным чынам:

- 1-е месца: Мастоцкая літаратура;
- 2-е месца: Логвінаў;
- 3-е месца: Кнігазбор;
- 4-е месца: Галіяфы;
- 5-е месца: Юнацтва, Радыё Свабода;
- 6-е месца: Медысонт;
- 7-е месца: Літаратура і мастацтва;
- 8-е месца: Выдавецтва Змітра Коласа;
- 9-е месца: Наша Ніва, ЕГУ, Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, Польша, Полацкая Ляда;
- 10-е месца: Каўчэг, 34mag.net.

З шаснаццаці прыведзеных выдавецтваў толькі пяць з'яўляюцца дзяржаўнымі. Падобны дысбаланс паміж дзяржаўнымі і недзяржаўнымі выдавецтвамі можа сведчыць пра больш актыўнае функцыянаванне недзяржаўных прэміяў і больш актыўнай пазіцыі ў літаратурным полі іх заснавальнікаў – недзяржаўных інстытуцый, а таксама саміх выдавецтваў і аўтараў.

Як было адзначана вышэй, літаратурныя прэміі з'яўляюцца важным элементам у барацьбе за назапашванне сімвалічнага капіталу, як асобнымі інстытуцыямі ў полі, так і аўтарамі. Дадзенае ранжыраванне дапаможа ў далейшым пры вывучэнні дамінуючых і падначаленых пазіцый у літаратурным полі. Акрамя таго, для дадзенай мэты варта звярнуцца да аналагічнага ранжыравання аўтараў, што найбольш часта траплялі ў спісы намінантаў і становіліся лаўрэатамі прэміяў. Рэйтынг аўтараў, якія найбольш часта траплялі ў прэміяльныя спісы, выглядае наступным чынам:

- 1-е месца: Альгерд Бахарэвіч;
- 2-е месца: Андрэй Федарэнка;
- 3-е месца: Андрэй Хадановіч;
- 4-е месца: Ігар Бабкоў, Алесь Марціновіч;
- 5-е месца: Уладзімір Някляеў.

Каб разумець, ці сапраўды літаратурныя прэміі ўплываюць на барацьбу за сімвалічны капітал аўтараў, а не з'яўляюцца барацьбой выключна ў межах экспертнай літаратурнай супольнасці, варта параўнаць вынікі дадзенага аналізу і апытання чытацкай аўдыторыі. Так, калі звярнуцца да вынікаў маніторынга Інстытута сацыялогіі НАН Рэспублікі Беларусь і апытанняў, якія праводзіла кампанія Velcom у межах акцыі па прасоўванні беларускай літаратуры, пісьменнікі А. Бахарэвіч, А. Федарэнка і А. Хадановіч (якія займаюць першыя пазіцыі па выніках нашага аналізу) таксама трапляюць у рэйтынг чытацкай увагі, прынамсі, у топ-10. Акрамя таго, варта адзначыць, што намінанты недзяржаўных прэміяў часцей называюцца падчас апытанняў чытацкай аўдыторыі, за намінантаў дзяржаўных прэміяў. Як адзначалася раней, шмат у чым гэта звязана з інфармацыйнай стратэгіяй арганізатараў прэміяў і іх прысутнасцю ў медыяпрасторы.

Такім чынам, літаратурныя прэміі маюць важнае значэнне для поля літаратуры і здольныя аказваць уплыў на фарміраванне і структураванне ўсяго поля. У межах гэтага артыкула мы правялі аналіз беларускіх літаратурных прэмій і іх ролю ў барацьбе за сімвалічны капітал. Атрыманыя вынікі нават папярэдняга аналізу выявілі глыбокі эўрыстычны патэнцыял дадзенага кірунку ў вывучэнні айчыннага поля літаратуры і неабходнасць далейшага шматбаковага даследавання.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Бурдье, П. Начала / П. Бурдье. – М. : Socio-Logos, 1994. – 288 с.
2. Бурдье, П. Социология социального пространства / П. Бурдье. – СПб. : Алетей, 2007. – 288 с.
3. Бурдье, П. Рынок символической продукции / П. Бурдье // Вопр. социологии. – 1994. – Вып. 5. – С. 50–62.
4. Бурдье, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдье. – СПб. : Алетей, 2014. – 576 с.

Паступіла 28.09.2018 г.

УДК 37.091.3:004:303.425.2

О. А. ПАВЛЮТЬ,

*Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: o.pavlyt@gmail.com*

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ

В статье представлено понимание феномена виртуализации. Раскрыто понятие виртуализации, дана характеристика этого процесса и обозначены основные подходы к его изучению. Описываются и анализируются процессы виртуализации образовательной среды, дается их определение и интерпретация.

Ключевые слова: глобализация, технологизация, виртуализация, Интернет, общество, образование, наука, среда, виртуальная образовательная среда, трансформация, реформирование.

O. A. PAVLYT,

Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, o.pavlyt@gmail.com

VIRTUALIZATION OF EDUCATIONAL SPACE: PERSPECTIVES AND CHALLENGES

The article presents an understanding of the phenomenon of virtualization. The concept of virtualization is revealed, a characteristic of this process is given and the main approaches to its study are indicated. The processes of virtualization of the educational environment are described and analyzed; their definition and interpretation are given.

Keywords: globalization, technologization, virtualization, Internet, society, education, science, environment, virtual educational environment, transformation, reformation.

Современный этап развития общества можно охарактеризовать через термины: глобализация, ускорение, цифровизация и, наконец, виртуализация. Процессы и технологии во всех сферах жизни общества, а также жизнь каждого индивида в отдельности ускоряются с каждым днем. Производства и экономики в различных странах и государствах с каждым годом все теснее переплетаются между собой. Уже давно события в одном регионе мира влияют на остальные страны, Интернет не только объединяет индивидов, но и создает пространство для получения образования, работы, самореализации и т. д.

В сложившихся условиях неопровержимым становится тот факт, что такие составляющие общемировых процессов, как глобализация и технократизация предопределяют трансформацию общества в открытую динамическую систему, а вызванная этими процессами реструктуризация мира затрагивает все сферы социальной жизни. Глобализацию будем рассматривать как процесс растущей взаимозависимости мира, интеграции и унификации обществ.

Основу этого процесса составляют: развитие информационных технологий, образование единых институтов, структур и пространств. Технологизация – основанный на научно-техническом прогрессе процесс распространения, внедрения и использования технических средств и решений для облегчения и усовершенствования человеческой деятельности в конкретных областях. Виртуализация тесно связана и дополняет две вышеприведенные тенденции общественного развития.

В рамках данной статьи особое внимание мы уделим именно феномену виртуализации. Процессам виртуализации способствует, в первую очередь, Интернет. Его распространение изменяет способы организации и механизмы функционирования общества, формирует новую социальную среду. Индивиды, группы, социумы переходят к иным формам социального взаимодействия. При изучении таких механизмов и форм мы обращаемся к понятиям «виртуальность», «виртуальный мир», «виртуализация». Однако нам представляется, что целесообразно рассматривать виртуализацию как процесс, затрагивающий разные уровни реальности и не ограничивающийся искусственной компьютерной средой. Так, Жан Бодрийяр определяет виртуализацию как замещение реальности образами [2], Готтхард Бехманн – как предельную степень визуализации символических структур [1], А. П. Моисеева, О. А. Мазурина, О. А. Перепелкин – как утверждение особых форм коммуникации [4].

Сущность виртуализации, как и ее основные характеристики, заключается в нематериальности воздействия (изображаемое производит эффекты, характерные для вещественного); условности параметров (объекты искусственны и изменяемы); эфемерности (свобода входа и выхода обеспечивает возможность прерывания и возобновления существования) [3, с. 18]. Еще одна ее важная особенность – вторичность, производность от объективной реальности. Виртуализации подвергаются, прежде всего, те области человеческой деятельности, которые феноменологически имеют реальную природу, поэтому процесс виртуализации для них вторичен [5, с. 46].

Виртуализация – сложный и многогранный процесс, который сегодня затрагивает все сферы общества. Прежде чем приступить к его авторскому осмыслению, необходимо обозначить основные научные подходы к пониманию виртуализации, которые к настоящему моменту сложились в науке. В самом общем виде их можно разделить на несколько больших групп. В рамках первой группы подходов виртуализация может быть рассмотрена как замещение реальности образами и символами, второй – как создание альтернативного социального пространства, третьей – как наложение виртуальной реальности на действительность, встреча виртуального и реального [6, с. 61].

Виртуализация – не исключительно современный феномен, она представляет собой социальное явление, которое в той или иной форме существовало на разных этапах развития общества. Процесс виртуализации начался задолго до появления компьютерной техники и современных информационных технологий. В Античности и Средневековье виртуальное понимается и объясняется

как активное начало, присущая объекту внутренняя сила, энергия, способность, потенция, реализующаяся в действительность при соответствующих условиях. Своеобразное замещение реальности происходит также в мифе, сказании, легенде. В настоящее время виртуализация интерпретируется почти во всех областях человеческого знания: в философии, культурологии, психологии, физике, педагогике и, конечно же, социологии. Социальная реальность, в некоторой степени, виртуальна по своей природе: ведь социальное пространство – символическое, в нем каждая вещь приобретает значение в соответствии с тем культурным контекстом, в который она помещена, и это значение для нас более важно, нежели вещь как таковая. Свобода восприятия мира иллюзорна, каждый человек осмысливает окружающую действительность сквозь призму категорий, которые он приобретает в ходе социализации. Но в социальной сфере всегда существует разница между означающим и означаемым, и именно она лежит в основе процесса замещения реальности образами и символами [6, с. 61]. Хотя виртуализация проявлялась в различные периоды развития общества, особую актуальность этот феномен приобретает в наше время, что связано с развитием информационного содержания и коммуникативных возможностей локальных, корпоративных и глобальных компьютерных сетей, затрагивающих все сферы жизнедеятельности общества.

Другой аспект виртуализации выражается в создании альтернативных социальных пространств. На сегодняшний день большой популярностью пользуются виртуальные магазины, банки, аналоги существующих в объективной реальности музеев, выставочных залов, университетов и т. д. Многие индивиды активно пользуются виртуальными формами занятости и коммуникации; все большее распространение получают электронные деньги, билеты, учебники, дневники, системы тестирования и т. д. Эти процессы ускоряют социальные изменения и ведут к появлению новых практик и способствуют созданию альтернативных социальных пространств.

Что касается наложения виртуальной реальности на объективную, предметную действительность, то есть встречи виртуального и реального, то она происходит, в частности, через заимствование успешных моделей из сетевого пространства и дальнейшее их использование в реальной среде, а также через исключительное приобщение к «жизни в Сети», когда индивид социализируется не в реальном мире, а в виртуальном. Действительно, сети Internet принадлежат особое место в процессах виртуализации в связи с информатизацией и компьютеризацией современного общества.

В наше время виртуализация осуществляется за счет развития науки и интенсификации научно-информационных технологий. Наука и образование активно усваивают инновации, являются важнейшими драйверами происходящих в обществе изменений. Так, наука воспроизводит компьютерные решения и модели, которые могут заменить и успешно заменяют различные явления: моделируются погодные условия, печатаются на 3D-принтере инструменты для опытов, роботами воспроизводятся социальные процессы и т. д.

В сферу образования компьютерные решения внедряются, чтобы превалировать над традиционными конспектами и учебниками, тестами, системами контроля знаний и умений, а в некоторых случаях – даже над фактическим присутствием педагога. В результате виртуализации в образовании возникли такие технологии, как дистанционное обучение, занятия с использованием образовательных интернет-ресурсов, обучающих мобильных приложений, онлайн-тренажеров и другие формы обучения с применением интернет- и видеоконтента. Визуализация информации, технологии виртуальной реальности, «облачные» вычисления, искусственный интеллект, «большие данные» – эти явления уже сегодня радикально и стремительно меняют вид и структуру образования, а также системные требования к образовательному процессу. Качество образования, отвечающее запросам времени, как и оптимизация ресурсов, в том числе человеческих, может быть достигнута благодаря ИТ-продуктам и решениям, искусственному интеллекту. Например, в Финляндии экспериментально роботы дополняют учителей на занятиях, а в Японии вполне реально роботы учат английскому, хореографии, вокалу и каллиграфии, являются посредниками для трансляции уроков детям с ограниченными возможностями и наставниками для детей с аутизмом. Разумеется, что работа с инновациями в различных сферах науки и образования вызывает интерес у общественности, происходит коммерциализация этих сфер. Ученые, педагоги, разработчики образовательного контента пытаются преподнести свое решение или модель наиболее интересно, сделать эффектную презентацию, привлечь внимание инвесторов.

Попробуем проанализировать природу и сущность виртуализации по отношению к сфере образования. Нам представляется, что прежде всего в этом контексте целесообразно обратиться к понятию виртуальной образовательной среды, поскольку именно эта среда формируется под воздействием проникновения ИКТ в образовательные институты и практики. Итак, виртуальная образовательная среда – информационное содержание и коммуникативные возможности локальных, корпоративных и глобальных компьютерных сетей, формируемые и используемые для образовательных целей всеми участниками образовательного процесса [7, с. 199]. Такая среда производит конкретный педагогический эффект, что характерно и для вещественной образовательной среды. Ее объекты достаточно динамичны, они легко изменяются для достижения эффективности процессов. Такая среда не имеет существенных барьеров для входа и выхода, ее ресурса достаточно для всех желающих. Виртуальная образовательная среда, безусловно, имеет реальную модель и прообраз, а процесс виртуализации такой реальной среды призван решить существующие в ней проблемы и некоторые противоречия. Так в виртуальной образовательной среде решается проблема нехватки кадров, мест и оборудования, обеспечения равного доступа к получению образования, отчасти решается проблема качественной подготовки к вступительным испытаниям в вуз и т. д.

В образовательной среде активно происходит встреча виртуального и реального. Так, в виртуальной образовательной среде индивид работает с ин-

формацией напрямую, в такой ситуации наука и образование уже не занимают строго определенное место в иерархии социальных реалий; в организации реального учебного процесса используются виртуальные технологии, технологии обучения онлайн, обмена данными, передачи информации в интерактивном режиме с помощью технического вооружения; онлайн-обучение становится частью жизненного пространства индивида средствами не только обучения, но и поддержания контакта и общения.

Так методологически раскрываются сущностные особенности виртуализации на примере образовательной среды. С практической точки зрения виртуализация процессов в образовательной среде, безусловно, имеет ряд преимуществ как для индивида в отдельности, так и для общества в целом: использование удобных средств обучения, выбор времени и места, собственного темпа обучения, а вместе с тем формирование ценностно-мотивационного компонента личности индивида; экономия затрат, разгрузка вузов, развитие информационных технологий и предпринимательства в области онлайн-обучения как экономический фактор; большие возможности получения образования и преподавания независимо от места проживания и состояния здоровья как фактор социальной справедливости.

Наряду с преимуществами существуют и риски, связанные, в частности, с недостаточностью понимания и подходов к становлению виртуализации как относительно нового социального феномена. К рискам и возможным недостаткам отнесем: нарушение имиджа науки и образования за счет изобретенных для выгодной презентации образов, как пример: фактическое несоответствие образовательной технологии ее содержанию; влияние электронных средств обучения на здоровье индивида, которое может привести к зависимости от гаджетов, нарушению режима дня; индивиду может не хватать личного контакта с преподавателем и обучающей системой; обучающие программы и курсы могут быть недостаточно хорошо разработаны и негативно влиять на процесс освоения материала.

Образовательный процесс под воздействием виртуализации, глобализации и технологического прогресса трансформируется в мобильную и открытую систему, где роль формального образования снижается, а влияние выходящего за рамки стандартной образовательной среды, то есть информального образования, растет. Появляются новые формы получения образовательных услуг, да и сама образовательная среда претерпевает существенные изменения. Рынок труда выдвигает новые требования к профессиональным квалификациям, формируются новые профессии, учитывающие не только технологические, но и социально-экономические драйверы: новые рынки, новая типология рабочих мест, биотехнологии, искусственный интеллект, роботизация, интернет вещей, большие данные, облачные технологии и т. д.

Актуальной является проблема отсутствия виртуализации образовательного процесса во многих конкретных учреждениях образования. Об этом говорят не только педагоги-новаторы, социологи, но и сами субъекты образова-

тельного процесса. В этой связи выражение мнения субъектов образовательного процесса необходимо считать выражением ожиданий от образовательного процесса. В этом вопросе важно учитывать мнение такой социальной группы, как молодежь, так как она непосредственно вовлечена в образовательный процесс, именно эта группа наиболее лояльна к информационным технологиям и использует их в повседневной жизни наиболее часто: для общения, развлечения, самообразования. Выражение ожиданий от непосредственно вовлеченной в образовательный процесс социальной группы подтверждает ее готовность к трансформации отрасли образования. Под трансформацией будем понимать комплекс, включающий: виртуализацию, внедрение информационных и информационно-коммуникативных технологий в образовательный процесс, повышение цифровой грамотности работников системы образования, актуализацию специальностей и приведение квалификационного справочника в соответствие с реальными потребностями рынка труда, необходимость обеспечить получение цифровых компетенций в ходе получения образования.

В мире уже давно и активно идут процессы реформирования системы образования в этом ключе. Для организации процессов реформирования, трансформации и виртуализации образовательной среды необходимо исследовать реальную среду, механизмы ее виртуализации и промежуточные итоги этих процессов. Ведь реформирование, трансформация и виртуализация призваны помочь образовательной системе не только с персонализацией и индивидуализацией, но и с решением ключевых проблем. Хотя перечисленные аспекты виртуализации описывают скорее видимые явления, они подчеркивают важность виртуализации для общества в целом и индивида в отдельности, подчеркивают изменения нашего мышления и образа действий под влиянием этого нового для общества процесса. Виртуализация значительно изменяет характер социального взаимодействия, переводит его в интерактивный сетевой режим, расширяя количественный состав участников взаимодействия и освобождая их от географической привязанности. В современном мире резко изменяется социальный ландшафт, появляются новые формы организации общественного бытия, не существовавшие ранее институциональные структуры, меняется система ценностей, поэтому процесс виртуализации, в частности, образовательного пространства в наших интересах изучать, чтобы оценивать связанные с ним потенциальные риски и выработать эффективные стратегии управления ими.

Список использованных источников

1. Бехманн, Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / Г. Бехманн. – М. : Логос, 2010. – 248 с.
2. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2000. – 96 с.
3. Иванов, Д. В. Виртуализация общества / Д. В. Иванов. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2000. – 96 с.

4. *Моисеева, А. П.* Виртуализация как социальная трансформация и коммуникация / А. П. Моисеева, О. А. Мазурина, О. А. Перепелкин // Изв. Том. политехн. ун-та. Сер. Философия, социология и культурология. – 2010. – Т. 316, № 6. – С. 141–146.

5. *Силаева, В. Л.* Подмена реальности как социокультурный механизм виртуализации общества : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / В. Л. Силаева. – М. : МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2004. – 115 с.

6. *Соколова, Д. М.* Основные тенденции виртуализации социального в информационную эпоху / Д. М. Соколова // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2013. – Т. 13, вып. 2. – С. 61–64.

7. *Холодова, Г. Б.* Виртуальная образовательная среда – миф или реальность? / Г. Б. Холодова // Проблемы и перспективы развития образования : материалы Междунар. науч. конф. : в 2 ч. Пермь, апрель 2011 г. – Пермь, 2011. – Ч. 2. – С. 198–199.

Поступила 15.10.2018 г.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

УДК 316.62:330.16

О. В. КОБЯК,

*доктор социологических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, г. Минск, e-mail: aleh.kabiak@mail.ru*

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ

В статье рассматриваются методические аспекты социологического моделирования экономического поведения социальных субъектов. Метод координатного моделирования представлен как способ сравнения субъектных характеристик. Метод комплементарного моделирования позволяет определить сочетаемость поведения субъектов. Метод квазипанельного моделирования помогает представить перемены в поведении субъектов в стабильных условиях. Метод динамического моделирования позволяет рассчитать изменения в поведении субъектов в изменчивой среде.

Ключевые слова: социологическое моделирование, экономическое поведение, метод координатного моделирования, метод комплементарного моделирования, метод квазипанельного моделирования, метод динамического моделирования.

A. V. KABIAK,

*Doctor of Sociology, Associate Professor,
Belarusian State University, Minsk, e-mail: aleh.kabiak@mail.ru*

SOCIOLOGICAL MODELING OF ECONOMIC BEHAVIOR OF SOCIAL SUBJECTS

This article presents the methodological aspects of the sociological modeling of economic behavior of social subjects. The method of coordinate modeling – as a way to compare subject characteristics. The method of complementary modeling allows to determine the compatibility of subjects' behavior. The method of quasi-panel sociological modeling helps to present changes in the behavior of subjects in stability conditions. The method of dynamical sociological modeling allows to calculate changes in the behavior of subjects in dynamic environment.

Keywords: sociological modeling, economic behavior, method of coordinate modeling, method of complementary modeling, method of quasi-panel sociological modeling, method of dynamical sociological modeling.

Индивидуальные и коллективные формы экономического поведения социальных субъектов – это динамичный и многогранный, а поэтому всегда интересный для ученого объект социологических исследований. Именно экономическое поведение в силу его «связанности» с максимально ликвидным благом – деньгами – является, с одной стороны, чутким и вариативным показателем любых изменений в социальном институте экономики, с другой стороны, реализуемое наиболее креативными социальными субъектами, оно выступает фак-

тором институциональных преобразований. В качестве одного из ярких примеров новых форм организации экономических отношений в сфере потребления можно назвать феномен «шеринговой» экономики. Другим примером могут быть различные виды адаптивного экономического поведения, возникающие в условиях «прекариатных» социально-трудовых отношений [1]. Предпринимательское поведение, как особый тип экономического поведения, регулярно «играет» в глазах исследователя своими новыми «гранями» [2]. Чтобы, как минимум, предвидеть возможные изменения в «палитре» экономического поведения социальных субъектов, следует непрерывно совершенствовать «арсенал» социологических методов, среди которых важное место занимает моделирование. Это обусловлено тем обстоятельством, что, согласно В. А. Штоффу, позицию которого мы целиком и полностью разделяем, «под моделью понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте» [3, с. 19]. Именно эта новая информация обладает особой ценностью, поскольку создает предпосылки не только для адекватного объяснения какого-либо феномена, но и для выработки научно обоснованных управленческих решений в области социального менеджмента сферы экономических отношений. Методологические основы социологического моделирования экономического поведения изложены нами в отдельной статье [4]. Поэтому в настоящей публикации мы больше внимания уделяем методическим аспектам процедур социологического моделирования.

На данный момент в авторском инструментарии разработан ряд методов социологического моделирования, которые были успешно верифицированы, главным образом, на примерах экономического поведения социальных субъектов, но, по нашему мнению, могут иметь расширенное применение и быть использованы для описания и объяснения других типов поведения. Одним из таких методов является метод координатного моделирования. Его можно успешно применять в том случае, когда мы имеем несколько доступных для измерения переменных, которые характеризуют различные аспекты объекта исследования или разные характеристики социальных субъектов, взаимодействующих в общей системе экономических, и шире – социальных, отношений. Диапазон вариации конкретных значений этих переменных должен быть задан в единой системе отсчета или приведен к такой системе. Например, значения показателей на всех используемых шкалах должны варьировать в пределах от 0 до 1 или от 1 до 5 (так обычно считают «индекс удовлетворенности»).

Координатное моделирование можно использовать как удобную форму наглядного представления характеристик объекта исследования. Во-первых, в мониторинговом исследовании, когда важно отследить динамику показателей с течением времени. Во-вторых, в сравнении характеристик двух и более объектов или процессов. Координатное моделирование может быть линейным или векторным. Линейная разновидность моделирования предполагает,

что применительно ко всем рассматриваемым показателям мы используем принцип «чем больше, тем лучше» или «чем меньше, тем лучше». Если не все показатели в модели соответствуют единому принципу измерения (по одним показателям интенсивность признака оценивается по доле положительных ответов респондентов, а по другим признакам – по доле отрицательных), то следует применить способ «реверсивного упорядочивания» шкал. Пример реверсивно упорядоченных шкал, использованных в одном социологическом инструменте, успешно продемонстрировали профессора А. Кохли и Б. Яворский в своей методике оценки маркетинговой ориентации коммерческих предприятий [5; 6].

Диапазоны вариации значений применяемых показателей могут основываться как на ответах респондентов на альтернативные вопросы («да» – «нет»), так и на ответах на вопросы-меню (с возможностью множественного выбора). Во втором случае это может быть, например, выбор так называемого «доминантного варианта», сам факт указания на который обладает самодостаточной ценностью вне зависимости от выбора (или отсутствия выбора) других вариантов ответа на данный вопрос. С позиции координатного моделирования важно, чтобы респонденты обладали свободой выбора варианта ответа, «маркированного» нами в качестве «доминантного». Если имеется такая техническая возможность, то «доминантный» вариант ответа надежнее всего выбирать посредством проведения факторного анализа.

Векторная разновидность координатного моделирования предполагает смысловую ориентацию шкал, когда преобладание оценок «слева – направо» или «сверху – вниз» имеет не столько общий смысл в категориальной растяжке «лучше – хуже» или «больше – меньше», сколько особенный смысл: «в чем именно больше» или «в чем именно меньше». Это означает, что не только «размер имеет значение», но и выраженность размера в ту или другую сторону также играет свою важную роль. Соединив одной линией отметки значений показателей на всех шкалах в построенной системе координат, мы получаем замкнутый контур, который являет собой профиль изучаемого объекта, явления или процесса. Аналогом векторной координатной модели в социологии может быть так называемая «роза ветров», которая широко используется в мореходном деле. Глядя на такую модель, подготовленный моряк может легко определить, какие ветры и с какой частотой дуют в данной акватории.

Метод координатного моделирования применим в социологических исследованиях деловой активности социальных субъектов различных уровней и форм организации. Это могут быть предприятия, которые при социологическом подходе рассматриваются как коллективные хозяйствующие субъекты. Примером такого использования являются авторские модели культуры хозяйствования традиционных, основанных еще при Советском Союзе, и вновь созданных (с начала 1990-х гг.) белорусских предприятий по состоянию дел на этих предприятиях на начало 2000-х гг. [7]. На тот момент были выявлены как существенные отличия, так и явные аналогии в культуре хозяйствования

выделенных групп предприятий по шести шкалам: 1) авторитарность – демократичность; 2) технократичность – рыночность; 3) неформальность – формальность; 4) замкнутость – открытость; 5) интуитивность – рациональность; 6) «трудорасчетливость» – «трудонерасчетливость». Наложение двух профилей в одной системе координат наглядно продемонстрировало, что на всех предприятиях типичными, глубинными ценностными компонентами организационной культуры, которые отличаются исторической «укорененностью» и слабо подвержены изменениям даже в условиях значительных социально-экономических трансформаций, являются: авторитарность, неформальность и замкнутость. Остальные характеристики более чувствительны по отношению к целенаправленному регулятивному воздействию и в условиях действия закона конкуренции на традиционных предприятиях склонны смещаться в область «рыночно-рационального» спектра значений, а на вновь созданных предприятиях, многие из которых открывались «под инновацию», рыночно-рациональные ценности изначально закладывались в культуре хозяйствования в качестве глубинных. В указанном исследовании был использован метод векторного координатного моделирования, который позволил сравнить профили культуры хозяйствования традиционных и вновь созданных предприятий.

Еще одним примером использования метода координатного моделирования может служить социологическое исследование под названием «Маркетинговая ориентация белорусских предприятий», проведенное Г. В. Рощиненко под научным руководством автора в республике в 2005–2007 гг. По результатам данного исследования Г. В. Рощиненко в 2007 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию. В ходе данного исследования были построены координатные модели предприятий государственной и негосударственной форм собственности по трем группам шкал, включающим в целом восемнадцать параметров. В процессе работы было выявлено, что в оценках степени развитости маркетинговой ориентации предприятия государственной формы собственности ни по одному показателю не смогли превзойти негосударственные предприятия. Последние продемонстрировали значительное превосходство по всем параметрам, связанным с использованием различных каналов сбора маркетинговой информации. Негосударственные предприятия обошли государственные в оперативности распространения маркетинговой информации среди соответствующих структурных подразделений и профильных специалистов, а также – в скорости деятельностных ответов на вызовы рыночной среды. В этой связи были сделаны выводы о том, что экономическое поведение предприятий негосударственной формы собственности в аспекте его маркетинговой ориентации носит более адаптивный, гибкий характер, отличается большей скоростью и эластичностью, высокой степенью взаимосвязи между продавцом/производителем и покупателем, а также – скорейшей реакцией на действия конкурентов. В приведенном исследовании был использован метод линейного координатного моделирования, который позволил сопоставить степень выраженности маркетинговой ориентации на предприятиях государственной и негосударственной форм собственности [8].

Далее рассмотрим метод комплементарного¹ моделирования – это метод моделирования сопряженного поведения социальных субъектов. Сопряженное поведение – это поведение разных субъектов по поводу одних и тех же объектов. Это могут быть, например, продавцы и покупатели на рынке товаров и услуг или работодатели и работники на рынке труда.

Алгоритм моделирования:

1. Мы определяем двух социальных субъектов², демонстрирующих сопряженные формы их поведения.

2. Строим номинальную шкалу с рядом позиций³, называющих объекты, которыми регулярно оперируют оба социальных субъекта в процессе их взаимодействия.

3. Для наглядности модели задаем табличную форму фиксации эмпирических социологических данных, полученных в ходе опроса респондентов, представляющих оба социальных субъекта. Для каждого из социальных субъектов (S_1 и S_2) в модели выделен отдельный столбец значений, которые увязаны с соответствующими позициями номинальной шкалы (табл. 1).

4. Частота выбора (в %) респондентами определенной позиции задает ее первоначальные веса (Xn и Yn) в модели применительно для S_1 и S_2 . Рассчитываем частные коэффициенты комплементарности сопряженных форм поведения социальных субъектов S_1 и S_2 как модуль разницы весов отдельно по каждой строке таблицы по формуле (1):

Таблица 1. Шаблон представления модели сопряженных форм поведения социальных субъектов

Позиции номинальной шкалы	S_1	S_2	Частный коэффициент комплементарности
P_1	X_1	Y_1	K_1
P_2	X_2	Y_2	K_2
.....	.....	.....	.....
P_n	X_n	Y_n	K_n

$$K_n = |X_n - Y_n|, \quad (1)$$

где X_n и Y_n – первоначальные веса.

Значение частного коэффициента комплементарности фиксируется как модуль разницы. В логике данной модели неважно, кто из субъектов (S_1 или S_2) продемонстрировал больший вес по той или иной позиции, главное, что сте-

¹ Комплементарность – взаимное соответствие (сочетаемость) сопряженных форм поведения социальных субъектов, которое обеспечивает устойчивую систему отношений между ними.

² Теоретически количество социальных субъектов может быть более двух. Метод позволяет, при необходимости, строить модель сопряженных форм поведения трех и более социальных субъектов. Однако на практике исследователя обычно интересует именно пара социальных субъектов.

³ Номинальная шкала, включающая P позиций, дает респондентам возможность неальтернативного выбора вариантов ответа от 1 до n . Рекомендуемая величина $n = 7 \pm 2$.

пень их активности в ее использовании (освоении) может быть различна. Уже по этому показателю можно сравнивать разные позиции шкалы и определять сильные и слабые места в сопряженных формах поведения социальных субъектов.

5. Определяем общий коэффициент комплементарности ($K_{\text{комп. общ.}}$) сопряженных форм поведения по формуле (2):

$$K_{\text{комп. общ.}} = \frac{(K_1 + K_2 \dots + K_n)}{n}, \quad (2)$$

где n – количество позиций номинальной шкалы.

Он показывает среднюю по всем позициям шкалы величину соответствия/несоответствия в поведении социальных субъектов.

Таким образом, мы получаем целостную модель, содержащую первоначальные веса позиций номинальной шкалы, частные коэффициенты комплементарности и общий коэффициент комплементарности. Диапазон вариации значений частных коэффициентов комплементарности и общего коэффициента комплементарности распространяется от 0 до 100 %. При этом более низкие значения коэффициентов свидетельствуют о лучшей сочетаемости поведения социальных субъектов и большей эффективности их взаимодействия. Ноль как идеальное значение показателя можно трактовать как полную комплементарность поведения, отсутствие дисбаланса и структурных несоответствий в модели по этому показателю. В этом случае мы можем говорить о «нулевой энтропии» в сопряженном поведении социальных субъектов. Под энтропией в данном контексте мы понимаем меру рассеянности поведения S_1 и S_2 в процессе оперирования $P_1, P_2, \dots, P_n$. Чем ближе значение общего коэффициента комплементарности к 100 % – тем выше поведенческая энтропия в исследуемой системе отношений.

Актуальность разработки метода квазипанельного моделирования в методологическом плане обусловлена необходимостью расширения арсенала современных социологических методов, позволяющих быстро и недорого получать приемлемые по уровню достоверности результаты анализа социальной реальности в проблемных областях. Если решение фундаментальных вопросов социологической науки допускает и даже предполагает проведение длительных и скрупулезных исследований, то в прикладной науке, ориентированной на помощь в решении насущных задач в области социального управления, слишком долгая процедура исследования может настолько снизить ценность полученного, пусть даже очень качественного, результата, что он в итоге не оправдает затраченные на него средства. Разрешение этой проблемной ситуации лежит в плоскости разработки таких методов социологического моделирования, при которых фактор времени превращается из внешнего постоянного условия объективной социальной реальности во внутреннюю переменную величину социологической модели.

В случае невозможности (или нецелесообразности) проведения полноценного панельного исследования экономического поведения целевых социаль-

ных групп можно применить метод квазипанельного моделирования. Основным принципом квазипанельного моделирования – это мысленный перенос текущих состояний и характеристик одних групп на ожидаемое будущее состояние других групп, которые с течением времени могут достигнуть нынешнего положения первых. Это означает, что в ходе исследования репродуктивных установок населения мы допускаем, что пока бездетные, но желающие иметь ребенка респонденты в будущем с появлением первенца продемонстрируют образ мышления и направленность своих социальных действий, аналогичные тем, которые характерны сегодня для респондентов, у которых уже есть один ребенок. Такое же допущение мы делаем, моделируя будущий образ мышления и направленность поведения типичных представителей группы однодетных, настроенных на прибавление семейства, на примере актуальных характеристик группы тех, у кого уже есть двое детей. Производным от основного принципа квазипанельного моделирования является принцип «социального слайдера». Это такой подход, при котором мы мысленно моделируем «ленту времени», и эту ленту можно «прокручивать» в обе стороны, наблюдая изменения показателей, характеризующих состояние выделенных групп. При этом набор дискретных характеристик, каждая из которых «привязана» к своей группе, рассматривается в формате их эволюционной цепочки. Применение метода квазипанельного социологического моделирования оправдано в случае общественной стабильности, когда постоянство социальных факторов позволяет пролонгировать условия жизнедеятельности рассматриваемых групп на отдаленную перспективу. В экстремальных ситуациях (войны, катаклизмы) и в случае общественных трансформаций (например, перестройка, как в СССР при М. С. Горбачеве) квазипанельная модель существенно утрачивает свой прогнозный потенциал.

Развертывание процессов глобализации вкупе со стремительным развитием электронных средств передачи данных обусловили заметное возрастание скорости реакций «социального организма» (в терминологии Герберта Спенсера) на все типы раздражителей. И это обстоятельство в полной мере используется отдельными обладателями серьезных финансовых ресурсов для умножения своих капиталов посредством организации провокаций, конфликтов и столкновений. Происходящее ускорение социальных процессов предъявляет новые требования к социологической науке, призванной адекватно объяснять и своевременно прогнозировать тенденции общественного развития. В области социального управления постоянно растет спрос на мобильные и валидные методики оценки текущего состояния общественного сознания и технологии оперативного прогнозирования возможных изменений этого состояния в ближайшей, среднесрочной и отдаленной перспективах. Одним из социологических методов, соответствующих представленным требованиям, выступает метод динамического моделирования.

Динамическое моделирование и его продукт – динамическая модель – напоминают квазипанельное моделирование. Но есть и отличия. Если при квази-

панельном моделировании мы выделяем группы по комплексному критерию, компонентом или компонентами которого является формальный наблюдаемый признак (формальные признаки), то при динамическом моделировании группы для сравнения мы выделяем на основании субъективных оценок респондентов. В первом приближении можно сказать, что в процессе квазипанельного моделирования мы рассматриваем положения групп как панели и условия возможных переходов социальных субъектов из одной панели в другую (допуская достаточную стабильность факторов внешней среды), то при динамическом моделировании мы говорим о состояниях общественного сознания, возможных изменениях этого состояния, факторах таких изменений и предполагаемых последствиях данных изменений.

Принцип выделения групп и принцип интрополяции [9, с. 97] роднят квазипанельный и динамический методы социологического моделирования. Для обозначения типичных представителей выделенных групп, как при создании квазипанельных, так и динамических моделей, мы используем понятие социальный субъект (кратко – субъект) [10]. Отличие, которое надо иметь в виду при использовании данных разновидностей моделирования, можно описать следующим образом. Квазипанельное моделирование рассчитано на исследование достаточно протяженных во времени процессов, когда субъекты предсказуемым образом изменяют свое положение в социальной стратификации. Динамическое моделирование (как подсказывает уже само его название) может применяться для изучения скоротечных перемен в массовом сознании, может быть полезным для прогнозирования поведения больших групп людей под воздействием каких-либо существенных факторов социального, экономического, политического, техногенного или природного характера.

Методика динамического моделирования, проводимая с использованием эмпирических социологических данных, включает в себя следующие пошаговые аналитические процедуры. Вначале мы отбираем один оценочный вопрос закрытого типа, варианты ответов на который составляют порядковую шкалу или шкалу отношений. Вопрос должен быть ориентирован на оценку какой-либо конкретной стороны или сферы социальной реальности и допустить один вариант ответа. По факту выбора респондентами того или иного варианта ответа выделяем соответствующее этим вариантам количество групп. Отбираем еще один вопрос, тематически связанный с первым, но нацеленный на выявление степени активности поведения респондентов и/или направленность этого поведения в той области социальной реальности, которую мы исследуем. Если поведенческие аспекты замеряются несколькими вопросами, то для рассмотрения можно взять, допустим, один вопрос на уровень активности, а второй – на векторы этой активности. Просматриваем распределения в ответах респондентов выделенных групп на «поведенческие вопросы». Если заметна динамика, то это, скорее всего, говорит о причинно-следственной связи между сложившимися типичными субъективными оценками, которые

характеризуют групповое сознание, и «внешним» либо «внутренним» поведением социальных субъектов (в терминологии Макса Вебера) [11, с. 495]. Для того чтобы убедиться, что динамика носит именно причинно-следственный, а не случайный характер, нужно осуществить контрольную процедуру. Для этого необходимо взять вопрос общего плана, но также тематически связанный с первым ключевым вопросом по принципу логической иерархии «общее – особенное». Если динамика в ответах респондентов выделенных групп на этот общий вопрос понятным образом увязывается с предыдущими анализируемыми распределениями, то это аргумент в пользу валидности выстраиваемой модели.

С целью всесторонней проработки предмета исследования полезно смоделировать содержательные изменения в оценках конкретных аспектов (сторон) изучаемого явления в случае возможных перемен в отношении к этому явлению со стороны социальных субъектов. Для этого в социологический инструментарий на этапе его разработки целесообразно включить два вопроса-меню об отношении респондентов к предмету исследования с вариантами ответов, которые составляют номинальные шкалы. Первый вопрос – позитивной смысловой направленности: «Что положительного Вы видите...?» Второй вопрос – негативной направленности: «Что отрицательного Вы видите...?» С методической точки зрения для последующего корректного сравнения результатов желательно, чтобы количество вариантов ответа в обоих вопросах было равным. Иначе придется потом перевзвешивать доли, а это всегда в той или иной мере снижает точность проведенных измерений. Для повышения практической значимости динамической модели целесообразно выявить потенциальные регуляторы состояния общественного сознания в разрезе выделенных групп. Это могут быть, например, различные источники информации (не обязательно только СМИ). Если степень доверия к тем или иным источникам меняется сообразно с возможными переменами в отношении респондентов к исследуемому явлению, то такая динамика и является основанием для целенаправленного и первостепенного использования субъектами социального управления «возвышающихся» источников в информационной работе с населением. Кроме этого, полезно разобраться не только в возможных регуляторах состояния общественного сознания, но и определить, как могут изменяться иные сопутствующие характеристики этого сознания в случае развертывания негативных сценариев, а именно – ухудшения отношения социальных субъектов к рассматриваемому явлению.

В заключение конкретизируем результаты вышеизложенных авторских исследований. Любой социальный феномен, который выступает в качестве объекта изучения, интересует нас, во-первых, с точки зрения его «социальной размерности», то есть степени выраженности основных характеристик. Поэтому, используя метод *координатного моделирования*, мы соотносим социальную размерность исследуемого объекта с эталоном либо другим рядопо-

ложенным социальным объектом в одной и той же системе координат. Метод координатного моделирования можно успешно применять в том случае, когда мы имеем несколько доступных для измерения переменных, которые характеризуют различные аспекты объекта исследования или разные характеристики социальных субъектов, взаимодействующих в общей системе отношений. Координатное моделирование можно использовать как удобную форму наглядного представления характеристик объекта исследования в мониторинговом исследовании, а также – в разовом сравнении характеристик двух и более объектов или процессов. Во-вторых, объект исследования может быть нам интересен в его поведенческом аспекте. Поскольку в социологической науке изучается «социальное» поведение как процесс взаимодействия двух и более субъектов, то внимание исследователя сконцентрировано на оценке степени сочетаемости поведения этих субъектов. Метод *комплементарного моделирования* позволяет успешно определить сочетаемость поведения взаимодействующих субъектов в количественных величинах. В качестве таких субъектов могут выступать, например, продавцы и покупатели на рынке товаров и услуг или работодатели и работники на рынке труда. В-третьих, объект исследования (если это, например, социальная группа) в процессе жизнедеятельности оказывается способным менять свои объективные стратификационные характеристики, которые могут стать факторами перемен в мышлении и поведении социальных субъектов. Метод *квазипанельного моделирования* позволяет наглядно представить, какими могут быть эти перемены при условии относительной стабильности факторов внешней среды. Основной принцип квазипанельного моделирования – это мысленный перенос текущих состояний и характеристик одних групп на ожидаемое будущее состояние других групп, которые с течением времени могут достигнуть нынешнего положения первых. В-четвертых, важнейшая задача социологической науки – это социальное прогнозирование. Метод *динамического моделирования* позволяет рассчитать возможные изменения в мышлении и поведении социальных субъектов в ситуации преднамеренного или спонтанного существенного изменения факторов внешней среды. При динамическом моделировании группы для сравнения мы выделяем на основании субъективных оценок респондентов. Это означает, что если в процессе квазипанельного моделирования мы рассматриваем положения групп как панели и условия возможных переходов социальных субъектов из одной панели в другую (допуская достаточную стабильность факторов внешней среды), то при динамическом моделировании мы говорим о состояниях общественного сознания, возможных изменениях этого состояния, факторах таких изменений и предполагаемых последствиях данных изменений. Таким образом, указанные методы социологического моделирования позволяют всесторонне изучить объект исследования в аспектах его социальной размерности, социального поведения, возможных стратификационных переходов и вероятных перемен в мышлении и поведении социальных субъектов.

Список использованных источников

1. *Тощенко, Ж. Т.* Прекариат: от протокласса к новому классу / Ж. Т. Тощенко. – М. : Наука, 2018. – 350 с.
2. *Андрос, И. А.* Белорусский предприниматель в обществе и государстве : историко-социологический анализ / И. А. Андрос. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 365 с.
3. *Штофф, В. А.* Моделирование и философия / В. А. Штофф. – М. ; Л. : Наука, 1966. – 302 с.
4. *Кобяк, О. В.* Методологические основы социологического моделирования поведения социальных субъектов в контексте теории М. Вебера / О. В. Кобяк // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2017. – № 2. – С. 17–24.
5. *Kohli, A.* Market orientation: the construct, research propositions and managerial implications / A. Kohli, B. Jaworski // J. of Marketing. – 1990. – Vol. 54. – P. 1–18.
6. *Jaworski, B.* Market orientation: antecedents and consequences / B. Jaworski, A. Kohli // J. of Marketing. – 1993. – Vol. 57. – P. 53–70.
7. *Кобяк, О. В.* Особенности механизма инновационного процесса как проявление доминант культуры хозяйствования предприятия / О. В. Кобяк // Социология. – 2002. – № 1. – С. 46–51.
8. *Кобяк, О. В.* Маркетинговая ориентация белорусских предприятий : социологический анализ / О. В. Кобяк, Г. В. Рощиненко. – Минск : Право и экономика, 2005. – 112 с.
9. *Кобяк, О. В.* Метод квазипанельного социологического моделирования в исследовании репродуктивных установок населения / О. В. Кобяк // Социология. – 2014. – № 3. – С. 91–101.
10. *Рубанов, А. В.* Социальный субъект: мотивы и деятельность / А. В. Рубанов. – Минск, 1994. – 149 с.
11. *Вебер, М.* О некоторых категориях понимающей социологии : избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

Поступила 15.10.2018 г.

УДК 316.42

TADEUSZ POPŁAWSKI,

Professor, Doctor habilitowany,

Politechnika Białostocka, Białostok, e-mail: tpoplaw@o2.pl

KONRAD POPŁAWSKI,

Główny Specjalista, Ośrodek Studiów Wschodnich

**OBLICZA POSTFORDYZMU W KONTEKŚCIE
SPOŁECZNO-GOSPODARCZEJ TRANSFORMACJI
ANALYSIS OF POSTFORDISM IN THE CONTEXT
OF SOCIAL AND ECONOMIC TRANSFORMATION**

Authors analyze the links between postfordism in the period of lean management and peripheries, transformation economies in the context of creation of economic dependence and market possibilities of job places creation. Transformational, peripheric economies have a fundamental problems a weak development and a middle income trap as a consequence of faulty privatization and reforms in favor of stranger capital and investors. It's tendency to make international chains, subcontractors, outsourced activities, dependent branches, delocalisation of production involving into the postfordist provenience practice of lean management, mostly at cost of low job salaries of citizens in peripheric, transformational countries. Authors examine postfordist industrial, commercial and financial relations mostly at the examples involved into this process transformation economies (Polish and other CEE countries enterprises) and dominating German enterprises. They proposes an adaptation to the challenges of new stage of postfordism through building of national fundament of industrial and economic independence and identity e.g. national entrepreneurship and brands, branch specialization and re-establishment of role of national state in national economy as most important actor.

Keywords: postfordism, lean management, peripherality, transformation process.

ТАДЕУШ ПОПЛАВСКИЙ,

профессор, доктор хабилитированный,

Белостокский технический университет, г. Белосток

КОНРАД ПОПЛАВСКИЙ,

главный специалист Центра восточных исследований

**АНАЛИЗ ПОСТФОРДИЗМА В КОНТЕКСТЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

Авторы анализируют связи между постфордизмом в период усиления внимания к тематике бережного производства и региональным проблемам, трансформации экономик в контексте возрастания экономических зависимостей, с одной стороны, и возможностями создания рабочих мест на рынке труда – с другой. Трансформирующиеся, периферические экономические системы сталкиваются с рядом серьезных проблем, включая слабое экономическое развитие и «ловушку среднего уровня дохода», которые являются следствиями неверных действий, допущенных в ходе приватизации и привлечения зарубежного капитала и инвесторов в национальные экономики. Современные экономики характеризуются рядом тенденций, включая:

создание международных сетей производств, установление трудовых отношений на основе договора субподряда, распространение аутсорсинговых видов деятельности, делегализация производств. Все это способствует включению периферических, трансформирующихся стран в постфордистскую модель бережного управления и производства, но во многом это происходит за счет низких заработных плат граждан в этих трансформирующихся странах. Авторы исследуют производственные (трудовые), коммерческие и финансовые отношения, складывающиеся в рамках постфордистской модели, в основном на примерах вовлеченных в этот процесс трансформационных экономик (предприятий Польши и других стран ЦВЕ) и доминирующих германских предприятий. Авторы предлагают вариант адаптации к проблемам нового этапа постфордизма через создание национального фундамента промышленной и экономической независимости и идентичности, например, через развитие национального предпринимательства и брендов, укрепление роли национального государства как наиболее значимого актора национальных экономик.

Ключевые слова: постфордизм, бережное производство, периферийность, трансформационные процессы.

Celem niniejszego opracowania jest określenie relacji pomiędzy postfordyzmem jako systemem nowoczesnej produkcji, zmodyfikowanym przez zastosowanie *lean management* a sposobem rozwoju gospodarek krajów transformacyjnych i peryferyjnych. Przykład gospodarek krajów wschodnioeuropejskich (w tym zwłaszcza polskiej), ich sukcesów, pomyłek, trudności i porażek w próbach dostosowania się do nowych uwarunkowań globalnych będących wynikiem ekspansji w świecie postfordyzmu jako nowej fazy i ulepszonoego fordowskiego, czyli taśmowego systemu produkcji (w formie toyotyizmu) [1]. Można go prościej nazwać taśmą na poziomie światowym (po adaptacji sfery ICT i outsourcingu). Wyzwania postfordystowskie [2, s. 249–257] i analiza *current conjuncture* (bieżącej sytuacji społecznej, gospodarczej i politycznej) [3] pozwalają na określenie owego „prześwitu”, w którym pojawia się istota współczesności w obrębie teorii kapitalizmu peryferyjnego, a który zakryty został przez wszechpotężne i wszechobecne pojęcie globalizacji [4]. Postfordyzm definiujemy szeroko jako kompozycję w sferze światowego systemu pracy złożoną z masowej produkcji taśmowej, automatyzacji, robotyzacji, informatyzacji, integracji pionowej poddostawców, budowy sieci, delokalizacji produkcji, produktu globalnie wytwarzanego, outsourcingu oraz budowy łańcucha wartości dla klientów. Bez uwzględnienia pojęcia postfordyzmu zaciemniony jest proces globalizacji i mało zrozumiałą staje się proces postsocjalistycznej transformacji, zarówno w Europie jak i w świecie, wyjaśniany przeważnie przez teorie odejścia od totalitaryzmu w sensie H. Arendt promowane przez polskich jej zwolenników [5, s. 206–227]. Warto zatem bardziej uważnie przyjrzeć się owym procesom, które napędzają rzeczywistość w sferze światowego podziału pracy. Postfordyzm na peryferiach przejawia się w formie tworzenia sieci poddostawców, którzy są łatwi do zastąpienia i wymiany na innych poddostawców, chcących wejść do łańcucha dostarczającego wartość konsumpcyjną dla konsumentów na rynkach wiodących pod markami własnymi i wielkich sieci handlowych. Rynki stają się współzależne, ale podlegają też pewnego typu gradacji, a ich uszeregowanie zależy od ważności dla centrów i liderów światowych. Nie poruszamy tu jednak specyfiki samego postfordowskiego procesu produkcyjnego, gdyż nie ma na to miejsca. Uwzględniamy tylko jego społeczno-gospodarcze skutki dla gospodarek transformacyjnych i ich sposobu rozwoju.

Faza postfordystowska kapitalizmu

Często w tym przypadku znaczącą rolę odgrywa możliwość wejścia do łańcucha dostaw, nawet kosztem tworzenia własnej tożsamości w postaci marki czy kraju pochodzenia. Wejście jest związane z finansowaniem kapitałowym krajowym lub międzynarodowym. Postfordystowskie łańcuchy są tworzone przy pomocy związków zwanych integracją pionową. Chodzi o powiązanie dostawcy, a nawet nauczenie go systemu finalnego odbiorcy jego produktów w taki sposób, by był związany systemowo i nie mógł zbyt łatwo przejść do innego „dominatora”. Koncerny światowe nie tylko dominują stanowiąc węzły w łańcuchach i organizując sieci, ale i dominują marketingowo oraz w zakresie możliwości tworzenia innowacji i nowych produktów, a nawet nowych dziedzin, o których nabywca nawet nie pomyślał, że są możliwe. Innymi słowy pozostawia peryferie samym sobie, gdyż wyznacza trendy i tendencje, którym one ulegają. Dziedziny zapóźnione, nienowoczesne zostają pozostawione rynkom lokalnym, na uboczu kapitalistycznego łańcucha. Faktycznie, to one przesądają o charakterze kapitalizmu, czy jest on centralny, czy peryferyjny.

Postfordyzm wchodzi również na peryferie, ale rzadko pociąga za sobą zmianę całościową, zwaną rozwojem. Częściej utrwała kapitalizm w jego formie niedojrzałej lub przeszłej. Historia transformacji w postkomunizmie ukazuje tę prawdę, że niełatwo jest wyjść z sytuacji kapitalistycznej peryferyjności, nawet gdy pojawiają się wyspy postfordystowskie na szerokim tle ogólnego niedorozwoju. Widzimy, że owi „dominatorzy” pozostawiają dla peryferii gałęzie i branże mniej nowoczesne, w których postfordystowskie sposoby produkcji są trudne do zrealizowania (np. rolnictwo) ze względu głównie na trudność standaryzacji procesów produkcyjnych i kooperacji zawłaszczając sobie te, które mają duży potencjał tworzenia sieci (jak np. handel, czy finanse). Oczywiście i tu zdarzają się przykłady takiej kooperacji w łańcuchu postfordystowskim i delokalizacji produkcji nawet w rolnictwie (np. produkcja anturium przeniesiona do Polski z Holandii). Istotą bowiem postfordyzmu są sieci i komunikacja jako wyraz dominacji. Przykładem jest choćby produkt globalny, który jest montowany finalnie zwykle z części pochodzących od różnych poddostawców z różnych krajów zintegrowanych w łańcuch. Końcowy montaż nie daje w tym przypadku tak dużej przewagi, jak w przypadku produkcji marki w kraju pochodzenia czy ekspansji instytucji finansowych, marek sieci handlowych wielkopowierzchniowych lub dyskontów, które zdobywają prawdziwą dominację i zarządzają całymi pakietami transakcji tworzącymi rynki i podtrzymującymi ich vitalność. Przykładami są liczne delokalizacje, przemieszczenia procesów produkcyjnych do krajów o tańszej sile roboczej czy o dużych zasobach surowców do produkcji.

Konsekwencje systemu postfordowskiego dla peryferii

Otoczenie turbulentne [6, s. 85–86] nie sprzyja procesom rozwojowym w okresie transformacji systemów społeczno-gospodarczych. Burzliwe procesy transformacji struktury społecznej oraz gospodarki osłabiają peryferyjne państwa, powodując ich dryfowanie [7, s. 11–20; 8, s. 135–145] mimo ich wysiłków w kierunku awansowania na koniec łańcucha pracy systemu kapitalistycznego. Wielu krajom wydaje się, że zdołały nadrobić dystans do najlepiej rozwiniętych, podczas gdy

w praktyce ich gospodarki należą jedynie do grupy poddostawców dla postfordystowsko zorientowanych systemów dominacji. Kapitalistyczne sposoby produkcji na gospodarczych peryferiach często nie dostarczają wystarczającej wartości dodanej, natomiast wymuszają spalanie rezerw i sięganie do coraz głębszych ich pokładów. Zysk poddostawcy jest nieraz bardzo niewielki w porównaniu z marżą uzyskiwaną na rynku przez markowego dominatora – najczęściej światowego koncernu wywodzącego z państwa wiodącego. Yeheckel Dror w raporcie dla Klubu Rzymskiego pt. „Rządzenie globalne” pokazuje mechanizmy wpływu globalnych koncernów na rządy państw, zwłaszcza mniejszych i słabszych [6, s. 70–72]. Rządzą one *de facto* rynkiem, zarządzając łańcuchami poddostawców, a w efekcie – trzęsąc gospodarkami państw, peryferyjnych w łańcuchu postfordystowskim. Uzależnienie powiększa jeszcze ekspansja wielkich ponadnarodowych sieci handlowych, które naciskają mocno na poddostawców, tworząc tanie marki dyskontów czy hipermarketów. Wejście pod taką markę daje dostęp do wielkiego rynku, ale kosztuje utratę siły przetargowej jako dostawca wg rozszerzonego modelu Michaela Portera [9, roz. IV]. Poddostawca z państwa peryferyjnego nie ma tu bowiem wiele do powiedzenia, gdyż jego siła przetargowa w negocjacjach jest znikoma.

Kilka lat temu, jak podały w komunikatach największe agencje, wstrząsnęła światem tragedia w Bangladeszu, gdy zawalił się budynek szwalni, do którego dostawiano kolejne piętra, by sprostać zamówieniom na tanią odzież do światowych sieci. Uwikłane w ten proceder były m.in. H&M, ale i polski LPP (właściciel marek sieci sklepów Reserved, Top Secret i innych). Mimo że wzrost płacy dziennej z 1 \$ do 2\$ pozwoliłby nakarmić rodziny wyzyskiwanych pracowników i polepszyć straszliwe warunki ich pracy a wzrost ceny np. z 10 do 12 \$ na sprzedawanej parze dżinsów byłby niezauważalny dla klientów, to strategia koncernów stworzyła łańcuch wyzysku i nieszczęść. Katastrofa, która pochłonęła dziesiątki istnień ludzkich, była wynikiem niewiarygodnej i okrutnej wręcz chciwości nie tylko miejscowych kapitalistów-poddostawców zatrudnionych przez owe sieci w znanej od starożytności formie nakładztwa, ale przede wszystkim samych sieci handlowych i marek, pod które tam szyto. Protesty organizacji konsumenckich i ludzi „dobrej woli” nakazywały wręcz bojkotować marki nie kontrolujące skali wyzysku pracowników z peryferyjnych krajów świata. Należy jednak je uznać za pewien wyraz hipokryzji, gdyż wielu z tych protestujących w pełni akceptuje ten system wyzysku, „rzucając się” na promocję w sezonie wyprzedazy. Środowiska ekonomistów bronią nieraz takiego modelu współpracy między państwami rozwiniętymi i rozwijającymi się, jednak należy postawić pytanie, czy cena modernizacji państw nie jest zbyt wysoka, i czy pod płaszczykiem modernizacji nie jest degradowana godność ludzka. Państwa Zachodu zamiast pomagać ustanowić w nieraz bardzo zacofanych państwach lepszy system społeczny – nieraz celowo doprowadzają do jego degeneracji. Korporacje zachodniej wiedzą bowiem, że większa podmiotowość pracowników w państwach peryferyjnych, wiązałaby się z ograniczeniem zysków. Drugą stroną medalu pokazuje przykład podróbek i tzw. kradzieży własności intelektualnej. Te amoralne praktyki tworzą jednak miejsca pracy w krajach peryferyjnych, mimo że psują rynek i reputację marek, podobnie jak kopie programów i gier komputerowych, czy też

utworów muzycznych i filmów. Kopiowanie, ściąganie z sieci zwiększa dostępność tych produktów, ale możemy je potraktować jako swoistą „zemstę” biedniejszych klientów (czy nawet krajów, które to tolerują) na koncernach za zawyżanie ceny praw intelektualnych twórców, który to proceder znacząco zmniejsza dostępność. Kopiowanie własności przybliży biedniejszemu konsumentowi możliwość zakupu towaru, który inaczej byłby całkowicie niedostępny. Przykładów takich można podać znacznie więcej w obliczu ekspansji postfordyzmu jego skutki dla poddostawców i quasi-kolonialnego uzależniania krajów od międzynarodowych koncernów w kontekście ich dominacji nawet nad słabszymi i mniejszymi państwami, co jest przykrywane zarówno przez rosnącą rolę banków i przepięknych instytucji finansowych (wymowny jest tu słowotwór „banksterzy”, a pojawili się przecież „Oburzeni” z powodu lichwy banków), jak i znaczenie tzw. przemysłu kreatywnego. Nie zawsze uzasadniony wzrost znaczenia i zysku firm-potworów bazujących na technologiach informacyjno-komunikacyjnych ICT, zwłaszcza związanych z internetem oznacza bowiem nadejście nowej epoki, która zamieniła Roseveltów, Kompradów, Buffetów, Fordów i Rotschildów (czyli kapitał finansowy, handlowy, spekulacyjny i przemysłowy) na, Jobs’ów czy Gates’ów. E-sieci i e-społeczności oplatają ziemię, wykorzystując do komunikacji infrastrukturę społeczną i tworząc wirtualne społeczności jako „huby” transmisyjno-komunikacyjne.

Przenikanie się świata peryferiów i świata dominacji kulturowej powoduje sytuację „przemocy symbolicznej”, na co słusznie zwracają uwagę Pierre Bourdieu i Jean-Claude Passeron, zarazem opisując jej mechanizm w procesie reprodukcji kulturowej klas społecznych [10]. Otóż warto zaznaczyć, że owe znaczenia symboliczne zaczynają się zmieniać wedle stylów życia [11, p. 101–102] klas społecznych [12, p. 38–43], określających model konsumpcji, narzucany przez wyższe klasy niższym i – dodajmy od siebie – przez centra peryferiom. Jak zatem nazwać obecnie style życia, które się koncentrują coraz częściej na dychotomii *real-virtual* jako całokształcie istoty stosunków społecznym pomiędzy ludźmi. Warto się temu procesowi przyjrzeć, gdy niezamierzone skutki wciągnięcia sfery ICT do służby postfordyzmowi zachodzą tutaj w sposób wyrazisty, a prześledzenie ścieżki rozwojowej, jaka pod jego wpływem staje się udziałem ludzkiej pracy nie jest zbyt trudne, gdy przyjmiemy właściwą perspektywę poznawczą.

Postfordyzm w fazie lean management a rzeczywistość transformacyjna

Postfordyzm przechodził różne fazy, niemniej najważniejsza jest ostatnia, która jest związana z *lean management*, który wprowadza do życia nową jakość w sferę kapitalistycznej witalności, odchudzając z kosztów proces produkcyjny i stwarzając nowe szanse dla dominacji i nowe nierówności, które się ujawniają jako peryferijność. Najciekawszą wg nas i najbardziej kompleksową teorię *lean management* przedstawili Faulkner i Bowman. Wyróżniają oni siedem elementów tego procesu nie wiążąc go jednak z postfordyzmem jako dominującym sposobem produkcji. Koszty czynników produkcji (KCzS), stała redukcja kosztów (SRK), korzyści kontroli i koordynacji (K+K) oraz korzyści skali i zakresu (S+Z) tworzą konkurencyjność operacyjną. Zaś innowacyjność (I), podwyższenie wartości użytkowej dla klienta

(PWU) oraz zapewnienie wartości, czyli ocena, że po odchudzeniu z kosztów produkt ma co najmniej taką samą wartość dla klienta (ZW) – tworzą konkurencyjność systemową [9, s. 35–40]. Jedynym mankamentem tej teorii jest brak powiązania z teorią pracy ludzkiej, którą z kolei rozwija teoria postfordyzmu. Inaczej mówiąc, nie ma możliwości rozpatrywania jednego bez drugiego, gdyż nie ujawni się prześwit „tego-co-istotne” w myśl idei zawartej w deklaracji metodologicznej, którą wyjawilem nieco wyżej. Wydawałoby się, że nie ma systemu pracy bardziej efektywnego niż postfordyzm, ale wspomagany efektywnością związaną z rewolucją menadżerów, rewolucją ICT, internacjonalizacją. Przetransformowała się ona skutecznie w aktualnej *conjuncture*, czyli *bieżącej sytuacji politycznej w świecie* w „nakładkę ideową” organizującą system pracy światowej w postkapitalizmie, którą jest odchudzanie z kosztów i ujawnia ostatecznie w postaci *lean management*. Zachwiał on bowiem możliwościami przejścia peryferii do kapitalistycznego rdzenia rozwojowego. Warto sobie to uzmysłowić, by oczyścić pole ze zbędnego balastu w postaci zachwyty nad przejawami niezwyklego rozwoju kapitalizmu w ostatnim okresie. Świadomość braku nadziei na doszłusowanie do „dominatorów” lub nawet na ich zamianę ratuje jedynie słabość demograficzna światowych centrów. Czasem się też wspomina wątek, że nieliczni mają aż tak wiele, a już nie miliony a miliardy ludzi mają bardzo niewiele a czasem prawie nic...

Kraje poddostawców, jak można stwierdzić, są wprężone w światowy proces przekształceń pracy ludzkiej na poziomie światowym, niemniej ich rola jest o jedną fazę, jedno „oczko w łańcuchu produkcji” czy w łańcuchu dostarczania wartości dla klienta – spóźniona. Dlatego to nie ich producenci i firmy spijają śmietankę, lecz właśnie firmy krajów-dominatorów. Pozycja państw-dostawców raczej przypomina sytuację kogoś walczącego o miejsce w kolejce w poprzedniej epoce. Sprytniejszy wygrywał, ale wszystkim i tak nie starczyło, a w końcu i ten wygrywający nic nie dostał, mimo że był sprytniejszy i się bardzo starał. Nie dostał, bo sprytni „dominatorzy” zmienili reguły gry, a ustalanie reguł do nich wszak należy. Przykład niebawiałych wręcz starań mieszkańców Polski, kraju wiecznej transformacji, w którym populacja nabyła tak wiele umiejętności i wykazuje tak wiele sprytu adaptacyjnego do zmiennych, turbulentnych warunków, a stosunkowo słabo jest za to nagradzana i zawsze pozostaje jakby z tyłu, spełniając wciąż nowe i nowe wymagania jest dostatecznie wymowny. Ta postawa została przeze mnie opisana gdzie indziej jako postawa „zaradności, z której rodzi się przedsiębiorczość” [13, roz. VI]. Trudno nie stwierdzić, że na całej populacji kraju takiego jak np. Polska nie zastosowano tutaj *lean management*. Odchudzenie procesu produkcyjnego odbywa się poprzez włączenie do łańcucha poddostawców, przywileje dla kapitału wchodzącego kosztem nieuprzywilejowania własnych przedsiębiorców, wycisk pracy i pracowników, dostarczanie za półdarmo wykształconej i znakomitej jakości siły roboczej przez *drain brain* i migracje, praca systemu kształcenia na rzecz krajów dominatorów, stała redukcja kosztów, *outsourcing*, *subcontracting*, automatyzacja, robotyzacja, budowa produktu światowego, a nawet innowacyjność i nowoczesne technologie, a nawet czyż nie jest to swoisty *lean management*. Do tego wysoka jakość pracy i produktu

za niską cenę i płacę, czyż nie jest to warte nagrody? Nagroda jakaś jest w postaci pewnej ilości miejsc pracy, ale nie jest na miarę poniesionego wysiłku. Wysiłek nie jest bowiem rekompensowany możliwościami godnego życia. Presję czasu, którą wymusza często na peryferiach zewnętrzny kapitał finansowy (banki) i w zamian za możliwość konsumpcji masy ludzkie tworzą efektywność, która tam nie jest rekompensowana hojnością opiekuńczego państwa lub możliwością dorobienia się. Brak panowania nad swoim czasem nie był wcześniej tak charakterystyczny jak w obecnej epoce. Nie zawsze godziwy zysk firm wiodących, opiera się na niedopłaconej sile roboczej w III RP, która pada również ofiarą „cwanych” mechanizmów, często wewnętrznych będących wynikiem ich presji lub zwyczajnej korupcji (np. *lobbies* forsujące i narzucające prawne uregulowania gospodarki korzystne dla zagranicy, korupcja urzędnicza, forsowanie przywilejów dla kapitału zagranicznego itp.).

Proces ten powoduje problemy i bankructwo firm, które z małych mogłyby urosnąć w innych uwarunkowaniach i przebić się najpierw jako wiodące w danym kraju, a potem się zinternacjonalizować¹. Podporządkowane zaś nie mogą urosnąć, wyrobić sobie markę i tożsamość, ani stać na straży gospodarki narodowej. Przykład internacjonalizacji sektora bankowego jako nerwu gospodarki jest tutaj najbardziej wyrazisty. Przykład dopłat do rolników polskich w wysokości ¼ dopłat przysługujących im odpowiednikom z UE jest tu rażąco w swojej niesprawiedliwej logice.

Niewątpliwie jest to wynikiem nierównej siły w dostępie do władzy, ale i kompradorskiej roli elit politycznych, ich niekompetencji, zaniechań oraz nieróbstwa, do czego dochodzi brak elementarnego współodczuwania i zaufania w relacji władza-społeczeństwo. Traktowanie swojego jak obcego i nieodbudowany w okresie wolności kapitał zaufania wynika z mechanizmu władzy opartego na niesprawiedliwości. Warto zauważyć coraz większą rolę finansowych mechanizmów dominacji. Dobrym przykładem jest zadłużanie się obywateli krajów transformacyjnych w walucie obcego kraju (przeważnie we frankach szwajcarskich), co umożliwia niegodziwy zysk zagranicznych instytucji finansowych.

System nerwowy gospodarki, czyli banki i instytucje rynku pieniężnego, jeśli jest w obcych rękach nie jest wrażliwy na potrzeby społeczne a bardziej dokonuje prawdziwego „odchudzania szans życiowych” aktorów społecznych w krajach zależnych. Szanse życiowe są zaś szansami rynkowymi, jak udowodnił to Max Weber ponad wiek temu (Weber 1905) [14]. Już w XIX w. Gustaw Schmoller w swojej pracy o tytule „Das Finanzkapital” dostrzegał rolę dominującą kapitalistów finansowych i banków. Historię jak się wydaje do tej pory przedstawia się jako historię królów, ale nikt prawie nie dodaje, że owszem... królów najczęściej mocno zadłużonych u templariuszy, finansistów weneckich lub genueńskich czy przede wszystkim żydowskich (np. u Rotszyldów). Niedopłacone zaciężne wojska nieraz płały im niespodzianki przechodząc nagle na stronę płacącego żołd i wypłacalnego wroga.

Podobnie jest z niedopłaconymi pracownikami, którym nie pozwala związać końca z końcem ów niebezpieczny dla peryferiów i poddostawców dominujący coraz

¹ W polskich uwarunkowaniach mała firma to prawie zawsze mikrofirma (do 9 zatrudnionych), w zachodnich – jest to firma zatrudniająca do 50 osób, zaś średnia firma zachodnia (do 250 pracowników), piszą o tym zwłaszcza specjaliści od MŚP w Polsce Anna Rogut i Bogdan Piasecki.

bardziej w świecie *lean management jako sposób produkcji*. Mądra władza uczy się nie oddawać najcenniejszych zasobów. Najcenniejszym zaś zasobem są aktorzy społeczni, którzy są wartościowi obecnie już w wymiarze międzynarodowym. Myślę tu o migrantach z krajów środkowej Europy, z których największą grupę stanowią Polacy. Dość niedawno jeszcze byli jedynie wartościowi dla rynków lokalnych, co najwyżej dla zamkniętych rynków państw narodowych. Tak wielki upływ krwi jest nie do zastąpienia, ale wynika przede wszystkim z nierówności szans rynkowych jako szans życiowych pracownika¹. Zaradność zmienia się przedsiębiorczość, a mało kto dostrzega, że zamienia się także coraz częściej w kreatywność, będącą podstawą innowacyjności, którą Joseph Schumpeter [16] uznaje za podstawę przedsiębiorczości i rozwoju w ogóle a Jan Wissema wręcz pisze o tworzeniu uniwersytetów przedsiębiorczych i innowacyjnych jako Uniwersytetów III Generacji [17]. Bez takiej kreatywności nie jest możliwy rozwój i przetrwanie społeczeństw w obrębie nowoczesności. Innowacyjność jest i tak trudna do nauczenia bo jest cechą nielicznych, a tak wielkie „odchudzenie” krajów naśladowczych z ludzi przedsiębiorczych staje się nie tylko faktem społecznym, ale pomnaża znacząco straty gospodarcze i nie daje krajowi szansy na wyjście z niedorozwoju lub z tzw. pułapki średniego rozwoju (o czym świadczy m.in. ruina systemu emerytalnego, wynalazczość dla obcych, egzogeniczny rozwój, zachwianie więzi pokoleń, kryzys ludnościowy, zadłużenie w walutach obcych, migracje).

O zwątpieniu w rozwój tych krajów pisze przecież sam guru światowej ekonomii Joseph E. Stieglitz² [18, s. 56–59], krytykując zbyt szybkie i niedostosowane do specyfiki tych krajów reformy, zwłaszcza gospodarcze. Nie rozumie on do końca tragicznej (a tak naprawdę to „makabrycznej”) roli kolektywizacji rolnictwa, gdy podkreśla rolę chłopów chińskiego tłumaczącą przepaść pomiędzy Moskwą i Pekinem w dostosowaniu do nowoczesnych realiów gospodarki światowej (nie tylko straszny „hołodomor” na Ukrainie, ale przede wszystkim wyniszczenie rynkowo zorientowanej zaradności chłopskiej rodziny, która generuje przedsiębiorczość) [13, roz. IX]. Jeffrey D. Sachs w swojej książce „The End of Poverty: Economic Possibilities of Our Time” chwali się doniosłymi skutkami terapii szokowej, zwłaszcza dla Chin [19], co wydaje się znacznym nadużyciem, gdyż rząd chiński bronił się przed zastosowaniem terapii szokowej, stawiając na umiarkowane budowanie instytucji kapitalistycznych, dostosowanych do lokalnego modelu. Nie wspominając już o ocenach Leszka Balcerowicza [20], który w swoim bilansie transformacji zupełnie pomija nieuzasadnione koszty szokowej transformacji Polski. Podczas gdy od początku transformacji największą porażką jego programu było wdrożenie w życie założenia, że dorobek pokoleń wyniesiony z poprzedniej epoki nie był nic warty,

¹ Max Weber już o tym pisał w: „Klasy, stany, partie” (w: [15]) słusznie uznając szanse życiowe za klasowo uwarunkowane szanse rynkowe, mówiąc prościej – im słabszy rynek, tym słabsza szansa rynkowa i tym ostrzejsze przedziały klasowe, zaś nowoczesne teorie klas, por. [12].

² J. Stieglitz w noblowskiej książce pt. *Wizja sprawiedliwej globalizacji. Propozycje usprawnień* swoje mało optymistyczne refleksje na ten temat zawarł w podrozdziale pt. „Kraje w procesie odchodzenia od komunizmu”.

że można prywatyzować za bezcen i najgorsze, rujnujące państwo transformacyjne założenie, że kapitał nie zna narodowości. Niejednokrotnie bowiem dochodziło do przejmowania przez kapitał międzynarodowych przedsiębiorstw, budowanych przez kilka generacji, za sumę ich jednorocznych przychodów. Korupcja i słabość prawa dopełniała ponurego obrazu transformacyjnego szoku, po którym zostało państwo liberalne, słabe i rozdarte, wysokie bezrobocie oraz peryferyzacja i kolonizacja gospodarki. Wyprzedaż instytucji finansowych i mediów do dziś jest trudna do odrobienia.

Problemy z dominacją korporacji międzynarodowych na obszarach peryferyjnych są pogłębiane przez strukturalne ułomności niektórych państw odziedziczonych po socjalizmie. Któryś z polskich publicystów użył porównania, że o ile Polska wygląda z punktu widzenia obywatela jak basen wypełniony kisiem, w którym każą jej obywatelowi pływać, to już Ukraina wygląda z tego punktu widzenia jak basen wypełniony płynnym i trującym ołowiem. Różnice wynikają wg nas z braku przedsiębiorczości, który wynika ze skutków kolektywizacji w przypadku chłopów zamienionych w robotników rolnych oraz upaństwowieni i ubezwłasnowolnienia robotnika, czy inteligenta w przestrzeni posowieckiej.

Gospodarka transformacyjna i budowanie łańcucha zależności na przykładzie Niemiec i gospodarek krajów środkowoeuropejskich

Przykładem dobrze obrazującym zależności funkcjonalnych postfordyzmu jest relacja Niemiec i Europy Środkowej. Republikę Federalną Niemiec można uznać za państw o ugruntowanej pozycji. Kraj ten dysponuje silnym i konkurencyjnym przemysłem szczególnie w branżach motoryzacyjnej, maszynowej, chemicznej czy farmaceutycznej. Niemieckie koncerny są silnie reprezentowane na wszystkich najważniejszych rynkach świata. Marki niemieckich wyrobów kojarzą się z wysoką jakością, niezawodnością i wysokim poziomem technologicznym, przy czym taki ich wizerunek udało się wykształcić nie tylko w krajach sąsiednich Niemiec, ale także w dużo odleglejszych krajach, jak na przykład w Chinach. Według ankiety zleconej przez agencję Globeone w 2012 roku, 77 % chińskich respondentów z klasy średniej docenia poszczególne niemieckie marki, takie jak BMW, Audi i Mercedes, Siemens, Adidas oraz Bayer, które kojarzą się im z lepszą jakością niż produkty z Chin, Japonii czy USA [21, s. 47]. Takie spozycjonowanie niemieckich produktów na zagranicznych rynkach oferuje liczne korzyści ekonomiczne. RFN notuje w ostatnich latach wyjątkowo dobre wyniki rozwoju wymiany handlowej. Nadwyżka handlowa generowana przez niemieckie przedsiębiorstwa osiąga najwyższą wartość na świecie a eksport jest od lat motorem napędowym niemieckiej gospodarki.

Aby w pełni wyjaśnić znaczenie Europy Środkowej dla gospodarki Niemiec należy cofnąć się do początku XXI wieku, aby nakreślić sytuację, w jakiej znalazła się wówczas gospodarka RFN. Transformacja państw socjalistycznych w kierunku gospodarki rynkowej a potem akces części z nich do Unii Europejskiej zaferowały RFN nowe możliwości zintegrowania ich z łańcuchem dostaw swojej gospodarki. Na początku XXI wieku Niemcy stanęły przed wyzwaniem dostosowania swojej gospodarki do wymagań globalizującej się gospodarki. Nie było to zadanie proste,

gdyż od lat 70. XX wieku państwo niemieckie ewoluowało w kierunku modelu bardziej socjalnego, doprowadzając do zwiększenia kosztów pracy, finansowania dużych grup robotników na rentach i przedwczesnych emeryturach (zgodnie z paradygmatem, że postęp techniczny nie zapewnia wystarczającej ilości miejsc pracy), a także ze skostniałymi i sztywnymi strukturami na rynku pracy. Do tego dochodziła kwestia zjednoczenia Niemiec, w ramach którego doszło do połączenia RFN i NRD w zamian za zaoferowanie robotnikom z nowych landów niemieckich pułapu zasiłków socjalnych takiego jak w starych landach, co w efekcie przesunęło ich na pozycję wiecznie bezrobotnych [22].

Właśnie dla Niemiec, charakteryzujących się problemami gospodarczymi i społecznymi i o obniżonej konkurencyjności handlowej, nazywanych w czołowych magazynach ekonomicznych, takich jak *The Economist*, „chorym człowiekiem Europy”¹, pojawiła się szansa zredefiniowanie swojej pozycji w modelu postfordowskim. Przystąpienie nowych państw z Europy Środkowej do Unii Europejskiej oznaczało, że charakteryzują się one wystarczającym poziomem liberalizacji.

Kraje te miały jeszcze kilka zalet istotnych z punktu widzenia niemieckiego przemysłu: tanich, dobrze wyspecjalizowanych i zmotywowanych pracowników, w tym wielu inżynierów, na których brak cierpiała zmagająca się z coraz większymi problemami demograficznymi gospodarka niemiecka. Poza tym państwa te, funkcjonując w systemie socjalistycznym, zdołały zachować ciągłość tradycji przemysłowej. Po latach 90. XX wieku niemiecki kapitał miał już znaczące wpływy w gospodarkach Europy Środkowej, gdyż udało mu się zdobyć znaczące aktywa na drodze prywatyzacji. Coraz lepsze wyniki gospodarcze tych państw czyniły z nich jednak coraz atrakcyjniejsze rynki zbytu. Dlatego niemieccy politycy nie mieli wątpliwości, że kapitał zainwestowany w Europie Środkowej w ramach polityki spójności Unii Europejskiej będzie de facto inwestycją w lepsze warunki infrastrukturalne dla produkcji fabryk niemieckich koncernów lokowanych w Europie Środkowej. Dodatkowo te inwestycje pozwolą zagwarantować łatwiejszy transport towarów z Niemiec do Europy Wschodniej. Ułatwiło to także niemieckim producentom zdobywanie rynków państw Europy Środkowej, gdyż jak pokazują badania, większości kontraktów z polityki spójności zdobywały firmy niemieckie. Nie było to zaskoczeniem, gdyż znaczna część środków była przeznaczana na inwestycje infrastrukturalne, które generują duży popyt produkty ze zdominowanego przez producentów niemieckich rynku maszyn i narzędzi.

Warto też przyjrzeć się, jakie konsekwencje rosnących powiązań z transformującą się Europą Środkową rodziły się dla samych Niemiec. Otóż groźba przeniesienia miejsc pracy do nowych państw członkowskich Unii Europejskich pozwoliła przemodelować relacje między kapitałem a pracą w samej RFN. Okazało się, że w atmosferze obaw o pracę, pracownicy byli skłonni do ograniczania swoich żądań płacowych a także zgody na reformy uelastyczniające rynek pracy. W ramach programu Agenda 2010 realizowanego w latach 2003–2005 lewicowy rząd Socjaldemo-

¹ The sick man of the euro // *Economist*. – 03.06.1999. – URL: <http://www.economist.com/node/209559> (data dostępu: 12.06.2016).

kratów i Zielonych zgodził się na redukcję przywilejów wprowadzonych w latach 70. XX wieku m. in. ograniczenie wypłaty zasiłków w wysokości niewiele odbiegającej od ostatniej pensji pracownika do okresu jednego roku (po upływie tego okresu otrzymywali zasiłek w wysokości pomocy socjalnej), wprowadzenie elastycznych form zatrudnienia (na wzór polskich umów o pracę zw. „śmieciovkami”) i wprowadzenie większej presji na bezrobotnych ze strony urzędów pracy. Do dziś toczy się w RFN debata, czy kosztem sukcesów ekonomicznych po wprowadzeniu tych reform nie było znaczne zwiększenie rozwarstwienia społeczeństwa i wypchnięcie najgorzej wykształconych pracowników w strefę biedy [23, S. 211–217], czyli de facto usankcjonowanie postfordowskiego podziału społecznego w samych Niemczech.

Jaka jest konsekwencja wprzęgnięcia Europy Środkowej w łańcuch dostaw gospodarki niemieckiej? Bilans korzyści i strat jest niejednoznaczny. Z jednej strony, państwa środkowoeuropejskiej mogą liczyć na napływ niemieckich inwestycji. Wiele powstających w ich wyniku miejsc pracy oferuje wyższe wynagrodzenia niż średnia rynkowa. Pracownicy mogą nabywać nowe umiejętności, biorąc nieraz udział w tworzeniu światowej klasy produktów. Z drugiej strony, napływ inwestycji z RFN podporządkowuje środkowoeuropejskiej państwa potrzebom niemieckiej gospodarki, co może ignorować interesy tych państw lub być wręcz z nimi sprzeczne. Kapitał z Niemiec oczekuje bowiem, że różnice w kosztach pracy będą się utrzymywać – w przeciwnym razie będzie preferował tworzenie miejsc pracy w RFN.

Osobną kwestią pozostaje innowacyjność. Niemieckie przedsiębiorstwa mogą nie być zainteresowane wspieraniem innowacji w państwach, które pełnią rolę ich ważnych poddostawców. Mogłoby to bowiem tworzyć konkurencję dla centrów badawczych w ich macierzystych krajach. W ostatnich latach dużą popularnością cieszy się koncepcja „pułapki średniego dochodu”, zgodnie z którą państwa mogą dosyć łatwo przejść z niskiego do średniego poziomu rozwoju poprzez produkcję konkurencyjnych cenowo dóbr. Prawdziwym wyzwaniem jest jednak przejście ze średniego pułapu do wyższego, co udaje się stosunkowo nielicznym krajom. Taki bowiem postęp wymaga wykształcenia narodowego systemu wspierania innowacyjności, który zapewni państw unikalne technologie, umożliwiające uzyskiwanie wysokiej marży i podnoszenie płac [24]. Można z tego wywnioskować, że osiągnięcie wyższego stopnia innowacyjności nie jest możliwe bez efektywnych instytucji – a więc także efektywnego państwa. W innym przypadku mamy do czynienia z niemitującą imitacyjną strategią, która realizuje dla „dominatora” jeden ze scenariuszy wpisanych w postfordyzm tego typu, czyli jednego z najważniejszych elementów *lean management* stałej redukcji kosztów (SRK) wg Bowmana i Faulknera [9, s. 16–24].

Z perspektywy rozwoju innowacyjności zbyt głęboka zależność Europy Środkowej od Niemiec może nie być rozwiązaniem optymalnym z kilku powodów. Po pierwsze, w sztywnym gorsecie regulacji unijnych państwo może mieć problemy ze stworzeniem ram wspierania perspektywicznych gałęzi gospodarki. Wiele z tych przepisów jest ustanawianych z inicjatywy starych państw UE, które bronią w ten sposób swojej pozycji rynkowej lub tworzą wsparcie dla perspektywicznych z ich punktu

widzenia branż. Przykładem tego może być promowanie we wspólnocie polityki klimatycznej jako sposobu na wsparcie sektora odnawialnych źródeł energii, która zwiększa koszty energii w wykorzystującej w dużej mierze elektrownie konwencjonalne Europie Środkowej. Dodatkowo, w momencie gdy inwestorzy zagraniczni decydują o strukturze handlu zagranicznego, państwo ma niewielkie wpływanie na kierunek rozwoju tej dziedziny. Zagraniczni aktorzy oczekują głównie, że państwo nie będzie przeszkadzać a także dostarczy tani i efektywny kapitał ludzki, podczas gdy państwo chciałoby wykształcić nie tylko sprawnych pracowników, ale też obywateli. Niemieckie przedsiębiorstwa w wielu krajach promują kształcenie zawodowe, koncentracje na umiejętnościach praktycznych kosztem innych dziedzin nauki. Po drugie, znaczące powiązania gospodarcze z Niemcami mogą transmitować do Europy Środkowej problemy, z którymi zмага się niemiecka gospodarka, takie jak: zbyt duże uzależnienie od koniunktury zagranicznej, niskie tempo rozwoju konsumpcji wewnętrznej, zbyt duży udział w gospodarce, takich sektorów jak branża samochodowa i maszynowa oraz nieznaczny udział sektora IT, który stanowi o przyszłości światowej gospodarki. Po trzecie, koncentracja przedsiębiorstw z Europy Środkowej na roli dostawców dla gospodarki niemieckiej może utrudniać im rozwijanie własnych produktów i kreowanie własnych silnych marek, a tylko wybór takiej drogi może pozwolić na wyspecjalizowanie gospodarki w określonej dziedzinie i osiąganie wyższych marż. Pozytywną cechą jest możliwość partycypacji w nowoczesnych sposobach i systemach produkcji oraz uczenia się nowoczesności w sensie procesów postfordystowskich przez aktorów gospodarczych [25, s. 59].

Zakończenie

W pewnych obszarach widać, że elity polityczne w Europie Środkowej zaczynają uświadamiać sobie negatywne skutki modelu postfordystowskiego i próbują postawić pewną tamę dla nieuzasadnionych poczynań i przywilejów kapitału zagranicznego. Na Węgrzech i w Polsce podejmowane są próby ograniczenia udziału kapitału zagranicznego w sektorze finansowym. W Czechach, Słowacji czy na Węgrzech nałożono także ograniczenia na sieci handlowe, zmuszając je do zwiększenia asortymentu lokalnych towarów w sprzedaży. Szczególnie w przypadku przedsiębiorstw z Polski, widoczne są próby wyjścia z modelu rozwoju zależnego i ekspansji na rynkach zagranicznych, w tym krajów o wyższym stopniu rozwoju. Polskie firmy z sektora IT, wydobywczego, petrochemicznego, a nawet spożywczego czy polskie sieci handlowe nieśmiało przejmują konkurentów z państw zachodnich, zaś wysokość ich inwestycji lokowanych za granicą rośnie. Instytucje rządowe podejmują też próby stworzenia nowego modelu instytucjonalnego wsparcia eksportu polskich firm, tak żeby miały one równe szanse rywalizowania z zachodnimi koncernami na rynkach krajów trzecich. Podobne kroki podejmują Węgry i w mniejszym stopniu inne kraje unijne regionu Europy Wschodniej i Centralnej, czyli kraje europejskich peryferii rozwojowych, które państwowy socjalizm zastąpiły adaptacją imi-

tacyjną, która nie była twórcza. Przyniosła im pewien postęp, który nie zadowala jednak ich społeczeństw. Istnieje poczucie niepewności co do przyszłości zaadaptowanego modelu stosunków w szeroko rozumianym obszarze pracy, która „owocuje” jednak bardziej dla sąsiadów, aniżeli dla nich samych. Można stwierdzić, że inne modele adaptacji w europejskich uwarunkowaniach są jeszcze mniej pewne, co dotyczy zwłaszcza posowieckiej przestrzeni gospodarczej i społecznej oraz wdrażanego tam modelu oligarchicznego lub państwowo-oligarchicznej satrapii z dominującą rolą tzw. „siłowników”, czyli aparatu władzy i sektora militarnego.

Lista wykorzystanych źródeł

1. *Lipietz, A.* Idées fausses et questions ouvertes sur l'après-fordisme / A. Lipietz // Lake Arrowhead (conference), 1991.
2. *Marody, M.* Przemiany więzi społecznych / M. Marody, A. Giza-Poleszczuk. – Warszawa : Wydaw. Naukowe Scholar, 2004.
3. *Gardawski, J.* Dialog społeczny w Polsce: teoria, historia, praktyka / J. Gardawski. – Warszawa : Min. Pracy i Polityki Społecznej : Katedra Socjologii Ekonomicznej SGH, 2009. – 455 s.
4. *Tomlinson, J.* Globalisation and Culture / J. Tomlinson. – Chicago : Chicago Univ. Press, 1999. – 248 p.
5. *Staniszki, J.* Państwo postkomunistyczne – w poszukiwaniu paadygmatu / J. Staniszki // Oswajanie wielkiej zmiany / red. I. Krzemiński, J. Raciborski. – Warszawa : IFiS PAN, 2007. – S. 206–227.
6. *Dror, Y.* Zdolność do rządzenia. Raport dla Klubu Rzymskiego / Y. Dror. – Białystok : WSAP, 2006. – 296 s.
7. *Popławski, T.* Specyfika processa transformacji w Centralnej i Wschodniej Europie (s. socjologicznej toczki zrienijskiej) / T. Popławski // Kulturowe i ekonomiczne aspekty transformacji w Europie Środkowo-Wschodniej / red. Z. Tomczonek, T. Popławski. – Białystok : WZ PB, 2005. – S. 11–20.
8. *Popławski, T.* Janusowe oblicza polskiej transformacji. „Dryfowanie” państwa / T. Popławski // Forum Socjologiczne. – 2010. – Nr 1. – S. 135–145.
9. *Faulkner, D.* Strategie konkurencji / D. Faulkner, C. Bowman. – Warszawa : Wydaw. Gebethner & Ska Hall), 1996.
10. *Bourdieu, P.* Reprodukcyjność. Elementy teorii nauczania / P. Bourdieu, J.-C. Passeron. – Warszawa : PWN, 1990.
11. *Berkowitz, E. N.* Marketing // E. N. Berkowitz, A. Kerin, W. Rudelius. – Homewood ; Boston : Irwin, 1989.
12. *Chauval, L.* Les classes moyennes à la derive / L. Chauval. – Paris : Seuil 2006.
13. *Popławski, T.* Peryferyjność i społeczeństwo. Dylematy przełomu w Europie / T. Popławski. – Białystok : Wyd. FEŚiZN, 1997.
14. *Weber, M.* Gospodarka i społeczeństwo / M. Weber. – Warszawa : PWN, 2002.
15. Elementy teorii socjologicznych / red W. Derczyński, A. Jasińska-Kania, J. Szacki. – Warszawa : PWN, 1975.
16. *Schumpeter, J.* Capitalism, Socialism and Democracy / J. Schumpeter. – New York : Harper & Row, 1942.
17. *Wissema, J.* Technostarterzy – dlaczego, jak? / J. Wissema. – Warszawa : PARP, 2005.
18. *Stieglitz, J.* Wizja sprawiedliwej globalizacji. Propozycje usprawnień / J. Stieglitz. – Warszawa : PWN, 2007.
19. *Sachs, J. E.* The End of Poverty: Economic Possibilities of Our Time / J. E. Sachs. – New York : Penguin, 2005.

20. *Balcerowicz, L.* Wolność i rozwój. Ekonomia wolnego rynku / L. Balcerowicz. – Kraków : Znak, 1998.

21. *Popławski, K.* W pogoni za globalizacją. Niemieckie relacje gospodarcze z krajami BRIC / K. Popławski. – Warszawa : Raport OSW : Wyd. Ośrodek Studiów Wschodnich, 2013.

22. *Paque, K.-H.* Die Bilanz: Eine wirtschaftliche Analyse der Deutschen Einheit / K.-H. Paque. – München : Carl Hanser Verlag, 2009. – 310 p.

23. *Fehr, S.* Die Arbeitslosigkeitsfalle vor und nach der Hartz-IV-Reform / S. Fehr, G. Vobruba // WSI Mitteilungen. – 2011. – Nr 5. – S. 211–217.

24. Growth Slowdowns and the Middle-Income Trap / S. Aiyar [et al.] // IMF Working Papers. – 2013. – Nr 13/71 (Washington: International Money Found).

25. *Popławski, K.* Rola Europy Środkowej w gospodarce Niemiec. Konsekwencje polityczne / K. Popławski. – Warszawa : Raport OSW : Wyd. Ośrodek Studiów Wschodnich, 2016.

Прочтена 30.11.2018 г.

УДК 331.5:[338:004]

С. Н. КРОЙТОР,

*кандидат социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: svetlana.kroitor@yandex.by*

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

В статье представлен анализ актуальных процессов, протекающих в сфере труда и занятости в условиях цифровизации общества. Показано, как в сложившихся условиях изменяется устройство экономической системы общества, какие преобразования претерпевают существующие модели бизнеса и трудовые практики индивидов.

Ключевые слова: цифровая экономика, труд, занятость, рынок труда, виртуализация, глобализация.

S. N. KROITOR,

*Candidate of Sociology, Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk,
e-mail: svetlana.kroitor@yandex.by*

SOCIAL ASPECTS OF THE TRANSFORMATION OF WORK AND EMPLOYMENT IN THE CONDITIONS OF THE ECONOMY OF DIGITALIZATION

Analysis of the actual processes taking place in the sphere of work and employment in the conditions of digitalization of a society is presented in the article. It is shown, how the structure of the economic system of a society is changing in the present circumstances, and which transformations of the current business models and working practices of individuals are undergoing.

Keywords: digital economy, work, employment, labor market, virtualization, globalization.

Вряд ли кто-то станет спорить с тем, что мы живем в эпоху формирования глобальных общественных связей. Для обозначения этих процессов принято пользоваться понятием глобализации, которое в самом общем виде описывает процесс растущей открытости и взаимопроникновения обществ, экономик и культур в масштабах всей планеты. Социальные миры, которые до наступления эры цифровизации и распространения Всемирной сети существовали достаточно автономно, сегодня все больше зависят друг от друга. Национальные системы перестают быть замкнутыми, активизируются процессы международной экономической конкуренции, формируется глобальный рынок товаров, труда и капитала.

Специалисты считают, что внедрение Интернета в производственные процессы и последовавшую за этим тесную интеграцию информационно-коммуникационных технологий и промышленного сектора можно рассматривать

как главный фактор формирования новой производственной парадигмы, повлекший за собой новый технологический сдвиг. Это смещение было настолько масштабным, что привело к созданию новой реальности, в которой сложились принципиально новые экономические и социальные уклады. Иначе говоря, под влиянием современных производственных технологий, дополненных новейшими средствами коммуникации и обмена информацией, изменяются не только производственные и экономические системы, но и происходит формирование новых социальных структур и моделей взаимодействия, конструируются новые типы социальных практик: не только трудовых и экономических, но и образовательных, досуговых, коммуникативных и т. д. Иначе говоря, происходящие трансформации радикально меняют все виды социальных отношений, затрагивают глубинные, фундаментальные принципы социальной организации, изменяя сам образ общества и базовые основания человеческого бытия в мире. В чем же суть этих преобразований и каковы их социальные последствия?

Начнем с того, что еще несколько десятилетий назад благополучие отдельно взятого общества обеспечивалось, прежде всего, успешным выполнением его институтами своих функций в масштабах этого общества. Иначе говоря, институты ориентировались, главным образом, на удовлетворение внутренних потребностей социальной системы, и в этом смысле система была достаточно замкнутой (то есть функционально «замыкалась» на самой себе). Это выражалось в том, что система образования готовила специалистов для национального рынка труда, а рынок труда обеспечивал удовлетворение потребностей национальных предприятий в кадровых ресурсах. С развитием и распространением информационных технологий ситуация изменилась кардинальным образом.

Возможность практически мгновенной передачи информации в любую точку земного шара и обострившееся в последние десятилетия межстрановое соперничество за технологическое лидерство в сфере производства – вот ключевые, на наш взгляд, тенденции развития современных экономических рынков. В этих условиях мы сталкиваемся с беспрецедентно быстрым развитием, усложнением и устареванием технологий, что, в свою очередь, приводит к сокращению производственных циклов и необходимости постоянного обновления знаний и информации, создания нового оборудования, обучения работников новым компетенциям, подготовки специалистов по постоянно возникающим новым профессиям и специальностям. Можно сказать, что инновационность, оперативность, эффективность – стержневые принципы функционирования современной экономики.

При формировании национальных стратегий и программ развития сегодня недостаточно мыслить категориями региональной экономики, потому что само понятие региональной экономики, по сути, уходит в прошлое. Настал тот момент в развитии общества, когда для оценки эффективности той или иной национальной экономики недостаточно убедиться в том, что она в состо-

янии обеспечить кадрами собственный внутренний рынок труда. Поскольку современные экономические рынки расширились до глобальных масштабов, сегодня становится недостаточно создавать продукт, представляющий интерес и являющийся инновационным в масштабах отдельно взятой экономической системы. Чтобы претендовать на технологическое лидерство (или, как минимум, не отставать от стран-лидеров), отдельно взятая национальная экономика должна производить такие товары, услуги и специалистов, которые соответствовали бы мировому уровню развития знаний, разработок и технологий.

Итак, на сегодняшний день вопрос успешности экономики тесно связан с понятием международной конкуренции в сфере технологических разработок. Именно уровень научно-технического потенциала и способность продуцировать, осваивать и воплощать в жизнь инновационные идеи и подходы все больше определяют статус той или иной страны в мире.

Теперь вернемся к мысли о том, что цифровой трансформации подвергаются как производственная, так и социальная сферы, включая труд, образование, досуг. Как уже говорилось выше, новейшие технологии, знания и информация становятся важнейшим условием и ресурсом обеспечения экономического благополучия государств, а набирающие обороты процессы виртуализации, информатизации, цифровизации, интеллектуализации и науковизации не только существенным образом изменяют экономические и производственные системы, но полностью перестраивают матрицу социального, создавая новую цифровую реальность. Один из ключевых вопросов сегодня – как будет проходить процесс адаптации людей к новым жизненным реалиям, то есть, проще говоря, как индивид будет жить и работать в цифровую эпоху? Какие адаптационные стратегии он предпочтет использовать и насколько успешными они окажутся в сложившихся условиях? Как изменятся (и уже изменяются) социальные процессы и отношения в контексте формирования нового экономического уклада и перехода в эпоху формирования цифрового общества и IT-государства? Как происходящие изменения отразятся на структуре рынка труда?

Начнем с рассмотрения того, что принципиально нового современные технологические разработки привносят в *сферу экономики*. Во-первых, это интеллектуализация производственного оборудования и вытекающая из этого нарастающая *автоматизация производства*. Кроме того, благодаря развитию Интернета становится возможным *дистанционное управление производственными системами*. Все это вместе означает, что на современном этапе развития экономик появляются реальные возможности для создания автоматизированных производств, где все производственные и частично управленческие функции переданы технологическим приборам и оборудованию (полная автоматизация) либо участие человека в процессе производства ограничено (частичная автоматизация). Полностью автоматизированные производства уже функционируют в ряде стран Европы и США, а в научной литературе уже сложился

термин, которым принято их называть, – «smart factories», что в переводе с английского языка означает «умные фабрики». В нашей стране подобных высокоавтоматизированных производств пока нет. Однако, поскольку процессы автоматизации в белорусских условиях также постепенно набирают силу, то появление заводов, основанных на аналогичных организационных принципах, по всей видимости, лишь вопрос времени. В этой связи нам представляется целесообразным и актуальным рассмотреть перспективные направления изменений, которые произойдут в экономике (и, прежде всего, на рынке трудовых ресурсов) под воздействием цифровизации и автоматизации производственных систем.

Итак, каковы наиболее очевидные последствия автоматизации? Безусловно, она характеризуется рядом бесспорных преимуществ. К ним относится, прежде всего, повышение оперативности и точности выполняемых задач и, следовательно, оптимизация и рост эффективности производственного процесса в целом. Это достигается за счет того, что, во-первых, машина быстрее человека справляется с выполнением стандартизированных операций, во-вторых, автоматизированные системы контроля качества производимой продукции позволяют уменьшить количество бракованного товара. В результате снижаются временные и финансовые затраты на производство, то есть происходит сокращение себестоимости производимой продукции и повышение прибыли. Автоматизация также способствует снижению аварийности производства, так как позволяет заменить человека на рабочих местах, связанных с выполнением монотонных видов труда, требующих постоянной концентрации (диспетчеры, операторы производственных линий, охранники, работающие с камерами слежения, регистраторы и т. д.). Еще одно важное преимущество внедрения автоматизированных систем в производственные процессы заключается в том, что их использование дает возможность освободить человека от тяжелого физического труда, а также заменить его при выполнении некоторых видов деятельности, связанных с работой в неблагоприятных, сложных, экстремальных условиях, сопряженных с риском для жизни и здоровья. К таким видам деятельности относятся, например, тушение пожаров, работа на большой высоте, под водой, в условиях высокого уровня радиации, шума, загрязненности воздуха и т. д. Кроме того, автоматизированные системы имеют большой потенциал применения для решения задач, которые не могут быть выполнены человеком в силу ограниченности живого организма определенными пределами выносливости, силы и т. д. Итак, автоматизация влечет за собой ряд позитивных последствий, которые позволяют повысить эффективность труда и вывести его результативность на качественно новый уровень.

С другой стороны, помимо явных преимуществ, процессы нарастающей автоматизации производств могут обернуться для национальных рынков труда целой серией негативных явлений. Приходится констатировать, что отечественный рынок рабочей силы не станет исключением, поскольку развивается в русле мировых процессов и тенденций. Итак, основной проблемный аспект

автоматизации, по мнению экспертов, заключается в том, что внедрение автоматизированных систем в производственные процессы неизбежно повлечет за собой вымывание с рабочих мест живой рабочей силы. В научной литературе для обозначения этого явления пользуются понятием технологической безработицы, предложенным Дж. Кейнсом еще в 1930-х годах прошлого века.

Специалисты утверждают, что процессы высвобождения рабочей силы в результате ее вытеснения автоматизированными системами в ближайшее время коснутся рабочих мест, предполагающих трудовую деятельность в структурированных, алгоритмизированных и предсказуемых условиях. В первую очередь, к ним относятся сфера физического и низкоквалифицированного труда (промышленного, сельскохозяйственного, ручного – грузчики, комплектовщики, кладовщики и т. д.), сфера обслуживания (точки общественного питания, приготовление еды), сфера транспорта (связано с развитием беспилотного и самоуправляемого транспорта). По мере усиления автоматизации будут также сокращаться рабочие места, связанные со сбором и обработкой данных (юристы, бухгалтера, специалисты по работе с кадрами), под угрозой окажутся позиции менеджеров низшего и среднего звена.

Несложно догадаться, что со временем эта тенденция будет усиливаться, а процессы автоматизации – ускоряться и приобретать более значительные масштабы, способствуя вытеснению все большего числа работников-людей. Кроме того, со временем можно ожидать постепенного проникновения автоматизированных систем во все новые сферы деятельности человека. Дело в том, что в условиях бурного развития науки происходит достаточно быстрое совершенствование искусственного интеллекта. По мнению специалистов, существует большая вероятность того, что в довольно скором времени машины смогут выйти за пределы решения примитивных, монотонных, однообразных, механических операций и смогут заменить человека на тех рабочих позициях, где раньше это казалось немыслимым. Например, согласно предположениям ученых-исследователей, уже через несколько десятков лет автоматизированные системы и роботы будут в состоянии выполнять творческие задачи и полноценно участвовать в коммуникативном процессе. Более того, некоторые страны, лидирующие в области автоматизации и роботизации, уже к настоящему моменту имеют опыт успешного использования роботов для решения сложных и нестандартных задач. Так, например, в системах образования Японии, Южной Кореи и США роботов все чаще используют для замены воспитателей в детских садах, в качестве учителей начальных классов, преподавателей иностранных языков, педагогов для детей, страдающих аутизмом. В медицинских учреждениях роботы выполняют функции сиделок, помощников пациентам, которые не могут передвигаться самостоятельно, регистраторов в больницах и поликлиниках. Органы социальной защиты прибегают к использованию робототехники для организации помощи одиноким пожилым людям в быту. Роботы также находят применение как поводьры для слабовидящих людей.

Теперь вернемся к мысли, высказанной выше: автоматизация и развитие робототехники несут в себе угрозу потери рабочих мест для довольно большого количества работников. Прежде чем размышлять над тем, как минимизировать эти риски, имеет смысл оценить масштабы возможных изменений. Такая оценка – пусть и довольно приблизительная – сегодня возможна, поскольку в мире уже существует достаточно большое количество научных структур и организаций, которые в рамках своей деятельности занимаются разработкой глобальных и региональных прогнозов развития. Если обратиться к публикациям, характеризующим тенденции развития национальных рынков труда, становится очевидно, что вышеописанные риски и угрозы касаются не только экономически развитых стран, которые на данный момент находятся в мировом технологическом авангарде [1; 3–6; 8]. Безусловно, в таких странах, как, например, Япония, Южная Корея, Германия, Сингапур или США, автоматизированные системы и робототехника будут поглощать большие сегменты рынков труда с большей стремительностью – это очевидно, и с этим сложно не согласиться. Вместе с тем и в остальных государствах указанные тренды, по мнению специалистов, будут развиваться достаточно активно и станут заметны уже в ближайшем будущем. Согласно имеющимся данным, речь идет о весьма серьезных масштабах происходящих изменений, которые, на наш взгляд, должны послужить поводом для глубокого анализа ситуации на национальных рынках трудовых ресурсов – в том числе и на рынке труда нашей страны – и стать отправной точкой для выработки оптимизирующих стратегий и соответствующей доработки законодательства уже сейчас.

Чтобы подтвердить обоснованность своих утверждений, обратимся к конкретным показателям. Так, например, глобальный институт МакКинси (McKinsey, США) в 2017 г. опубликовал результаты исследования перспективного влияния автоматизации на рынок профессий. Согласно этим данным, к 2030 г. за счет автоматизации и внедрения робототехники в процессы производства на мировом рынке труда будет ликвидировано около 15 % рабочих мест. В Японии этот показатель достигнет около 26 %, в Германии – 24 %, в Китае – 16 % [7]. По оценкам специалистов, на российском рынке труда примерно 16 % работников могут лишиться своих рабочих мест за аналогичный период, а средний возраст персонала, которого коснутся эти процессы, составит 40–45 лет [2]. И хотя мы не располагаем подобной количественной информацией о перспективах автоматизации отечественного рынка труда, полагаем, что прогноз автоматизации рынка труда соседней России вполне может послужить ориентиром для оценки белорусских реалий, хотя и достаточно приблизительным.

Итак, внедрение ИКТ в производственные системы приведет к частичному вытеснению людей машинами, в результате чего сектор традиционной (формальной) занятости будет постепенно сокращаться. И здесь возникает очень важный вопрос: как и за счет чего найти место в социуме для тех, кого коснутся эти процессы? Готовы ли сами люди приобретать новые навыки и включаться в новые виды деятельности? Каким образом задействовать возможности обра-

зовательных систем (основное и дополнительное образование, системы повышения квалификации) для переобучения персонала, высвободившегося в результате структурных сдвигов на рынке труда? Стоит ли рассчитывать на то, что эти задачи возьмет на себя неформальный образовательный сектор, который значительно гибче и оперативнее реагирует на изменения потребностей потребителей образовательных услуг (по крайней мере, в сегодняшних условиях)? В таком случае, надо обеспечить содействие развитию этого сектора, создать условия для успешного встраивания неформальных образовательных структур и практик в сферу традиционного образования, чтобы они могли дополнить систему формальных учреждений и «закрыть» те ниши, которые на данный момент в официальном образовании «провисают». Возможно, стоит задуматься над возможностью обеспечения государственной поддержки потенциально эффективных альтернативных образовательных проектов и инициатив, а также создания эффективных механизмов привлечения частных инвестиций в сферу образования. Стоит обратить внимание на еще один важный момент: в ближайшее время появятся новые сектора экономики, возможно, виртуальные, – насколько они позволят компенсировать потерю традиционных рабочих мест? На все эти вопросы нам придется ответить уже в ближайшее время, и именно эти направления планируются автором для изучения в рамках дальнейшей работы.

Список использованных источников

1. Атлас новых профессий. Инновационный центр «Сколково» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://atlas100.ru/>. – Дата доступа: 22.10.2018.
2. Будущее рынка труда: после 2020-го [Электронный ресурс] // Инвест-форсайт. Деловой журнал. – 2018. – 27 февр. – Режим доступа: <https://www.if24.ru/rynok-truda-posle-2020/>. – Дата доступа: 22.10.2018.
3. Трубина, А. В. Перспективы развития рынка труда в новых условиях социально-экономического развития региона / А. В. Трубина // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2012. – № 12. – С. 136–138.
4. Botsman, R. What's Mine Is Yours. The Rise of Collaborative Consumption / R. Botsman, R. Rogers. – Harper Business, 2010. – 304 p.
5. The Bloomberg Innovation Index [Electronic resource] / P. Coy [et al.]. – Mode of access: <https://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/>. – Date of access: 08.09.2018.
6. Frey, C. B. The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerisation [Electronic resource] / Carl Benedikt Frey, Michael Osborne // Oxford Martin School. – 2013. – Mode of access: <https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/future-of-employment.pdf>. – Date of access: 13.09.2018.
7. Jobs lost, jobs gained: What the future of work will mean for jobs, skills, and wages [Electronic resource] / J. Manyika [et al.] // Annual report of the McKinsey Global Institute. – December, 2017. – Mode of access: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/jobs-lost-jobs-gained-what-the-future-of-work-will-mean-for-jobs-skills-and-wages/>. – Date of access: 10.09.2018.
8. Consumer Intelligence Series: The Sharing Economy [Electronic resource] // Report of the PricewaterhouseCoopers (PwC). – April, 2015. – Mode of access: <https://www.pwc.com/us/en/technology/publications/assets/pwc-consumer-intelligence-series-the-sharing-economy.pdf>. – Date of access: 21.10.2018.

Поступила 15.10.2018 г.

О. В. ТЕРЕЩЕНКО,

*кандидат социологических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, г. Минск*

ДИСТАНЦИОННАЯ РАБОТА В БЕЛАРУСИ

На данных исследования «Поколения и гендер» (2017) впервые рассмотрены особенности работы на дому (дистанционной работы) взрослого белорусского населения, связанной с использованием информационных технологий, а также с местожительством, образованием, должностью, возрастом, полом и семейным положением респондентов.

Ключевые слова: дистанционная работа, информационные технологии, квалификация, условия жизни.

O. V. TERESCHENKO,

Candidate of Sociology, Associate Professor, Belarusian State University, Minsk

REMOTE WORK IN BELARUS

Based on data of the research “Generations and Gender” (2017) features of work at home (remote work) of the adult Belarusian population connected with information technologies and also with residence, education, position, age, sex and marital status of respondents were first investigated.

Keywords: remote work, information technologies, qualification, living conditions.

В 2017 г. Центром социологических и политических исследований БГУ по заказу Министерства труда и социальной защиты в Беларуси была осуществлена первая волна европейского лонгитюдного исследования «Поколения и гендер» [2]. Одним из первых читателей и рецензентом коллективной монографии «Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение» [1], в которой представлены первые результаты этого исследования, стала Галина Николаевна Соколова. И хотя оно посвящено, главным образом, демографическим проблемам, в нем также затрагиваются различные сферы жизни, в той или иной степени влияющие на принятие демографических решений, в частности, занятость респондентов, включая выполнение всей или части работы на дому, или дистанционную работу.

Работа на предприятии или в организации, выполняемая полностью или частично дома, никогда, даже в периоды полного запрета, не исчезала бесследно. В настоящее время Трудовым кодексом Республики Беларусь предусмотрена возможность дистанционной работы для домашних работников (глава 25) и работников на дому (глава 26), а также для частных предпринимателей (в соответствии с Законом «О предпринимательстве в Республике Беларусь»). Поскольку совмещение работы на предприятиях/в организациях с работой

на дому может осуществляться разнообразными способами, оценить его распространенность и точность такой оценки достаточно сложно.

В исследовании «Поколения и гендер», проведенном в Беларуси в 2017 г., работающим респондентам предлагался вопрос: «Случается ли Вам, как правило, делать какую-то работу дома, включая использование Интернета для работы, проверку электронной почты, телефонные звонки, связанные с работой?» с вариантами ответов «да, два и больше раз в неделю», «да, реже, чем два раза в неделю» и «нет». Работа на дому здесь ограничивается теми ее видами, которые связаны с передачей в том или ином объеме информации. Но поскольку она включает не только информационные технологии (ИТ), но и телефонные звонки, можно предположить, что основные виды работы, выполняемой на дому, представлены достаточно репрезентативно. Для первого из вариантов ответа (два и более раз в неделю) будем в дальнейшем использовать выражение «работает дома регулярно», для второго (реже, чем два раза в неделю) – «иногда» или «периодически».

Из 9996 опрошенных респондентов в возрасте от 18 до 79 лет на момент опроса работали 5788 человек, в том числе работали дома регулярно – 915 человек (15,8 %); работали дома иногда – 640 человек (11,1 %). Таким образом, каждый четвертый работающий с большей или меньшей регулярностью выполняет часть работы или даже всю работу дома.

Так как работа на дому в той или иной степени связана с обменом информацией (Интернетом, электронной почтой), можно предположить, что ее применение зависит от доступности информационно-технологической (ИТ) структуры, а та, в свою очередь, – от *статуса и размера населенного пункта*. Однако оказалось (табл. 1), что только в Минске возможности дистанционной занятости отличаются от населенных пунктов других размеров и статусов, в то время как возможности в крупных городах, включая областные центры, и в сельских населенных пунктах практически одинаковы.

Таблица 1. Работа на дому в зависимости от размера населенного пункта, %

Работа на дому	Размер населенного пункта				В целом
	Минск	Большие города >50 000	Малые города <50 000	Сельские поселения	
Регулярно	19,0	15,2	15,0	14,3	15,8
Иногда	15,5	9,8	10,9	9,4	11,1
Всего	34,5	25,0	25,9	23,7	26,7

Поскольку, за исключением столицы, размер населенного пункта практически не влияет на возможность работы на дому, можно сравнить также *регионы* (за исключением г. Минска), отличающиеся друг от друга поселенческой и экономической структурой. Но и здесь (табл. 2) существенное отличие от других областей обнаружено только для Минской области, «отставание» которой связано, возможно, с тем, что значительная часть областных предпри-

ятий и организаций, сотрудники которых могут работать на дому, функционируют в Минске, являющимся не только столицей, но и областным центром; и их сотрудники, как правило, также живут в Минске. Таким образом, только Минск существенно отличается от других регионов количеством работающих с той или иной регулярностью на дому.

Таблица 2. Работа на дому в зависимости от региона, %

Работа на дому	Регионы (за исключением г. Минска)						Всего
	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Минская область	Могилевская область	
Регулярно	16,4	11,8	16,3	13,6	13,7	18,0	15,0
Иногда	10,1	10,3	10,4	10,4	8	9,6	10,6
Всего	26,5	24,1	26,7	24,0	21,7	27,6	25,6

Большой интерес представляет вопрос о том, зависит ли возможность дистанционной работы от квалификации респондента. В качестве важных факторов, определяющих квалификацию, рассмотрим образование, а также опыт работы, тесным образом связанный с возрастом, в частности, потому, что с советских времен до наших дней занятость является обязательной для жителей Беларуси, за очень редкими исключениями.

Рис. 1 убедительно показывает существенный «скачок» числа регулярно работающих на дому, имеющих *высшее образование* и особенно высокие его уровни (магистратура, аспирантура, докторантура). Необходимо также отметить несколько более высокую дистанционную занятость у респондентов с общим средним образованием по сравнению с теми, у кого оно среднее специальное, дающее специальность, но не стимулирующее его дальнейшего повы-

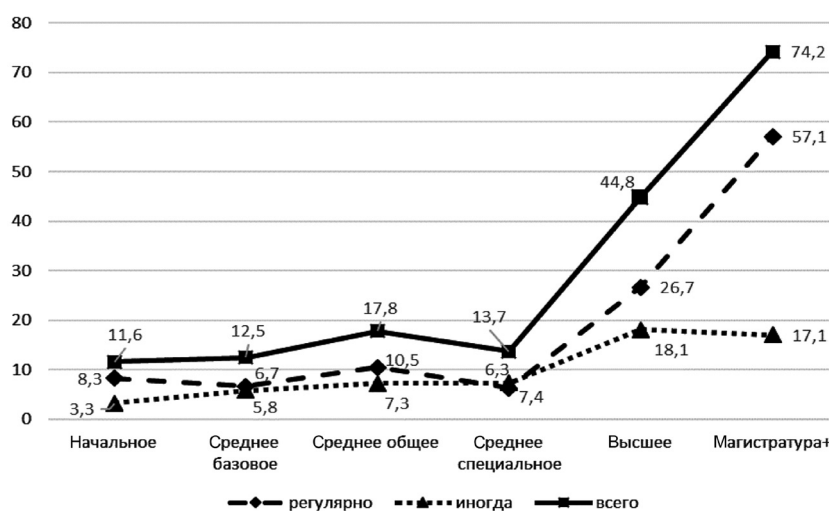

Рис. 1. Работа на дому в зависимости от уровня образования, %

нения. В то же время молодые обладатели общего среднего образования нередко являются студентами вузов и получают знания и навыки, позволяющие уже в студенческие годы выполнять работу дома регулярно. Что касается крайне высокой домашней занятости у имеющих магистерскую или кандидатскую/докторскую степень, то эти результаты нельзя считать абсолютно надежными, так как в выборке исследования было только 27 человек с уровнем образования, превосходящим высшее.

Диаграмма на рис. 2 демонстрирует возрастные изменения, происходящие в численности сотрудников, более или менее регулярно работающих дистанционно. Они заключаются в том, что в группе респондентов, имеющих возраст до 25 лет, регулярно работают дома 15 % респондентов; в группе с возрастом 25–39 лет – 18–20 %; с возрастом 40–49 лет – 15 %; в группе старше 50 лет – 7–11 %. Как обсуждалось выше, в возрасте 18–24 лет значительная часть респондентов продолжает свое образование в высших учебных заведениях, и их квалификация приближается к квалификации респондентов с высшим образованием. Однако то обстоятельство, что возможностью работы на дому они уступают только группе 24–39 лет, требует дополнительного изучения. Что касается работы на дому «реже, чем два раза в неделю», ее распространенность практически не зависит от возраста (рис. 2), а также от образования, как будет показано ниже.

Для респондентов в возрасте 25–74 лет коэффициент корреляции r между высшим образованием и *регулярной* работой на дому равен 0,89 (уровень статистической значимости $\alpha = 0,001$). На рис. 3 можно видеть, что для данного возрастного диапазона вывод об этой тесной связи подтверждается. Для респондентов в возрасте 20–24 лет также можно считать подтвердившимся сделанное выше предположение о том, что в области дистанционной работы это поколение приближается к старшим в процессе получения высшего образо-

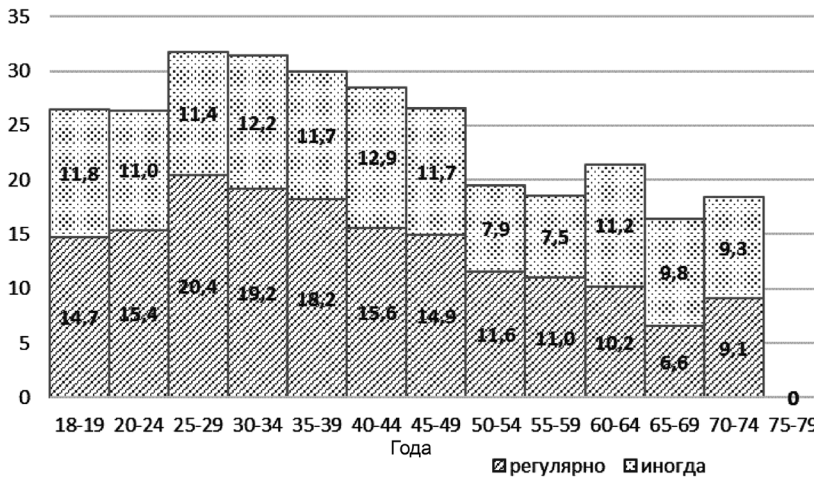

Рис. 2. Регулярная и периодическая работа на дому в зависимости от возраста, %

вания. Однако для 14,7 % респондентов из возрастной группы 18–19 лет, занимающихся работой на дому регулярно, такая высокая дистанционная занятость не может быть объяснена приближением к высшему образованию. Для ее интерпретации можно предложить гипотезу об их достаточно высокой квалификации в сфере информационных технологий, полученной в школе и/или в процессе практически непрерывного времяпрепровождения онлайн, которая требует для дистанционной работы не столько знаний, сколько определенных навыков. Что касается периодической работы на дому, рис. 3 показывает, что ни с возрастом, ни с образованием она практически не связана.

Более полно взаимодействие высшего образования с работой на дому отражено на рис. 4, где по возрастным группам в процентах представлены ре-

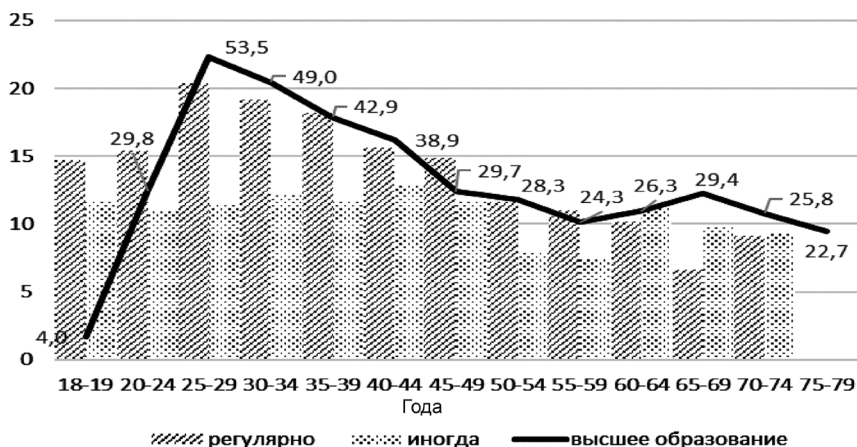

Рис. 3. Регулярная и периодическая работа на дому (% слева) в зависимости от высшего образования

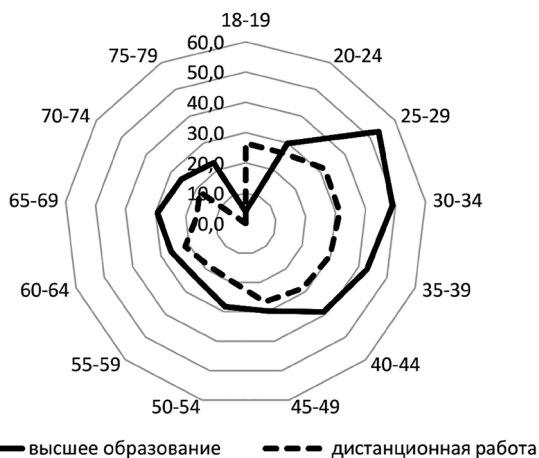

Рис. 4. Соотношение высшего образования и общего объема дистанционной работы (регулярной и периодической)

спонденты, имеющие высшее образование и выполняющие часть работы дома независимо от того, как часто это происходит. У старших поколений, начиная с 45–49-летнего возраста, эти два показателя достаточно близки, в то время как у более молодых поколений они все более расходятся по мере того, как изменялась образовательная система, увеличившая платные наборы в вузы и, соответственно, выпуски с высшим образованием. Однако и для младших поколений, лучше владеющих информационными технологиями, необходимость в сотрудниках, регулярно или периодически работающих на дому, держится на уровне 30 % от имеющих высшее образование, и явно отстает от роста образовательного уровня. Следует, однако, заметить, что работа на дому появилась в значительном объеме также для молодых поколений (включая возраст 18–19 лет), что, вероятно, связано с развитием ИТ и новых видов деятельности (поиск информации, тестирование сайтов и др.).

По данным нашего исследования, наиболее часто регулярной работой на дому занимаются представители таких профессий, как менеджеры, профессионалы, администраторы и специалисты, а также работники сфер услуг и торговли. Результаты, представленные на рис. 5, свидетельствуют о том, что в рамках этих профессий мужчины чаще занимаются работой на дому, чем женщины. Однако в целом мужчины и женщины уделяют практически одинаковое внимание дистанционной работе: регулярно ею занимаются по 15 % как мужчин, так и женщин. Реже, чем два раза в неделю, обычно работают на дому 12,7 % женщин и 9,5 % мужчин.

В связи с этим возникает вопрос, каким образом мужчинам и женщинам, при одинаковой, в среднем, загруженности дистанционной работой, удастся совмещать ее с семейными отношениями и обязанностями. Рис. 6 позволяет сравнить их трудовое поведение в некоторых распространенных жизненных ситуациях. Так, среди мужчин и женщин, состоящих в браке или имеющих

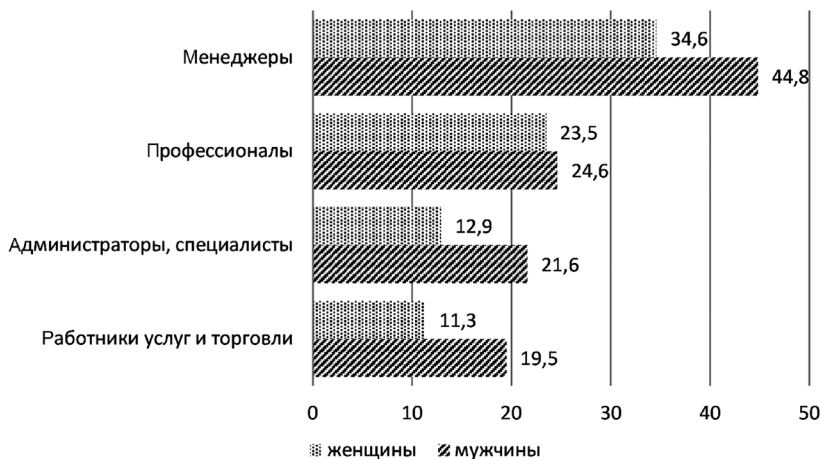

Рис. 5. Профессии, наиболее требующие от своих сотрудников или позволяющие им регулярную работу на дому

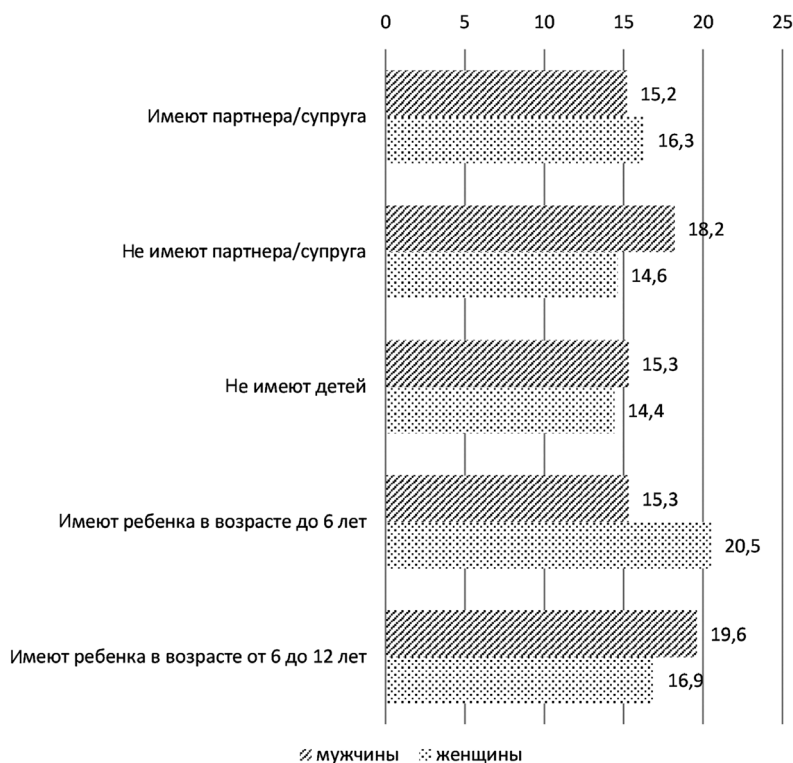

Рис. 6. Социально-демографические характеристики выборочной совокупности

партнера(шу), регулярной работой дома занимаются 15,2 % и 16,3 % соответственно. При отсутствии супруги/партнерши мужчины чаще берут работу на дом (18,2 %), в то время как женщины делают это реже (14,6 %). Ситуации с детьми вносят в отношение к работе на дому большее разнообразие. При отсутствии в семье детей и мужчины, и женщины берут работу на дом не особенно часто (15,3 % и 14,4 % соответственно). Если в семье есть ребенок в возрасте до 6 лет, отношение мужчин к дистанционной работе в целом не изменится (15,3 %), в то время как женщины, вероятно, с целью проводить дома больше времени, предпочитают чаще брать часть работы домой (20,5 %). Ребенок в возрасте от 6 до 14 лет, посещающий школу, создает другую модель дистанционной работы родителей: мужчины берут работу на дом чаще, чем прежде (19,6 %), в то время как женщины стремятся уменьшить ее объем (16,9 %).

Дистанционная работа имеет как преимущества, так и недостатки. С одной стороны, она позволяет лучше планировать свое время и не тратить его, например, на ожидание звонков в офисе. С другой стороны, многие из тех, кто постоянно работает дистанционно, жалуются на то, что не контролируют продолжительность рабочего дня и работают «непрерывно». Тем не менее дисперсионный анализ данных нашего исследования показал, что самая высокая удовлетворенность работой наблюдается у тех, кто регулярно работает

на дому (7,76 по шкале 0–10); несколько ниже у тех, кто делает это периодически (7,5); самая низкая у тех, кто постоянно работает на рабочем месте (7,33). Эти различия между группами статистически значимы ($F = 20,317$; $\alpha < 0,000$). На удовлетворенность жизнью в целом условия работы не влияют (для трех групп это значения 7,67; 7,75; 7,69; $\alpha = 0,614$).

Дистанционная работа в массовом количестве – относительно новое явление для Беларуси. Оно связано, главным образом, с развивающимся проникновением информационных технологий как в рабочие процессы, так и в домашние хозяйства, и представляет интерес для разнообразных исследований.

Список использованных источников

1. Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. – Минск : Белсэнс, 2018. – Т. 2 : Анализ результатов исследования «Поколения и гендер» / отв. ред. О. Терещенко, Т. Кучера. – 189 с.

2. *Терещенко, О. В.* Международная программа «Поколения и гендер» в Беларуси // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2018. – № 2. – С. 76–84.

Поступила 04.11.2018 г.

УДК 316.334.23

И. А. АНДРОС,

*кандидат социологических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, г. Минск, e-mail: androsita@tut.by*

ДОВЕРИЕ КАК КЛЮЧЕВОЙ КОМПОНЕНТ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ¹

В статье представлен теоретико-методологический анализ доверия как ключевого компонента социального взаимодействия. Показано, как с усилением рационализации социальных отношений акцент в изучении доверия смещается с фундаментального уровня (поддержание порядка и стабильности в обществе) на прикладной (механизм социальной интеракции, символический кредит).

Ключевые слова: доверие, общество, социальное взаимодействие.

I. A. ANDRAS,

*Candidate of Sociology, Associate Professor,
Belarusian State University, Minsk, e-mail: androsita@tut.by*

TRUST AS A KEY COMPONENT OF SOCIAL INTERACTION OF ECONOMIC ENTITIES

The article presents theoretical and methodological analysis of trust as a key component of social interaction. It is shown how the emphasis in the study of trust shifts from a fundamental level (maintaining order and stability in society) to an applied level (mechanism of social interaction, symbolic credit) because of increased rationalization of social relations.

Keywords: trust, society, social interaction.

Немецкий социолог Макс Вебер (нем. Max Weber, 1864–1920) первым написал о необходимости наличия в этике капиталистических отношений доверия, вернее, о его выгоде в хозяйственной деятельности. Новые субъекты хозяйствования (предприниматели) должны осознанно руководствоваться вечной истиной о необходимости доверять. Вебер объясняет это тем, что повсюду, где ранний капитализм начинал работу по повышению производительности человеческой деятельности через повышение ее интенсивности (что автоматически сопровождается увеличением капиталов), он сталкивался со скрытым или явным сопротивлением традиционализма как культурного лейтмотива докапиталистической формы хозяйствования. Отсутствие соответствующей

---

¹ Работа выполняется в рамках проекта «Условия функционирования и перспективы развития семейного предпринимательства в Республике Беларусь» при финансовой поддержке БРФФИ (договор № Г18-115 от 30.05.2018 г.).

этики среди новых субъектов рыночных отношений усиливало конфронтацию. В той же «Протестантской этике» М. Вебер, путем изучения конкретной эмпирической информации, указывает на наличие в капитализме определенных элементов культуры. Нормативную сторону характерного капиталистического поведения он связывает с наследием аскетического протестантизма. А именно, религиозная этика способствовала формированию особой хозяйственной этики, предлагая индивиду новое обоснование смысла жизни: поставленный Богом на определенную профессию (предпринимателя) человек должен оправдывать божественное доверие. Благополучие предпринимательского дела служило для окружающих показателем степени сакрального доверия.

М. Вебер рассматривает доверие как основу социального порядка. По его мнению, личностное доверие преобразуется в обезличенное по причине вариативности рационального поведения (рациональное/нерациональное) в различных исторически сложившихся системах общественных ценностей. Благодатной почвой для такого преобразования становится протестантизм с его рациональной организацией труда. Традиционные и аффективные (эмоциональные) социальные действия по причине необремененности анализом имеющихся альтернатив и личным выбором уходят на второй план. «Одним из существенных компонентов “рационализации” поведения, – указывал М. Вебер, – является замена внутреннего следования привычным обычаям планомерной адаптацией к констелляции интересов. Конечно, понятие “рационализации” поведения подобной заменой не исчерпывается. Ибо, помимо этого, “рационализация” поведения может – позитивно – идти в направлении сознательной ценностной рационализации или – негативно – вытеснять не только обычаи, но и аффективное поведение и, наконец, двигаться в направлении чисто целерационального, отвергающего ценностную рациональность поведения» [1, с. 635]. В основе целерационального действия лежит «ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве “условий” или “средств” для достижения своей рационально поставленной цели» [1, с. 628]. Потребность в доверии увеличивается с ростом рационализации человеческих отношений.

Другой немецкий социолог Фердинанд Тённис (нем. Ferdinand Tönnies, 1855–1936) считает, что при определенных общественных условиях доверие из личностной характеристики становится социальным фактором, влияющим на группу, сообщество индивидуумов, общество в целом. «Овеществленное доверие» предполагает наличие в обществе такой системы отношений, которая способствовала бы установлению, а затем поддержанию социальных связей внутри организации. «Доверие в значительной степени овеществляется самим общением, так что часто речь идет вовсе не о личности, а об ее “состоянии”, принимаемом в расчет на том основании, что-де собственные интересы делового человека, который в личностном отношении, может быть, и не достоин большого доверия, заставят его платить по долгам, пока он в состоянии это делать: способность заслуживать доверие исчезает, становясь кре-

дитоспособностью. Последняя, как правило, – атрибут фирмы: она либо надежна, либо считается таковой, независимо от моральных качеств владельца или руководителя, которые – благодаря доверию, вложенному в кредит, – часто продолжают оценивать высоко даже тогда, когда есть веские причины думать иначе. Так, доверие к личностным качествам смешивают с доверием к кредитоспособности личности или фирмы», – отмечал Ф. Тённис [2, с. 220]. Контрактная система отношений базируется на доверии. «Но мало-помалу, – указывал немецкий социолог, – доверие вытесняется и заменяется расчетом, в коем будущее действие считается по объективным основаниям непременным или более или менее вероятным как соответствующее собственным интересам контрагента, будь то в силу оставленного им ценного залога, будь то в силу того, что возможность последующих сделок зависит для него от доказательств его платежеспособности. В таком случае должник – это уже не бедняк, не прислужник по обязанности, а делец, равно как и, наоборот, всякому дельцу свойственно время от времени становиться должником» [3, с. 300–301]. Согласно Тённису, безопасность индивида обеспечивает доверие к регулярному и надежному функционированию трех систем «социального воления» – порядку, праву и морали [2, с. 221–222]. Таким образом, Ф. Тённис выделил два вида доверия в обществе: 1) институциональное, сформированное в рамках экономической взаимозависимости и профессионализации; 2) межличностное, которое возникает благодаря социальному порядку. В современном обществе сотрудничество основано в большей степени на безличном доверии, в том числе в предпринимательской среде (контракты, договора).

Французский социолог Эмиль Дюркгейм (фр. *Émile Durkheim*, 1858–1917) также рассматривает доверие как предпосылку социального порядка и стабильности. Благодаря общим нормам и ценностям, позволяющим сделать социальное поведение предсказуемым, социальные отношения становятся более прочными и стабильными. По мнению Дюркгейма, общество не может строиться на контактах до тех пор, пока между индивидами не возникнет доверия в отношении контрактов, иначе преимущество всегда будет на стороне людей, которые обманывают. Договорное общество может существовать только на основе «преддоговорной солидарности» [4, с. 208]. Люди соединяются договором потому, что нуждаются друг в друге. Для гармонической кооперации недостаточно взаимной зависимости. Необходимо, чтобы условия этой кооперации были определены на все время отношений. «Нужно, чтобы права и обязанности каждого были определены не только с учетом ситуации, как она представляется в момент заключения договора, но и с учетом обстоятельств, которые могут случиться и изменить ее. Иначе в любой момент могли бы возникнуть новые конфликты и разногласия», – указывал Дюркгейм [5, с. 220]. Не стоит забывать, что хотя разделение труда, то есть специализация, и делает интересы солидарными, но «оно сохраняет их отдельными и соперничающими» [5, с. 220]. В результате каждый из участников договора, находясь во взаимной зависимости, стремится получить с наименьшими издержками

то, что ему нужно, то есть «приобрести как можно больше прав в обмен на возможно меньшее количество обязанностей» [5, с. 220–221]. Изучая доверие в рамках социальных сетей, Дюркгейм обратил внимание на значимость неродственных связей для успешной профессиональной деятельности в современном обществе.

Поскольку предприниматель в своей деятельности сталкивается с различного рода рисками, то логично рассматривать социальное доверие как средство минимизации этих рисков. Английский социолог Энтони Гидденс (Anthony Giddens, род. 1938) считает, что риск – это результат модернизации, который усиливается глобализацией. Будучи противоречивым процессом, глобализация порождает солидарность в одних социальных системах и разрушает их в других. В ситуации с глобальным бизнесом идея глобализации является идеологическим понятием, ориентированным на будущее в развитии стран. В то же время в условиях глобализации индивид окружен рисками, производимыми от технологических и социальных систем. Согласно Гидденсу, «современность есть культура риска. Этим я не хочу сказать, что социальная жизнь по своей сути более опасна, чем прежде; для большинства людей это не так. Понятие риска имеет фундаментальное значение для способа организации социального мира как непрофессиональными акторами, так и техническими специалистами. Современность снижает общую рискованность определенных сфер и форм жизни, однако в то же время привносит новые параметры риска, которые были прежним эпохам в основном или совершенно неизвестны» [6, р. 3–4]. Риски, выходящие из-под контроля больших организаций и государств, несут угрозу «онтологической безопасности человека», которая понимается как «конфиденциальность или доверие, которые являют собой природные и социальные миры, включая базовые экзистенциальные параметры самости и социальной идентичности» [7, с. 499]. Доверие позволяет стабилизировать политическую, социально-экономическую и повседневную жизнь, так как создает атмосферу честности и надежности. Минимизация угрозы бытию на индивидуальном и социально-коллективном уровнях позволяет удовлетворить базовую потребность человека в безопасности.

Немецкий социолог Никлас Луман (нем. Niklas Luhmann, 1927–1998), изучая доверие как один из механизмов минимизации рисков, приходит к выводу, что механизм доверия решает проблему, возникающую при недостатке информации для принятия необходимого решения [8, с. 114–124]. Доверие выступает неким базисом для вступления во взаимодействие, если информация о намерениях партнера является недостаточной. Н. Луман доверие характеризует ожиданием социального субъекта по отношению к другому социальному субъекту, что тот не воспользуется своей свободой ему в ущерб [9]. Поэтому доверие в некотором роде слепо. Субъекты вынуждены вступать во взаимодействие чаще с людьми, которым скорее не доверяют, чем доверяют. «На риск идут, если предусмотрели все случайности, например, когда располагают санкциями или надежно застрахованы от ущерба», – подчеркивает иссле-

дователь [10, с. 182]. Для избегания неудач используется рациональность. Луман разделяет доверие и уверенность. Оба понятия вытекают из отличительных особенностей между риском и опасностью: риск – это прерогатива социального актора, а опасность относится к внешней среде. В современных обществах отношения, основанные на доверии, замещаются «системным доверием», которое основано на системном знании. «Системное доверие» – это уверенность в совокупности социальных институтов. Согласно Луману, различие между доверием и уверенностью заключается в несходстве доверия к людям и уверенности в институтах.

Американский социолог Адам Селигмен (Adam Seligman) в работе «Проблема доверия» определяет проблему современного общества в непрекращающейся потере людьми умения согласовывать и самостоятельно выстраивать правила игры. Уровень доверия снижается вследствие развития ролевой сегментации. Такая тенденция приводит к созданию все больше таких сфер взаимодействия, которые определяются исключительно системными ограничениями, противоположными по сути своей доверию. На этом основании Селигмен считает, что в современном обществе происходит утрата или существенная трансформация доверия как механизма социальной интеракции. Одновременно риск превращается в необходимую часть ролевых ожиданий индивидов по причине трансформации социальных ролей и возникновения ролевой сегментации, определяющих формат возможностей регулировать ролевое поведение. В конечном счете, личное доверие преобразуется в институциональное, которое в свою очередь задает рамки для воспроизводства личного доверия [11]. Доверие, по Селигмену, это «нечто такое, что входит в социальные отношения, когда имеется возможность отклонения от ролей, то, в чем, возможно, может быть названо “открытыми пространствами” ролей и ролевых ожиданий» [11, с. 129].

Для представителя теории рационального выбора Джеймса Коулмена (James Coleman, 1926–1995) доверие является рациональной деятельностью, во время которой социальный субъект максимизирует полезность, сознательно отказываясь от контролирующей функции над ресурсом в пользу другого социального субъекта. В процессе доверия всегда присутствуют две типовые роли: *trustor* – кто доверяет, и *trustee* – кому доверяют. Первая часть взаимодействия происходит, когда *trustor* оказывает доверие *trustee*, делегируя ему определенные полномочия. Во время второй части взаимодействия тот, кому доверяют, принимает на себя ответственность за выполнение возложенных на него обязательств, чтобы оправдать полученное ранее доверие. От взаимодействия, функционирующего на базе рационального доверия, выигрывают обе стороны. Коулмен считает, что при принятии решений риски социальных субъектов объединяются и трансформируются в «отношения доверия». Но если доверие является неотъемлемым компонентом любого сотрудничества, то как особый тип поведения оно проявляется в чрезвычайных ситуациях [12].

Представитель сетевого подхода в экономической социологии Марк Грановеттер (Mark Granovetter, род. 1943) полагает, что персональное доверие

увеличивает полнота информации и социальные отношения в сетях, которые накладываются на экономические отношения. Нарушение моральных норм, сложившихся в сетях персональных отношений, становится общеизвестным благодаря выстроенным личным контактам и стремительному распространению информации о социальном поведении. Выступая источником информации и доверия, социальные сети могут продуцировать кооперацию и лояльность. «В концепции укорененности... подчеркивается роль конкретных межличностных отношений и их структур (или “сетей”) при производстве доверия и сдерживании мошенничества. Не секрет, что люди предпочитают иметь дело с индивидами, чья репутация им известна. Это подразумевает, что немногие готовы положиться на действие обобщенной морали или институциональных образований как защиту против бесчестности», – отмечает американский социолог [13, с. 52]. В то же время взаимодействие в сетях персональных отношений может и ограничивать возможности индивидов. Например, при трудоустройстве по личным связям работник может быть ограничен в доступе к определенным рабочим местам. Резюмируя сущность укорененности (англ. *embeddedness*) экономики в социальную структуру, Грановеттер пишет: «В своем анализе конкретных моделей социальных отношений при изучении проблемы доверия и порядка в экономической жизни концепция укорененности оказывается примерно посередине между пересоциализованным подходом, предполагающим существование обобщенной морали, и недосоциализованным подходом, указывающим на безликие, институциональные образования. В отличие от обеих альтернатив (а также и от гоббсовской позиции) здесь не делаются предсказания обобщающего (и, значит, малоправдоподобного) характера относительно универсального порядка или беспорядка. Просто данная концепция исходит из того, что интересующие нас явления будут определяться конкретными характеристиками социальной структуры» [13, с. 55]. В условиях социально-экономической трансформации роль сетей усиливается в разы в силу высокой степени неопределенности в социальных структурах.

На основании изложенного выше можно сделать вывод, что исследование темы доверия, которое сегодня ассоциируется с предпринимательской деятельностью и конкретно с личностью предпринимателя, изначально носило фундаментальный характер (поддержание порядка и стабильности в обществе) и лишь затем прикладной (механизм социальной интеракции, символический кредит). Веберовский анализ доверия показал, как сакральное доверие – в религиозных, по преимуществу, протестантских сектах, – постепенно вышло за пределы общества замкнутых групп людей. В результате последующей интернационализации капиталистического производства доверие несакрального характера стало основным показателем успешности в выстраивании деловых отношений. Сегодня тема доверия становится не просто востребованной, но даже популярной. «Кредит доверия», «доверие авансом», «экономическое доверие», «экспертная опытность», «компетентность» – это далеко не полный

перечень понятий, в той или иной мере связанных с темой доверия в социологических, психологических, педагогических, философских, экономических дисциплинах. В целом эти понятия обобщают мнение о деловом человеке, фирме, корпорации и формируют репутацию. Сущность современного феномена доверия состоит уже не столько в ценностно-нормативной близости индивидуальных сознаний хозяйствующих субъектов, сколько в их обоюдном стремлении уменьшить транзакционные издержки взаимодействия за счет снижения организационно-технических, финансовых и временных затрат на обеспечение безопасного партнерства.

Список использованных источников

1. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
2. Теоретическая социология : антология : в 2 ч. / сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. – М. : Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 1. – 424 с.
3. Тённис, Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Ф. Тённис. – СПб. : Владимир Даль, 2002. – 452 с.
4. Коллинз, Р. Четыре социологических традиции / Р. Коллинз. – М. : Изд. дом «Территория будущего», 2009. – 320 с.
5. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М. : Канон, 1996. – 432 с.
6. Giddens, E. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Modern Age / E. Giddens. – Cambridge : Polity Press, 1991. – 264 p.
7. Гидденс, Э. Устроение общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – 2-е изд. – М. : Акад. Проект, 2005. – 528 с.
8. Луман, Н. Что такое коммуникация? / Н. Луман // Социол. журн. – 1995. – № 3. – С. 114–124.
9. Луман, Н. Власть / Н. Луман. – М. : Праксис, 2001. – 256 с.
10. Луман, Н. Социальные системы: очерк общей теории : пер. с нем. / Н. Луман. – СПб. : Наука, 2007. – 644 с.
11. Селигмен, А. Проблема доверия / А. Селигмен. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 254 с.
12. Coleman, J. Foundations of Social Theory / J. Coleman. – Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press, 1990. – 993 p.
13. Грановеттер, М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности / М. Грановеттер // Экон. социология. – 2002. – Т. 3, № 3. – С. 44–58.

Поступила 15.10.2018 г.

П. В. КУТУЕВ,

*доктор социологических наук, Национальный технический университет Украины
«Киевский политехнический институт» имени И. Сикорского, Киев, Украина*

С. В. КОСТЮКЕВИЧ,

*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ПОДГОТОВКА ИНЖЕНЕРА-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ КАК АКТУАЛЬНАЯ ЗАДАЧА ДЛЯ БЫВШИХ СОВЕТСКИХ СТРАН¹

В статье аргументируется, с учетом международного опыта и результатов социологического опроса студентов технических вузов, в частности, Украины и Беларуси, что есть высокая потребность в подготовке инженера-предпринимателя в бывших советских странах, поскольку данная социальная фигура является одной из ключевых в коммерциализации технического творчества – глобального тренда, запущенного в западных странах в ходе развития промышленного капитализма и обоснованного в концепции инновационной экономики Й. Шумпетера.

Ключевые слова: интеграция инженерного образования и бизнес-образования, инженер-предприниматель, коммерциализация технического творчества, инновационная экономика.

P. V. KUTUEV,

*Doctor of Sociological Sciences, National Technical University of Ukraine,
“Kiev Polytechnic Institute” named after I. Sikorsky, Kiev, Ukraine*

S. V. KOSTJUKEVICH,

*Candidate of Sociology,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk*

TRAINING OF ENGINEER-ENTREPRENEUR AS A CHALLENGE FOR THE FORMER SOVIET COUNTRIES

Taking into account the relevant international experience, the article argues that there is a high need for training an engineer-entrepreneur in the former Soviet countries, since this is a key social figure in the commercialization of technical creativity – a global trend launched in Western countries during the development of industrial capitalism and grounded in the concept of innovative economy by a famous Austrian-American economist, J. Schumpeter.

Keywords: integration of engineering education and business education, engineer-entrepreneur, commercialization of technical creativity, innovative economy.

---

¹ Публикация содержит результаты международного социологического исследования «Интеграция инженерного образования и бизнес-образования в технических университетах Украины и Беларуси как фактор развития национальных экономик», проведенного при грантовой поддержке Государственного фонда фундаментальных исследований Украины (ГФФИУ) (Ф73/24456) и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ) (Г16К-038).

В Советском Союзе инженеров не обучали предпринимательским знаниям и навыкам и не готовили к карьере бизнесмена. Более того, карьера промышленника-бизнесмена в советской стране была исключена. Яркое свидетельство этому – судьба выдающегося горного инженера П. И. Пальчинского (1875–1929), который стал успешным предпринимателем в царской России. Пальчинский одним из первых осознал важность и полезность экономического образования для тех инженеров, которые стремились построить собственный бизнес. Как пишет С. Шаттенберг, «он публично высказывал свое мнение по вопросам русского инженерного образования и в 1907 г. одним из первых потребовал ввести экономику в качестве обязательного предмета во всех технических институтах» [1]. В 1929 г. П. И. Пальчинский (этот русский Генри Форд и Илон Маск) был расстрелян за антисоветскую деятельность.

Традиционно в советских инженерных вузах готовили инженера-исследователя и инженера-производственника. Первый был необходим для технического творчества, поддерживающего, главным образом, развитие военно-технических вооружений. Второй – для обеспечения плановых показателей промышленного производства¹. Такая социальная фигура, как инженер-предприниматель, возникшая в обществах западного типа и задействованная в коммерциализации технического творчества и, тем самым, в создании экономического богатства, не была востребована в Советском Союзе, промышленное развитие которого проходило в разрыве с буржуазным развитием.

Советский Союз не рассматривал экономическое богатство и экономическое лидерство как факторы геополитического лидерства, сосредоточившись только на военно-техническом превосходстве. Отсюда главной задачей советских технических вузов была подготовка инженеров как разработчиков и исследователей. Приведем авторитетное мнение академика И. Б. Федорова, президента МГТУ имени Н. Баумана: «...когда мы говорим о нашей российской инженерной школе, то в первую очередь подразумеваем подготовку инженеров-конструкторов, инженеров-разработчиков...» [2]. В соответствии с этим советские инженерные вузы давали хорошую научную подготовку студентам.

Кстати, хорошая научная подготовка инженерных студентов, доставшаяся в наследство от советского прошлого, может быть использована не только для военного, но и для экономического лидерства, поскольку в современной экономике инженеры-исследователи (разработчики) создают инновационные продукты и технологии для коммерциализации.

Коммерциализация технического творчества стала характерным признаком во многих странах, и она является логическим следствием того, что экономика современных стран наследует духу капитализма как оформившегося симбиоза научно-технической цивилизации и буржуазного социального строя (когда капиталист использует для получения прибылей научно-технические разработки).

¹ В СССР экономическая функция инженера-управленца сводилась не к получению прибыли, а к обеспечению планового показателя по объему производства.

Одним из удачных вариантов коммерциализации технического творчества является интеграция инженерного образования и бизнес-образования в технических университетах, когда инженер, благодаря дополнительному бизнес-образованию, подготовлен к тому, чтобы создать собственный бизнес и коммерциализировать, тем самым, инженерную идею.

Во времена индустриализации в Европе инженер, ставший промышленником-предпринимателем, был нередким явлением. История Европы и США дает немало таких примеров, когда инженеры построили успешный бизнес в производственной сфере, тем самым став инженерами-предпринимателями. Вспомним знаменитого Джеймса Уатта, который усовершенствовал паровую машину, что, как считается, положило начало Промышленной революции в Англии. Дж. Уатт совместно с М. Болтоном создали компанию «Boulton and Watt», которая была успешным коммерческим предприятием. Или не менее знаменитого Генри Форда. Вспомним также широко известного промышленника-бизнесмена Андре Ситроена, который получил инженерное образование в знаменитой парижской *École Polytechnique*¹. И не менее известного Вернера фон Сименса, также инженера и также успешного предпринимателя. Сегодня очень популярной фигурой комбинации инженера и бизнесмена является Илон Маск. Конечно, перечисленные выше и другие существующие примеры не дают оснований утверждать, что все инженеры могут быть успешными предпринимателями. Однако определенная часть инженеров может построить эффективный производственный бизнес, поэтому в дополнение к инженерному образованию им необходимы знания, которые дает бизнес-образование.

Нуриэль Рубини, известный американский экономист, считает, что «не все способны стать инноваторами или предпринимателями, но нужно определенно стремиться к увеличению их количества» [3].

В современных западных странах бизнес-образование интегрировано в структуру инженерного образования: в рамках инженерных вузов студентам предлагаются курсы по предпринимательству, а также представители бизнес-сообщества активно вовлечены в процессы преподавания и исследования. Подобный факт детерминирован тем, что в западных странах возникла и поддерживается идея, что инженеры создают богатство. Эта идея лежит в основе инновационной экономики и сводится к тому, что инженеров нужно обучать предпринимательству.

Инженеры-предприниматели рассматриваются в качестве одной из ключевых фигур, поддерживающих запущенный с приходом промышленного капитализма тренд коммерциализации технического творчества: когда научно-технические разработки используются для создания производственного бизнеса и получения прибылей. Неудивительно поэтому, что ирландская академия инженерии в своем докладе формулирует главную цель инженерных вузов следующим образом: «Инженерные школы должны брать ответствен-

¹ *École Polytechnique* – знаменитая высшая политехническая школа для подготовки инженеров, основанная французскими учеными Гаспаром Монжем и Лазаром Карно в 1794 г.

ность за подготовку выпускников, которые будут создавать богатство (wealth). Они должны это делать через создание и включение учебных модулей по предпринимательству и в студенческий учебный план, и в учебный план тех, кто готовится защищать диссертацию (PhD), а также через проекты, в которых участвуют студенты и которые связаны с индустрией» [4]. Как видим, в западной традиции экономика и инженерия очень тесно связаны.

В докладе ирландской академии инженерии утверждается, что «академия считает, что нет альтернативы росту, основанному на индустриальных предприятиях, и что это может быть лучше всего достигнуто через инновационные и продвинутое технологии» [4]. Это, в принципе, общее для западных стран убеждение основано на работах австрийского экономиста Й. Шумпетера и подкреплено историей промышленного развития в Европе, которая показала пример индустриализации, основанной на заинтересованности капиталиста-предпринимателя в научно-техническом развитии для получения прибыли: «...это то, что Йозеф Шумпетер называл “созидательным разрушением” и считал основой динамичного развития капитализма – предприниматели вкладывают деньги в технические новшества, которые ведут к созданию новых и разрушению старых отраслей» [5, с. 140].

Подобный подход (а именно: ставка на промышленное производство, основанное на научно-технических разработках) был оформлен в идею инновационной экономики, суть которой в том, что научно-техническое развитие поддерживается не только правителями, заинтересованными в продвинутых военных технологиях, но и бизнесменами, заинтересованными в коммерциализации технического творчества для получения прибылей.

Коммерциализация технического творчества, тренд, запущенный европейским промышленным капитализмом, и фигура инженера-предпринимателя, органичная для западного мира, поддерживают в западной рыночной экономике развитие технологического прогресса и экономического богатства – это две вещи, ключевые для капиталистической системы, которая сделала технологический прогресс в рамках промышленного производства условием экономического богатства.

Итак, если правители поддерживают технологический прогресс для геополитического лидерства, то бизнесмены-промышленники поддерживают технологический прогресс для экономического богатства. Тем самым, суть инновационной экономики – служить поддержанию экономического богатства через научно-технологический прогресс. Это очень характерно для западных стран с их сильным буржуазным менталитетом. В связи с этим в рамках инновационной экономики актуальным вопросом признается необходимость обучения студентов-инженеров предпринимательским знаниям и навыкам через дополнительное бизнес-образование в техническом вузе с целью подготовки инженера-предпринимателя. Подобное уже практикуется не только в Ирландии, но и в западных инженерных школах повсеместно: «Например, инженерная школа в Stanford University в США требует, чтобы ее инженерные студенты

слушали курс по предпринимательству, эта школа учредила программы стажировки в компаниях по всему миру. Сходным образом, в the University of Toronto и в большинстве канадских университетов предпринимательская подготовка является ключевым предметом в учебном плане во всех университетских дисциплинах» [4].

С учетом международного опыта можно заключить, что в постсоветских странах обучение инженеров предпринимательским знаниям и навыкам может быть рассмотрено как условие запуска в этих странах ставшего уже глобальным тренда коммерциализации технического творчества.

Экономический опыт СССР показал практику строительства некапиталистической экономики, в которой экономическая функция в промышленном секторе в ситуации отсутствия социальной группы предпринимателей была возложена на инженеров. Однако если в период сталинской индустриализации отсутствие сословия предпринимателей (бизнесменов) не помешало успешно завершить индустриализацию, то в поздний период существования СССР отсутствие в промышленном секторе предпринимательской культуры и носителей этой культуры привело к отставанию в технологической конкурентоспособности и экономической эффективности производства.

«Попытки реформировать в период 1970–1980-х гг. советскую промышленность под лозунгами самофинансирования и самокупаемости сопровождалась одновременным стремлением сохранить тотальный контроль за экономической деятельностью, тем самым демонстрируя приверженность идеологии этатизма без комбинации с идеологией либерализма. Между тем сравнительный анализ индустриального развития СССР с таковым в Европе показывает, что индустриальное развитие может создавать сильную экономику и устойчивое технологическое лидерство, если в государственной политике придерживаться комбинации государственного контроля и свободного рынка и конкуренции. Данная модель предполагает использование частного промышленного предпринимательства и, соответственно, подготовку такой социальной фигуры, как инженер-предприниматель, для которого, как показывает опыт западных стран, целесообразно интегрировать инженерное образование и бизнес-образование в технических вузах», – отмечают белорусские исследователи» [6, с. 8].

На основе анализа данных социологического исследования, проведенного в рамках международного научно-исследовательского проекта БРФФИ–ГФФИУ по теме: «Интеграция инженерного образования и бизнес-образования в технических университетах Украины и Беларуси как фактор развития национальных экономик», выявлена высокая мотивация и готовность инженерных студентов НТУУ «КПИ»¹ (Киев, Украина) и БНТУ² (Минск, Беларусь) заниматься промышленным предпринимательством:

¹ Национальный технический университет Украины «Киевский политехнический институт» имени И. Сикорского.

² Белорусский национальный технический университет.

- 1) предприимчивость является привлекательным качеством личности в глазах подавляющего большинства опрошенных студентов;
- 2) в их среде примерно 3 человека из четырех хотят заниматься бизнесом;
- 3) примерно четверть студентов однозначно и уверенно заявили, что они хотят обучаться предпринимательству в своем вузе.

Исходя из высокой готовности и мотивации опрошенных студентов можно сказать, что техническое студенчество бывших советских стран может быть социальной базой перехода к рыночной инновационной экономике, если провести интеграцию инженерного образования и бизнес-образования в технических университетах для подготовки инженера-предпринимателя (подобная интеграция уже существует в западных странах). Однако было обнаружено следующее: во-первых, несмотря на высокую мотивацию инженерных студентов заниматься промышленным предпринимательством, сдерживающим фактором открытия собственного бизнеса может быть отсутствие финансового капитала (дешевых денег для развития малого и среднего бизнеса). Во-вторых, в ходе исследования было обнаружено, и это следует учитывать, что высокая заинтересованность четверти опрошенных студентов обучаться предпринимательству в своем вузе (ответ «да, конечно») должна быть поддержана не только вузовскими преподавателями, но и практиками-бизнесменами. В-третьих, обеспечение правовой защиты интеллектуальной собственности (в частности, инженерных технологий) в бывших советских странах будет являться фактором, способствующим экономической активности в сфере промышленного предпринимательства.

Список использованных источников

1. Шаттенберг, С. Инженеры Сталина. Жизнь между техникой и террором в 1930-е годы / С. Шаттенберг ; [пер. с нем. В. А. Брун-Цехового, Л. Ю. Панфиной]. – М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 478 с.
2. Инженерное образование сегодня: проблемы и тенденции : [интервью президента МГТУ им. Н. Э. Баумана, академика РАН И. Б. Федорова главному редактору журнала «Alma mater» («Вестник высшей школы») Л. Г. Тюриной. [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.almavest.ru/ru/favorite/2012/04/26/299/>. – Дата доступа: 28.02.2018.
3. «Возможно, детям нужно становиться предпринимателями со школы». Нуриэль Рубини об образовании будущего [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://probusiness.io/ideas/4313-vozmozhno-detyam-nuzhno-stanovitsya-predprinimateljami-so-shkoly-nuriel-rubini-ob-obrazovanii-budushchego.html>. – Дата доступа: 28.02.2018.
4. Engineering Research in Irish Economic Development [Electronic resource] / Irish Academy of Engineering. – December 2010. – Mode of access: <http://iae.ie/publications/engineering-research-economic-development-engineering-research-in-irish-economic-development-dec-3-2010/>. – Date of access: 28.02.2018.
5. Есть ли будущее у капитализма? : сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна : пер. с англ. / под ред. Г. Дерлугьяна. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. – 320 с.
6. Костюкевич, С. В. Подготовка инженера-предпринимателя: предпосылки, факторы, перспективы / С. В. Костюкевич, И. А. Андрос, О. В. Кобяк. – Минск : РИВШ, 2018.

Поступила 17.09.2018 г.

M. BĂLAN,

*Doctor of Mathematical Sciences and Economics, Univ. Professor,
SR I Institute for Economic Forecasting-NIER, Romanian Academy,
Bucharest, e-mail: dr.mariana.balan@gmail.com*

COMPARATIVE ANALYSES ON YOUTHS' EMPLOYMENT AND UNEMPLOYMENT IN ROMANIA'S REGIONS OF DEVELOPMENT

In the current conjuncture the youths are faced with the emergence of uncertainty feelings regarding their own chances to have a “promising” debut on the labour market. The world crisis, the social reality with which all societies are faced brought again to the forefront the idea of the youths' vulnerability in the labour market. Youths on the labour market have particularities and specificities delimitating them from all other vulnerable groups present on the labour market. The 4 002 035 youths with ages between 15 and 29 years of age from Romania (on 1 January 2017) represent an enormous resource for the society. Romania, as the majority of the Member-States is faced with increasing higher challenges in the absorption and integration of youths in education systems and on the labour force market. The present paper presents a brief comparative analysis of the developments on the youths' labour market from Romania and other member-states in the post-crisis period. Highlighting regional disparities of the youths' labour market was realised by applying some descriptive statistic techniques.

Keywords: regions of development, regional disparities, youths' unemployment rate, youths' employment rate, NEET rate.

М. БАЛАН,

*доктор математических наук и экономики, профессор,
Институт экономического прогнозирования, Академия наук Румынии,
Бухарест, e-mail: dr.mariana.balan@gmail.com*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОЛОДЕЖНОЙ ЗАНЯТОСТИ И БЕЗРАБОТИЦЫ В РЕГИОНАХ РАЗВИТИЯ РУМЫНИИ

В нынешней конъюнктуре молодые люди сталкиваются с появлением неуверенности в отношении своих собственных шансов на «многообещающий» дебют на рынке труда. Мировой кризис, социальная реальность, с которыми сталкиваются все общества, вновь выдвинули на первый план идею об уязвимости молодежи на рынке труда. У молодежи есть особенности, отличающие их от всех других уязвимых групп, участвующих на рынке труда. 4 002 035 молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет из Румынии (данные на 1 января 2017 г.) представляют собой огромный ресурс для общества. Румыния, как и большинство государств – членов ЕС, сталкивается с растущими проблемами в привлечении и интеграции молодежи в системе образования и на рынке труда. В данной статье представлен краткий сравнительный анализ изменений на рынке труда молодежи Румынии и других государств – членов ЕС в посткризисный период. Выявление региональных различий на рынке труда молодежи было реализовано путем применения некоторых описательных статистических методов.

Ключевые слова: регионы развития, региональные различия, уровень безработицы среди молодежи, уровень занятости молодежи, уровень NEET.

Introduction

In Romania, youths with ages between 15 and 29 years represented 18 % from total population of the country on 1 January 2017. The employed population on the Romanian labour market is to its majority adult, and the representation of youths with ages between 15 and 24 years of age being under 5.71 % from total employed population. In the period 2008–2016 the number of youths employed in the labour market diminished by 287,23 thousand persons [10].

In the year 2016, unemployment among youths with ages between 15 and 24 years of age was very high (20.6 %), and at the level of the regions the highest values were recorded in the regions South-Muntenia (29.8 %), South-East (28.9 %) and South-West Oltenia (27.5 %). In this context, attaining the objective of the strategy Europe 2020 regarding labour force employment (75 % for the population with ages between 20 and 64 years of age) requires adopting/improving measures for increasing the insertion degree of youths on the labour force market.

Among youths unemployment was and still is a generator of pressures on the labour market at national and regional level, individuals with ages between 15 and 24 years of age being the most affected by the crisis.

In the year 2016, on the labour market were employed by 287,33 thousand youths less against the year 2008, under the conditions in which the national population of youths decreased only by 49,844 thousand persons in the same period. The employment rate of the youths at national level, 22.3 % in 2016, continues to remain by 5.9 pp under the level of the one before the crisis. At the level of the regions of development, as well, the employment rate of youths did not reach the values of the year 2008, save for the North-East region where the population employment rate for the age segment 15 to 24 years had as of the year 2015 values higher than the one of the year 2008.

The unemployment rate among youths is 3.5 times higher compared with the one of the entire active population (20.6 % against 5.9 % in 2016). The decrease in the number of permanent jobs during the crisis affected disproportionately the youths as they are overrepresented in the category of temporary contracts. Even though temporary contracts represent very often a first step towards more stable forms of employment, these are identified also as potential generators of the segmented labour market, or of cyclical unemployment, as youths benefit less from training on the job, have lower wage levels and less favourable perspectives regarding employment and long-term career.

At the same time, specialised studies [1; 2] and specific statistic indicators of the labour market highlight both at national and regional level the existence of some discrepancies between the needs of hiring companies and the labour force trained by the educational institutions, so that the requirements imposed by employers in the employment process turned into a topic of general interest.

In the context of an increasingly higher level of unemployment, youths find it increasingly harder to find a job, and many of them might decide to extend their period of inactivity in the labour market or resume studying. This might represent

an investment for the future provided that matching competences are gained. Nevertheless, the reality is that many youths are neither in the labour market, nor in education or training, and these youths represent the NEET group.

In Romania, the NEET rate for youths with ages between 15–24 years increased in the period 2008–2016 by 5.8 pp. In the post-crisis period a slight decrease was recorded in the number of youths from this category at the level of all regions of development. In some regions, the NEET rate for this population segment recorded significant decreases against the year 2012: in the West region by 3.6 pp, in North-East region by 2 pp and in Bucharest-Ilfov by 1 pp.

The high level of unemployment and of the NEET rate among youths leads to decreasing employment chances of individuals in general, but also to diminished opportunities of economic development, both at regional and national level.

The issues faced by youths on the labour market have significant direct consequences from economic, social and even cultural perspective not only for them, but also for their families and communities (local, regional and national) in which they live. The most important effects of their inactivity are: economic risks related to present and future prospects on medium- and long-term (career development, future pension rights, etc.); social: poverty risk, of exclusion and self-exclusion of disengagement at individual level expressed by the incapacity of playing an active role in the community, as well as in the development of the society as such.

The present paper intends, in this broader context, to analyse the issues of the youths' labour market in regional context during the post-crisis in view of identifying some solutions for increasing the insertion degree of the youths on the labour market but also for counteracting the social and economic effects generated by the high numbers of unemployed youths or NEETs.

Brief presentation of the evolution of some indicators of the youths' labour market at the level of Romania's regions of development

From the administrative point of view, Romania had 320 cities (from among which 103 municipalities) and 2861 villages in 2017.

In 1998 was enforced the Law no.151 regarding regional development based on which were constituted the eight regions of development – corresponding statistically to NUTS2 by the voluntary association of counties [5].

According to the aspect regarding population density, differences exist between the regions. Without taking into account the region Bucharest-Ilfov with 1381.0 inhabitants/km² – as result of the urban agglomeration represented by the Capital of the country – the highest density of population is registered in the region North-East (106.4 inhabitants/km²) – the region with the highest demographic dynamism from the country, while the lowest density is in the West region (63.0 inhabitants/km²) – the region with the highest decrease of population, and mountainous landscape for a large part of its surface.

The urbanisation degree of the regions is also relatively different. Save for the region Bucharest-Ilfov the most urbanised regions are the regions West and Centre which have over 60 % urban population.

In turn, in the eastern part of the country (North-East region) and the entire southern part (the regions South-Muntenia and South-West Oltenia) the rural population is still predominant, as these are areas with wide flatland surfaces where agricultural activities are preponderant.

The analysis of statistical data highlight that Romania entered into the transition period with a relatively low level of regional disparities, as compared with other member-states or candidate countries [4]. However, these discrepancies increased rapidly, in particular between Bucharest and the rest of the country.

Based on the Eurostat statistics [4] the regional disparity index was calculated for the period 2008–2015 (Table 1), with the help of the relationship:

$$\frac{GDP_{\text{reg}} / \text{Inhab.}}{GDP_{\text{na}} / \text{Inhab.}} \cdot 100. \quad (1)$$

Table 1. Regional disparity indices

	2012	2013	2014	2015	2016
Region					
North-West	86.57	87.50	89.33	87.65	88.37
Centre	95.52	94.44	93.33	92.59	93.02
North-East	62.69	62.50	61.33	60.49	61.63
South-East	85.07	90.28	90.67	85.19	86.05
South-Muntenia	76.12	79.17	85.33	79.01	79.07
Bucharest-Ilfov	232.84	234.72	234.67	240.74	238.37
South-West Oltenia	74.63	73.61	72.00	71.60	73.26
West	105.97	104.17	101.33	103.70	103.49

The analysis of the data in Table 1 underpins that during the post-crisis period no changes occurred in the ranking of regions according to the regional disparity index, the only regions with a GDP/capita higher than the one at national level being Bucharest-Ilfov, and West.

Even though statistical data regarding the socio-economic situation of the regions of development presents some variations in time (especially due to local factors), their analysis indicates that the economic growth had a significant geographic component, the underdeveloped regions being concentrated in North-East, at the border with Moldova and in South, along the Danube. Thus, it might be stated that the regional disparity poles are given by the region North-East with a GDP/capita of 5300 euro/capita and the Bucharest-Ilfov region with 20 500 euro/capita, that is almost four times higher than the one of the North-East region for the year 2016.

According to the Eurostat statistics [4], all regions from Romania have a low level of development for the year 2016, as five out of the eight NUTS 2 Romanian

regions were included into the ten least developed regions of the European Union regarding GDP per inhabitant, and the North-East region was one of the five poorest regions of the EU.

The weak economic performances at the level of the regions of development are determined by a multitude of factors, from among which the structure and size of human resources may prove very important.

Youths on the labour market have particularities and specifics that delimitate them from the other vulnerable groups present in the labour market.

Both at regional and national level a delimitation of the youths' labour market may be done between two poles: i) youths with a high training level, prepared for activities requiring high- and top-skills and ii) youths failing to benefit from the opportunities provided by the education system, by the one of vocational-educational training who are placed at the opposite pole, of low-skills if not inexistent [3].

While unemployment is the most pressing challenge for the youths, the employment rates decreased for the last years. In 2016, the employment rate of youths with ages between 15 and 24 years at national level was of 22.3 % on decrease by 2.2 pp against the year 2015, when the highest level of this rate was recorded for the period of post-crisis.

In the period 2012–2016, in the majority of the regions of development, the employment rate of the youths with ages between 15–24 years diminished so that in 2016, this rate did not attain the values of the year 2012 (Fig. 1). The exception is represented by the region North-East where this indicator had an ascending trend for the analysed period (Fig. 1). Some of the reasons influencing this evolution are: i) the high weight of the population with ages between 15–24 years in this region: on 1 July 2017, 12.03 % of the total population in the North-East region was represented by youths with ages between 15–24 years, ii) the lowest weight of youths who have temporary migrated.

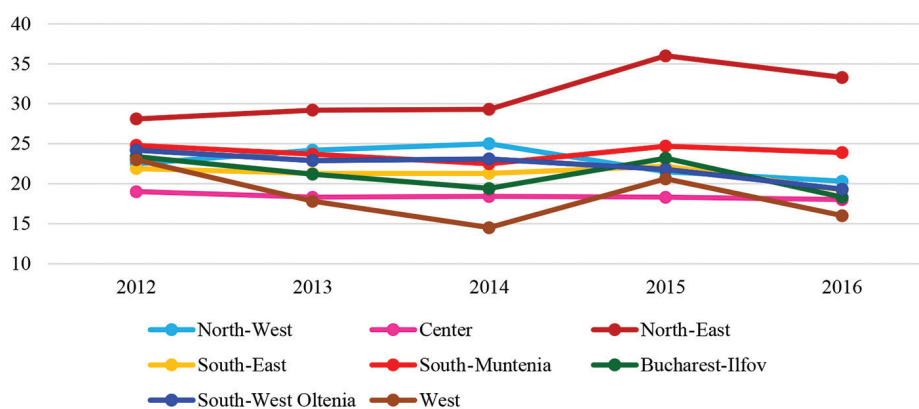

Fig. 1. Evolution of the youths' employment rate (15–24 years of age), on regions of development in Romania, (%)

At regional level significant differences emerge about the employment rate of youths with ages between 15 and 24 years of age, showing that the lowest employment rates were recorded in the West region (16.0 %) and Centre (18.3 %) while regions like North-East (33.3 %), and South-Muntenia (23.9 %) have a far better situation in 2016.

The economic recession had as effect also the increase in the employment rate differences on genders. In all regions of Romania, the employment rate of youths with ages between 15 and 24 years was higher for men than for women. The highest differences were registered in the regions Centre, South-East and South-Muntenia (Fig. 2). For the age segment from 25 to 29 years of age the gap between the employment rate for men and women was even higher (Fig. 2), and in the regions North-East, South-East, South-Muntenia, South-West Oltenia and West were registered the highest values.

Significant disparities of regional employment might be observed also between the urban and rural area. According to the statistical data of the National Institute of Statistics [11], in all regions of the country, save for the region Bucharest-Ilfov (the employment rate in the urban area was equal to the one in the rural area: 18.3 %), the employment rate of young individuals (15 to 24 years of age) in the rural area was higher than in the urban area (Fig. 3) in 2016. In North-East region, 42.1 % from the young persons in this age group were individuals employed in the rural area and only 17.6 % in the urban area.

Regarding employment by professional status and NUTS 2 Romanian regions, for the age group 15 to 24 years of age, the highest weight is held by employed persons. The analysis of the young population structure in territorial profile according to professional status underpins significant differences between them, and these differences became even more marked in the period 2012–2016 (Fig. 4) [7; 8]. Thus, in the North-East region, in this professional category were comprised 137,9 thousand persons in 2016, while in the West region this category had only 31,1 thousand persons.

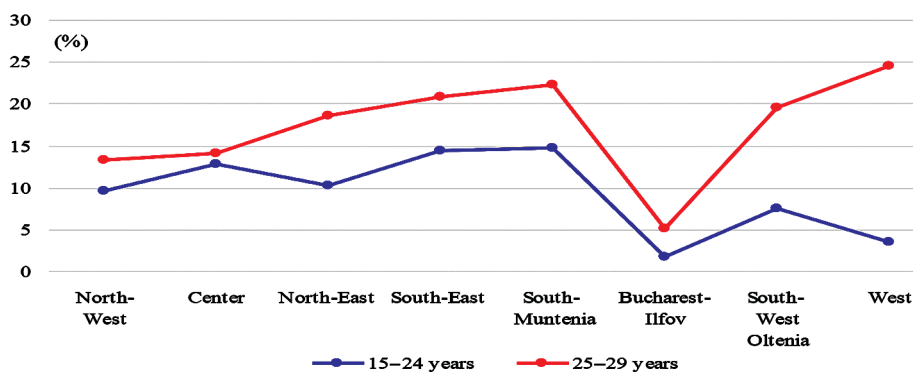

Fig. 2. Gap between the employment rate of men and women for the age groups 15 to 24 years and 25–29 years in the year 2016

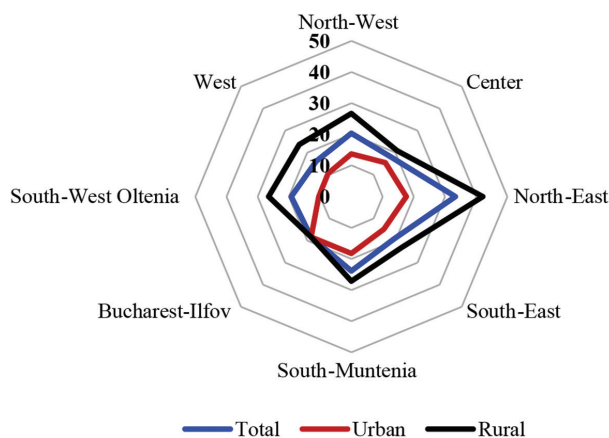

Fig. 3. Youths' employment rate (15–24 years of age) at regional level and on areas of residence, in 2016 (%)

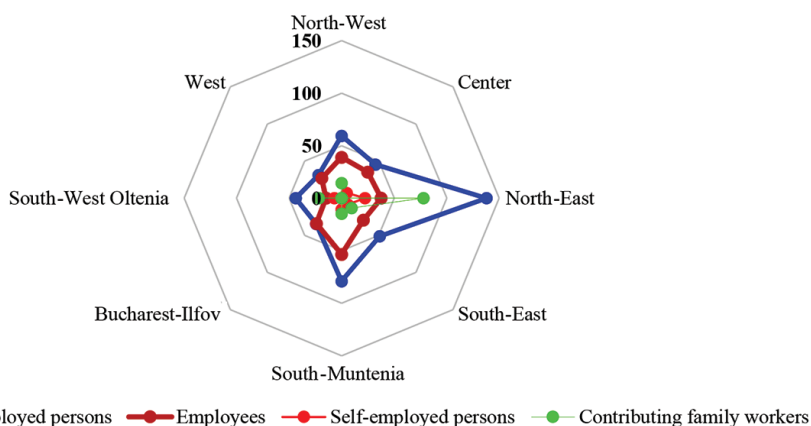

Fig. 4. Youths' employment (15–24 years of age), by professional status and NUTS 2 Romanian regions, (thousand persons)

Young Romanians are faced with a rigid labour market, lacking flexible employment forms that would allow for continuing studying in parallel with employment. Only about 79,7 thousand persons (16.5% of the total employment for young people) with ages between 15 and 24 years of age from Romania had part-time employment in 2016, against 5963,2 thousand persons (32 %) at EU-28 level. In the same year, 14,4 thousand youths from Romania worked based on temporary labour contracts against 7530,3 thousand persons at EU-28 level. For many youths, who have a temporary, or part-time job, this period might be seen as an important state towards more permanent forms of employment. Nevertheless, temporary contracts limit financial and personal autonomy of youths. Moreover, under the conditions in which the contractual temporary employment is repeatedly not finalised by permanent labour relationship on contractual basis, this contributes to a certain extent to the phe-

nomenon of youths' discouragement who might abandon seeking for a stable job, the implications being significant at individual, family and community level.

The lack of experience, the specifics of the human capital within the firm, the experience on the labour market of the youths, the higher probability of working within the firm for a determined period of time, and all other precarious forms of employment are but few of the factors leading to the increase in the numbers of unemployed among youths.

The data about unemployment among youths at regional level show significant differences at the level of this indicator varying between 12.5 % in the North-East region and 31.9 % in the Centre region for the age group 15–24 years, in 2012 and between 9.2 % in the North-East region and 29.8 % in the South-Muntenia region, in 2016 (Fig. 5). In the period 2012–2016, the youths' unemployment rate at the level of the regions of development had, in general, an oscillating evolution, but in the South-East region this trend was on decrease for this period, while in the South-West Oltenia region the trend was increasing (Fig. 5). The analysis of statistical data about the evolution of the regional unemployment rate among this segment of population indicates that in all regions, save for South-West Oltenia region, the values of this indicator are under the ones of the year 2012. At the same time, the highest diminishment of the unemployment rate among youths in the analysed period was recorded in the Centre region (by 8.2 pp) and the highest increase in the region South-West Oltenia (by 7.9 pp).

Large part of the unemployment among youths is chronic and extending for longer than 1 year: 33.0 % from total unemployed less than 25 years of age were long-term unemployed in December 2016.

Regarding youths unemployment after educational level, unemployed with primary, secondary and vocational education have the highest weight in total unemployed: 54.34 % for the age group 15 to 24 years of age, and 73.69 % for those with ages between 25 and 29 years of age (Fig. 6) [12].

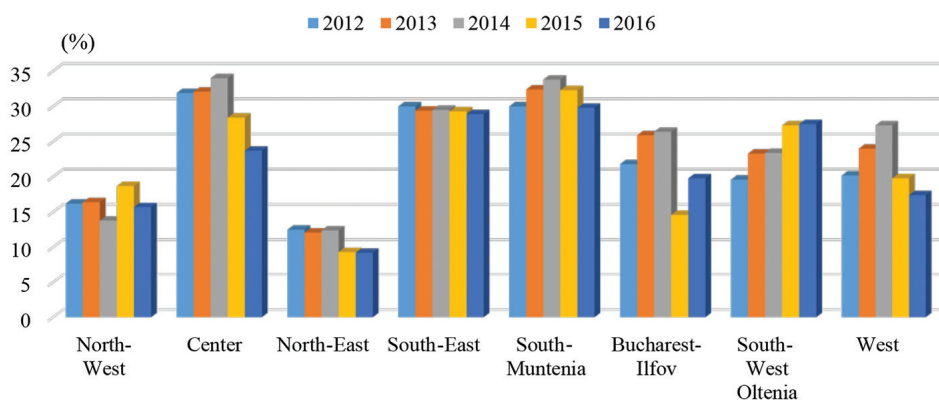

Fig. 5. Evolution of the regional unemployment rate among youths with ages between 15 and 24 years

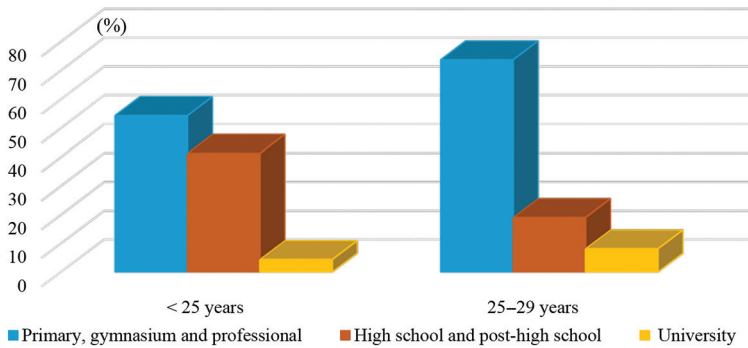

Fig. 6. Distribution of young unemployed on age groups and educational level, December 2016

A special risk is represented by the fact that graduating higher education does not improve success chances on labour market in Romania, which is contrary to the trend at global level. Thus, ILO unemployment among individuals with ages between 15 and 24 years of age who graduated upper-secondary, or post-upper-secondary schools was of 41.29 % and 4.37 % among graduates of higher education, while for the age group 25 to 29 years of age the level was of 19.07 %, respectively 8.12 % in December 2016. The access of higher education graduates in the labour market is hindered also because employers prefer personnel with experience.

In the majority of regions, the unemployment rate among youths continued to decrease, however, they continue to be faced with high rates of unemployment [9]. If adults registered an unemployment rate of 5.9 %, the youths were faced with an unemployment rate by 20.6 % in 2016 (Fig. 7). This fact means that the ratio between the youths' and adults' unemployment rate is 3.49 at national level. The ratio was higher than 4 in the region Centre (4.56) and Bucharest-Ilfov (4.21) and under 3 just in the South-West Oltenia region (2.78) (Fig. 7).

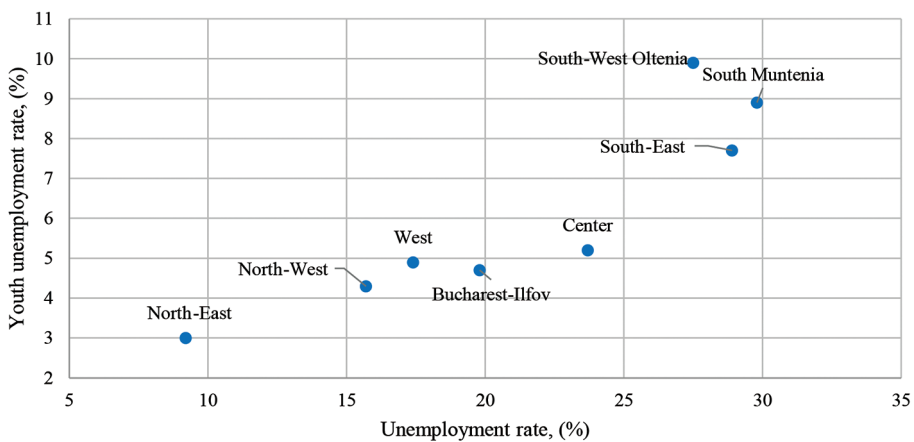

Fig. 7. Unemployment rate in the regions of development from Romania in 2016

During the last four years, the number of vacancies remained relatively stable as average, but the unemployment rate continued to increase, which indicates a continuing deterioration of the labour force market.

In territorial profile, including here the year 2016, the rate of vacancies continued to increase (Fig. 8) the highest values of the indicator being recorded in the regions West (1.84 %) and Bucharest-Ilfov (1.57 %).

Regarding the yearly average number of vacancies, employers had in 2016 the most significant labour force demand based on wages in the Bucharest-Ilfov region (16,0 thousand vacancies), which represented about $\frac{1}{4}$ from the number of vacancies at national level [6].

At the opposite pole, regarding the rate of vacancies, the lowest values were recorded in the South-West Oltenia region (0.51 %) followed by the South-East region (0.94%), which hold together about 10 % from total vacancies.

17.4 % from among the youths in Romania (youths aged 15 to 24 years neither in employment, nor in education or training) were classified as NEET in 2016. High values of this indicator were recorded in all regions and were slightly under the unemployment rate for young individuals with ages from 15 to 24 years of age [4]. Values above 20 pp were recorded in the regions South-East, Centre and South-Muntenia (Fig. 9), and the lowest NEET rates were recorded in the West (10.4 %), North-East (11.3 %) and Bucharest-Ilfov (11.7 %) in 2016.

The analysis of the evolution of the regional NEET rate reveals that it differs strongly depending on gender, being usually much higher for women than for men. The women-men gap of the NEET rate is considerable for a series of regions, reaching 13.2 pp in the South-East region and 11.2 pp in the region South-Muntenia and having values above 1.7 pp in the region South-West Oltenia and 2.37 pp in the region Bucharest-Ilfov.

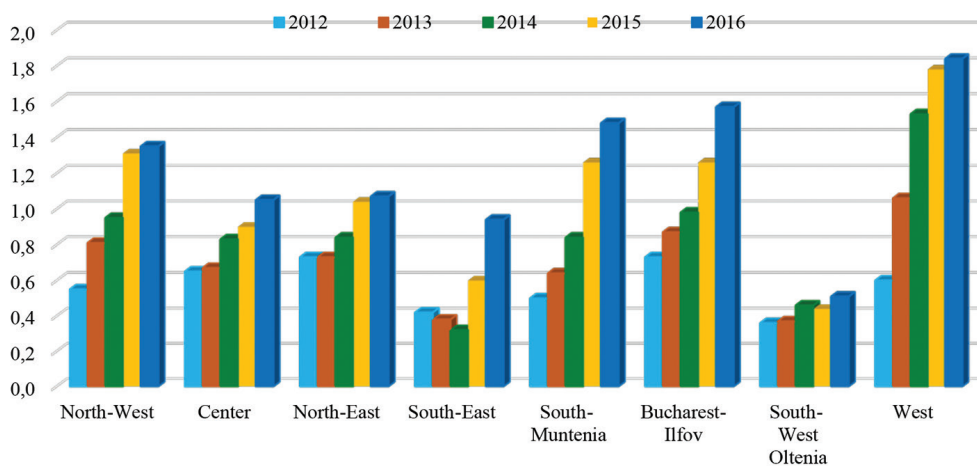

Fig. 8. Evolution of vacancies' rate on regions of development

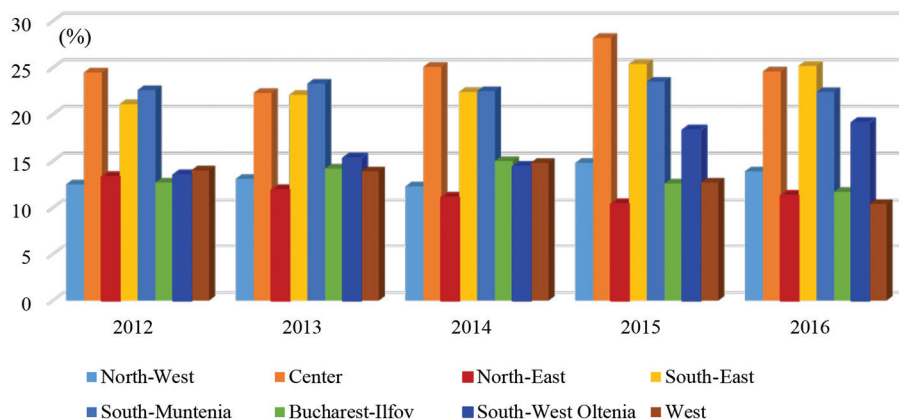

Fig. 9. Evolution of the NEET rate for the youth group with ages between 15 and 24 years on regions of development

Exclusion from employment, education and training is for each of the regions and at national level an issue of particular seriousness. The long-term consequences of the situation of youths who are neither in education, employment or training are drastic: poverty and exclusion from social life. In other words, poverty, marginalisation and social exclusion represent the logical consequences of a possible failure in investing in human capital and in the education dedicated to youths.

Disparities on the youths' labour market at the level of the regions of development in Romania are due also to the differences in the size and structure of definitive or temporary migration flows at the level of each region. If, until some years ago, migrants with secondary education had the highest weight regarding Romanian migrants, in the last period is noticed a strong increase of the migrants' segment with higher education and competences. The Romanian 'brain drain', especially among youths creates at regional and national level a deficit of valuable individuals who might contribute on medium- and long-term to economic growth and living standard increase in Romania.

Conclusions

The high level of unemployment among youths is representative and has two major influences: the decrease of employment chances of youths in general, and the diminishment of economic development opportunities both at regional and national level.

At regional level important differences emerge regarding the employment rate of youths with ages between 15 and 24 years of age, the lowest values of the employment rate being registered in the regions West (16.0 %) and Centre (18.3 %), and the highest in the regions South-Muntenia (23.9 %) and North-East (33.3 %) in 2016.

The North-East region is the only one characterised by an increasing employment rate for youths in the period 2012–2016.

At regional level, as result of the economic recession, the gap increased between the employment rates on gender. The highest differences between the employment rate of young men and young women (with ages between 15 and 24 years of age) were recorded in the regions Centre, South-East and South-Muntenia. For the age segment 25 to 29 years of age, the gap of the employment rate between men and women was even higher in the regions North-East, South-East, South-Muntenia, South-West Oltenia and West where the highest values were recorded.

Significant disparities of regional employment between the urban and rural area were recorded during the entire analysed period, with more marked diminishments for this indicator in the rural area.

In the period 2012–2016, the youths' unemployment rate at the level of the regions of development had, in general, an oscillating evolution, however the values of 2016 were below the ones of 2012. The exception is represented by the regions South-East (where decreasing unemployment was recorded) and South-West Oltenia (with increasing unemployment). Significant diminishments of the unemployment rate among youths (15 to 24 years of age) for the analysed period were recorded in the region Centre (by 8.2 pp), and the highest increase in the South-West Oltenia region (by 7.9 pp).

At regional level significant differences were recorded for the unemployment rate of the youths, the level of this indicator varying between 9.2 % in the region North-East and 29.8 % in the region South-Muntenia in 2016.

In territorial profile, the rate of vacancies continued to increase with the highest values for this indicator being recorded in the regions West (1.84 %) and Bucharest-Ilfov in 2016, as well. At the opposite pole are the regions South-West Oltenia (0.51 %) and South-East (0.94 %) as these regions have together about 10 % of total vacancies.

In 2016, 17.4 % of the youths from Romania were classified as NEET (young individuals with ages between 15 and 24 years who are neither in employment, nor in education or training). The high values of this indicator were recorded in all regions. Values above 20 pp were recorded in the regions South-East, Centre and South-Muntenia, and the lowest NEET rates were registered in the regions West (10.4 %), North-East (11.3 %) and Bucharest-Ilfov (11.7 %).

At the same time, in 2016, the gap between women and men for the NEET rate is considerable in a series of regions, reaching 13.2 pp. in the South-East region and 11.2 pp in the South-Muntenia region and values about 1.7 pp. in the region South-West Oltenia and 2.37 pp in the Bucharest-Ilfov region.

Unemployment among youths generates long-term effects both on income and on the stability of the job because the youths affected by unemployment have a lower level of credibility, and are less confident and flexible when discussing about employment opportunities, as they have a harder development from the professional point of view.

For young individuals, the increase in the NEET period might have severe individual consequences, but also for the community in which they are both on short-

and long-term. These consequences might be of financial nature, but also of social nature: isolation, involvement in risks related to physical and psychological unstable behaviour.

This is an issue that needs to be approached with maximum attention both at regional and national level.

List of used sources

1. *Adăscăliței, D.* Labour market reforms since the crisis: drivers and consequences / Dragos Adascalitei, Clemente Pignatti Morano ; International Labour Office, Research Department. – Geneva : ILO, 2015 (Research Department working paper ; No. 5).

2. *Ailenei, D.* Regional patterns of global economic crisis shocks propagation into Romanian economy / D. Ailenei, A. Cristescu, C. Vișan // Romanian J. of Regional Science. – 2012. – No. 6 (1). – P. 41–52.

3. *Boboc, C.* Labour Market Inequalities and Economic Development / C. Boboc, E. Țițan, S. Ghiță // Economic Computation and Economic Cybernetics Studies and Research. – 2012. – Vol. 4. – P. 49–64.

4. Eurostat Statistics [Electronic resource]. – Mode of access: www.eu.europa.eu/. – Date of access: 12.04.2018.

5. The Law No. 151/July 15, 1998 – Law on regional development in Romania [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.cdep.ro/legislatie/eng/vol35eng.pdf>. – Date of access: 03.04.2018.

6. More job vacancies in 2016 [Electronic resource] / Romanian National Institute of Statistics – Press release no.76/30.03.2017. – Mode of access: <http://www.insse.ro/cms/en/>. – Date of access: 04.04.2017.

7. Projection of the main economic and social indicators in territorial profile until 2019 [Electronic resource] / National Commission for Prognosis. – Bucharest, 2016. – Mode of access: www.cnp.ro. – Date of access: 07.08.2017.

8. Projection of the main economic and social indicators in territorial profile until 2020 [Electronic resource] / National Commission for Prognosis. – Bucharest, May 2017. – Mode of access: www.cnp.ro. – Date of access: 21.06.2017.

9. Regional Economic and Social Highlights: Territorial Statistics, 2017 [Electronic resource] / Romanian National Institute of Statistics. – Mode of access: <http://www.insse.ro/cms/en/>. – Date of access: 11.05.2018.

10. Romanian Statistical Yearbooks [Electronic resource] / National Institute of Statistics ; coordinator T. Andrei [et al.]. – Mode of access: http://www.insse.ro/cms/sites/default/files/field/publicatii/anuarul_statistic_al_romaniei_carte_en.pdf. – Date of access: 11.05.2018.

11. Statistical DB – TEMPO-Online [Electronic resource] / Romanian National Institute of Statistics. – Mode of access: <http://www.insse.ro/cms/en/>. – Date of access: 15.06.2018.

12. Statistical Situation of Unemployment, 31 December 2016 [Electronic resource] / National Agency for Employment. – Bucharest, 2017. – Mode of access: www.anofm.ro. – Date of access: 18.02.2017.

Поступила 15.11.2018 г.

УДК [314.02: 316.334.55+314.382](476)

А. Ю. ДЕНИСОВ,

*старший научный сотрудник, Центр системного анализа
и стратегических исследований НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: denisovartur@gmail.com*

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ УРОВНЯ РОЖДАЕМОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье обоснован факт систематического завышения значений суммарного коэффициента рождаемости сельского населения Республики Беларусь. Проведен анализ причин и даны рекомендации по их устранению. Проведена минимальная оценка действительного уровня воспроизводства сельского населения.

Ключевые слова: рождаемость, суммарный коэффициент рождаемости, уровень воспроизводства, сельское население, статистический учет, демографическая статистика.

A. YU. DENISOV,

*Senior Researcher, Center for System Analysis and
Strategic Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
e-mail: denisovartur@gmail.com*

ABOUT SOME PROBLEMS OF STATISTICAL ESTIMATION OF THE RURAL POPULATION FERTILITY LEVEL IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article substantiates the fact of the systematic overestimation of the values of the total fertility rate of Belarusian rural population. The analysis of the causes and recommendations for their elimination is given. A minimum assessment of the actual level of reproduction of the rural population is made.

Keywords: fertility, total fertility rate, reproduction rate, rural population, statistical accounting, demographic statistics.

Постановка проблемы, источники данных, методология исследования.

В соответствии с текстами Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, а также всех национальных программ демографической безопасности суммарный коэффициент рождаемости (далее – СКР) рассматривается как основной индикатор уровня рождаемости населения. В национальной статистике традиционно данный показатель представлен в трех разрезах: сельское и городское население, население всей республики.

Анализ динамики СКР в указанных разрезах демонстрирует, что основное увеличение рождаемости за период реализации национальных программ демографической безопасности локализовалось среди сельского населения. Так, если максимальный прирост СКР среди горожан составил всего 0,2 ребенка

на одну женщину к уровню 2007 г., то среди сельского населения – 1,5 ребенка. Более того, у последней группы с 2014 г. СКР превысил 3,0 ребенка [1, с. 276–277]. Таким образом, если доверять данным Белстата, рождаемость сельского населения показала беспрецедентный для постпереходных стран разворот показателей условного поколения с суженного до расширенного воспроизводства. Указанные различия в динамике СКР уже стали предметом обсуждений представителями научного сообщества и государственных ведомств. Однако, признавая факт некоторого увеличения рождаемости, следует отметить следующее:

столь значительные различия значений СКР городского и сельского населения, как абсолютные и относительные, не наблюдались ни разу за весь период национального статистического учета;

сопоставимые значения СКР сельского населения в демографической истории Республики Беларусь характеризуют условные поколения только до 1950-х годов и преимущественно формировались представительницами еще довоенных поколений;

на основании данных национальной переписи 2009 г. можно утверждать, что последнее поколение сельского населения, для которого итоговая рождаемость превысила 3,0 ребенка на одну женщину – это поколение 1914 года рождения [2];

ни в одной стране Европы, а также в любой из стран, завершивших второй демографический переход, по которым есть статистические данные, рождаемость сельского населения не достигает сопоставимых величин. При этом актуальный уровень полностью сопоставим с показателями таких стран, как Алжир и Пакистан [3].

На основании приведенных фактов разумно проверить гипотезу о том, что данные официальной статистики содержат искажения и до момента их устранения не могут служить ориентирами для формирования каких-либо выводов о результатах демографической политики в разрезе типов населенных пунктов.

Важнейшими источниками первичных данных для проверки гипотезы стали сведения из базы данных «Демографическая статистика» о численности женщин каждого возраста [4], а также данные, представленные Белстатом по авторскому запросу о распределении рожденных детей по возрасту матери, очередности деторождений и типам населенных пунктов за период 2005–2015 гг. Соответствующие материалы стали основой для использования метода декомпозиции суммарного СКР по очередности рожденных детей. Данный метод не является единственным, который позволяет определить статистические противоречия и их источник, однако, представляется, он наиболее прост в реализации и нагляден по полученным результатам.

Результаты исследования. В современной зарубежной методологической литературе, посвященной анализу показателей рождаемости, СКР рассматривается как базовый и не очень точный индикатор уровня воспроизводства населения. В настоящее время известно несколько существенных проблем его

использования, для анализа и корректировки которых разработан ряд методов (например, [5; 6; 7]). Исторически одним из первых методов анализа таких проблем стала декомпозиция СКР по очередности рожденных детей. Впервые его применил П. Велптон (P. Whelpton) при анализе рождаемости в США еще в 1945 г. [8, р. 330], однако в отечественной литературе не удалось найти примеры его использования. Таким образом, целесообразно описать порядок его применения.

Как известно, СКР рассчитывается как сумма повозрастных коэффициентов рождаемости и интерпретируется как среднее количество детей, которое будет рождено средней женщиной, если повозрастные коэффициенты отчетного года останутся неизменными в течение всего репродуктивного периода. Таким образом, методика расчета СКР может быть представлен формулой (1):

$$TFR = \sum_a ASFR_a = \sum_a \frac{B_a}{F_a}, \quad (1)$$

где используются следующие обозначения:

TFR (total fertility rate) – суммарный коэффициент рождаемости за отчетный год, детей на одну женщину;

$ASFR_a$ (age specific fertility rate at age «a») – повозрастной коэффициент рождаемости женщин в возрасте «a» за отчетный год, детей на одну женщину;

F_a (females at age «a») – средняя численность женщин в возрасте «a» в отчетном году, человек;

B_a (births by females at age «a») – количество детей, рожденных женщинами в возрасте «a» в отчетном году, детей.

Однако количество рожденных детей можно дифференцировать по очередности их рождения. Тогда формула (1) может быть преобразована в эквивалентную формулу (2):

$$TFR = \sum_o TFR_o = \sum_o \sum_a ASFR_{a,o} = \sum_a \frac{\sum_o B_{a,o}}{F_a}, \quad (2)$$

где используются следующие дополнительные обозначения:

TFR_o (total fertility rate by order «o») – суммарный коэффициент рождаемости детей o -той очередности рождения за отчетный год, детей на одну женщину;

$ASFR_{a,o}$ (age specific fertility rate at age «a» by order «o») – повозрастной коэффициент рождаемости женщин в возрасте «a» детей o -той очередности рождения за отчетный год, детей o -той очередности рождения на одну женщину;

$B_{a,o}$ (births by females at age «a» by order «o») – количество рождений детей o -той очередности рождения женщинами в возрасте «a» в отчетном году, детей.

Из формулы (2) напрямую следует вклад детей каждой очередности в формирование СКР, который может быть описан формулой (3):

$$TFR_o = \sum_a \frac{B_{a,o}}{F_a}. \quad (3)$$

В связи с тем, что все обозначения формулы (3) представлены в пояснениях к формулам (1) и (2), то они не дублируются. Результаты расчетов для сельского населения визуализированы на рис. 1.

Полученные результаты наглядно демонстрируют сразу несколько очевидных странностей. Так, основной фактор роста показателя обусловлен увеличением количества рожденных первенцев и вторых детей. При этом к 2015 г. сложилась ситуация, когда на 100 женщин условного поколения в среднем приходится 154 первенца и 109 вторых детей. Очевидно, что это невозможно биологически. Также, если исходить из интерпретации СКР, то можно ожидать, что при подобных повозрастных коэффициентах доля бездетных женщин будет равна нулю, что также невозможно.

Безусловно, указанные странности имеют исключительно статистическую природу. Так, в методической литературе можно найти как описание схожих ситуаций, так и математическое обоснование причин их возникновения. Однако подобные ситуации всегда объяснялись исключительно одним фактором – изменением средних возрастов рождения детей. Так, как показано в работах Дж. Бонгаарта (J. Bongaarts) и Г. Фини (G. Feeney) [9; 10], в случае снижения средних возрастов рождения детей (обычно первой очередности) достаточно часто соответствующая компонента СКР несколько превышает единицу. Например, для США по первенцам в 1942 г. это превышение составило 9,0 % [8, р. 330]. В Беларуси аналогичная ситуация наблюдалась несколько раз: в 1970–1972 гг. – предел превышения составил 4,2 %; в 1987–1991 гг. – не более 3,3 % [11].

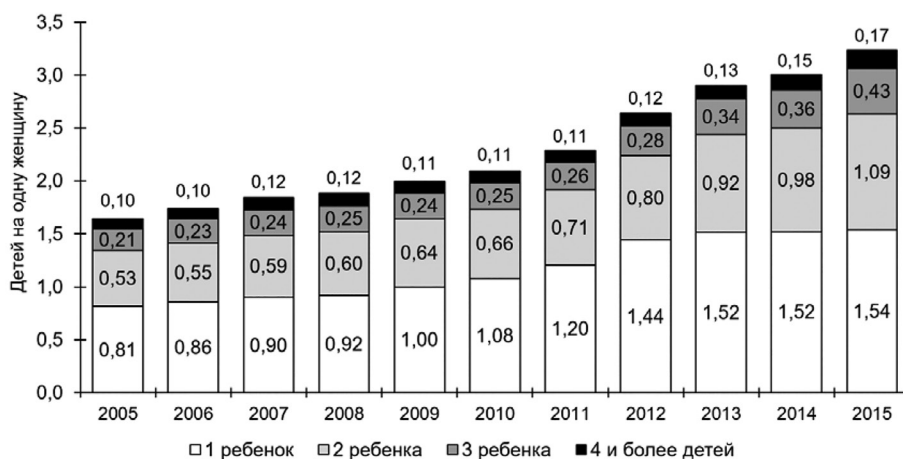

Рис. 1. Структура СКР сельского населения по очередности рождения детей за период 2005–2015 гг., детей на одну женщину

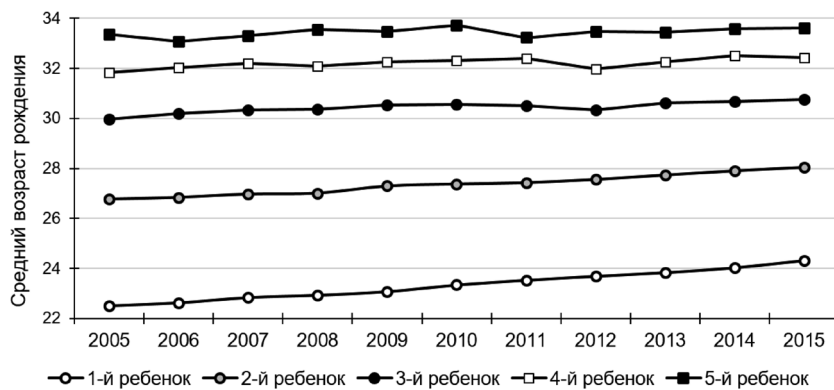

Рис. 2. Динамика среднего возраста рождения различной очередности за период 2005–2015 гг.

Однако проблема в том, что в анализируемом периоде возраста рождения сельских детей первых двух очередностей только увеличивались, а третьей и более очередности – практически не менялись (рис. 2).

Более того, ни в одном известном автору случае превышение никогда не достигало столь больших значений для первых детей и ни разу не было зафиксировано для вторых. Таким образом, существующие факты не только не стыкуются с национальным и международным опытом, но и не могут быть объяснены с точки зрения теории и методологии демографической статистики.

Однако возможное объяснение может быть предложено на основании более детального изучения порядка формирования исходных данных.

Оценка значения переменной B_a из формулы (1) делается по результатам регистрации рождения детей в органах записи актов гражданского состояния (подчинены Министерству юстиции Республики Беларусь). В соответствии со ст. 204 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье регистрация рождения производится по месту рождения детей или по месту жительства одного из их родителей [12]. Однако важно отметить, что юридически понятие «место жительства» определяется как адрес постоянной регистрации (пункт 3.2 Указа Президента Республики Беларусь от 07.09.2007 [13]).

В свою очередь, оценка переменной F_a представляет из себя расчет средней арифметической численности женщин на 1 января отчетного и следующего за отчетным годом по каждой возрастной группе. Соответствующие данные предоставляются Министерством внутренних дел Республики Беларусь на основании сведений из единого регистра населения как о месте жительства граждан, так и о месте их пребывания. Доказательство последнего факта не представляет затруднений. Достаточно отметить, что возрастные когорты сельских жителей за период взросления с 14 до 20 лет сокращаются примерно наполовину [4]. Очевидно, что соответствующие потери являются следствием массового оформления временной регистрации в связи с началом обучения в учреждениях образования за пределами сельских населенных пунктов (таблица).

**Сокращение численности сельского населения за период 14–20 лет
на начало каждого года, человек**

Возраст	Год начала отсчета					
	2005	2006	2007	2008	2009	2010
14 лет	40 099	36 816	33 947	31 944	30 193	29 204
15 лет	38 697	35 090	33 278	31 491	28 829	27 703
16 лет	36 185	33 313	29 294	28 896	27 184	25 851
17 лет	29 815	26 703	20 870	21 456	20 238	19 572
18 лет	25 639	18 719	15 808	16 805	16 397	16 294
19 лет	22 594	17 078	13 815	15 867	16 034	15 304
20 лет	22 103	15 529	13 513	16 250	15 715	14 869
Потери когорты, %	-44,9 %	-57,8 %	-60,2 %	-49,1 %	-48,0 %	-49,1 %

Таким образом, наиболее вероятное объяснение возникших проблем состоит в том, что не согласованы числитель и знаменатель СКР: числитель формируется преимущественно на основании данных о месте проживания одного из родителей, а знаменатель включает в себя данные о месте проживания и (или) пребывания женщин. В результате на ежегодной основе происходит недоучет сельских женщин, которые имеют временную городскую регистрацию, и некоторый переучет детей, которые в действительности будут проживать со своими родителями в городах. При этом факт недоучета сельских женщин можно доказать также на основе моделирования численности женщин с учетом количества имеющихся детей на 1 января каждого из анализируемых годов. Однако данный метод очень трудоемок, и его корректное и приемлемое изложение требует отдельной публикации.

Также можно предположить, что анализируемая проблема могла быть несколько усугублена отменой института прописки (с 1 января 2008 г.) [13] и началом функционирования единого регистра населения [14]. С учетом того, что на этот же период пришелся основной диспропорциональный по типам населенных пунктов прирост числа новорожденных, то, как минимум, с 2008 г. значения СКР следует признать оценками с неизвестной степенью достоверности. Также важно отметить, что переучет уровня рождаемости в сельской местности тесно связан с недоучетом значения СКР городского населения, что, однако, никак не сказывается на общереспубликанском показателе.

Для корректного определения значения показателя целесообразно согласовать числитель и знаменатель. Это можно сделать несколькими способами. Так, можно предложить делать учет данных по знаменателю F_a исключительно на основе сведений о постоянном месте жительства, а данные по числителю B_a оставить неизменными. Однако следует учесть, что регистрация деторождений может происходить по месту жительства любого из родителей. Таким образом, в данной схеме предполагается некоторый переучет наличного сельского населения, а значит, некоторое преуменьшение уровня сельской

рождаемости. Это связано с тем, что при возможности регистрации ребенка по месту жительства в городском населенном пункте именно данный вариант будет рассматриваться семьями как приоритетный. В то же время учет сельских женщин по месту жительства несколько завысит среднегодовую численность сельских женщин фертильных возрастов.

В качестве более взвешенной альтернативы можно предложить учитывать данные по числителю B_a (исключительно в статистических целях) по месту жительства либо (если имеется факт – в обязательном порядке) месту временного проживания матери (а не одного из родителей). В то же время порядок сбора данных по знаменателю F_a можно не корректировать. Таким образом, числитель и знаменатель будут полностью согласованы. Представляется, что данный способ корректировки можно считать оптимальным.

Последним из важных тематических вопросов может быть оценка величины завышения уровня сельской рождаемости. На данный момент достаточно легко очертить только минимальный уровень завышения рождаемости сельчан. Основываясь на данных Национальной переписи населения Республики Беларусь по итогам 2009 г., можно утверждать, что доля бездетных сельских женщин в каждом поколении должна составлять около 5 %. Следовательно, величина СКР, которая формируется за счет первых и вторых детей, не должна превышать 0,95 в каждом случае. Таким образом, только явное превышение уровня рождаемости сельского населения по 2015 г. составляет не менее 0,73 ребенка на одну женщину. Следовательно, общее значение СКР по итогам 2015 г. должно составить не более 2,5 ребенка на одну женщину (значение по Белстату – 3,23 ребенка). И даже указанная величина неизбежно существенно завышена, так как нет никаких оснований ожидать, что около 95 % сельских женщин родит не менее двух детей, а 43 % – не менее трех.

Заключение. В рамках статьи проверена гипотеза о неточности значений СКР, предоставляемых государственной статистикой, в разрезе типов населенных пунктов. На основании метода декомпозиции СКР по очередности рожденных детей установлен ряд статистических противоречий, которые подтверждают данную гипотезу. Единственными возможными объяснениями данных противоречий является несогласованность числителя и знаменателя. Так, числитель (количество рожденных детей) формируется на основании данных органов записи актов гражданского состояния о регистрации деторождений. Соответствующая регистрация преимущественно осуществляется по месту жительства (то есть постоянной прописки) одного из родителей. В то же время знаменатель (количество женщин фертильных возрастов) формируется на основании данных Министерства внутренних дел с учетом места временного проживания женщин. В результате происходит некоторое завышение количества рожденных в сельской местности детей и занижение количества сельских женщин фертильных возрастов, что приводит к неправдоподобным значениям СКР. Также определено, что, к примеру, для 2015 г. минимальный уровень завышения показателя составил 0,73 ребенка на одну

женщину. Таким образом, в этом году СКР сельского населения не может превышать 2,5 ребенка на одну женщину. Более того, скорее всего и эта величина не соответствует действительности. Предложены два подхода к согласованию числителя и знаменателя.

Список использованных источников

1. Демографический ежегодник Республики Беларусь / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – 432 с.
2. База данных «Итоговые данные переписи населения Республики Беларусь 2009 года» [Электронный ресурс] / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://census.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 02.11.2014.
3. International Indicators. Total Fertility Rate (2018) [Electronic resource] // Population Reference Bureau. – Mode of access: <https://www.prb.org/international/indicator/fertility/table>. – Date of access: 14.10.2018.
4. База данных «Демографическая статистика» [Электронный ресурс] / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://demdata.belstat.gov.by/Demography.html>. – Дата доступа: 02.10.2018.
5. *Bongaarts, J.* The quantum and tempo of life-cycle events / *J. Bongaarts, G. Feeney* // *Vienna Yearbook of Population Research*. – 2006. – Vol. 4, № 1. – P. 115–151.
6. *Sobotka, T.* Misleading Policy Messages Derived from the Period TFR: Should We Stop Using It? / *T. Sobotka, W. Lutz* // *Comparative population studies*. – 2010. – Vol. 35, № 3. – P. 637–664.
7. *Kohler, H.-P.* Tempo-adjusted period parity progression measures, fertility postponement and completed cohort fertility / *H.-P. Kohler, J. A. Ortega* // *Demographic Research*. – 2002. – Vol. 6, № 6. – P. 92–144.
8. *Whelpton, P.* Effect of Increased Birth Rate on Future Population / *P. Whelpton* // *American J. of Public Health and the Nation's Health*. – 1945. – Vol. 35, № 1. – P. 326–333.
9. *Bongaarts, J.* On the Quantum and Tempo of Fertility / *J. Bongaarts, G. Feeney* // *Population and Development Review*. – 1998. – Vol. 24, № 2. – P. 271–291.
10. *Bongaarts, J.* A Demographic Explanation for the Recent Rise in European Fertility / *J. Bongaarts, T. Sobotka* // *Population and Development Review*. – 2012. – Vol. 38, № 1. – P. 83–120.
11. The Human Fertility Database [Electronic resource] / Max Planck Institute for Demographic Research. – Mode of access: <http://www.humanfertility.org/cgi-bin/main.php>. – Date of access: 02.10.2018.
12. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ЗАО «Консультант Плюс». – Минск, 2018.
13. О совершенствовании системы учета граждан по месту жительства и пребывания [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 7 сент. 2007 г., № 413 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 6 апреля 2017 г. № 109 // КонсультантПлюс. Беларусь / ЗАО «Консультант Плюс». – Минск, 2018.
14. О регистре населения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 21 июля 2008 г. № 418-З : в ред. от 4 января 2015 г. № 233-З : с изм. и доп. от 2 мая 2012 г. № 353-З. // КонсультантПлюс. Беларусь / ЗАО «Консультант Плюс». – Минск, 2018.

Поступила 16.10.2018

СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 616.624

Е. М. БАБОСОВ,

*академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, e-mail: babosov@yandex.ru*

НЕПРИМИРИМАЯ БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Охарактеризованы основные особенности коррупционной преступности в Беларуси. Концептуализированы понятия «коррупция», «взятка», их разграничение. Раскрыты социальные и институциональные механизмы борьбы с коррупцией. Выявлена роль антикоррупционной культуры личности. Сформулированы основные направления совершенствования антикоррупционной деятельности.

Ключевые слова: коррупция, взятка, антикоррупционная культура, борьба с коррупцией, основные направления антикоррупционной деятельности.

E. M. BABOSOV,

*Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Philosophy, Professor,
Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
e-mail: babosov@yandex.ru*

RUTHLESS STRUGGLE AGAINST CORRUPTION IN MODERN BELARUS

Main features of corruption crime in Belarus are characterized. The concepts of “corruption”, “bribe”, their distinction are conceptualized. Social and institutional mechanisms of anticorruption have been revealed. The role of anticorruption culture of an individual is identified. The main directions of improvement of anticorruption activities have been formulated.

Keywords: corruption, bribe, anticorruption culture, the fight against corruption, the main directions of anticorruption activities.

Весной и летом 2018 г. широкая общественность Беларуси была шокирована и с возмущением оценила целую череду громких коррупционных дел, о которых сообщали средства массовой информации. Самым сенсационным стало дело в сфере здравоохранения – наиболее масштабное за всю историю независимой Беларуси. По сравнению с 2017 г. количество антикоррупционных следственных операций в медицинской сфере возросло почти вдвое. Такой рост предопределен не тем, что удвоилось количество коррупционных злодеяний, увеличение коррупционных сделок, правда, произошло, но сравнительно небольшое, а главным образом, вследствие того, что коррупционная борьба приобрела более масштабный, системный и жесткий характер.

К середине 2018 г. в Беларуси было возбуждено 95 уголовных дел, где фигурируют десятки миллионов долларов, почти 100 человек попали под следствие. Систематические взятки получали несколько главных врачей больниц, генеральный директор РНПЦ травматологии и ортопедии, гендиректор предприятия «Белфармация», зам. министра здравоохранения И. Лосицкий и др. Должностные лица в системе здравоохранения получали взятки за решение вопросов, входивших в их компетенцию, в размере до 10 000 долларов, а наиболее высокопоставленные из них – до 350 000 долларов за один раз [2; 3]. В тот же период Госкомитетом госбезопасности задержаны за вымогательство и получение взятки в 200 тыс. долларов помощник президента, инспектор по Гродненской области С. Ровнейко и другие высокопоставленные чиновники.

Все эти антикоррупционные акции были осуществлены по поручению Президента А. Г. Лукашенко, который в выступлении при обращении с ежегодным Посланием белорусскому народу и Национальному собранию 24 апреля 2018 г. четко обосновал необходимость непримиримой и жесткой борьбы с коррупционными действиями. Глава государства подчеркнул, что борьба с коррупцией «на всех уровнях была и будет самой решительной и прозрачной» [1]. Дело в том, что коррупция самым губительным образом сказывается не только на состоянии экономики, но и негативным образом влияет на состояние и развитие других сфер белорусского общества. Как отметил в своем выступлении А. Г. Лукашенко: «Взятничество способно подорвать основу любого государства. Именно оно создает почву для роста теневой экономики, подрывает доверие людей» [1]. Президент Беларуси также отметил, что «именно руководитель должен обеспечить принятие эффективного комплекса мер по противодействию коррупции».

В связи с тем, что в общественном мнении часто отождествляются коррупция и взяточничество, следует более четко разграничить эти понятия. Коррупция – это прямое использование должностным лицом прав, связанных с его должностью, в целях личного обогащения, его злоупотребление служебным положением в корыстных целях. Нередко должностное лицо, участвующее в коррупционной деятельности, действует не только в своих интересах, но и в интересах другой стороны (другого должностного лица, представителя бизнеса, конкретного гражданина). Если такие действия совершаются за определенное вознаграждение, которое не предусмотрено существующими в обществе нормами и скрывается участниками сделки от общественности, возникает такое проявление коррупции, которое называется взяточничеством. Еще одно отличие коррупции от взятки заключается в том, что коррупция – это такая взятка, которая дается представителю государственной службы, если последний злоупотребляет вверенными ему полномочиями для получения выгоды в личных целях. Взятка – это подкуп в любой ситуации и любого работника, не только госслужащего (например, врача, преподавателя, рядового сотрудника дорожно-патрульной службы или таможни). Каковы характерные особенности коррупции? Во-первых, коррупция проявляется не индивидуально, а в социальных отношениях. В коррупционных отношениях участвуют,

по крайней мере, две стороны. Во-вторых, коррупция реализуется в уединении, латентно и очень близка к тому, что выдающийся социолог Георг Зиммель назвал «секретным сообществом». Ведь недаром участников коррупционной сделки называют «сообщниками». В-третьих, коррупция проявляется, согласно выражению американского социолога Ирвинга Гофмана, «непроизвольным самовыражением». Примеров этому множество: таможенник, берущий взятки и не проверяющий товары, сотрудник ГАИ, который получает взятки вместо того, чтобы выписывать штрафы нарушителям дорожного движения, должностное лицо в военкомате, помогающее за взятку «откосить» от армии призывнику, преподаватель вуза, несправедливо завышающий оценку на экзамене за получение взятки от студента или его родителей. В-четвертых, обе стороны, участвующие в коррупционной сделке – как взяткополучатель, так и взяткодатель – стремятся к сокрытию своих противоправных действий, поэтому коррупция – это закрытое социальное отношение. В-пятых, коррупция в своих формах и проявлениях многолика, к разнообразным ее формам относятся и взятка, и фаворитизм, и протекционизм, и незаконное присвоение общественных ресурсов в личных целях, и вымогательство, и знаменитый, широко распространенный в нашем обществе «блат». В-шестых, коррупция представляет собой взаимовыгодное и одновременно преступное социальное отношение: должностное лицо принимает противоправное решение и осуществляет действие, из которого извлекает выгоду взяткодатель, а само должностное лицо получает выгоду, принимая незаконное вознаграждение от взяткодателя [4; 5].

В процессе проведения Институтом социологии НАН Беларуси социологических исследований существенное внимание было уделено выяснению того, какие категории работников, по мнению населения, чаще всего берут взятки. Оказалось, что наибольшее количество опрошенных (в целом – 44,5 %, в городах – 46,8 %, в сельской местности – 39,2 %) убеждены в том, что чаще всего берут взятки врачи; за ними по степени убывания масштабности взяткополучательства следуют работники милиции (так считают 35,7 % респондентов); сотрудники таможни (34,4 %); ответственные работники государственной власти и управления (25,9 %); работники исполнительных органов местной власти (в целом – 22,5 %, в городах – 26,3 %, в сельской местности – 15,3 %); работники налоговой службы (в целом – 20,6 %, в городах – 24,3 %, в сельской местности почти вдвое меньше – 12,3 %). Важное значение приобретает выяснение вопроса, по чьей инициативе совершается коррупционная сделка: сам гражданин, обратившийся к должностному лицу с просьбой решить волнующую его проблему, либо чиновник занимается при удобном случае вымогательством взятки. Социологический опрос, проведенный во всех регионах Беларуси, показал, что чаще всего занимаются вымогательством взяток госслужащие в Витебской и Гомельской областях (о таких вымогательствах свидетельствуют соответственно 9,8 % и 8,6 %), а менее всего – в Брестской и Гродненской областях (соответственно 4,1 % и 5,5 %). Зафиксиро-

ванное во всех областях высокое количество людей (от одной трети в Минске, Витебской и Гомельской областях и до 46,5 % – почти половины респондентов – в Могилевской области) подтверждает необходимость более широкого освещения в СМИ материалов об успехах в антикоррупционной работе властных структур и правоохранительных органов. Из осмысления, приведенного эмпирического материала можно сделать вывод относительно основных факторов и причин, обуславливающих распространённость коррупционных правонарушений в нашем обществе. Первая группа факторов и причин – социально-психологические. Они воплощаются в стремлении чиновников всеми правдами и неправдами получить дополнительный доход или другую материальную выгоду. Официально осуждаемое многими госслужащими, в нужных ситуациях оно ими же достаточно часто используется. Вторая группа факторов и причин, детерминирующих коррупционную деятельность, – правовые. Они выражаются в несовершенстве законодательства, в частых изменениях в законодательстве и постановлениях, регулирующих хозяйственно-экономическую деятельность, и вытекающей отсюда возможности коррупционеров избежать наказания за свои деяния. Третья группа причин – социально-экономические. Они проявляются в недостаточном финансово-материальном обеспечении людей, находящихся на бюджетном обеспечении, значительную часть которых занимают должностные лица управленческих структур. Четвертая группа причин, обуславливающих распространение коррупции – организационно-управленческие. Они коренятся в отсутствии четкой регламентации должностных обязанностей служащих госаппарата, в слабой эффективности контроля деятельности госслужащих, в неудовлетворительной работе правоохранительных органов, низкой компетентности значительной части госслужащих, следствием чего являются должностные злоупотребления, в том числе и криминально-имущественного характера. Пятая группа причин и факторов, детерминирующих распространение коррупции, – это образовательно-нравственные: низкий уровень нравственной и правовой культуры населения, в том числе и значительной части сотрудников управленческих структур, недостаточно широкое освещение в средствах массовой информации деятельности, направленной на пресечение и преодоление коррупции. Сложность и трудность противодействия коррупции обусловлены комплексом внутренне присущих ей качеств, которые превращают ее в выгодное дело для всех тех, кто прибегает к ее услугам. Для должностных лиц она довольно часто служит источником дополнительного дохода. Для так называемого «рядового» гражданина взятка нередко является единственным надежным способом решить жизненно важную проблему, в том числе возникающую на вполне законном интересе. Для предпринимателя взятка чиновнику помогает получить лицензию, организовать выгодное дело, обойти конкурентов, наконец, повысить прибыльность своего бизнеса.

Обобщая все изложенное, можно сформулировать несколько рекомендаций по усилению действий, направленных на борьбу с коррупцией:

1. Для сужения сферы коррупционной деятельности и повышения эффективности противодействия ей необходимо улучшить координацию действий правоохранительных органов, общественных организаций, исследовательских и вузовских учреждений и средств массовой информации в борьбе с коррупцией.

2. Важным фактором, сужающим возможности и каналы вовлечения людей в коррупционные взаимодействия, должно стать придание широкой гласности фактов коррупции с раскрытием их экономического, морального, психологического, политического ущерба, наносимого обществу, государству, благосостоянию граждан.

3. Необходимо разработать и последовательно осуществлять на практике меры к повышению эффективности правоохранительной и правоприменительной деятельности, направленной на снижение уровня коррумпированности, включая ужесточение правовых норм, борьбы с коррупционной преступностью, существенно сузить возможный круг людей, склонных вступать в коррупционные взаимодействия.

4. В процессе реализации Госпрограммы по преодолению коррупции приоритетное внимание должно быть обращено на создание условий для повышения правовой культуры населения, в первую очередь подростков и молодежи, включая широкую пропаганду правовых знаний, совершенствование правового образования учащихся и студентов, выработку у них практических навыков реализации своих прав и отстаивание законных интересов в различных организациях и учреждениях.

В заключение подчеркнем еще раз первоочередную важность повышения правовой культуры населения, особенно в ее деятельностно-практическом аспекте. Если граждане, используя знание законов и навыки их практического применения в различных жизненных обстоятельствах, научатся решать возникающие перед ними проблемы, не прибегая к использованию взятки, то это резко сузит масштабы существующих рынков коррупционных услуг и превратится в важное антикоррупционное средство, которое государство сможет активно и целенаправленно использовать в противодействии коррупции.

Список использованных источников

1. Лукашенко, А. Г. Мы знаем, куда идем и чего хотим : выступление Президента при обращении с ежегодным посланием к белорусскому народу и Национальному собранию / А. Г. Лукашенко // СБ «Беларусь сегодня». – 2018. – 25 апр.

2. Авидова, И. Президент высказался о коррупции и «деле медиков»: 95 уголовных дел, почти 100 человек под следствием, десятки миллионов долларов / И. Авидова // Комсомольская правда в Беларуси. – 2018. – 9–25 сент. – С. 2.

3. Вакульчик, В. Борьба с коррупцией: непримиримо и жестко / В. Вакульчик // СБ «Беларусь сегодня». – 2018. – 26 июня. – С. 2.

4. Добреньков, В. И. Коррупция: современные подходы к исследованию / В. И. Добреньков, Н. Р. Исправникова. – М. : Акад. Проект ; Alma Mater, 2009. – 208 с.

5. Папакостас, А. Становление цивилизованной публичной сферы: недоверие, доверие и коррупция : пер с англ. / А. Папакостас. – М. : ВЦИОМ, 2016. – 216 с.

Поступила 04.10.2018 г.

Н. А. БАРАНОВСКИЙ,

*доктор социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

В контексте модернизации современного белорусского общества с использованием результатов социологических опросов населения рассматриваются актуальные проблемы социальной эффективности работы Советов депутатов и других органов местного самоуправления. Предлагается комплекс научно-практических рекомендаций по совершенствованию их работы.

Ключевые слова: Советы депутатов, общественное мнение, социальная эффективность.

N. A. BARANOVSKI,

Doctor of Sociology, Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk

INCREASE OF THE COUNCIL OF DEPUTIES EFFICIENCY IN THE CONTEXT OF POLITICAL SYSTEM MODERNIZATION OF THE MODERN BELARUSIAN SOCIETY

In the context of political system modernizing of modern Belarusian society, using the results of sociological survey of the population the current problems of social effectiveness of the work of the Councils of Deputies and other bodies of local self-government are considered in the article. The complex of scientific and practical recommendations on improving of their work is proposed.

Keywords: political system, Councils of Deputies, public opinion, social effectiveness.

Новейший период в развитии белорусского общества – этап транзитивно-го развития, системной трансформации экономических, политических, социальных и культурных институтов и общественных отношений, перехода от социалистического к новому обществу. Важной особенностью социодинамики современного белорусского общества является выбор эволюционного пути развития – без так называемой «шоковой терапии», значительных революционных изменений и трансформаций. Однако следует иметь в виду, что эволюционный путь развития общества не исключает каких-либо значительных реформ и качественных изменений. С одной стороны – это хорошо, так как можно не ломать все старое, как это было после революции 1917 г., а сохранить и использовать все, или почти все, позитивное, что было в социалистическом обществе. С другой стороны – эволюционный путь очень трудный, проблемный и противоречивый, так как затягивается процесс реформирования старых общественных отношений и созидания новых. Общество в этот период имеет

смешанный гибридный характер, в котором хаотично сочетается старое и новое, между ними нередко возникают противоречия и борьба, которая может закончиться неоднозначно – как с победой нового, так и старого типа общества. Следовательно, на длительное время сохраняется ситуация неопределенности, конфликтности и противоречивости – с социальными движениями, то в сторону созидания нового общества, то возвращения к прежней системе общественных отношений.

Результаты мониторинговых социологических исследований, проводимых Институтом социологии и другими социологическими учреждениями, анализ статистики и научной литературы свидетельствуют, что, во-первых, трансформационные изменения в экономической, политической, социальной и культурной сферах современного белорусского общества имеют различную социодинамику и противоречивый характер политико-идеологической направленности, что существенно препятствует его устойчивому и прогрессивному развитию. Во-вторых, в современном белорусском обществе имеет место рассогласованность и дисбаланс между потребностями экономики, социальной сферы и культуры в трансформационном динамичном и интенсивном развитии и сложившейся в кризисные 1990-е годы, но все еще действующей, централизованной системой государственного управления социумом. В-третьих, имеет место углубление несоответствия между недостаточно высоким уровнем развития демократии, правового государства и гражданского общества, с одной стороны, и динамично растущим качеством жизни, уровнем политической, правовой и духовной культуры, а также новыми социальными стандартами, ценностными ориентациями и социальными ожиданиями населения, с другой стороны. Все эти рассогласованности и дисбалансы могут перерасти в социальные противоречия с негативными экономическими, политическими и другими последствиями для общества [1]. В связи с этим актуальной и социально востребованной научно-практической проблемой является разработка путей, социальных и правовых механизмов нейтрализации и устранения этих дисбалансов, прежде всего посредством научно обоснованной модернизации современной белорусской государственности и развития институтов гражданского общества.

В политической системе современного общества ведущую роль играют государство и институты гражданского общества, выступающие в качестве главных социально-политических субъектов общественного развития. Что касается государства, то целесообразно указать на некоторую эволюцию взглядов западных и отечественных политологов, юристов и социологов на сущность и функциональное предназначение современного государства. Сторонники марксистской теории позиционируют государство как главный и доминирующий политический субъект управления социумом. Классическая либеральная доктрина длительное время рассматривала государство как «ночного сторожа», которое может только косвенно вмешиваться в управление социумом (особенно в сферу экономики и культуры). Современная неолибераль-

ная политологическая доктрина придерживается теории «сервисной функции государства», согласно которой государство – это социально-политическая структура, которая призвана оказывать различного рода услуги гражданам, социальным группам и общностям в различных сферах социальной жизни. В последние десятилетия изменилась и трактовка «демократии» – отмечается переход от концепции «представительной демократии» к «демократии участия граждан», которые совместно с государством принимают активное и непосредственное участие в управлении социумом на принципах социального партнерства через политические партии и другие институты гражданского общества.

Социологические опросы населения свидетельствуют, что актуальной социальной потребностью является модернизация политической системы – оптимально сочетающий социальные инновации и преемственность эволюционный процесс системных преобразований базовых принципов, структуры и форм деятельности органов государственной власти и управления, политических партий, общественных формирований и граждан, который ориентирован на демократизацию государственного управления и формирование гражданского общества, повышение эффективности социально-политического управления, обеспечение социального порядка и устойчивого прогрессивного развития социума. Модернизация политической системы – это процесс «осовременивания», приведения фундаментальных основ, структурной архитектуры и практической деятельности органов власти и управления, институтов гражданского общества в соответствие с современной системой общепринятых мировым сообществом ценностей и принципов, национальной стратегией устойчивого развития белорусского общества, актуальными потребностями социума и социальными ожидания населения. Социально-политическую модернизацию не следует сводить только к изменению структуры, функций, компетенции и численности органов государственной власти и управления. Опросы общественного мнения свидетельствуют, что важным направлением работы по модернизации политической системы современного белорусского общества является децентрализация системы государственного управления и развитие местного самоуправления, то есть в условиях социально-политической стабильности и отсутствия существенных социальных противоречий и диспропорций целесообразно модернизацию политической системы начинать «снизу» – с системы местного государственного управления и самоуправления.

Местное самоуправление – основа демократического общества, неотъемлемая часть политической системы и одновременно важнейший институт гражданского общества. Органы местного самоуправления укрепляют публичную власть, делают ее более гибкой и эффективной, так как являются доступными для людей, максимально приспособлены к использованию имеющихся ресурсов для удовлетворения потребностей населения. Социально-правовой статус местного самоуправления закреплен в Конституции Республики Бела-

русь и Законе Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» от 4 января 2010 г. В ст. 1 Закона местное самоуправление определяется как форма организации и деятельности населения, проживающего на соответствующей территории, для самостоятельного решения непосредственно или через избираемые им органы социальных, экономических и политических вопросов местного значения, исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан, особенностей развития административно-территориальных единиц. На практике местное самоуправление осуществляется через Советы депутатов, органы территориального общественного самоуправления, местные собрания, местные референдумы и иные формы участия граждан в государственных и общественных делах. Наравне со структурами местного самоуправления функционируют органы местного государственного управления в лице исполкомов и администраций местных органов исполнительной и распорядительной государственной власти. Согласно ст. 1, 9 и 21 Закона Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении», Советы депутатов являются одновременно органами местного самоуправления и представительными государственными органами, непосредственно избираемыми населением. Таким образом, в нашей стране на местном административно-территориальном уровне функционирует смешанная *государственно-общественная модель местного самоуправления* с преобладающим правом государственных структур по практическому решению вопросов местного значения.

Европейская Хартия местного самоуправления, принятая Конгрессом местных и региональных властей Совета Европы 15 октября 1985 г., рассматривает местное самоуправление как важный институт демократии и исходит из *общественной теории местного самоуправления*. В соответствии с ней органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, они являются автономными и самостоятельными, а коммунальная собственность наряду с государственной и частной собственностью является одной из форм собственности, закрепленной в конституции страны. Система местного самоуправления должна ориентироваться на максимальное вовлечение местного сообщества в управление местными делами. Особенности, присущие белорусской государственно-общественной системе местного самоуправления с доминированием права государственных структур по практическому решению вопросов местного значения, в настоящее время не позволяют Республике Беларусь присоединиться к Европейской Хартии местного самоуправления. Они являются в некоторой степени наследием советской модели организации местной власти, а также связаны с современными историческими условиями становления и эволюционного развития белорусской государственности. В трансформационные и кризисные 1990-е годы построение системы местного самоуправления на принципах государственно-общественной теории было в значительной степени целесообразным и оправданным. Однако спустя почти тридцать лет в современных условиях экономической, полити-

ческой и социальной стабилизации, укрепления основ белорусской государственности данная модель местного самоуправления нуждается в модернизации в плане ее децентрализации и демократизации, что в последние годы неоднократно отмечалось Президентом Республики Беларусь и другими государственными деятелями [2]. В частности, Председатель Совета Республики М. Мясникович на заседании круглого стола по актуальным проблемам местного самоуправления, организованного совместно с Конгрессом местных и региональных властей Совета Европы 12 сентября 2018 г., отметил, что децентрализация, как правило, присуща государствам с устоявшимися политическими, экономическими институтами, органами государственного управления, когда направления развития уже сформировались. В Беларуси есть объективные предпосылки для определенной децентрализации и передачи из центра ряда компетенций на местный уровень. Далее он отметил, что сегодня целесообразно рассмотреть вопрос о сближении белорусского законодательства о местном управлении и самоуправлении с положениями Европейской Хартии местного самоуправления [3].

По результатам социологического опроса, проведенного летом 2016 г., только 13,1 % респондентов принимают участие в работе организаций местного самоуправления, из них 11,5 % – «время от времени» и 1,6 % – «постоянно». При этом лишь 26 % опрошенных удовлетворены уровнем развития местного самоуправления. Каждый десятый опрошенный полагает, что децентрализация государственного управления и развитие местного общественного самоуправления – важное направление демократизации белорусского государства. С учетом общественных настроений и ожиданий, приоритетными направлениями дальнейшего развития политической системы страны являются: а) де бюрократизация госаппарата, борьба с коррупцией и протекционизмом; б) усиление социальной направленности деятельности органов государственной власти и управления; в) повышение социально-политического статуса и активизация деятельности Советов депутатов всех уровней и развитие местного самоуправления; г) усиление ответственности руководителей органов государственной власти и управления за принятые решения. Также необходимо учитывать общественное мнение, потребности и социальные ожидания населения при принятии важных государственных решений; совершенствовать избирательную систему в плане развития гласности, открытости и прозрачности выборов, регулярной ротации руководящих кадров; д) активизация политико-партийного строительства и сотрудничество государства со всеми политическими партиями и движениями, включая политическую оппозицию.

Заслуживают поддержки предложения некоторых белорусских ученых-юристов о необходимости более четкого законодательного разграничения понятий «местное самоуправление» и «местное государственное управление», а также определения их компетенции, форм подотчетности и взаимодействия. По их мнению, органы местного самоуправления должны быть политически и материально-финансово максимально самостоятельными в решении вопросов

местного значения, иметь право на коммунальную собственность, то есть быть полноценными институтами правового государства и гражданского общества, функционировать на началах паритетного взаимодействия с органами государственной власти и управления. Возможно также рассмотрение вопроса о внесении изменений в административно-территориальное деление страны, в частности, отказ от областного деления и укрупнение территорий районных и сельских органов государственного управления и самоуправления [4].

Проблема эффективности и выбора той или иной модели местного государственного управления и самоуправления продолжает оставаться дискуссионной. Можно выделить несколько позиций ученых о природе местного самоуправления и соотношении местной власти с центральной и местной государственной властью.

1. *Обосновывается концепция негосударственной природы местного самоуправления.* По мнению сторонников этой позиции, местное самоуправление не составляет и по своей природе не может составлять компонент государственной организации, а является институтом гражданского общества. Государственность заканчивается там, где начинается местное самоуправление [5, с. 14]. Негосударственный характер власти органов местного самоуправления объясняется тем, что в их системе отсутствуют строгая иерархия и соподчиненность; они действуют не от имени государства; вопросы местного значения решают с учетом особенностей развития своей территории; их материально-финансовую базу составляет муниципальная собственность и местный бюджет; они обладают более тесной связью с населением, чем государственные органы; у органов местного самоуправления практически отсутствуют политические функции.

2. *Власть местного самоуправления признается аналогичной государственной власти или государственной властью особого рода.* Г. В. Барабашев характеризовал концепцию негосударственной природы местного самоуправления как миф, который создан на основе устаревших западных теорий местного самоуправления. По его мнению, местное самоуправление нельзя относить исключительно к институтам гражданского общества – это государственная власть особого рода [6, с. 146]. Если публичную власть от имени всего народа может представлять только государство, а местное самоуправление также является элементом государственного устройства, то, следовательно, в публичном выражении своей воли органы местного самоуправления ничем не отличаются от органов государственной власти, поэтому органы местного самоуправления можно характеризовать как органы государственной власти и местного самоуправления [7, с. 9].

3. *Местное самоуправление – это публичная власть, существующая наряду с государственной властью.* Сторонники этой точки зрения считают, что реализация власти народа через органы местного самоуправления представляет собой самостоятельное направление, отдельное от реализации власти народа через органы государственной власти. Оба эти направления объединяет единый источник – власть народа [8, с. 26–27].

4. *Местное самоуправление олицетворяет собой пограничное явление между государством и обществом, соединяющее их между собой*; в нем есть сочленение общественных форм (в организации) и властных полномочий (в юридической силе принимаемых решений) [9, с. 46–54; 10, с. 133]. Местное самоуправление многогранно: а) относится к ряду управленческих явлений, призванных целенаправленно, организовывать и регулировать общественную жизнедеятельность на территории муниципального образования; б) выступает средством реализации инициативы и практического осуществления самостоятельности, воплощения творческой энергии и ответственности населения по месту жительства; в) форма реализации прав и свобод человека и гражданина.

Следовательно, сегодня в теории и практике существует множество проблем и дискуссий по вопросам местного самоуправления. Однако общеизвестным и бесспорным является признание местного самоуправления как важнейшей формы непосредственной демократии и народовластия. Главными и универсальными признаками системы местного самоуправления выступают свободные и состязательные выборы непосредственно населением, значительная организационно-управленческая, правовая и материально-финансовая самостоятельность в решении местных вопросов, а также тесное взаимодействие с местными и центральными органами государственной власти и управления на благо человека и общества.

Важнейшим принципом демократической формы государственного устройства и эффективного социального управления являются открытость, доступность и гласность работы Советов депутатов и других органов государственной власти и управления. По данным национального социологического опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в июне 2015 г., абсолютное большинство населения, приняв участие в выборах депутатов местных Советов и республиканских органов власти, в дальнейшем забывает и не знает своих депутатов, за которых они проголосовали. Особенно это касается членов Совета Республики, Палаты представителей Национального собрания и областных Советов депутатов (соответственно 86,4 %, 84,9 % и 82,1 % респондентов указали на это). Знают своих депутатов республиканского и областного уровней только каждый седьмой–десятый респондент. Несколько лучше обстоит дело со знанием депутатов районного и сельского Советов (соответственно 28,3 % и 21,8 % опрошенных граждан).

Проведенный социологический опрос населения страны свидетельствует, что депутаты Советов всех уровней довольно редко встречаются со своими избирателями. В частности, только от 2,5 % до 10,9 % опрошенных граждан в течение последнего года периодически встречаются со своими депутатами – чаще всего с депутатами районного Совета (11,9 %) и сельсовета (10,9 %). Для сравнения: с депутатами областного Совета встречаются 8,9 %, Палаты представителей – 3,9 %, членами Совета Республики – 2,5 % респондентов. На практическое отсутствие встреч с депутатами различных уровней указали от 23,3 % до 16,8 % опрошенных граждан, в частности, с членами Совета Рес-

публики – 23,4 %, депутатами Палаты представителей – 23,3 %, областного Совета – 20,3 %, сельсовета – 17,0 %, районного Совета – 16,8 %.

Что касается уровня информированности населения о работе Советов депутатов, то по результатам социологического опроса на полную свою информированность указали только от 0,7 % до 2,8 % респондентов, а на частичную информированность – от 14,1 % до 19,6 % опрошенных граждан. При этом половина населения (от 47,4 % до 52,6 %) вообще ничего не знает о работе Советов депутатов (особенно о работе Совета Республики – 52,6 %, областного Совета (53,1 %) и Палаты представителей (52,5 %)).

В последние десятилетия в наиболее передовых странах мира в условиях перехода в стадию постиндустриального и информационного развития отмечается тенденция перехода от представительной демократии к демократии участия граждан в государственном и другом социальном управлении. «Демократия участия» включает активное развитие системы местного самоуправления и непосредственное участие граждан, общественных объединений, политических партий и других институтов гражданского общества в работе органов государственной власти и управления. Результаты проведенного социологического опроса населения страны свидетельствуют, что в настоящее время в работе Советов депутатов в той или иной форме принимает участие только 14,2 % граждан, то есть каждый седьмой респондент. Наиболее распространенными формами гражданской активности населения являются участие в собрании граждан (3,9 %), посещение встреч депутатов с избирателями (3,4 %), участие в местном референдуме (2,9 %) и участие в организации и проведении выборов в Советы депутатов (2,4 %). Выявленная в процессе социологического исследования достаточно низкая социально-политическая и гражданская активность населения в отношении практического участия в работе Советов депутатов свидетельствует о невысоком уровне политической культуры граждан и отсутствии взаимодействия и единства народа с государством как важным социальным институтом власти и управления, а также государства с народом.

Социологическое исследование показало, что граждане крайне редко обращаются с жалобами и предложениями в Советы депутатов (от 0,3 % до 3,8 % респондентов). Чаще всего граждане обращаются в районные Советы (3,8 %) и сельсовет (2,6 %). Это происходит примерно раз в 1–2 года. Различий по полу, возрасту, месту жительства и региону проживания не наблюдается, что свидетельствует о наличии общей ситуации низкой социальной востребованности Советов депутатов со стороны граждан. Данный факт можно рассматривать как показатель невысокого авторитета Советов депутатов среди граждан либо наличия у населения представления об отсутствии у Советов депутатов должных прав и возможностей практически решать их насущные жизненные проблемы.

Тематика вопросов, по которым граждане обращаются в Советы депутатов, преимущественно имеет социально-экономический и бытовой характер.

Чаще всего это вопросы, связанные с благоустройством дворов и улиц, работой жилищно-коммунального хозяйства, вопросами пенсий и социального обеспечения, бытового обслуживания, оказания материальной помощи, труда и зарплаты, охраны общественного порядка и работы общественного транспорта. Вопросы социально-политической проблематики, в частности, касающиеся работы органов власти и управления, нарушения прав человека, в заявлениях и обращениях граждан затрагиваются крайне редко и, как правило, только при обращении в местные Советы депутатов. Обращения граждан в Советы депутатов преимущественно имеют персональный характер, хотя встречаются и обращения от имени группы граждан или коллективные обращения.

Соотношение уровня удовлетворенности и неудовлетворенности рассмотрением обращений граждан в Советы депутатов по данным социологического опроса составляет примерно 50 : 50 %, что свидетельствует об относительно удовлетворительной работе депутатов с жалобами и заявлениями населения. Неудовлетворенность граждан результатами обращений в областной Совет и Палату представителей несколько выше – 60 : 40 %. Изучение и анализ факторов, препятствующих более эффективной работе Советов депутатов, свидетельствуют о преобладании обстоятельств социально-политического, организационно-управленческого, профессионально-компетентного, финансово-экономического и нормативно-правового характера. В частности, 27,3 % опрошенных граждан в качестве главного фактора, препятствующего эффективной работе Советов депутатов, называют «слабый учет общественного мнения при принятии решений». Как мы понимаем, речь идет, прежде всего, о недостаточном внимании Советов депутатов к мнениям, потребностям и интересам населения. Далее, граждане обращают внимание на низкий уровень компетентности депутатов (25,9 %), пассивность населения и нежелание граждан участвовать в государственном управлении (23,8 %), недостаток финансовых средств у Советов депутатов (22,0 %), отсутствие должной гласности в работе (21,1 %), бюрократизм и сложность административных процедур для решения обращений граждан (14,7 %), несовершенство законодательства (14,2 %), слабый депутатский контроль за деятельностью органов государственного управления (13,1 %), пассивность и неразвитость институтов гражданского общества (политических партий, общественных объединений) (10,8 %), недостаток времени у депутатов (8,6 %), чрезмерная отчетность (8,5 %) и др.

В системе мероприятий по повышению эффективности работы Советов депутатов можно выделить две группы социально-практических мер:

а) «антинегативные» – направленные на выявление и устранение факторов, препятствующих эффективной работе Советов депутатов;

б) «пропозитивные» – направленные на развитие позитивных принципов и форм работы Советов депутатов.

Перечень факторов, препятствующих эффективной работе Советов депутатов, определяет необходимое поле деятельности и *конкретные меры, кото-*

рые в первоочередном порядке требуется предпринять для повышения эффективности работы Советов депутатов:

систематически изучать и использовать при принятии государственных решений общественное мнение по актуальным вопросам социально-экономического, политического, социального и культурного развития страны и отдельных регионов;

организовать систему повышения квалификации и профессиональной культуры депутатов Советов всех уровней, оказывать образовательную, материальную и другую помощь органам местного самоуправления;

активизировать работу по привлечению граждан к работе Советов депутатов, используя разнообразные формы и методы организационно-управленческой и воспитательно-просветительной работы с населением;

развивать прозрачность и доступность к информации о работе Советов депутатов всех уровней, шире использовать средства массовой информации и другие формы работы для освещения практической деятельности Советов депутатов;

активизировать работу по преодолению бюрократизма, коррупции, протекционизма и местничества, ограничить власть местной бюрократии, упростить административные процедуры для оперативного решения обращений граждан, устранить излишнюю отчетность и бумаготворчество в работе Советов депутатов;

систематизировать действующее национальное законодательство в области государственного строительства и государственного управления, особенно в сфере местного самоуправления, создавать механизмы реального влияния Советов депутатов на работу органов государственного местного управления, рассмотреть вопрос о разработке концепции и проекта нового Закона Республики Беларусь о местном самоуправлении;

расширить права и возможности депутатов по контролю деятельности органов государственного управления.

Меры, направленные на развитие позитивных принципов и форм работы Советов депутатов:

изучать и широко использовать принципы, формы и методы работы органов государственной власти и местного самоуправления, которые практикуются в передовых странах мира и закреплены в международных актах и конвенциях;

активно продвигаться по пути демократии, содействовать переходу от «представительной демократии» к «демократии участия граждан» в государственном управлении и самоуправлении;

создавать социально-экономические, политические и культурные условия для формирования и развития институтов гражданского общества, повышения политической культуры и гражданской активности населения;

содействовать развитию политико-партийного строительства, взаимодействию Советов депутатов с общественными объединениями и другими институтами гражданского общества, учитывать их мнение при принятии государственных решений;

рассмотреть вопрос об изменении системы распределения доходов и расходов между республиканскими и местными органами власти и управления, обеспечить увеличение финансовых средств, которыми распоряжаются местные Советы депутатов;

принять меры по повышению ответственности депутатов Советов всех уровней и руководителей органов государственного управления за принятые решения;

установить систему контроля доходов и расходов депутатов и ответственных государственных служащих;

совершенствовать избирательное законодательство, ввести прямые выборы руководителей местных органов власти и управления;

законодательно урегулировать постепенный переход на выборах в Парламент к голосованию, как по отдельным кандидатам, так и по партийным спискам (к смешанной системе выборов);

учитывать мнение оппозиции при принятии политических решений и управлении государством.

Своевременная и системная модернизация политической системы современного белорусского общества, осуществляемая первоначально на местном региональном уровне, будет способствовать продвижению Республики Беларусь по пути устойчивого социально-экономического, политического, социального и культурного развития, формированию демократического социального правового государства и гражданского общества.

Список использованных источников

1. *Барановский, Н. А.* Национальная идея в контексте общественного развития Беларуси // Н. А. Барановский // Беларус. думка. – 2017. – № 7. – С. 18–24.
2. Местное самоуправление и его реформирование в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://smolsoc.ru/index.php/home/2009-12-24-13-38-54/28-2010-08-30-11-28-53/1867-2011-05-08-11-57-19>. – Дата доступа: 14.03.2018.
3. Круглый стол по актуальным вопросам местного самоуправления, организованный Советом Республики Беларусь и Конгрессом местных и региональных властей Совета Европы. 12 сентября 2018 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sovrep.gov.by/ru/news-ru/view/mmjasnikovich-prinjal-uchastie-v-kruglom-stole-po-voprosam-mestnogo-samoupravlenija-12923-2018/>. – Дата доступа: 13.09.2018.
4. *Василевич, Г. А.* Конституционное право Республики Беларусь : учеб. / Г. А. Василевич. – Минск : Книжный дом, 2010. – 768 с.
5. *Топорнин, Б. Н.* Разделение властей и государственная организация / Б. Н. Топорнин // Разделение властей и парламентаризм. – М.: Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, 1992. – С. 3–49.
6. *Барабашев, Г. В.* Местное самоуправление в России. Теория и практика / Г. В. Барабашев // Государство и право. – 1993. – № 6.
7. *Уваров, А. А.* Местное самоуправление и государственное управление в Российской Федерации: проблемы идентификации, взаимодействия и развития / А. А. Уваров. – Оренбург, 2001.
8. *Авакьян, С. А.* Проблемы местного самоуправления на современном этапе / С. А. Авакьян // Право. – 1998. – № 2–3.
9. *Чиркин, В. Е.* Публичная власть / В. Е. Чиркин. – М. : Юристъ, 2005. – 174 с.
10. *Атаманчук, Г. В.* Теория государственного управления / Г. В. Атаманчук, – М. : Юрид. лит., 1997. – 400 с.

Поступила 12.09.2018 г.

УДК 316(075.8)

Н. В. ДУЛИНА,

*доктор социологических наук, профессор,
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград,
e-mail: nv-dulina@volsu.ru*

Д. В. МОИСЕЕВА,

*кандидат социологических наук,
Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград,
e-mail: Moiseeva-D@yandex.ru*

ТРАМПИЗМ КАК НОВОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА

В работе изложены результаты анализа современного научного дискурса, обсуждающего появление неологизма «трампизм». Рост числа публикаций, содержащих термин «трампизм», по всему миру свидетельствует о появлении нового социального явления. Суть явления – новый социальный запрос на новую политику, новую экономику, новый миропорядок. Изучение трампизма методами социологии обладает большим эвристическим потенциалом.

Ключевые слова: Трамп, трампизм, политическая социология, глобальный правый бунт, анализ научного дискурса.

N. V. DULINA,

*Doctor of Sociology, Professor, Volgograd State University, Volgograd,
e-mail: nv-dulina@volsu.ru*

D. V. MOISEEVA,

*Candidate of Sociology, Volgograd State Technical University, Volgograd,
e-mail: Moiseeva-D@yandex.ru*

TRAMPISM AS A NEW SOCIAL PHENOMENON: AN ANALYSIS OF MODERN SCIENTIFIC DISCOURSE

The paper presents the results of the analysis of modern scientific discourse, discussing the emergence of the neologism “trampism”. The growing number of publications containing the term “trampism” throughout the world is evidence of a new social phenomenon. The essence of the phenomenon is a new social demand for a new policy, a new economy, a new world order. The study of trampism by methods of sociology has a great heuristic potential.

Keywords: Trump, trampism, political sociology, global right riot, the analysis of scientific discourse.

Введение

Основная задача современной науки – это выработка и систематизация объективных знаний о действительности. Подвижность, изменчивость действительности, возникновение новых феноменов, требующих теоретического осмысления, определяют направления научного поиска. Данная работа посвящена

изучению современного научного дискурса, сформировавшегося вокруг неологизма «трампизм». Этот термин, появившись в политической журналистике в 2016 г. в ходе предвыборной кампании президентских выборов в США, быстро стал предметом научных дискуссий ученых разных стран мира. Количество научных статей, посвященных трампизму, растет как в международных, так и в российских реферативных базах. Актуальность работы определяется потребностью систематизации наработанного учеными материала с позиций единой методологической базы с целью попытки определения трампизма как социального явления и дальнейших перспектив его развития. В качестве методологической базы в данной работе был выбран структурно-функциональный подход, позволяющий изучать изменения, происходящие в социальных системах. Информационной базой исследования стали статьи российских и зарубежных ученых, размещенные в реферативных базах. Для анализа научного дискурса были использованы такие общенаучные методы исследования, как описание, анализ, метод сравнения. В качестве цели исследования был определен анализ трампизма как социального явления, описание его основных характеристик. Для достижения поставленной цели были решены такие задачи, как: 1) количественный анализ статей, размещенных в российской и зарубежной реферативных научных базах и содержащих термин «трампизм» в заглавии, аннотации или ключевых словах; 2) качественный анализ содержания статей и выявление сущностных характеристик явления, характеризующегося термином «трампизм». Формирующийся научный дискурс фиксирует новое социальное явление, которое характеризует новый социальный запрос на новую политику, новую экономику, новый миропорядок. Дальнейшее изучение трампизма необходимо для оценки возможности его проявления в политике других стран мира.

Научный дискурс, формирующийся вокруг трампизма: количественная характеристика

В 2016 г. неологизм «трампизм» вошел в научный дискурс и стал приобретать научное наполнение. В данной работе предпринята попытка осмысления научных работ российских и зарубежных ученых о трампизме, выявление сущностных характеристик социального явления, получившего название «трампизм». Нам представляется актуальным вопрос о том, закрепится ли этот термин или уйдет из поля научных интересов вместе с 45-м президентом Америки (рисунок).

В основу исследования легли работы российских авторов, размещенные в базе РИНЦ [4; 5; 8; 10; 13–17; 19; 23], зарубежных исследователей, представленные в декабрьском выпуске журнала «Глобальный диалог» за 2017 г. в рубрике «Социальные предпосылки трампизма» [6; 7; 9; 11; 12; 20], и работы, размещенные в базе данных Scopus [21; 22; 24–26; 29].

За относительно короткий срок (2016–2018 гг.) учеными из разных стран мира написано более 100 статей о трампизме. В базе данных Scopus на сегодня

Long live Trumpism ! /s

Отражение общественного дискурса трампизма в Интернете [27]

няяшний день размещена 51 публикация, содержащая неологизм «trumpism» в заглавии/ключевых словах/аннотации (2016 г. – 7 статей, 2017 г. – 37 статей, январь–апрель 2018 г. – 7 статей). Понятно, что за такой активностью стоит не праздный интерес к личности очередного президента США, а нечто большее, способное повлиять не только на интересы, но и судьбы людей. География исследователей также впечатляет, она представлена такими странами, как США (28 статей), Великобритания (8 статей), Германия (2 статьи), Австралия, Канада, Греция, Гонгконг, Норвегия, Таиланд, Швейцария. В РИНЦе представлено 11 работ (3 – за 2016 г., 7 – за 2017 г. и 1 – за 2018 г.). В Интернете можно найти множество статей о трампизме, на видеохостинге YouTube содержатся материалы, в которых обсуждается трампизм как явление.

В изучение трампизма включились представители разных отраслей науки: политологи, социологи, лингвисты, культурологи и др. Это говорит о сложности и неоднозначности социального явления, которое наиболее ярко выразилось в деятельности кандидата в президенты США, а впоследствии и президента США Дональда Трампа. Нам представляется интересным изучение разных точек зрения, это позволит получить наиболее полную характеристику изучаемого явления. Кроме того, интересен анализ работ авторов, проживающих непосредственно в США, и авторов из других стран мира: два взгляда – изнутри и снаружи – позволят выделить как специфические моменты трампизма, как явления, которое появилось и сформировалось в США, так и общемировые тенденции трампизма как явления, которое может повлиять на всю мировую политику/глобальное общество.

Появление в научном дискурсе термина «трампизм» зафиксировали филологи. В работе Н. Н. Соколянской отмечается, что в конце 2016 – начале 2017 г. наблюдалась небывалая словообразовательная активность имени собственного Трамп, от которого появились неологизмы, выражающие как позитивный, так и негативный взгляд на деятельность этой политической личности [13, с. 13]. Например, существительное «трампизм» вошло в ряд сходных по структуре терминов (социализм, капитализм), образованных по продук-

тивной модели с помощью суффикса -изм-. В текстах оно употребляется в нескольких значениях:

- а) эпоха кризиса неолиберализма;
- б) стиль мышления и поведения республиканца;
- в) многочисленные противоречивые высказывания Трампа [13, с. 13].

Анализируя политический дискурс Дональда Трампа, лингвисты выделяют в качестве центральных функций речей Трампа ориентирующую, манипулирующую (основываются на элементах единения с народом, высокой степени патриотизма), воздействующую, агонистическую (речь Трампа отличается особой экспрессивностью) [5, с. 107]. Они подчеркивают, что подобные неологизмы являются весьма эффективным средством формирования общественного мнения и манипулирования национальным сознанием [23, с. 125]. В работе Лилиан Монкрифф представлен подробный анализ риторики Д. Трампа: «Содержание риторики Трампа было сосредоточено на угрозах личной безопасности (терроризм), личном статусе (экономический спад) и групповом статусе (иммиграция). Анализ языка дебатов Трампа и риторики в Twitter... подтверждают нетрадиционную эффективность риторического подхода Трампа» [29, р. 127].

Викисловарь предлагает два варианта трактовки термина «трампизм»: 1) политика и идеология Дональда Трампа; 2) какое-либо известное и цитируемое высказывание Дональда Трампа [18].

Итак, лингвисты указывают, что использование суффикса -изм- возможно в двух случаях:

а) под ударением при добавлении к существительному образует существительное мужского рода со значением идейного течения, направления мысли, стиля, характера действия и т. п. (напр., коллективизм, сталинизм, фрейдизм, планеризм и др.);

б) под ударением при добавлении к корню прилагательного образует существительное мужского рода со значением названия элемента языка, характеризующегося мотивирующим прилагательным (напр., архаизм, вульгаризм, пушкинизм и др.) [1, с. 15].

Вполне понятно, что содержательную часть своей предвыборной кампании Дональд Трамп доносил через экспрессивные речи, изобилующие специфическими фразами, которые и получили название «трампизмы». А вот является или станет ли трампизм идейным течением/учением или новой политической системой – большой вопрос. Так что же, по мнению ученых, стоит за термином «трампизм»?

Содержательный анализ научного дискурса

В современном научном дискурсе сформировано мнение, что трампизм – это социальное явление, которое постепенно развивалось и наиболее ярко выразилось в победе Д. Трампа на выборах президента США, его предвыборной кампании. Так, например, Н. М. Травкина акцентирует внимание на работе

М. Линд под названием «Трампизм и клинтонизм – политическое будущее США» [28]. В своей статье М. Линд утверждает, что «трампизм представляет собой будущее Республиканской партии, а клинтонизм – будущее Демократической партии» (цит. по: [16]). О. Ф. Русакова и В. М. Русаков подчеркивают, что современные политические аналитики увидели в победе Д. Трампа особый феномен, который получил название «трампизм». Они также обращаются к работе американского ученого Ф. Фогарти (Fred Fogarty), который трактует трампизм как восстание против неолиберального консенсуса, заключенного между лидерами Демократической и Республиканской партий, представляющих ядро американского политического истеблишмента [10, с. 14]. Анализируя общемировые тенденции, О. Ф. Русакова и В. М. Русаков приходят к выводу, что «трампизм становится символическим обозначением грядущего Интернационала новых правых, призрак которого уже переходит границы США и Европы. Россия также участвует в данном процессе... дерзость движения по имени “трампизм” внушает уважение» [10, с. 22]. Они считают, что «трампизм можно было бы определить как сочетание деидеологизированной внешней политики с попыткой новой реиндустриализации экономики США и торгового протекционизма. Трампизм, понимаемый как принципиально новый феномен американской политической жизни, является формой трансформации американской политической системы в сторону авторитаризма» [10, с. 22].

Однако реальная деятельность Д. Трампа по его приходу к власти стала сильно различаться с провозглашенными постулатами предвыборной кампании. Уже в статье 2017 г. В. С. Васильев отмечает, что «получившие широкое хождение представления о трампизме как современном американском издании экономического национализма не находят подтверждения в мировоззренческих установках и профессиональных навыках ключевых фигур администрации Трампа, ответственных за разработку и реализацию ее экономической и внешнеэкономической политики. Более того, феномен трампизма можно даже интерпретировать таким образом, что спустя 25 лет после начала глобализации финансовая и деловая элиты Америки, олицетворяемые Уолл-стрит и Нью-Йорком, разочаровались в способности политического Вашингтона добиваться глобального доминирования США привычными инструментами и подходами, основанными на концепциях “мягкой силы” и “дозированного” применения военной силы. В условиях многополярного мира американские финансово-экономические элиты решили действовать напрямую, минуя вашингтонских “брокеров и посредников”. Именно поэтому за новой идеологической оболочкой администрации Трампа все чаще проглядывают прежние имперские амбиции и стереотипы американской “исключительности”» [4, с. 54].

Ему вторит Э. Г. Соловьев: «Приход к власти Дональда Трампа, его активная деятельность по подрыву внешне- и внутривнутриполитического наследия Обамы в первые же дни президентства подняли волну беспокойства западных аналитиков. Инаугурационная речь Трампа произвела в мейнстримных западных медиа эффект разорвавшейся бомбы. Она была почти безупречно популист-

ской (с обещаниями вырвать власть из рук “вашингтонского бюрократического болота” и вернуть ее “народу”), националистической на грани “изоляционизма”. Трамп выглядел образцовым правым популистом. Проблема в том, что популисты обычно ясно обозначают существующие недостатки, решительно поднимают реальные наболевшие вопросы, но не дают внятных (и рациональных) ответов относительно способов их решения. И избранный американский Президент Д. Трамп на данный момент не выглядит исключением из общего правила» [14, с. 68].

Аналогичное разочарование звучит в работах американских ученых. Одним из слагаемых трампизма, который обеспечил победу Д. Трампа на выборах, стал экономический национализм, ориентированный на внутренний контроль национальной экономики страны. Однако, по мнению П. Эванса, «трамповская версия “экономического национализма” представляет собой сочетание безрезультатных угроз с напыщенной риторикой» [20, с. 12]. Далее он пишет: «Дональд Трамп – угроза для всей планеты, но не потому, что он экономический националист, а потому, что он стоит во главе опаснейшего военного аппарата мира. Судя по его политике, вступившей в силу к настоящему моменту (конец 2017 г. – *Примеч. авт.*), он не столько экономический националист, сколько политик, обнаруживший, что клише, связанные с экономическим национализмом, успешно помогают отвлечь избирателей от его увлечения самыми ретроградными аспектами капиталистического доминирования» [20, с. 13].

Эксперты отмечают, что предвыборная кампания Д. Трампа была очень грамотно выстроена с точки зрения социологического сопровождения [24; 26]. В работе Р. Рэй указывается на то, что «правые в США приложили больше усилий к тому, чтобы осмыслить эти изменения, чем левые, и смогли использовать в своих целях и популяризировать подходящие для мобилизации американские культурные нарративы. Приведем основные положения некоторых из них:

противопоставление “заслуженно бедных” и “незаслуженно бедных”, т. е. представление о том, что некоторые люди обеднели, потому что у них отобрали работу, в отличие от тех, кто стал бедным потому, что просто не хочет работать;

националистические настроения – тревога, вызванная тем, что иммигранты не только отнимают работу у “незаслуженно бедных”, но, кроме того, в силу своего количества делают Америку менее “белой”;

представления о том, что мужчины – это, прежде всего, кормильцы. Такое убеждение предполагает, что женщин, пытающихся добиться лидерства или оспорить лидерство мужчин, нужно поставить на место.

Это успешное внедрение дискурса признания и перераспределения лежит в основе устойчивого воспроизводства политических взглядов депривированных, которыми отличаются белые мужчины рабочего класса» [11, с. 14].

Американский ученый Ф. Горски утверждает, что белые евангелисты проголосовали за Д. Трампа, потому что их привлекла расовая, апокалиптическая и кровавая риторика этого кандидата. Он считает, что один из способов чтения трампизма – это реакционная и секуляризованная версия белого христианского национализма [22, р. 339].

Еще одним важным моментом трампизма стали обещания в отношении иммигрантов. В статье Кристины Г. Мора снова подчеркивается нереальность предвыборных обещаний в отношении иммигрантов. Риторика Д. Трампа о «приравнении иммигрантов к преступникам вместе с непрекращающимися разговорами о сокращении рабочих мест придало сил хору националистических, настроенных против иммигрантов голосов» [7, с. 16]. Далее американский исследователь приходит к выводу, что «масштабные изменения в иммиграционной политике США вряд ли когда-либо произойдут, потому что сама система служит в точности для того, для чего и была задумана. Она выстроена и функционирует так, чтобы предоставлять бесправную рабочую силу, обеспечивающую наши позиции на мировом рынке и уязвимую для эксплуатации. И ни временные облегчения, ни мелкие изменения иммиграционной политики, ни краткосрочные программы амнистии не меняют ситуации в целом» [7, с. 17].

В работе Р. Милкмана также продемонстрировано, как предвыборные лозунги Д. Трампа расходятся с его реальными делами на посту президента США: «Однако если риторика Трампа является эхом кампании Рейгана, его реальная трудовая политика (пока что) не столь прямолинейна и не предполагает открытой атаки на профсоюзы. Пока президент отвлекает внимание публики нескончаемыми пафосными заявлениями в Твиттере и прочей демагогией, а в Белом доме разворачивается кризис администрации, антирабочая программа, долго вынашиваемая правым крылом, потихоньку движется вперед» [6, с. 18].

Д. Райли напрямую критикует деятельность Д. Трампа на посту президента США и связывает период его правления с крахом неолиберализма: «В то время как промышленный базис Америки переживает крушение, а медианные зарплаты остаются на прежнем уровне, заработки руководителей непомерно растут. Таким образом, интересы капиталистического класса США уходят все дальше и дальше от широких слоев общества. Именно в этом смысле выборы Трампа стали проявлением кризиса авторитета правящего класса. Социальная элита США больше не может поддерживать иллюзию, что ее интересы совпадают с интересами основной части населения» [9, с. 21]. В статье Д. Райли представлен социологический анализ фигуры Д. Трампа, проводятся параллели с такими политическими фигурами, как С. Берлускони, В. Путин, В. Орбан: «Трамп может рассматриваться как “нео-патримониальная” фигура, которая собирает вокруг себя неформальный круг последователей, обещая наградить их государственными милостями» [9, с. 23]. Поиски исторических параллелей при анализе политической персоны Д. Трампа [3; 9; 25] говорят

о том, что идет процесс осмысления происходящих изменений, обращение к историческому опыту необходимо для построения дальнейших прогнозов развития трампизма.

Однако реальные действия Дональда Трампа свидетельствуют о динамичности изменений его политики, которая значительно опережает ход ее научного осмысления.

Научный дискурс трампизма вне официальных источников

Нередко для обсуждения проблематики трампизма ученые выбирают формат свободной дискуссии. Это вполне объяснимо новизной феномена. Именно в ходе живого обсуждения появляются, уточняются, оформляются различные точки зрения. Поэтому в рамках данной работы хотелось бы осветить два мероприятия, на которых проходило обсуждение интересующего нас явления.

В Москве 13 сентября 2017 г. на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» была организована презентация нового доклада «Глобальный правый бунт: трампизм и его база» [3]. В нем представлен глубокий анализ явления, получившего название «трампизм», а также его основная характеристика.

Во-первых, исследователи уловили один из элементов научного дискурса о трампизме (трампизм как явление возник до появления Д. Трампа на политической арене и ярко проявился в победе на выборах) и определили его в следующем тезисе: «Трампизм как идеология и система ценностей гораздо шире политической фигуры Трампа и не привязан напрямую к его текущим политическим действиям... глобальная политическая волна, вызванная электоральным успехом Трампа, сформировала принципиально новую идеологию и даже новую систему ценностей, которую можно условно назвать трампистской (повторим еще раз, этот термин используется без строгой привязки к будущей эволюции самого Дональда Трампа)» [3, с. 4].

Во-вторых, они описали социально-экономические и политические предпосылки появления трампизма, его социальную базу (основные социальные группы населения, формирующие запрос на изменения, которые получили название «трампизм»).

В-третьих, ученые выделили ценности, на которых основывается трампизм: 1) ценность производящей экономики; 2) ценность реиндустриализации; 3) ценность поддержки собственных трудовых ресурсов; 4) ценность защиты внутреннего рынка; 5) ценность защиты суверенитета; 6) ценность защиты национальной идентичности и историко-культурной самобытности общества; 7) ценность отказа от политкорректности [3, с. 8]. Именно эти ценности составили основу социального запроса американцев, проголосовавших за Д. Трампа, именно эти ценности позволяют говорить о формировании запроса на «глобальный правый бунт» в разных странах мира.

В-четвертых, исследователи представили свой взгляд на перспективы развития трампизма в других странах.

В г. Орел 21–23 октября 2018 г. в Орловском государственном университете им. И. С. Тургенева прошла Первая Международная научно-практическая конференция «Арригиевские чтения». На пленарном заседании конференции Е. В. Балацким был представлен доклад на тему «Феномен Трампа в контексте циклов Арриги» [2]. По мнению Е. В. Балацкого, Д. Трамп хотел бы ограничить приток иммигрантов, вернуть производства (рабочие места) из-за границы в США, снизить налог на корпорации, ввести таможенные пошлины на иностранные товары. Однако это порождает конфликты с интересами национального бизнеса, с интересами политической (управленческой) системы, с интересами национального потребителя. Опираясь на концепцию системных циклов накопления Дж. Арриги, ученый анализирует возможности и ограничения политики Д. Трампа и приходит к выводу о том, что запросы, которые воплощает трампизм, будут реализованы Китаем.

Живой научный дискурс также содержит серьезные оценки трампизма.

Выводы

Появление неологизма «трампизм» не только в медийном, но и научном дискурсе свидетельствует о возникновении нового феномена социальной жизни, который требует изучения. Ученые вкладывают разные смыслы в этот термин: от крылатых выражений Д. Трампа до кризиса эпохи неоллиберализма. В результате проделанной работы были выделены следующие элементы научного дискурса, которые позволяют охарактеризовать трампизм: 1) трампизм по содержанию шире, чем политика, реализуемая Д. Трампом, который дал свое имя этому явлению; 2) обсуждение социально-экономических и политических предпосылок появления трампизма, его социальной базы; 3) формулирование ценностей, на которых основывается трампизм; 4) рассуждения о перспективах развития трампизма в других странах.

На современном этапе вряд ли трампизм можно назвать философским, социально-экономическим или политическим учением по аналогии с марксизмом, ленинизмом и т. д., да и в перспективе такое признание маловероятно. Определенно можно сказать, что научный дискурс, формирующийся вокруг этого термина, фиксирует новое социальное явление, которое характеризует новый социальный запрос на новую политику, новую экономику, новый миропорядок. Ученые высказывают мнение, что трампизм хоть и получил свое название в честь 45-го президента США, но по своему смысловому наполнению выходит далеко за пределы риторики и деятельности Д. Трампа. Содержание трампизма наиболее ярко отражено в метафоре «глобальный правый бунт». С приходом к власти Д. Трампа динамика и содержание политической жизни США и многих других стран значительно изменились, и важно отслеживать новые формирующиеся тенденции.

Важным моментом, который пока не попал в поле зрения современных социологов, по нашему мнению, является грамотно выстроенное социологи-

ческое сопровождение подготовки и реализации предвыборной кампании Д. Трампа. Мысль о том, что Трамп смог уловить общественный запрос, сквозит во многих работах, а вот то, что это не могло быть осуществлено без активного участия социологов, остается за рамками рассуждений.

Список использованных источников

1. *Агаронян, И. В.* О некоторых новообразованиях абстрактных имен существительных / И. В. Агаронян // Ученые зап. Куйбышев. пед. ин-та. Куйбышев, 1971. – Вып. 82, ч. 1. – С. 3–24.
2. *Балацкий, Е. В.* Феномен Трампа в контексте циклов Арриги [Электронный ресурс] / Е. В. Балацкий. – Режим доступа: http://nonerg-econ.ru/upload/file/ekonomisty_fu_rasskazali_na_arrigievskih_chteniyah.pdf. – Дата доступа: 01.05.2018.
3. *Барабанов, О. Н.* Глобальный правый бунт: трампизм и его база [Электронный ресурс] / О. Н. Барабанов [и др.]. – Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/files/17226/>. – Дата доступа: 01.05.2018.
4. *Васильев, В. С.* Анатолия трампизма: команда 45-го президента США / В. С. Васильев // Перспективы: электрон. журн. – 2017. – № 3 (11). – С. 52–62.
5. *Мартынова, И. Н.* Стилистические особенности публичных выступлений Дональда Трампа (на материале современных американских СМИ) / И. Н. Мартынова, А. С. Николаева // Общие и частные вопросы филологии : сб. науч. ст. по материалам XIII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. – С. 105–108.
6. *Милкман, Р.* Трамп как угроза для рабочего класса / Р. Милкман // Глобальный диалог. – 2017. – № 4. – С. 18–20.
7. *Мора, К. Г.* Иммиграция и политика эры Трампа / К. Г. Мора // Глобальный диалог. – 2017. – № 4. – С. 16–17.
8. *Морозова, В. А.* Влияние «трампизма» на экономические отношения КНР и США / В. А. Морозова // Вестн. Сиб. ин-та бизнеса и информационных технологий. – 2017. – № 4 (24). – С. 49–53.
9. *Райли, Д.* Американский брюмер? / Д. Райли // Глобальный диалог. – 2017. – № 4. – С. 21–23.
10. *Русакова, О. Ф.* Правый поворот в политическом дискурсе элит и кризис неолиберализма / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков // Дискурс-Пи. – 2016. – Т. 13, № 3–4. – С. 13–22.
11. *Рэй, Р.* Трампизм и рабочий класс белых мужчин / Р. Рэй // Глобальный диалог. – 2017. – № 4. – С. 14–15.
12. *Сидман, Г. У.* Демократия в Бразилии и ЮАР под угрозой / Г. У. Сидман // Глобальный диалог. – 2017. – № 4. – С. 27–29.
13. *Соколянская, Н. Н.* Неологизмы и слова года / Н. Н. Соколянская // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. – 2017. – № 2. – С. 13.
14. *Соловьев, Э. Г.* Трампизм и международные отношения: мир на пороге деидеологизации? / Э. Г. Соловьев // Междунар. жизнь. – 2017. – № 10. – С. 69–86.
15. *Тетерятников, К. С.* Трамп и его экономическая политика «Трампономика» / К. С. Тетерятников // Междунар. экономика. – 2018. – № 2. – С. 35–51.
16. *Травкина, Н. М.* «Трампизм» во власти: противостояние продолжается / Н. М. Травкина // Перспективы: электрон. журн. – 2017. – № 2 (10). – С. 39–53.
17. *Травкина, Н. М.* Особенности президентской кампании 2016 г. в США – случайная аномалия или предвестник турбулентности? / Н. М. Травкина // Перспективы: электрон. журн. – 2016. – № 3 (7). – С. 19–34.
18. Трампизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BF%D0%B8%D0%B7%D0%BC>. – Дата доступа: 01.05.2018.
19. *Тугаль, Д.* Подъем правого ленинизма / Д. Тугаль // Глобальный диалог. – 2017. – № 4. – С. 24–26.

20. Эванс, П. Что стоит за риторикой Трампа об экономическом национализме / П. Эванс // Глобальный диалог. – 2017. – № 4. – С. 11–13.
21. Farina, J. What's new about the new nationalism / J. Farina // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Философия. – 2017. – Т. 21, № 4. – С. 448–455.
22. Gorski, P. Why evangelicals voted for trump: A critical cultural sociology / P. Gorski // American J. of Cultural Sociology. – 2017. – No 5 (3). – P. 338–354.
23. Abramicheva, E. N. Trump, Trumpism, Trumpedy: linguistic aspect // E. N. Abramicheva, M. D. Kličeva // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: отечественные традиции и международная практика : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Ялта, Симферополь, 4–5 мая 2017 г. / гл. ред. А. Д. Петренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 123–137.
24. Bauwens, M. Re-dynamising local economies in the age of trumpism / M. Bauwens, V. Niaros // J. of Futures Studies. – 2017. – No 21 (3). – P. 101–106.
25. Colasacco, B. Before trump: On comparing fascism and trumpism / B. Colasacco // J. of the Study of Radicalism. – 2018. – No 12 (1). – P. 27–53.
26. Dolan, T. A post-hoc causal-layered analysis of American Trumpism / T. Dolan // J. of Futures Studies. – 2017. – No 21 (3). – P. 93–100.
27. Long live Trumpism! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://me.me/i/long-live-trumpism-s-20239861>. – Дата доступа: 01.05.2018.
28. Lind, M. Trumpism and Clintonism Are the Future / M. Lind // The New York Times. – 2016. – April 17. – P. 8–10.
29. Moncrieff, L. Trumpism and Being in Worlds that Fall Between Worlds / L. Moncrieff // Law and Critique. – 2017. – No 28 (2). – P. 127–133.

Поступила 28.09.2018 г.

УДК 316.334.3:342.8(476)

С. В. ХАМУТОВСКАЯ,

*кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: khamutouskaya@yandex.ru*

ПРАВОВАЯ БАЗА ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

В статье выявляются ведущие особенности формирования и развития правовой базы избирательной системы Республики Беларусь. Подчеркивается важность определения подходящего конкретной стране, включая Беларусь, типа избирательной системы в условиях системной трансформации, а также значимость своевременной корректировки организационно-правовых основ избирательной системы в соответствии с актуальными потребностями общества и государства.

Ключевые слова: избирательная система Республики Беларусь, правовая база, выборы, политическая система.

S. V. KHAMUTOUSKAYA,

*Candidate of Sociology, Associate Professor,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, e-mail: khamutouskaya@yandex.ru*

LEGAL BASE OF THE ELECTORAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS: FEATURES OF FORMATION AND DEVELOPMENT

The leading features of formation and the modern condition of legal base of an electoral system of the Republic of Belarus are revealed and analyzed in the article. Importance of definition suitable for the concrete country, including Belarus, type of an electoral system in conditions of system transformation, and significance of timely correction of organizational and legal bases of an electoral system according to relevant requirements of society and state is emphasized.

Keywords: electoral system of Belarus, legal base, elections, political system.

В настоящее время политическая система Республики Беларуси включает в себя множество различных форм и способов участия граждан в политической жизни и управлении государством. При этом основной формой участия традиционно являются выборы в органы государственной власти. Выборы обеспечивают эффективное взаимодействие государства и общества, являются свободными, равными, прямыми, тайными и проводятся в рамках конкретного типа избирательной системы. Особенное значение определение последнего имеет при системных трансформациях, сопровождающихся качественными и относительно быстрыми преобразованиями: сменой политических

режимов, изменением экономической модели, социальных институтов, образа жизни людей и т. д. Беларусь – страна, в которой системная трансформация началась в конце 80-х – начале 90-х годов XX в. и была связана, главным образом, с приобретением суверенитета и провозглашением демократического политического режима. Ряд авторов (среди которых, к примеру, Дж. Элстер, К. Оффе и У. Пройс) считают, что выбор подходящего типа избирательной системы – «одно из наиболее сложных и важных решений, которое необходимо делать во время перехода от коммунистического правления» к демократии [1]. Помимо прочих факторов, сложность подобных решений обуславливается необходимостью, во-первых, одновременно принимать во внимание международные избирательные стандарты и национальную специфику государства, а во-вторых, определять реальные возможности дальнейшего эффективного нормативно-правового обеспечения функционирования выбранного типа избирательной системы. Цель данной статьи заключается в выявлении и характеристике основных особенностей формирования и развития правовой базы избирательной системы Республики Беларусь.

Значимый для развития белорусской избирательной системы период наступил, во-первых, после выборов в конце 1980-х – начале 1990-х годов, которым предшествовал ряд массовых протестных выступлений, направленных против коммунистического режима, а, во-вторых, после провозглашения суверенитета. 27 июля 1990 г. в Белорусской Советской Социалистической Республике (БССР) была принята Декларация о государственном суверенитете, которой 25 августа 1991 г. по решению Верховного Совета БССР был придан статус конституционного закона, на основании чего в дальнейшем были внесены изменения в Конституцию 1978 г. (например, статья 6 закрепила многопартийность). 19 сентября 1991 г. БССР была переименована в Республику Беларусь, 27 февраля 1991 г. был принят Закон «Об основных принципах народовластия в Республике Беларусь». В последнем закреплялись положения о том, что: вся власть исходит от народа и осуществлять ее он может как непосредственно, так и через представителей соответствующих органов власти; правом выступать от имени всего белорусского народа обладает Верховный Совет (парламент); власть осуществляется тремя структурами – законодательной, исполнительной и судебной в пределах определенной компетенции, самостоятельно, независимо друг от друга.

В 1994 г. была принята новая Конституция Республики Беларусь, за основу которой был взят проект не с парламентской, а с президентской формой правления. Вводилось два новых института власти – пост Президента и Конституционный суд. По итогам референдума 1996 г. вместо однопалатного парламента (Верховного Совета) был введен двухпалатный, получивший название «Национальное собрание Республики Беларусь». Конституция 1994 г. с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканском референдуме 24 ноября 1996 г., провозгласила Республику Беларусь унитарным демократическим социальным правовым государством, в котором единственным

источником государственной власти и носителем суверенитета является народ, а демократия осуществляется «на основе многообразия политических институтов, идеологий и мнений», при этом «идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан» [2, с. 48–49]. В статье 5 подчеркивалось, что политические партии, другие общественные объединения должны содействовать «выявлению и выражению политической воли граждан», участвовать в выборах [2, с. 49]. Статьи 37 и 38 закрепили право граждан на участие в решении государственных дел как непосредственно, так и через свободно избранных представителей, и право свободно избирать и быть избранными в государственные органы.

В Конституции избирательной системе был посвящен раздел III «Избирательная система. Референдум». В статьях 64–68 указывалось, что выборы депутатов и других лиц, избираемых на государственные должности народом, являются всеобщими, свободными, равными, прямыми и тайными [2, с. 62–63]. Право выдвижения кандидатов в депутаты закреплялось за общественными объединениями, трудовыми коллективами и гражданами в определенном количестве в зависимости от уровня выборов. Нашли отражение и статьи о создании избирательных комиссий и порядке отзыва депутатов. Конституцией устанавливалась мажоритарная избирательная система абсолютного большинства для выборов Президента, депутатов Палаты представителей и депутатов местных Советов депутатов. Определялось, что Президент избирается сроком на 5 лет и не может занимать свой пост более двух сроков подряд, парламент и местные Советы депутатов – на 4 года. Однако позднее, а именно 17 октября 2004 г., в Конституцию Республики Беларусь путем республиканского референдума, инициированного Главой государства, были внесены очередные изменения: из части первой статьи 81 была изъята норма о том, что одно и то же лицо может занимать пост президента страны не более двух сроков подряд.

11 февраля 2000 г. был принят Избирательный кодекс Республики Беларусь, в который в качестве составных частей вошли законы о выборах президента, депутатов парламента и местных Советов депутатов, об отзыве депутатов, о референдуме. В целом в связи с принятием Избирательного кодекса утратили силу 17 законов и 5 постановлений. Кодекс включил в себя 10 разделов и 156 статей, в которых подробно регламентировались все стадии избирательного процесса, а также порядок назначения и проведения референдумов, процедура отзыва депутатов. В статье 2 указывалось, что «правовую основу избирательной системы, референдума составляют Конституция Республики Беларусь, настоящий Кодекс и иные акты законодательства Республики Беларусь, постановления Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов» [3, с. 17].

Долгое время Кодекс не подвергался существенной корректировке, но когда стало очевидно, что на выборах в местные органы власти электоральная актив-

ность и явка избирателей является невысокой, что влечет за собой необходимость постоянно проводить второй тур голосования либо повторные выборы, в 2006 г. был принят Закон № 166-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам проведения выборов и референдумов», в том числе в Избирательный кодекс: в частности, относительно выборов местных Советов депутатов была исключена статья 90 «Второй тур». Принятый в 2010 г., накануне выборов депутатов в местные Советы депутатов двадцать шестого созыва, Закон Республики Беларусь № 99-З «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам проведения выборов и референдумов и о признании утратившим силу Закона Республики Беларусь “О Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов”» (4 января 2010 г.) послужил основанием для внесения ряда новшеств в Избирательный кодекс нашей страны, среди которых было и упразднение порога явки избирателей на местных выборах. Так, в новой редакции статьи 89 указывалось, что «избранным считается кандидат в депутаты местного Совета депутатов, получивший наибольшее число голосов избирателей, принявших участие в голосовании» [4, с. 115]. То есть фактически была изменена разновидность мажоритарной системы: с системы абсолютного на систему относительного большинства – с целью повышения результативности проведения местных выборов и экономии организационных и материальных ресурсов. В результате по итогам выборов в местные Советы депутатов двадцать пятого, двадцать шестого, двадцать седьмого и двадцать восьмого созывов значительно уменьшилось количество округов, в которых выборы не состоялись либо не проводились в связи с выбытием всех кандидатов в депутаты до дня голосования (соответственно – до трех округов в 2007 г., до одного в 2010 г., до двух в 2014 г., до одного в 2018 г.), а также количество округов, в которых баллотировалось по одному кандидату, который не набрал необходимого количества голосов (соответственно – до 19 в 2007 г. и до 14 в 2010 г.). В 2014 г. в трех избирательных округах депутаты не были избраны, так как не получили необходимого числа голосов избирателей [5]. В 2018 г. депутаты были избраны в 18 110 избирательных округах из 18 111.

В целом изменения и дополнения, внесенные в Избирательный кодекс Республики Беларусь в 2010 г., затронули более трети всех статей:

1) было установлено, что представители политических партий должны составлять не менее одной трети состава избирательных комиссий;

2) упростилась процедура выдвижения и регистрации кандидатов в депутаты, в президенты: к примеру, части первая–третья статьи 62 «Порядок выдвижения кандидатов в депутаты политическими партиями» Избирательного кодекса Республики Беларусь были изложены в новой редакции; из них исключили слова о необходимости наличия в соответствующем избирательном округе организационных структур политической партии, образованных в установленном порядке до назначения выборов, для выдвижения кандидатов

в депутаты Палаты представителей и нижестоящих организационных структур политической партии – для выдвижения кандидатов в местные Советы депутатов;

3) в статью 61 были внесены дополнения, касающиеся, во-первых, сбора подписей для выдвижения кандидата в депутаты, президенты: стало разрешено собирать подписи посредством пикетирования без получения специального разрешения в местах, не запрещенных для этой цели местными исполнительными и распорядительными органами; во-вторых, изменились требования к заполнению листов для сбора подписей: было установлено, что один подписной лист может включать в себя подписи граждан, проживающих в пределах определенного избирательного округа, а не отдельных административно-территориальных единиц, входящих в данный округ;

4) в статью 48 был добавлен пункт «Избирательные фонды кандидатов в Президенты Республики Беларусь, в депутаты Палаты представителей», разрешающий кандидатам в президенты и депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь создавать собственные избирательные фонды для финансирования дополнительных расходов по предвыборной агитации.

В 2010 и 2011 гг. продолжилась кодификация избирательного законодательства Беларуси: в Кодекс были включены нормы закона «О Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов»; организациям, зарегистрированным в установленном порядке менее чем за один год до дня внесения пожертвования, запретили участвовать в формировании избирательных фондов кандидатов. В 2013 г. право создавать собственные фонды получили кандидаты в местные Советы депутатов. В этом же году в Избирательном кодексе было закреплено положение о том, что выборы в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь будут проводиться не по мажоритарной системе абсолютного большинства, а по мажоритарной системе относительного большинства в один тур (статья 82). По мнению главы Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь Л. Ермошиной, такое изменение было обусловлено «практикой проведения парламентских выборов, на которых второй тур голосования, за редким исключением, не проводился» [9].

Кроме того, редакция Избирательного кодекса 2013 г. дополнилась еще рядом нововведений:

изменилась система избирательных комиссий, создаваемых для выборов в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь: к уже существующим добавились областные и Минская городская территориальные избирательные комиссии;

центральную, территориальные, окружные избирательные комиссии обязали изготавливать общие плакаты с биографическими данными кандидатов для их размещения на участках для голосования и других установленных для этого местах, а также печатать информационные материалы о кандидатах для направления их избирателям;

расширилось число сведений, которые необходимо представлять в соответствующие комиссии кандидатами в депутаты и на пост президента, а именно к стандартным данным добавились сведения о судимости (в том числе погашенной) и источниках доходов;

более четкую регламентацию получила деятельность наблюдателей на выборах: был введен институт обязательной аккредитации для национальных наблюдателей, ранее распространявшийся только на иностранных наблюдателей;

появились ограничения, касающиеся предвыборной агитации, к наиболее значимым из которых относятся: оскорбления и клевета в отношении должностных лиц Республики Беларусь, кандидатов в президенты Республики Беларусь, в депутаты, а также призывы, побуждающие или имеющие своей целью побуждение к срыву, или отмене, или переносу срока выборов, референдума. Как отметила глава Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь Л. Ермошина, «предпосылкой к такому решению стала негативная практика ведения предвыборной агитации» во время парламентской избирательной кампании 2012 г. как отдельными кандидатами в депутаты, так и их представителями, а также рядовыми гражданами [6].

В 2014 г. был принят Закон Республики Беларусь № 116-З «О присоединении Республики Беларусь к Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств». Данный документ на региональном уровне закрепил единые международные стандарты относительного избирательного права и обязательность их исполнения для стран, присоединившихся к нему. Систематизация норм организации и проведения свободных справедливых выборов, признаваемых международным сообществом, определение общих критериев оценки качества избирательного процесса и итогов выборов в формате нормативно-правового акта явились важным событием для Беларуси. Присоединение нашей страны к Конвенции можно рассматривать как проявление готовности к дальнейшей демократизации избирательного законодательства и стремления на практике обеспечить признание соответствия национальных выборов международным стандартам.

В 2015 г. в Избирательный кодекс было внесено несколько поправок, касающихся запрета финансирования выборов различными иностранными субъектами (Закон Республики Беларусь от 4 июня 2015 г. № 268-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь»).

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что анализ особенностей формирования и развития правовой базы избирательной системы Республики Беларусь показал, что, во-первых, при установлении конкретной избирательной системы с соответствующим нормативно-правовым оформлением необходимо учитывать множество факторов: исторических, политических, культурных и т. д. К примеру, советский период для

Беларуси, безусловно, был сопряжен с рядом негативных явлений в политической и иных сферах жизнедеятельности, в том числе с декларативностью норм избирательного права, формально закрепленных в Конституциях и законах о выборах, и реальностью проведения «выборов без выбора». Белорусские эксперты Ю. Шевцов (директор Центра по проблемам европейской интеграции) и Е. Прейгерман (директор по исследованиям ОО «Дискуссионно-аналитическое сообщество «Либеральный клуб») справедливо отмечают, что «совершенной избирательной системы не бывает. Бывает оптимальная для конкретного периода развития общества», «...в мире каждое общество уникально, имеет особенные исторические, культурные и политические характеристики. То, что хорошо работает в одной стране, может стать фактором серьезных проблем в другой. Поэтому для Беларуси нет готового рецепта» [7, с. 17–18]. Во-вторых, в современной Беларуси правовой основой избирательной системы являются, прежде всего, Конституция и законы, наблюдается явное стремление к систематизированию норм избирательного права путем кодификации. Хотя известно, что в странах, переживающих системную трансформацию, политический климат, как правило, не стабилен, «правила игры» постоянно меняются, а те или иные избирательные нормы, подвергшиеся кодифицированию, не всегда успешно проходят апробацию на практике. Некодифицированные избирательные законы в этом плане выступают в качестве более гибких образований. Однако, в целом, не само оформление норм и процедур, обеспечивающих функционирование той или иной избирательной системы, а их реальное соблюдение и своевременная корректировка являются важным условием становления и развития демократии и института выборов в органы государственной власти и управления как ее неотъемлемой части. При этом одним из наиболее эффективных способов выявления необходимости сохранения действующей правовой базы избирательной системы либо ее изменения являются социологические исследования (в частности, опросы общественного мнения, экспертные интервью, мониторинги), с помощью которых становится возможным установить то, насколько конкретные нормы и процедуры, а также сама избирательная система в целом соответствуют требованиям общества и государства, а также определить актуальные ожидания и предпочтения населения по данному вопросу, реальное отношение индивидов, социальных групп и общностей к различным политическим институтам, лидерам, процессам и т. п. Представляется целесообразным учитывать общественное мнение граждан Республики Беларусь как субъектов происходящих трансформаций, единственного источника власти и носителя суверенитета при разработке и принятии решений на государственном уровне и формировании политического курса страны, что, в свою очередь, позволит обеспечить на практике результативную обратную связь в системе государственного управления, более открыто осуществлять диалог населения и власти, необходимый в условиях динамичного развития политической системы нашей страны.

Список использованных источников

1. *Elster, J.* Institutional Design in Post-Communist Societies: Rebuilding the Ship at Sea / J. Elster, C. Offe, U. Preuss. – New York : Cambridge Univ. Press, 1998. – 353 p.
2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдуме 24 нояб. 1996 г. – Минск : Полымя, 2001. – 96 с.
3. Избирательный кодекс Республики Беларусь : 11 февр. 2000 г., № 370-З : принят Палатой представителей 24 янв. 2000 г. : одобр. Советом Респ. 31 янв. 2000 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.07.2000 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2001. – 176 с.
4. Избирательный кодекс Республики Беларусь : 11 февр. 2000 г., № 370-З : принят Палатой представителей 24 янв. 2000 г. : одобр. Советом Респ. 31 янв. 2000 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.01.2010 г. (по сост. на 19 янв. 2010 г.). – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2010. – 192 с.
5. Сообщение «Об итогах выборов депутатов местных Советов депутатов Республики Беларусь двадцать седьмого созыва» [Электронный ресурс] // Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. – Режим доступа: <http://rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Elections-MS27-soob8.pdf>. – Дата доступа: 21.05.2018.
6. *Ермошина, Л.* «Право на выбор есть всегда» [Электронный ресурс] : [интервью] / беседовал С. Головки // Газета КПБ. – 2014. – 7 марта. – Режим доступа: <http://www.comparty.by/lermoshina-pravo-na-vybor-est-vsegda>. – Дата доступа: 18.15.2018.
7. Избирательный марафон: каким будет финиш? : [материалы круглого стола] / подготовил С. Головки // Беларус. думка. – 2016. – № 8. – С. 11–19.

Поступила 05.09.2018 г.

Н. Л. БОЙКО,

*кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии НАН Украины, г. Киев, e-mail: bnatal28@ukr.net*

ИНТЕРНЕТ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

В работе рассматриваются современные тенденции видения роли Интернета в демократизационном процессе. Анализируются основные научные подходы к изучению данной проблематики в современном научном дискурсе. Выявленные подходы условно разделяются на два основных лагеря исследователей, которые анализируются в работе: кибероптимисты и киберпессимисты. Раскрывается выделение различных оснований для аргументации своей позиции представителями данных подходов.

Ключевые слова: Интернет, демократизация, амбивалентность, кибероптимисты, киберпессимисты.

N. L. BOYKO,

*Candidate of Sociology, Leading Researcher Institute of Sociology
National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, e-mail: bnatal28@ukr.net*

INTERNET AND DEMOCRATIZATION IN A MODERN SCIENTIFIC DISCOURSE

The paper examines the current trends in the vision of the role of the Internet in the democratization process. The main scientific approaches to the study of this issue in modern scientific discourse are analyzed. The identified approaches are conventionally divided into two main camps of researchers, which are analyzed in the work, they are cyberoptimists and cyberpersimists. The selection of various grounds for arguing their position by representatives of these approaches are disclosed.

Keywords: Internet, democratization, ambivalence, cyberoptimists, cyberpersimists.

Проблема демократизации современного общества не нова, однако бурное развитие Интернета сегодня обусловило актуализацию нового ракурса ее рассмотрения, связанного с появлением новейших информационно-коммуникационных технологий. Интернет – это достаточно новый социальный феномен, который, между тем, на сегодняшний день уже мощно присутствует практически во всех социальных процессах современного общества. Все это обуславливает актуализацию исследовательского интереса данного социального феномена представителями различных наук, в том числе и социологического направления. Заметим, что на начальном этапе развития Интернета в научном сообществе царил позитивная эйфория. Интернет рассматривался как «новый мир», мир с новыми законами, новыми правилами, новой этикой. Мир, который меняет поведение, взаимоотношения и отношения людей. Мир,

в котором царят свобода и доверие. Мир, который расширяет и обогащает современный демократизационный процесс и делает приход действенной демократии неизбежным. Так, Фрэнк Огден в своей работе «Навигация в киберпространство», изданной в 1995 году, отмечал, что «магия электронной коммуникации делает прямую демократию неизбежной» [1, р. 97]. А известный американский социолог Говард Рейнгольд в своей книге «Виртуальное сообщество», изданной в 1993 г., отмечал, что Интернет является весомым ресурсом демократии [2]. Бурная популярность и масштабность, распространение информационно-коммуникационных технологий, усиление их влияния на социальные офлайн-процессы, которые приводят в том числе и к глобальным социально-политическим изменениям, актуализировали научный дискурс в начале XXI в. После достаточно длительного периода эйфории относительно появления Интернета и его весомого позитивного влияния на современное общество и развитие демократии, в научном дискурсе стали появляться научные публикации, содержащие достаточно аргументированные размышления о негативном влиянии Интернета как на общество в целом, так и на современный демократический процесс. Одной из таких публикаций, например, стала новая книга известного британского социолога, специалиста по вопросам социальной коммуникации, Стивена Коулмана «Может ли Интернет укрепить демократию?», в которой автор подвергает сомнению идеи своих оптимистичных коллег [3]. Современный научный дискурс о роли Интернета, на наш взгляд, можно условно разделить на два основных лагеря – кибероптимистов и киберпессимистов. Целью данной работы стал анализ наиболее актуальных тенденций видения роли Интернета в современном научном дискурсе.

Сегодня бурная эйфория, связанная с появлением Интернета, несколько спала, что дает возможность обратиться к изучению научного наследия современных представителей обоих направлений, научному анализу влияния Интернета на демократизацию. Современные исследования стали более конструктивными и аргументированными и не содержат столько общего философски-мистического пафоса, как те публикации, которые появлялись на заре появления интернет-технологий.

Существует большое количество работ, постулирующих общее положительное влияние Интернета на демократизационный процесс современного общества. Так, например, откровенный кибероптимист, Али Пираннеджад, пытаясь изучить влияние расширения Интернета на продвижение демократии, провел масштабное исследование динамических панельных данных, которое включило 122 страны и охватило период с 2000 по 2014 г. Резюмируя результаты исследования, он отмечает, что демократия, как универсальная ценность и политическая система, играет важную роль в сублимации человеческих сообществ, и доказывает, что расширение Интернета имеет значительное положительное влияние на продвижение демократии [4]. Конечно, трудно не согласиться с тем, что наличие формальных e-структур является край-

не важным и необходимым условием содействия продвижению демократии. Однако следует отметить, что в исследовании фиксировались формальные индикаторы интернет-присутствия, что, на наш взгляд, не может служить достаточным условием демократизации. Сходные с выделенными в исследовании Али Пираннеджада показатели демократизации общества рассматриваются и в работе Элизабет Стойчефф и Эрика С. Нисбета. Авторы предлагают многоуровневую (в их понимании. – *Авт.*) концептуальную модель использования Интернета, которая связывает проникновение Интернета на уровне страны и использование Интернета на уровне отдельных лиц как факторы, обуславливающие отношение граждан к управлению в развивающихся странах. Выделяются три необходимых аспекта «проникновения Интернета» (Internet penetration): аппаратные средства (например, компьютеры), пользователи и широкополосное соединение, которые, по мнению авторов, являются базовыми для объяснения специфики того, как распространение Интернета ведет граждан к принятию демократических взглядов [5]. Результаты анализа указывают на то, что индивидуальное использование Интернета и распространение аппаратного обеспечения Интернета формируют представление граждан о развитии демократии в своих странах, а также мнение, что индивидуальное использование Интернета и распространение широкополосных сетевых источников способствует принятию демократических преимуществ.

Сторонники положительного влияния Интернета на демократизационный процесс также активно рассматривают новые институты современной демократии. Так, Натаниэль Персилли в своей работе «Может ли демократия пережить Интернет?» подчеркивает роль Интернета в распаде устаревших институтов демократии, таких как СМИ, политико-правовые организации и появление новых, действенных институтов, связанных с возможностями применения Интернет-технологий [6]. При этом он апеллирует в своей аргументации к победе кандидата Дональда Трампа на президентских выборах США в 2016 г.

Активно рассматриваются в работах сторонников положительного влияния Интернета на процессы демократизации и перспективы интернет-демократии. Отмечается, что Интернет открывает гражданам новые возможности для организации и мобилизации действий, а также обеспечивает новые каналы, с помощью которых политические, социальные и экономические интересы могут использоваться для расширения их полномочий. Анализируются теоретические последствия использования Интернета и связанных с ним информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для демократической теории. Так, Михаэль Марголис и Герсон Морено-Риано исследуют, как использование Интернета повлияло или может повлиять на модели действия граждан, групп интересов и политических институтов. Изучая перспективы демократии, авторы делают акцент на анализе того, может ли влияние Интернета на демократическую политику повторить историю других инновационных ИКТ. Марголис и Морено-Риано используют термин «демократия в Интернете», ко-

торым обозначают вероятность того, что Интернет будет способствовать привлечению граждан к демократическим мероприятиям, таким как «государственные дела» и общественные «процессы принятия решений». Они пытаются дать ответ на вопрос, сможет ли Интернет: предоставлять больше голосов гражданам при разработке государственной политики; создать гражданство, которое является «активным» и «вовлеченным»; обеспечить справедливое распределение власти [7, р. 16]. Ответ оптимистичен: «Интернет предлагает место, где могут жить граждане, легко получать доступ к информации и вести диалог об “общественных проблемах”, и тем самым развивать более глубокое понимание существующих в обществе проблем» [7, р. 17]. По мнению исследователей, Интернет выполняет большую часть этого потенциала с помощью политических блогов, сайтов активации медиа, депозитария документов и тому подобное. Такая позиция, на наш взгляд, демонстрирует довольно узкий взгляд на демократию, который ограничен исключительно формализованными аспектами демократизации.

Во многих работах современных авторов присутствует исследование роли электронного управления в процессе демократизации современного общества. Изучаются проблемы повышения эффективности и прозрачности государственных услуг и отмечается, что электронное управление может увеличить частоту взаимодействия граждан и правительства, а в более широком смысле – улучшить представление о качестве работы правительства и повысить доверие к нему [8]. Исследования показывают, что анализ контактов с правительством, которые инициировали граждане, свидетельствуют о том, что *e*-управление мотивирует увеличение контактов с правительством.

Проблематика «демократии участия» и гражданской активности в Интернете является одним из ключевых моментов при рассмотрении вопросов демократизации общественного процесса. И потенциал Интернета, по мнению исследователей, заключается в том, что он может «внести вклад или взять на себя основную ответственность за новую эру демократии участия и активизации общественной сферы» [9, р. 126]. Интернет – это площадка для быстрой гражданской сферы, это интерактивная возможность и способность обнаруживать расширенный диапазон мнений. Однако интересна ремарка автора исследования. Несмотря на господствующий в работе оптимизм, он отмечает, что Интернет может стимулировать демократию участия в оживленной общественной сфере, но только в том случае, если правительства будут сотрудничать. А это, по мнению автора, достаточно маловероятная перспектива. Несмотря на господствующий в исследованиях оптимизм, кибероптимисты признают определенные границы, в рамках которых возможна такая реализация гражданской онлайн-активности.

Большое количество работ представителей данного направления посвящено также вопросам демократизации развивающихся стран. Это и африканские, и азиатские страны, страны Южной Америки и т. п. Такие исследования

преимущественно демонстрируют положительное влияние интернет-технологий на демократизационный процесс, отмечая, что Интернет используется как инструмент демократизации в новых демократических странах. Так, например, Сусана Сальгадо, анализируя ситуацию в Анголе и Мозамбике, исследует потенциал Интернета для развития демократии. Она констатирует, что несмотря на ограниченный доступ к Сети, все же Интернет через информационные сайты, интернет-газеты, блоги и прочее усиливает гражданское общество в различных ситуациях [10]. Это касается: распространения СМИ различного содержания; стимулирования присутствия различных субъектов в публичной сфере; создания новых независимых СМИ; поощрения участия и обсуждения. А также предоставляет толчок демократизации сознания граждан, положительно влияет на работу и профессиональное сознание представителей СМИ, журналистов, гражданских активистов, которым Интернет предоставляет возможность поиска новых мыслей, подходов к освещению материала, улучшение профессиональных навыков и т. п.

Существует также большое количество работ, исследующих цифровой разрыв, то есть количественные показатели присутствия в Интернете как показатель демократизации. В первую очередь такие исследования характерны для бедных, слаборазвитых стран. В качестве примера можно привести исследование, касающееся современного состояния цифрового разрыва и анализа барьеров, которые продолжают тормозить развитие ИКТ [11]. В данном проекте авторы проводят исследование на большой выборке развивающихся стран. Они констатируют, что хотя GDD (глобальное цифровое разделение) и сужается, этот разрыв все еще остается большим и имеет демографическую специфику. Авторы считают, что высокая рождаемость (по демографическим показателям) и конфликтные процессы в стране угрожают распространению Интернета, оставляя такие страны на периферии киберпространства.

Кибероптимисты, преимущественно, рассматривают Интернет как инструмент, катализатор демократизации развивающихся стран. Пессимистические нотки при анализе влияния Интернета на демократизационные процессы на сегодняшний день наблюдаются в основном в работах общественно-политической направленности среди политологов, правоведов, обществоведов и пр. Можно выделить работу Стивена Коулмана, посвященную проблемам укрепления демократии в эпоху Интернета [3]. По мнению Коулмана, «стремительное развитие цифровых технологий не укрепляет демократию, как это обычно представляется кибероптимистами. А скорее, напротив, способствует появлению нового поколения людей, хорошо разбирающихся в технологиях, но заинтересованных не в участии в политике как демос, но больше в манипулировании бесформенной массы населения, как опасаются киберпессимисты» [3, с. 6].

В рамках данного подхода классические идеи Хабермаса и феминистские идеи совещательной демократии в электронной публичной сфере оспариваются как теоретическими, так и эмпирическими событиями, такими как, на-

пример, электронный империализм, или Арабская весна. А события, ставшие последствиями информационной огласки тайных государственных материалов Сноуденом, требуют появления определенной этики добродетели и замедления относительно оценок «демократизационного влияния» технологий для предотвращения негативных последствий таких информационных воздействий [12] в дальнейшем.

В академическом исследовательском отчете 2018 г., осуществленном Джейми Бартлеттом, анализируются последствия дигитального влияния на демократизационный процесс. Автор изучает социальные и политические последствия все более дигитализованного мира и определяет его как контроль компромисса между обществом и индивидуальной свободой. Дж. Бартлетт говорит об антиутопии (“looming dystopia”) цифровой революции, несущей негативные последствия для современной демократии, которые уже достаточно скоро станут заметными [13]. Он замечает, что обычно современные технологии улучшают виртуальные связи, делая нас «более информированными, более желанными и в некоторой степени счастливыми». А именно такие чувства царили среди пионеров использования технологий. Однако, по мнению исследователя, сегодня сбываются пророчества относительно систематического демонтажа демократии. Дж. Бартлетт аргументирует это утверждение, демонстрируя реальные угрозы алгоритмического сбора данных, манипулятивной рекламы и передачи «моральной и политической аргументации (логики) машинам», и подчеркивает, что этот процесс легко начать, но невозможно сдержать и ограничить. И прогнозирует, что менее чем за два десятилетия нерегулируемая технология, искусственный интеллект и психографика фальсификаций выборов смогут успешно подорвать и уничтожить преимущества здорового, активного демократического общества. Приходит век системно сломных выборов и злонамеренного использования данных. И поскольку каждое из этих событий становится все более распространенным явлением в современном мире, то демократия с ее труднодостижимыми демократическими принципами продолжает разрушаться и дальше. Дж. Бартлетт делает пессимистический прогноз про длительную войну против демократии в цифровом формате.

Современные исследования киберпессимистов также рассматривают глобальное антидемократическое влияние социальных сетей. Так, Нил Фергюсон в своей новой книге [14] постулирует радикально негативное влияние Интернета на демократический процесс, связывая его в первую очередь с негативным влиянием онлайн социальных сетей. По его мнению, популярные социальные сети сегодня являются мощным инструментом в руках тех, кто контролирует Сеть. Размышляя о влиянии Интернета на демократический процесс, Нил Фергюсон отмечает, что сеть – это «площадь», а иерархия власти – это «башня». И сегодня Интернет – это гигантская площадь, однако башня на этой площади главная. И идеи о том, что Интернет является угрозой авторитаризму и символом победы демократии – ошибочна. По мнению Н. Фергюсона, сети могут

быть легко запуганы и подавлены «башней», способной устанавливать жесткую систему надзора, фильтрации информации и т. д. (например, ситуация с Интернетом в Китае). И это больше чем авторитаризм, отмечает Н. Фергюсон. Он признает, что Интернет радикально переформатирует всю историю современного мира, и отмечает, что при этом социальные сети не привели к появлению замечательной огромной демократической сети, а создали и углубили политическую поляризацию. Исследователь подчеркивает, что Интернет привнес в современный мир бешеную зависимость и глобальное неравенство в Сети. Сегодня существует постоянная потенциальная привязка пользователя к Интернету. И это не демократия.

Киберпессимисты также отмечают, что Интернет не только не способствует развитию демократии, он обесценивает и разрушает дееспособность традиционных институтов гражданского общества, уничтожая и нивелируя реальные офлайн гражданские ячейки, заменяя их «бутафорскими» онлайн-сообществами. Так, например, Мэтт Херн и Стю Чолк в своей, на наш взгляд, новационно-дискуссионной работе делают попытку ответить на ими же поставленный вопрос: «Почему Интернет настолько угрожающий реальной демократии?» Авторы подчеркивают, что демократическое влияние Интернета – это современный миф и, по сути, Интернет «уничтожает местные сообщества и возможности возникновения реальной демократии... необузданная виртуальность, основанная на искоренении времени и пространства как функциональных коммуникативных ограничений способствует отстранению граждан от их личностных отношений и мест» [15, р. 111]. А вместе с тем, отмечают авторы, именно местные сообщества выступают единым форумом неподдельной действенной демократии. По мнению сторонников негативного влияния Интернета на современную демократию, сегодня происходит нивелирование глубоких культурных идеалов демократии (они остаются только в «культурной памяти»). Происходит упрощение понятия демократии до периодических голосований, а понятие объединений («community») при этом редуцируется до сообщества («association»). И именно «появление виртуальности и информационной супермагистрали ускоряет этот упадок и предвещает мир, полный изоляции, тривиальности, технократии» [15, р. 112].

Подводя итоги анализа современного научного дискурса о взаимосвязи Интернета и современных процессов, направленных на становление и развитие демократии, можно констатировать, что сегодня в научном дискурсе существуют два взгляда, две прямо противоположные точки зрения на роль Глобальной сети в данном процессе. В конце XX в. превалировал преимущественно оптимистичный взгляд. Исследователи были переполнены научным оптимизмом, отмечая, что информационно-коммуникационные технологии неизбежно будут демократизировать общество и на уровне местных общин, и на уровне общественных, государственных учреждений (институтов), и на уровне политических институтов как внутри стран, так и в мировых масштабах.

Однако впоследствии общий научный оптимизм несколько угас. Сегодня, после достаточно длительного периода эйфории относительно появления Интернета, его весомого положительного влияния на современное общество, на развитие современной демократии, в научном дискурсе начали активно появляться работы, которые высвечивают различные аспекты негативного влияния Интернета на демократизационный процесс. Можно констатировать, что сегодня состоялась определенная поляризация в оценках роли Интернета. Сторонники позитивной оценки влияния Интернета на демократизацию общества отмечают, что онлайн-формат продуцирует расширение возможностей гражданского общества, гражданского контроля, гражданской активности, нивелируя коррумпируемый компонент взаимодействия власти и граждан, присущий офлайн-формату. Аргументация позитивного влияния Интернета на демократизацию связана с расширением его структурно-инструментального ресурса и связана, преимущественно, с количественными оценками (увеличение информационных источников, расширение коммуникационных возможностей и т. д.), детерминирующими инструментальный ресурс демократии. В отличие от видения Интернета как новой эры радикальной всеобъемлющей информации и открытой безграничной коммуникации, которые отмечают сторонники позитивного влияния Интернета на демократизацию, киберпессимисты отмечают, что виртуальная жизнь совсем бесполезна для действительного развития демократии. Аргументируя свою позицию, они делают акцент не столько на инструментально-ресурсных, структурных аспектах, сколько на содержательно-функциональном аспекте влияния Сети. Данный анализ еще раз заставляет нас задуматься о том, что сегодня не существует однозначного ответа на вопрос о влиянии Интернета на современное общество.

Список использованных источников

1. *Ogden, F.* Navigating in Cyberspace / F. Ogden. – Toronto : Macfarlane, Walter and Ross, 1995.
2. *Rheingold, H.* The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier / H. Rheingold. – Reading, Massachusetts : Addison-Wesley, 1993. – 447 p.
3. *Коулман, С.* Может ли Интернет укрепить демократию? / С. Коулман ; пер. Ю. А. Кабанова, Ю. Г. Мисникова, А. Н. Рябушко. – СПб. : Алетейя, 2018. – 132 с.
4. *Pirannejad, A.* Can the internet promote democracy? A cross-country study based on dynamic panel data models / A. Pirannejad // *Information Technology for Development*. – 2017. – Vol. 23, iss. 2. – P. 281–295.
5. *Stoycheff, E.* What's the Bandwidth for Democracy? Deconstructing Internet Penetration and Citizen Attitudes About Governance / E. Stoycheff, E. C. Nisbet // *Political Communication*. – 2014. – Vol. 31, iss. 4. – P. 628–646.
6. *Persily, N.* Can democracy survive the Internet? / N. Persily // *J. of Democracy*. – 2017. – Vol. 28, iss. 2. – P. 63–76.
7. *Margolis, M.* The Prospect of the Internet Democracy / M. Margolis, G. Moreno-Riaño. – Routledge, 2009. – 200 p.
8. *McNeal, R.* Citizen–Government Interaction and the Internet: Expectations and Accomplishments in Contact, Quality, and Trust / R. McNeal, K. Hale, L. Dotterweich // *J. of Information Technology & Politics*. – 2008. – Vol. 5, iss. 2. – P. 213–229.

9. *Thornton, A. L.* Does the internet create democracy? / A. L. Thornton // *J. Ecquid Novi: African Journalism Studies*. – 2001. – Vol. 22, iss. 2. – P. 126–147.
10. *Salgado, S.* The Web in African countries / S. Salgado // *Information, Communication & Society*. – 2012. – Vol. 15, iss. 9. – P. 1373–1389.
11. *Robison, K. K.* Reevaluating the Global Digital Divide: Socio-Demographic and Conflict Barriers to the Internet Revolution / K. K. Robison, E. M. Crenshaw // *Sociological Inquiry*. – 2010. – Vol. 80, iss. 1. – P. 34–62.
12. *Ess, C.* Democracy and the Internet / C. Ess // *Javnost – The Public*. – 2018. – Vol. 25, iss. 1–2. – P. 93–101.
13. *Bartlett, J.* People vs. Tech: How the Internet Is Killing Democracy (and How We Save It) / J. Bartlett. – Ebury Press, 2018. – 249 p.
14. *Ferguson, N.* The Square and the Tower: Networks and Power, from the Freemasons to Facebook / Ferguson. – New York : Penguin Press, 2018. – 592 p.
15. *Hern, M.* Roadgrading Community Culture: Why the Internet is so Dangerous to Real Democracy / M. Hern, S. Chaulk // *Democracy & Nature*. – 2000. – Vol. 6, No. 1. – P. 111–120.

Поступила 15.10.2018 г.

А. Г. КЛИМАШИН,

*магистр социологических наук, аспирант,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, e-mail: alexandr89by@mail.ru*

ПОНЯТИЕ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Автор анализирует этимологию слова «безопасность», исторически сложившиеся подходы к пониманию национальной безопасности. Новизну статьи составляет расширенное авторское понимание содержания этого понятия. Объект, на который направлены меры по обеспечению национальной безопасности, рассматривается не в статике, а в динамике, что видится автору более перспективным подходом. При этом автор анализирует безопасность с точки зрения защиты конкретной личности.

Ключевые слова: безопасность, защита личности, жизнедеятельность личности, социальная динамика, состояние защищенности.

A. G. KLIMASHIN,

*Master of Sociology, PhD student,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, e-mail: alexandr89by@mail.ru*

THE SECURITY DEFINITION: PROBLEMS OF INTERPRETATION

The author analyzes the etymology of the word “security” and approaches to its understanding, which historically have been developed. The novelty of the article contains the expanded author’s understanding of the content of this concept. The object to which the measures to ensure national security are aimed is considered not in static, but in dynamics, which the author sees as the more perspective approach. Author analyzes security from the point of view of separate individual, which was not given previously in the works on similar topics.

Keywords: security, individual safety, individual long-life activity, social dynamics, protected status.

Правила для обеспечения безопасности не статичны, а могут изменяться под влиянием социальной динамики. Именно поэтому раскрытие содержания понятия безопасности сохраняет свою важность постоянно. Правила ее обеспечения выстраиваются исходя из сущности и понимания самого содержания безопасности. В связи с этим важно не только корректировать сами правила, но и возвращаться к концептуализации стратегии, на основании которой обеспечивается защита мира, государства, общества и личности. Сегодня актуальность пересмотра основных понятий и подходов обусловлена множеством различных факторов: 1) глобальный рост фактической (скрытой и иных форм) безработицы под влиянием сильных процессов информатизации и автоматизации общества; 2) геополитические противоречия (борьба за ресурсы

и столкновения культурных ценностей разных цивилизаций); 3) появление новых технологий, в частности, развитие цифровых. В разрезе современных преобразований очень актуальными становятся социальные интернет-сети, 3D-печать, серьезное информационное давление на психику человека. Указанные технологии, высокая мобильность личности, правовые механизмы обеспечения ее прав делают каждого человека более активным «игроком» в социальной среде.

Феномен безопасности может быть исследован на разных уровнях: глобальном, национальном, индивидуальном. При этом все уровни находятся под влиянием социальной динамики, которая становится все более интенсивной и непредсказуемой. Угрозы для отдельных уровней также являются угрозами для всех уровней безопасности. Важно иметь в виду, что обеспечение безопасности на всех уровнях выстраивается на фундаменте защищенности личности и обеспечении ее законных интересов.

В этом смысле можно сформулировать следующее правило безопасности: *существует прямо пропорциональная зависимость между безопасностью человека и национальной безопасностью*. Пересечение интересов различных социальных групп и индивидов побуждает нас к поиску баланса между ними и осуществлению аналитики социальных угроз.

Для этого понятие и содержание безопасности должно учитывать не только существующие, но и перспективные социальные угрозы. Сегодня можно говорить, что безопасность всего общества *зависит от защищенности и соблюдения интересов как большинства, так и каждого человека в отдельности*.

Подтвердить такое суждение представляется возможным как с точки зрения уже существующих учений Э. Дюркгейма, Р. Мертона о девиантном поведении, так и с помощью изучения конкретных случаев, когда отдельная личность играла ключевую роль в ходе отдельных исторических событий, с помощью так называемой методики «case-study».

Упомянутые концепции заключаются в том, что при разрыве социальных связей или несогласии с направленностью жизни общества у личности возникают девиантные стратегии самореализации, которые приносят определенные выгоды для этой личности, но представляют угрозу для окружающих. Девиация чрезвычайно многолика. К ее различным проявлениям относятся и алкоголизм, и наркомания, и проституция, и рэкет, и коррупция, и убийство, и самоубийство, и многое другое [1, с. 412–414].

Основательный анализ различий понятий «безопасность» и «защищенность» показывает, что безопасность имеет более широкое значение, поскольку включает в себя не только физическую защищенность, но и отсутствие угроз на протяжении всего процесса жизнедеятельности каждого человека. На практике это можно изобразить в виде матрицы, которая включает в себя все вызовы для всех с критическими, пороговыми и нормальными значениями.

Исторически выделяют три основных подхода к национальной безопасности [2]. Первый был отражен в работах Т. Гоббса, Б. Спинозы и др. и основан на идее «войны всех против всех». Развивая эту идею, Гоббс писал, что для

ее прекращения и обеспечения внутреннего мира граждане должны подчиняться могущественному суверену, который, в свою очередь, берет обязательство прекратить внутреннюю религиозную и гражданскую войну. Но на международной арене одна страна с неизбежностью должна бороться против остальных [3]. В наши дни сложно говорить о возможности устранения внутригосударственных противоречий одним сувереном, так как все государства, в особенности малые, подвержены общемировым процессам. Интернет поспособствовал сильной глобализации многих сфер жизнедеятельности, в силу чего нельзя утверждать об исключительной роли одного правителя.

Второй исторический подход базируется на идеях профессора Кёнигсбергского университета Иммануила Канта, который был убежден, что «постоянный мир» – моральная норма, которой должны следовать все здравомыслящие люди. По его мнению, причины, вынуждающие нации-государства подчинить свои национальные интересы правилам международного права, должны являться рациональным побуждением и моральным обязательством каждого гражданина в отношении человеческого общества [4]. В современном мире и в текущей внешнеполитической стратегии Беларуси этот подход имеет особый смысл, поскольку выступает теоретической базой для определения внешней политики. В то же время война как явление или же наличие криминальных группировок во многом обусловлены не столько желанием причинить зло, сколько несогласием с доминирующими в обществе устоями. В связи с этим при обеспечении безопасности важным становится не только необходимость пропаганды ценности мира, но и устранение причин, способствующих девиантному поведению отдельных социальных групп.

Третий подход основывается на идее Гуго Гроция о том, что государства не задействованы в простой борьбе, как «гладиаторы на арене», а заведомо ограничены в своих конфликтах друг с другом общими правилами и институтами [5]. При этом, например, вооруженное вмешательство вооруженных сил США в Ирак, как один из многочисленных известных примеров, говорит о том, что такие ограничения не всегда работают.

При этом ни один из названных исторических подходов не уделяет внимания защите личности. Именно поэтому есть необходимость выработки новых теоретических подходов к определению безопасности и практических концепций безопасности жизнедеятельности человека.

При изучении вопросов безопасности в контексте современности прежде всего следует учитывать рост автоматизации производства и рост населения, вызывающий обострение на рынке труда, в силу которых условия конкуренции становятся все более жесткими. Человек вынужден самоутверждаться за счет других, действовать решительно и бескомпромиссно. Иначе у субъекта остается два варианта: смириться с низким уровнем жизни либо искать асоциальные стратегии личной самореализации. Бесспорно, в таких случаях это становится прямым вопросом общественной безопасности [6, с. 36].

Сегодня узаконенный нормативно-правовыми актами подход основан на том, что безопасность – это «состояние защищенности» [7, с. 4]. Но со сто-

роны многих российских и европейских ученых (например, Н. Н. Рыбалкина, С. В. Степашина, В. С. Павлова и др.) такой подход не выдерживает критики, так как он игнорирует функционирование системы безопасности как таковой и разработку перспективных стратегий защиты. В большей степени современным реалиям и дискурсам соответствовала бы следующая формулировка: *«Безопасность – условие или состояние дел, при которых субъект может защищать и эффективно отстаивать свои ценности от внешних угроз и рисков»*. Последние могут иметь военный или невоенный характер, проистекать из разных источников и зачастую с трудом поддаваться прогнозированию [8]. В этих условиях безопасность наиболее эффективно обеспечивается посредством широкого подхода, учитывающего важность политических, экономических, социальных и природоохранных факторов, в дополнение к традиционным военно-силовым аспектам.

Сложность формулирования рассматриваемого понятия вызвана, прежде всего, его многогранностью. Ведь безопасность – это отражение нормального состояния всех видов и форм нашей многообразной реальности.

В русском языке слово «безопасность» образовано по принципу антинимии, то есть к слову «опасность» была добавлена приставка «без-». Иначе в этимологическом отношении слово «безопасность» в целом сводится к значению «отсутствие опасности», «жизнь, деятельность без опасности». Словарь Д. Н. Ушакова определяет безопасность не только как «отсутствие опасности», но также и как «предупреждение опасности, условия, при которых не угрожает опасность» [9]. Такой подход более эффективен, так как носит перспективный характер и учитывает как социальную динамику, так и технологическое развитие.

Юридическое определение безопасности закреплено в п. 4 концепции Национальной безопасности Беларуси и звучит как *«состояние защищенности от внутренних и внешних угроз»* [7, с. 4]. Многие правоведы (Ю. Е. Аврутин, А. И. Васильев, В. М. Егоршин, Н. Д. Казаков, М. А. Лесков, В. И. Митрохин, С. М. Шапиев, Л. И. Шершнеф и др.) критически относятся к подобному «аморфному» пониманию «безопасности» [10].

Опираясь на проведенный анализ термина, можно охарактеризовать безопасность как такое состояние личности, общества, государства, мирового сообщества, при котором возможность причинения им вреда и упущения выгоды сведена до минимума. Национальная безопасность представляет условия жизнедеятельности нации (государственно-территориального сообщества людей), гарантирующие, несмотря на наличие и действие неблагоприятных геополитических факторов, ее выживание, вольное, независимое функционирование и развитие при сохранении своих традиционных фундаментальных ценностей [11].

В качестве операционных понятий при определении рассматриваемого феномена наиболее удобны три взаимосвязанных уровня: безопасность личности, безопасность общества и безопасность государства.

Понимание безопасности XXI в. было предложено в Программе ООН по развитию, в которой безопасность отдельного человека была поставлена в фокус внимания международно-правовой защиты. Уже исходя из этого национальная безопасность понимается не просто как безопасность страны, а как безопасность народа; не просто как безопасность, достигнутая в результате обладания оружием, а как безопасность, достигнутая в результате социального развития; не просто как безопасность стран, а как безопасность каждого в его доме и на рабочем месте. Безопасность личности предстает совокупностью взаимосвязанных элементов, целостное выражение которых может быть классифицировано по различным критериям.

При этом многими авторами предлагается раскрытие структуры безопасности личности различным образом, так как вопрос плохо проработан и существует множество классификаций, в силу чего предлагается операционализировать структуру безопасности личности следующим образом:

безопасность ценностно-культурных оснований развития личности;

безопасность реализации прав человека личности;

безопасность личных убеждений и мировоззрения личности;

безопасность выбора линии текущего и долгосрочного практического поведения;

безопасность самореализации в семье, на улице, на учебе, на работе, в государстве (идентификационная безопасность, институциональная безопасность, профессиональная безопасность);

безопасность самореализации и саморазвития.

В целом сегодня доминирует точка зрения, что безопасность не может быть отделима от социальных условий, обеспечивающих достойное проживание, благосостояние и волю человека [12]. Однако мало только назвать такое определение. Для обеспечения безопасности необходимо сформулировать и программу ее реализации, которая и станет практическим обеспечением безопасной жизнедеятельности. Под безопасной жизнедеятельностью следует понимать практическую реализацию программ защиты личности. Жизнедеятельность – это процесс, а не состояние. И, с точки зрения подхода, изложенного в настоящей статье, объектом защиты выступает даже не столько «личность», сколько «жизнедеятельность личности».

С точки зрения практической плоскости также необходимо четко определить субъектов, обеспечивающих защиту этой жизнедеятельности в отдельных направлениях. Сегодня конкретно обозначены только функции силовых органов по обеспечению безопасности. При этом список таких функций крайне ограничен и выражен лишь в силовом обеспечении защиты личности. Что же касается остальных угроз, определенных в Концепции национальной безопасности, то субъекты, которые должны работать над устранением конкретных «несиловых» угроз, четко не определены. Нет ясности и в том, кто конкретно и как помогает выявлять и создавать условия для отстаивания законных интересов личности. Различные перспективные кадровые реестры

и банки данных одаренной молодежи хотя и ведутся, но зачастую фактически не работают, что и приводит к снижению защищенности трудовых прав и самореализации личности. Кроме этого, в силу многогранности рассматриваемого понятия сложно обеспечить защиту от всех перспективных рисков. Именно поэтому важно проводить социологический мониторинг, выявляющий актуально важные риски в наши дни. Для определения приоритетных параметров состояния защищенности необходим систематический глубокий анализ мнений граждан и экспертов.

Сегодня значительная часть граждан, по данным Республиканского мониторинга (Институт социологии НАН Беларуси, 2017 г.), достаточно высоко оценивают необходимость самосовершенствования и самореализации (8-е место). В силу этого можно говорить, что обеспечение возможности самореализации является важным приоритетом и с точки зрения защиты жизнедеятельности. Сегодня, в периоды экономических кризисов, утверждается, что человек должен заботиться о себе сам. Но безопасность личности обеспечивается не только силами и свойствами самой личности, но и в первую очередь государством и обществом в рамках всего спектра имеющихся возможностей в пределах действующего конституционно-правового и законодательного поля.

Исходя из обобщения анализируемых данных, можно наблюдать, что 5 из 12 индикаторных показателей устойчивого развития выходят за пороговые значения. Согласно сведениям крупнейшей в мире базы данных пользовательского контента Numbeo, в 2015 г. Беларусь занимала 54-ю позицию из 86 в рейтинге стран по качеству жизни [13].

Несмотря на очень хорошие показатели по уровню безопасности и преступности (индекс преступлений – 25,79, индекс безопасности – 74,21), граждане Беларуси по-прежнему видят для себя ряд социальных угроз. Так, например, по результатам опроса Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь наименьшая степень удовлетворенности граждан решением своих вопросов наблюдалась в сферах медицины (54 %), ЖКХ (56 %), землеустройства (59 %), архитектуры и строительства (61 %), таможни (61,5 %), органов внутренних дел (62 %) [14].

Таким образом, жизнедеятельность личности как процесс является объектом безопасности во многих смыслах, начиная с необходимости физической защищенности и заканчивая возможностями эффективной самореализации и сильной экономики. Только при защите интересов каждого можно обеспечить безопасность всех граждан. Безопасность личности играет приоритетную роль в соотношении национальной и глобальной безопасности. При этом важно понимать, что безопасность – это не только состояние защищенности, а защита таких условий, при которых система и сама личность могут эффективно развиваться и отстаивать свои интересы. Только такой подход носит перспективный характер и учитывает социальную динамику, новые типы угроз, в частности, опасность гибридной войны и изменение структуры преступности.

Список использованных источников

1. *Бабосов, Е. М.* Прикладная социология : учеб. пособие / Е. М. Бабосов. – Минск : Тетра-Системс, 2000. – 496 с.
2. *Ардашев, А. И.* Конституционные основы обеспечения безопасности личности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А. И. Ардашев ; Рос. гос. социал. ун-т. – М., 2008. – 179 с.
3. *Гоббс, Т.* Избранные произведения : в 2 т. / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 1965. – Т. 1. – 752 с.
4. *Кант, И.* Метафизика нравов в двух частях / И. Кант // Кант И. Критика практического разума. – СПб. : Наука, 1995. – 528 с.
5. *Гроций, Г.* О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Г. Гроций. – М. : Ладомир, 1994. – 868 с.
6. *Климашин, А. Г.* Вызовы педагогике в контексте футурологических прогнозов / А. Г. Климашин // Адукатар. – 2016. – № 26. – С. 36–37.
7. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : с изм. и доп. от 24.01.2014 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2017. – № 1/12080.
8. *Хоффман, Ф.* Гибридная война и ее вызовы / Ф. Хоффман // Мировойна. Все против всех: новейшая концепция боевых действий англосаксов / сост., введ., заключ. Е. С. Ларина, В. С. Овчинский. – М. : Кн. мир, 2015. – С. 182–190.
9. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков (т. 2–4) ; сост. Г. О. Винокур [и др.] ; под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Совет. Энцикл., 1935–1940.
10. *Алексашина, М. Н.* Безопасность личности в структуре национальной безопасности [Электронный ресурс] / М. Н. Алексашина. – Режим доступа: <http://www.konspekt.biz/index.php?text=53808>. – Дата доступа: 29.03.2017.
11. *Павлинов, А. В.* Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Павлинов ; Ин-т государства и права Рос. акад. наук. – М., 2008. – 56 с.
12. *Яновский, Р. Г.* Глобальные изменения и социальная безопасность / Р. Г. Яновский. – М. : Academia, 1999. – 357 с.
13. Quality of Life Index for Country 2015 [Electronic resource] // Numbeo. – Mode of access: http://www.numbeo.com/quality-of-life/rankings_by_country.jsp?title=2015. – Date of access: 29.12.2015.
14. Чем гордятся белорусы [Электронный ресурс] // БелТА. – Режим доступа: <http://www.belta.by/infographica/view/chem-gordjatsja-belorusy-259/>. – Дата доступа: 29.03.2017.

Поступила 01.09.2018 г.

П. АББАСИ,

аспирант Института социологии НАН Беларуси, г. Минск

НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОЙ ИРАНСКОЙ СЕМЬЕ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

В статье рассматриваются сущность и особенности семейно-бытового насилия в современном иранском обществе. Выявлены основные социальные факторы, оказывающие негативное влияние на распространенность насилия в отношении женщин в иранской семье. Определены направления и разработаны меры социальной профилактики семейно-бытового насилия в современном иранском обществе.

Ключевые слова: семейно-бытовое насилие, гендерное неравенство, профилактика насилия в отношении женщин в семье.

P. ABBASI,

PhD student Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk

VIOLENCE AGAINST WOMEN IN A MODERN IRANIAN FAMILY (SOCIOLOGICAL ANALYSIS)

The article discusses the nature and characteristics of domestic violence in modern Iranian society. The main social factors that have a negative impact on the prevalence of violence against women in the Iranian family have been identified. Directions and measures for the social prevention of domestic violence in modern Iranian society have been identified.

Keywords: domestic violence, gender inequality, prevention of violence against women in the family.

В последние десятилетия мировое сообщество на основе ежегодных отчетов ООН и Всемирной организации здравоохранения о социально-правовом статусе женщин в обществе, особенностях их образа жизни и социальной активности, состоянии социального и психического здоровья признало глобальный характер проблемы гендерного неравенства. В Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (18 декабря 1979 г.), Декларации ООН «Об искоренении насилия в отношении женщин» (1993 г.), Пекинской платформе действий (сентябрь 1995 г.), Декларации Тысячелетия (сентябрь 2000 г.) и Программе ООН «Преобразования нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (2 августа 2015 г.) подчеркивается актуальность проблемы насилия в отношении женщин и реализации национальных стратегий эффективного противодействия насильственным действиям в сфере семейно-бытовых отношений.

Несмотря на достигнутые за последние десятилетия результаты продвижения гендерного равенства в современном иранском обществе, проблема

семейно-бытового насилия в отношении женщин в Иране является чрезвычайно актуальной и социально значимой. Современное иранское законодательство и социальная практика в части, касающейся положения женщин в семье и обществе, основывается на исламе и нормах шариата – своде традиционных и религиозных норм Корана и Сунны, которые устанавливают систему социальных ценностей и детально регулируют поведение и ответственность человека во всех сферах общественной жизни.

В Иране семья рассматривается как важный компонент социума, а интересы семьи являются одним из главных приоритетов общественного развития. Вместе с тем на государственном и повседневном уровне, а также в религиозном и массовом сознании общепринято, что в семье и обществе доминирующая роль принадлежит мужчинам. Эта социальная норма выступает в качестве социально-политической и социокультурной основы сохранения в современном иранском обществе гендерного неравенства в различных сферах общественных отношений. По данным международного исследования гендерного равенства, проведенного в 2011 г., Иран занимает 107-е место среди 148 стран мира. Одновременно с этим следует отметить, что за последние десятилетия Иран прошел сложный путь эволюционного демократического развития и по сравнению со многими странами Ближнего и Среднего Востока (Саудовской Аравией и др.) значительно продвинулся по пути прогрессивной модернизации общества, постепенного смягчения религиозной ортодоксальности и открытости мировому сообществу, в том числе и в области гендерного равенства и положения женщин в сфере семейно-бытовых отношений. В 2005 г. в стране была принята «Хартия прав и обязанностей женщин в условиях исламского режима», основные положения которой вошли в Закон о правах и обязанностях женщин (2006 г.). В Иране зарегистрировано около тысячи неправительственных политических, культурных, религиозных, профессиональных и благотворительных женских организаций, которые все более активно принимают участие в социальной жизни. Эти социальные и правовые инновации сочетаются, а порой вступают в некоторое противоречие с доминирующими в массовом сознании традиционными исламскими ценностями, нормами и обычаями, регулирующими социальный статус и повседневное поведение иранских женщин в семье и обществе.

Статистические и социологические данные свидетельствуют, что наиболее распространенной формой насилия в отношении женщин практически во всех странах мира является семейно-бытовое насилие. Насилие в отношении женщин негативно влияет на нравственно-психологический климат и разрушает семьи, обуславливает социальные деформации и дисфункции в семейной, трудовой, социокультурной и другой социальной жизнедеятельности женщин, существенно препятствует физическому и духовному развитию женщин и семьи, а также демографическому, социальному и культурному развитию общества. Данные обстоятельства обуславливают необходимость проведения междисциплинарных гендерных исследований проблемы семейно-бытового насилия в отношении женщин в различных государствах с установлением как общих

закономерностей и мировых тенденций, так и особенностей, присущих отдельным странам.

Насилие в отношении женщин – актуальная и востребованная тема в социологии, исследования в рамках данной проблематики проводятся во всем мире, особенно в странах Европы и Северной Америки. В США теоретическими и эмпирическими проблемами насилия в отношении женщин занимались такие исследователи, как М. Страус, Л. Лерман, Л. Шерман, Р. Берк, Л. Берковиц, Б. Крейги и др. В Российской Федерации – Э. Ф. Побегайло, Д. В. Ривман, Ю. М. Антонян, Д. А. Шестаков, И. Д. Горшкова, И. И. Шурыгина, Т. А. Клименкова и др. В Республике Беларусь – социологи С. Н. Бутова, Л. В. Филинская, Л. А. Соглаева, Е. А. Мурашко, Н. П. Веремеева, О. А. Янчук, Н. А. Барановский, философ И. Н. Сидоренко, политолог Ф. И. Храмцова, психолог И. А. Фурманов и др. В Исламской Республике Иран – социологи и социальные психологи М. Ахмади, Ш. Азази, Ш. Гахари, Ш. Тахери, М. Халилян, А. Шекарбейги и др.

Домашнее насилие в отношении женщин в современном Иране имеет достаточно высокий уровень распространенности, свою специфику и причиняет большой физический, социальный и моральный вред женщинам, детям и семье, усугубляет гендерное неравенство и противоречит фундаментальным принципам, закрепленным в ст. 3, 10, 20, 21 Конституции Исламской Республики Иран (1979 г.), согласно которым семья является основной ячейкой исламского общества, все граждане независимо от пола равны с точки зрения закона и обладают всей полнотой человеческих, политических, экономических, социальных и культурных прав с соблюдением норм ислама, а государство обязано обеспечивать устранение недопустимой дискриминации и создание справедливых условий для всех людей во всех сферах материальной и духовной жизни. Данные ежегодных отчетов ВОЗ, касающиеся здоровья женщин, свидетельствуют, что насилие в отношении женщин является глобальной социальной, культурной и правовой проблемой, профилактика и противодействие которой представляется чрезвычайно актуальной и социально значимой. Это связано с тем, что женщины более уязвимы, чем мужчины, для сексуальной эксплуатации и насилия, бедности и недоедания, ухудшения состояния окружающей среды, хронических заболеваний, которые часто усугубляются беременностью. Стрессы, которым подвергаются женщины, негативно влияют на их физическое, эмоциональное, психическое и социальное благополучие. Вместе с тем в последние десятилетия происходят значительные изменения в системе базовых жизненных ценностей, в социальных представлениях и ожиданиях населения различных стран мира, в том числе и в Иране, касающихся социального положения, роли и идентичности женщин в семье и обществе в контексте обеспечения гендерного равенства и реализации современной гендерной политики, основанной на принципах равенства и гуманизма. Эти тенденции, по нашему мнению, будут оказывать позитивное влияние на социальный статус женщин в иранской семье и обществе, что, несомненно, повлияет на снижение уровня распространенности семейно-бытового насилия в стране.

В философской, социологической, культурологической, юридической и психологической литературе встречается множество определений насилия как общей категории, а также его разновидностей: домашнего насилия, семейно-бытового насилия и др. В контексте гендерной социологии и социальной девиантологии как направлений современной социологической науки предлагается авторское определение насилия в отношении женщин в семье – это обусловленные комплексом экономических, социальных, культурных, правовых и психологических факторов, причин и условий насильственные действия физического, экономического, психологического или сексуального характера, совершенные на почве семейно-бытовых отношений, которые сопряжены с угрозой причинения или причинением женщинам физического, морального или психологического вреда их чести, достоинству, свободе, здоровью и жизни, противоречат действующим нравственным и правовым нормам, осуждаются общественным мнением и относятся к категории негативных социальных девиаций (антиобщественных явлений).

Научный анализ социологических теорий, касающихся проблемы насилия, свидетельствует об их чрезвычайном многообразии. Наибольшей известностью пользуются теории конфликта, социального обучения, гендерной социализации, социокультурной стигматизации, психоанализа и др. Общим недостатком данных теорий является выделение и абсолютизация в качестве главного детерминирующего фактора насилия какого-нибудь одного социального, социокультурного, психологического или психогенетического явления и процесса, который рассматривается как основная причина насильственного поведения. По нашему мнению, семейно-бытовое насилие в отношении женщин детерминируется комплексом факторов, причин и условий экономического, социального, культурного, психологического и деструктивного межличностного характера. В связи с этим в проведенном социологическом исследовании насилия в отношении женщин в современной иранской семье осуществляется комплексное использование концептуальных положений основных социологических теорий насильственного поведения, которое включает изучение как экономических, социальных, культурных, правовых, гендерных и социально-психологических аспектов семейно-бытовых отношений, так и личностных качеств, образа жизни насильника и жертвы, а также характера их взаимоотношений. В соответствии с гендерной макрометодологией взаимоотношения в семье между мужчиной и женщиной в значительной степени предопределяются гендером – социально-статусной иерархией и социокультурными ролевыми ценностями, нормами, представлениями, ожиданиями, установками и поведенческими стереотипами, регулирующими взаимоотношения и поведение мужчин и женщин как представителей разного пола по отношению друг к другу. В качестве методологии среднего уровня выступает комплексное использование положений теории гендерной социализации (Р. Коннелл), теории социального обучения (А. Бандура, Дж. Роттер, В. Мишель), теории конфликта (Р. Дарендорф, Р. Коллинз) и теории социокультурной стигматизации (Ф. Танненбаум, Э. Лемерт, Г. Беккер). Путем интеграции

междисциплинарной гендерной макрометодологии и основных социологических теорий насильственного поведения на эмпирическом уровне выявлены особенности, факторы и негативные социальные и психологические последствия насилия в отношении женщин в семье, которые обусловлены системой экономических, социальных, правовых, национально-культурных, гендерных и социально-психологических отношений, существующих в современной иранской семье и обществе в целом.

Прикладное социологическое исследование проведено при участии автора в г. Буване (Иран) в течение 2014–2016 гг. Выборочная совокупность включала 380 замужних женщин, из которых 190 женщин были отобраны случайным образом по месту жительства и в женских общественных организациях (группа А), а 190 женщин – в судах по делам о семейных спорах (группа В). Использовались методы анкетирования (анкета «Проявления домашнего насилия») и интервью (опросник самооценки социального и психического здоровья GHQ-28, разработанный в 1979 г. Д. Голдбергом и В. Хиллером). При математической обработке эмпирических данных использовался факторный анализ, коэффициент корреляции Пирсона и коэффициент достоверности различий Стьюдента. Анкета «Проявления домашнего насилия» разработана на основе диагностических критериев насилия в семье, используемых в социологии и психологии. Она выявляла количество, а также типы и факторы физического, сексуального, психологического и экономического насилия в семье в отношении женщин, которые фиксировались по специально установленным индикаторам. Опросник самооценки социального и психического здоровья GHQ-28, состоящий из 28 вопросов, обеспечивал социологическое измерение социального и психологического благополучия как элемента более общего социального конструкта – качества жизни, и включал 4 подшкалы: соматические симптомы, тревога и беспокойство, социальные дисфункции и депрессию.

Результаты социологического исследования показали, что 63 % опрошенных замужних женщин подвергались различным видам насилия в семье, в частности, психологическому (57 %), физическому (43 %), экономическому (33 %) и сексуальному (14 %) насилию (сумма ответов превышает 100 %, так как респонденты могли одновременно отметить несколько видов насилия, которым они подвергались). В наибольшей степени проявления домашнего насилия в отношении женщин имеют место в семьях, проживающих в сельской местности и материально недостаточно обеспеченных, а также со стороны безработных и малообразованных мужчин среднего возраста. При этом по всем формам проявления семейно-бытового насилия (физического, психологического, сексуального и экономического), а также по всем основным показателям социального и психического здоровья (социальные деформации и дисфункции, депрессия, тревога и бессонница) среди женщин, обратившихся в суд по семейным делам, частота применения семейно-бытового насилия и степень тяжести его негативных социальных и психологических последствий значительно выше, чем у женщин, опрошенных по месту жительства.

Установлена высокая степень статистической корреляционной зависимости (коэффициент корреляции Пирсона 0,73–0,91) между семейно-бытовым насилием и негативными проявлениями социального и психического здоровья женщин, такими как тревога (бессонница, чувство постоянного напряжения, страх и паника, нервозность и беспокойство), а также депрессия (чувство собственной бесполезности и безысходности, мысли о самоубийстве, страх нервного срыва, желание умереть и др.). Средняя степень зависимости (коэффициент корреляции Пирсона 0,57) выявлена между домашним насилием в отношении женщин и их десоциализацией, социальными и психологическими деформациями и дисфункциями (в сфере занятости, качества и эффективности работы, способности принимать социально значимые решения, удовлетворенности жизнью и др.). Таким образом, насилие в отношении женщин в современной иранской семье (физическое, сексуальное, психологическое и экономическое насилие) имеет прямую связь с социальным и психическим здоровьем замужних женщин, и интенсивность этой корреляции проявляется на среднем уровне.

Проведенное социологическое исследование и вторичный анализ эмпирических данных других иранских ученых свидетельствуют, что семейно-бытовое насилие в отношении женщин обусловливается комплексным влиянием множества факторов социально-экономического (безработица, неквалифицированный характер работы, плохое материальное положение семьи), социокультурного (низкий уровень образования, традиционные патриархальные и религиозные ценности и нормы, сохраняющие гендерное неравенство), правового (существование дискриминационных законов в отношении женщин, игнорирование законов о правах женщин, недостатки судебной и правоприменительной практики), социально-психологического характера (властное доминирование мужа в семье, обыденные социальные представления и стереотипы, закрепляющие неравноправный статус и роль женщин в сфере семейно-бытовых отношений). Устойчивость и большая значимость национально-культурных патриархальных и религиозных исламских традиций и норм шариата, регламентирующих сферу семейно-брачных отношений и закрепляющих неравноправное по сравнению с мужчинами положение и роль женщин в семейно-бытовой и другой социальной жизни, являются основными социокультурными и социально-психологическими факторами, влияющими на распространенность насилия в отношении женщин в современной иранской семье.

На основе изучения научной социологической литературы по проблеме семейно-бытового насилия в Иране и других странах мира, результатов авторского и других социологических исследований определены основные направления и разработаны конкретные меры экономического, политического, социального, культурного и правового характера, направленные на снижение уровня распространенности семейно-бытового насилия в отношении женщин, уменьшение его негативных социальных и психологических последствий, утверждение общечеловеческих ценностей, норм и стандартов, которые будут способствовать обеспечению гендерного равенства в современной иранской семье.

В соответствии с рекомендациями Декларации основных принципов правосудия в отношении жертв преступлений и злоупотребления властью, принятой ООН 29 ноября 1985 г., система социально-правовой защиты и помощи женщинам – жертвам семейно-бытового насилия должна охватывать следующие основные направления: 1) виктимологическая профилактика – деятельность по выявлению и устранению факторов, причин и условий, обуславливающих семейно-бытовое насилие в отношении женщин, включая работу по социальной и психологической реабилитации жертв домашнего насилия; 2) обеспечение женщинам – жертвам домашнего насилия доступа к правосудию и справедливого обращения с ними со стороны органов юстиции и правоохранительных структур; 3) реституция – выплата средств за причиненный вред или ущерб, а также возмещение расходов, понесенных в результате виктимизации, предоставление услуг и восстановление в правах; 4) компенсация причиненного физического, материального и морального ущерба; 5) оказание материальной, медицинской, психологической и социальной помощи женщинам – жертвам семейно-бытового насилия; 6) виктимологическое просвещение женщин и всего населения относительно возможных угроз, а также способов и средств защиты от домашнего насилия; 7) специальное образование и подготовка работников правоохранительных органов, медицинских учреждений, органов социальной защиты, образования и других, деятельность которых связана с обращением с жертвами семейно-бытового насилия; 8) создание государственных и общественных структур, центров и служб, оказывающих специализированную помощь женщинам – жертвам семейно-бытового насилия.

В системе мер социальной профилактики и противодействия насилию в отношении женщин в современной иранской семье на государственном и общественном уровнях главное внимание целесообразно уделять деятельности по выявлению и устранению факторов, причин и условий, обуславливающих семейно-бытовое насилие в отношении женщин, обеспечению женщинам – жертвам домашнего насилия доступа к правосудию и другим правоохранительным органам, оказанию материальной, медицинской, психологической и социальной помощи женщинам – жертвам семейно-бытового насилия. При этом большое значение имеет привлечение к данной социально-профилактической работе женских общественных организаций и объединений, а также органов местного самоуправления в поселенческих общинах.

Результаты исследования могут быть использованы учреждениями образования, социальной защиты, здравоохранения, правоохранительными и другими органами государственного управления, а также неправительственными женскими организациями в их деятельности по защите прав женщин и обеспечению гендерного равенства, а также в работе по социальной профилактике и пресечению фактов семейно-бытового насилия в отношении женщин.

Поступила 16.10.2018 г.

А. В. ГАВРИКОВ,

*магистр социологических наук, аспирант,
младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси, Минск,
e-mail: gavrikov.1990@inbox.ru*

ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ МОРИСА ДЮВЕРЖЕ И ЭНТОНИ ДАУНСА

В статье рассмотрены типологии политических партий Мориса Дюверже и Энтони Даунса и возможность их применения в отношении белорусской партийной системы. Обосновывается вывод об идеологической, политической и программной гибридности политических партий на современном этапе социально-политического развития Беларуси.

Ключевые слова: политическая партия, типология партий, партийная идеология, гибридные политические партии.

A. V. GAVRIKOV,

*Master of Sociology, PhD student, Junior Research Fellow,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk,
e-mail: gavrikov.1990@inbox.ru*

TYPOLOGY OF POLITICAL PARTIES IN BELARUS IN THE CONTEXT OF THE THEORIES OF MAURICE DUVERGER AND ANTHONY DOWNS

The article discusses the typologies of political scientists Maurice Duverger and Anthony Downs and the possibility of their application in relation to the Belarusian party system. The conclusion about the ideological, political and programmatic hybridity of political parties at the present stage of the political development of Belarus is substantiated.

Keywords: political party, party typology, political program, party ideology, hybrid political parties.

В конце 80-х – начале 90-х годов XX в. социально-политический институт политических партий в западноевропейских странах находился в состоянии кризиса, что послужило основанием говорить о необходимости модернизации представительной демократии в соответствии с новыми социальными запросами и тенденциями развития европейского сообщества. Однако ориентация большинства стран на многопартийную политическую систему, по нашему мнению, делает преждевременным такие заявления. В связи с этим научно-практическое значение имеет попытка применения к отечественным политическим партиям типологизации французского ученого, правоведа и политолога

Мориса Дюверже, а также современной рационально-идеологической типологии американского экономиста и политолога Энтони Даунса.

Как социально-политический институт политические партии можно типологизировать по различным критериям. На сегодняшний день существует около сотни типологий политических партий, которые зависят от основания, выбранного исследователем. Наиболее распространенным подходом при изучении политических партий во многих странах мира является типология французского ученого (специалиста в области избирательных систем и конституционалиста) Мориса Дюверже, разработанная в 1951 г., которая в 1966 г. была дополнена исследователем О. Кирххаймером, а в 1995 г. – учеными Р. Катцем и П. Мэйром. Эта типология подразделяет партии по ряду признаков:

- 1) количество членов;
- 2) уплата членских взносов;
- 3) наличие или отсутствие поддержки политической партии со стороны правительства [2, с. 114–141].

Представляется возможным данную типологию политических партий представить в следующем виде (рис. 1):

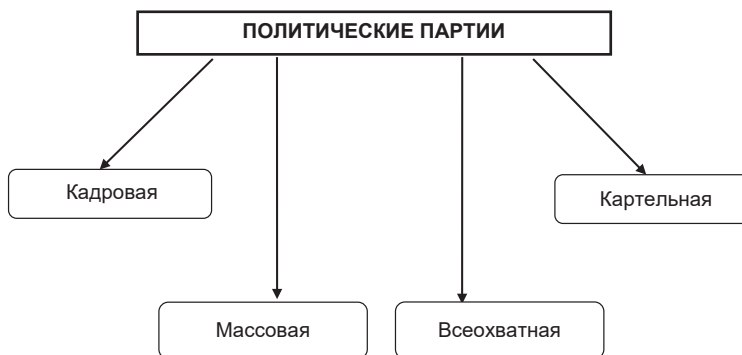

Рис. 1. Типология политических партий

Если партия смогла привлечь значительную часть населения (по классификации Мориса Дюверже не менее 2 % населения, уплата членских взносов и активная политическая борьба за власть), то партия имела статус массовой [12]. Массовые политические партии в 1960-х годах политологом Ж. Блонделем были дифференцированы следующим образом: представительные западного типа; коммунистические; популистские [3].

Кадровые партии – политические партии элитарного типа. Они ориентированы на консолидацию политических элит. Партии могут быть представлены бизнесменами, высокопоставленными чиновниками, военными. Как правило, это партии с расплывчатой идеологией, нередко отражающей ситуативные интересы элиты, а также с небольшим количеством членов. В кадровых политических партиях не уплачиваются членские взносы, так как лидеры политической партии берут бремя финансовых затрат на себя. Примером таких

партий с нечетким количеством членов и отсутствием обязательной уплаты членских взносов являются Демократическая и Республиканская партии США. В двухпартийной системе этой страны сложилась социальная практика, когда постоянными членами партий стало небольшое количество истеблишмента, которые работают в их штабе. В США принято считать, что членом партии является тот, кто отдал голос на выборах за эту политическую партию в период президентской кампании или избрании ее кандидата на пост губернатора или сенатора, а материальные средства политические партии получают в результате частного субсидирования.

Массовые политические партии ориентированы на массовое членство граждан на основе разделяемой ими идеологии, которая проявляется в партийной идеологии и политической программе. Чаще всего членство в политической партии предусматривает уплату членских взносов. Данный тип партий был ярко выражен в период между двумя мировыми войнами и в 50–60-х годах прошлого столетия. Сейчас они представлены чаще всего коммунистическими партиями (например, в КНР в 2014 г. Коммунистическая партия объединяла 87,79 млн человек [4]), и социал-демократическими (Социал-демократическая партия ФРГ в 2015 г. охватывала 501 тыс. членов [5]).

Всеохватные (универсальные) политические партии – политические партии, привлекающие как можно больше политически активного населения в свои ряды. По своей сути это трансформированные массовые политические партии, которые в 1970–1980 гг. находились в системном кризисе и стремились привлечь больше новых членов. Идеология таких политических партий чаще всего ориентирована на объединение нации, государства и других институтов для достижения государственной и национальной консолидации. Однако несовпадение различных интересов индивидов и политических групп, их подвижность часто приводит к тому, что партии выдвигают популистские программы и политические требования, и такие партии быстро приходят к политическому кризису. Всеохватными являются чаще всего провластные политические партии, которые после ухода из политики их лидера или смены политического режима испытывают быструю политическую трансформацию или переходят в стадию политической стагнации. Итальянский политолог Дж. Сартори отмечал: «Общество становится более сложным, меняется его социальная структура, демографический состав. Партии не представляют интересы классов и слоев населения в общепринятом виде. Происходит процесс социопсихологического проникновения партий в общество» [13]. По его мнению, универсальные партии отличаются прагматизмом. Они нацелены на успешную электоральную деятельность. В их основу закладываются принципы баланса различных интересов. В Европе таковыми являются современные французские социал-демократические партии. Универсальные политические партии имеют свои позитивные и негативные черты. Преимущества состоят в повышении конкурентоспособности на любых выборах. У них больше приверженцев, следовательно, их лидеры имеют серьезный шанс на победу. Отри-

цательной стороной приходится признать то, что данные организации не могут удовлетворить всех приверженцев, когда приходят к власти. Им приходится постоянно балансировать между интересами государства и различных социальных групп.

Картельные партии являются одной из разновидностей политических партий, которые свободно оперируют в избирательном пространстве и не привязаны к интересам каких-либо политических групп. Эти политические партии не имеют четкой структурированной партийной идеологии, и их можно рассматривать как партии политического лобби, которые заключают временный договор на выражение интересов какой-либо политической группы. Чаще всего картельные политические партии находятся в тесных контактах с правительством и получают полную финансовую поддержку со стороны государства [6, р. 761]. Примером таких партий могут быть парламентские партии – лобби интересов части политических элит (например, партия «Канадский союз»).

Типологизация политических партий Мориса Дюверже широко применяется исследователями в Западной Европе. В отношении белорусских политических партий она может быть использована лишь частично.

К 2018 г. Министерством юстиции Республики Беларусь зарегистрировано 15 политических партий [1], но их политическая активность находится на низком уровне и проявляется в политическом поле в большинстве случаев только в период избирательных кампаний и в момент значимых социально-политических событий. Это существенно усложняет типологию белорусских политических партий. Политические партии Беларуси, особенно в начале 90-х годов прошлого столетия, были слабо институционализированы, и их политическое становление опережало правовое. Первым нормативно-правовым актом, регулирующим создание и деятельность политических партий в республике, было постановление № 222-XII Совета Министров БССР «О регистрации общественных объединений в Белорусской ССР» от 28 июля 1990 г. Постановление устанавливало членство в политической партии, ее деятельность и минимальное число учредителей не менее 100 человек, уплату государственных пошлин в размере 10 минимальных окладов, что являлось небольшим барьером для регистрации политических партий [7]. Такой низкий порог дал возможность появляться партиям разного политического спектра, что и произошло в период 1990–1995 гг.: после регистрации в Министерстве юстиции Республики Беларусь действовало 26 политических партий. На фоне глобальных политических изменений первые политические партии были кадровыми. Для них было характерно:

- харизматическое лидерство;
- немногочисленность (от 200 до 20,5 тыс. человек);
- отсутствие государственного субсидирования и наличие частного финансирования политических партий;
- доминирование ситуативных идеологических установок над партийной идеологией.

К 1994 г. происходит упорядочивание деятельности политических партий. Верховным Советом Республики Беларусь 12-го созыва 5 октября был принят Закон Республики Беларусь «О политических партиях». Он предусматривал увеличение минимального количества членов партии со 100 до 500 членов. Таким образом, можно сказать, что политические партии постепенно в масштабах государства становились массовыми. На сегодняшний день сложно назвать точное количество членов той или иной политической партии. В 1995 г. произошла первая политическая перерегистрация организаций и политических партий Беларуси. Решение о перерегистрации было принято Кабинетом Министров Республики Беларусь постановлением от 3 февраля 1995 г. № 76 [14]. Перерегистрацию прошли 34 политических партии. В 1999 г. для урегулирования деятельности политических партий Президентом Республики Беларусь был принят Декрет от 13 июля 1999 г. № 26 «О внесении изменений и дополнений в Декрет от 26 января 1999 г. № 2», который увеличивал численность членов политических партий до 1000 и обязал политические партии перерегистрироваться в соответствии с новым положением. В правовом плане после этой перерегистрации политические партии можно разделить на зарегистрированные и незарегистрированные. Зарегистрированные партии с 2000-х годов до нашего времени: Коммунистическая партия Беларуси (КПБ), Республиканская партия труда и справедливости (РПТС), Белорусская аграрная партия (БАП), Белорусская партия «Зеленые» (БПЗ), Либерально-демократическая партия (ЛДП), Белорусская социал-демократическая партия «Грамада», Партия «Белорусская социал-демократическая Грамада», Белорусская патриотическая партия (БПП), Партия БНФ, Консервативно-христианская партия БНФ (КХП-БНФ), Социал-демократическая партия Народного Согласия, Белорусская социально-спортивная партия (БССП), Белорусская партия левых «Справедливый мир», Объединенная гражданская партия (ОГП), Республиканская партия (РП). Это политические партии, которые легально могут осуществлять деятельность на территории Беларуси, являясь полноправным субъектом политического поля в стране. Незарегистрированные политические партии: Партия свободы и прогресса (ПСП), Белорусская христианская демократия (БХД), Белорусская партия трудящихся (БПТ), БСДП (Народная Грамада) (в 2005 г. лишена регистрации). Данные политические объединения официально не могут осуществлять полноправную политическую деятельность в Республике Беларусь, и их деятельность в стране носит эпизодический и ситуативный характер, а активная политическая деятельность проявляется за рубежом.

По данным СМИ, численность членов политических партий Республики Беларусь можно представить следующим образом:

- Коммунистическая партия Беларуси – около 6 тыс. человек;
- Республиканская партия труда и справедливости – неизвестно;
- Белорусская аграрная партия – неизвестно;
- Белорусская партия «Зеленые» – около 1200 человек;

Либерально-демократическая партия – около 45 тыс. человек;
 Белорусская социал-демократическая партия «Грамада» – около 1,5 тыс.;
 Партия «Белорусская социал-демократическая партия Грамада» – около 5 тыс.;
 Белорусская патриотическая партия – около 1200 человек;
 Партия БНФ – около 1300 человек;
 Консервативно-христианская партия БНФ – около 3 тыс. человек;
 Социал-демократическая партия Народного Согласия – около 1500 человек;
 Белорусская социально-спортивная партия – неизвестно;
 Белорусская партия левых «Справедливый мир» – около 1300 человек;
 Объединенная гражданская партия – около 4 тыс. человек;
 Республиканская партия – около 1500 человек [11, с. 111].

Применить типологию политических партий Мориса Дюверже к белорусским политическим реалиям можно только отчасти: количество, указываемое политическими партиями, не проверялось с 2000 г., а данные, представляемые в Министерство юстиции Республики Беларусь, указываются самими политическими партиями, об уплате или отсутствии членских взносов заявляют только некоторые политические партии. Многие политические партии Беларуси не меняли своих программ с момента регистрации, а некоторые вообще находятся в состоянии политического анабиоза, не выдвигая и не заявляя никаких политических требований ни в период политических кампаний, ни между ними. Некоторые заявления активистов политических партий часто противоречат уставам и партийной идеологии и обусловлены исключительно политической конъюнктурой. Все эти факторы привели к смешиванию партийной идеологии, взглядов и ситуативных обстоятельств, что обуславливает гибридный (смешанный, конгломератный) характер современных политических партий Беларуси.

Еще одной распространенной типологией политических партий является их деление по идеологическому принципу. Самая первая дифференциация политических групп на «правых», «центристов» и «левых» появилась еще во Франции в период Французской революции 1789–1791 гг., когда в парламенте политические группы занимали места по расположению к председательствующему (консерваторы – по правую руку, сторонники умеренных реформ – по центру, сторонники кардинальных реформ и перемен – по левую). Кроме причастности партии к политическим реформам, в данной типологии важное значение отводится: роли государства и человека в обществе; роли экономики и социальной сферы в политике; содействию или противодействию модернизации политической системы; частной и коллективной формам собственности. В качестве примера можно привести схему политических ценностей и ориентаций, присущих политическим партиям «левого» и «правого» толка, предложенную российским социологом Б. А. Исаевым (рис. 2) [8, с. 123].

В дальнейшем приведенные нами политические установки начали использоваться в политических программах разными политическими партиями. Политическая борьба в первой половине XX в. и приход к власти в ряде стран партий, выступающих с крайними требованиями, привели к тому, что в научный

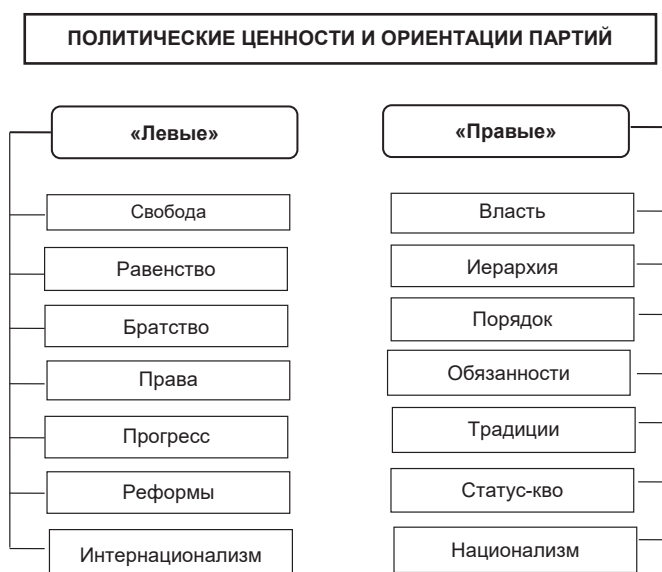

Рис. 2. Политические ценности и ориентации партий «левого» и «правого» толка

оборот были введены понятия «ультраправые, крайне правые» и «ультралевые, крайне левые». Таким образом, идеологический спектр современных политических партий можно представить следующей шкалой (рис. 3).

На сегодняшний день наиболее популярной является рационально-идеологическая типология, разработанная американским исследователем Э. Даунсом. Крайне левые взгляды, по его мнению, характерны для стран, где население оказывает высокую поддержку государственному участию в делах общества, крайне правые – связаны с восприятием высокого уровня управления и контроля государства над обществом. Эмпирические исследования Э. Даунса дали возможность выделить «левый-правый» континуум, который он использовал в социологических опросах для определения уровня поддержки и доминирования левых и правых взглядов в обществе. С его точки зрения, если взять электорат, включающий в себя 1000 избирателей, чьи идеальные точки распределяются по 100-балльной «лево-правой» шкале равномерно, а также партию «R» и партию «L», то можно определить идеологические предпочтения электората. Последняя является представителем левых взглядов и располагает свою позицию в точке 30 ($L = 30$). Каким образом будет расположена партия «R» с целью максимизировать количество голосов? Согласно модели Э. Даунса, она будет находиться близко к партии «L», справа от нее ($R = 31$). Тогда в непосредственной близости от партии «R» будут расположены около 70 % избирателей, в то время как рядом с партией «L» их окажется всего 30 %. Как видно на рис. 4, партии «R» выгодно занимать позицию после того, как определится партия «L», причем максимально близко к последней ($\langle L \rangle = 30$, $\langle R \rangle = 31$) (рис. 4) [9; 10 с. 27, 91].

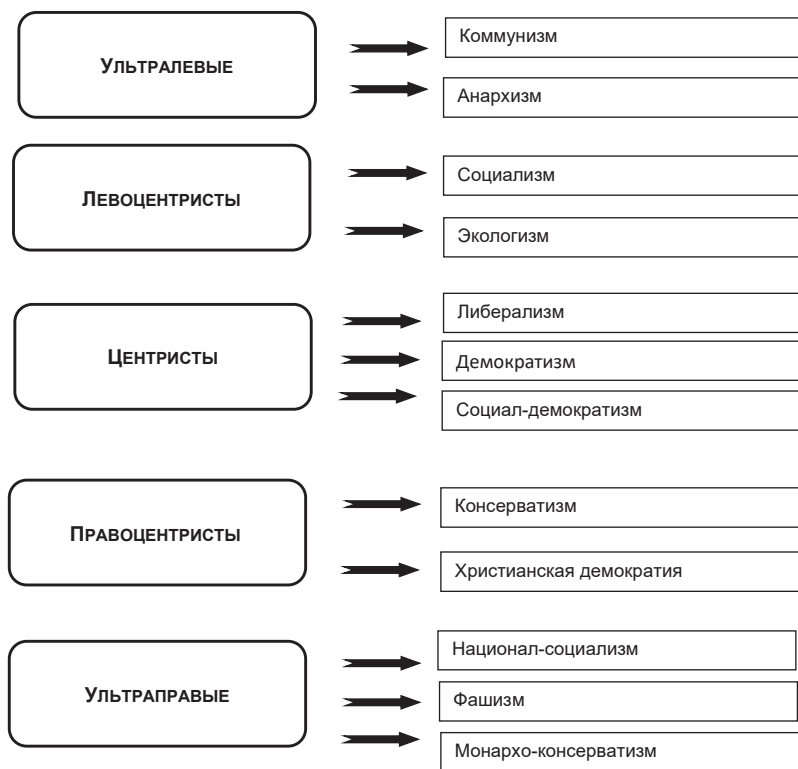

Рис. 3. Идеологический спектр современных политических партий

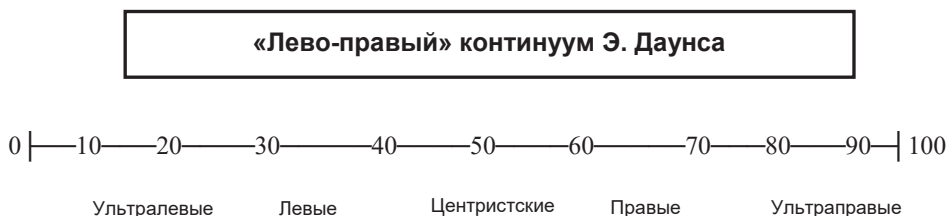

Рис. 4. Идеологический континуум Э. Даунса

В современных условиях переходного периода в развитии белорусского общества, формирования демократического социального правового государства и гражданского общества, а также многопартийной политической системы научно-практическое значение имеет типология белорусских политических партий в зависимости от их отношения к политике действующей государственной власти. Они подразделяются на:

1) *провластные партии* (Коммунистическая партия Беларуси, Республиканская партия труда и справедливости, Белорусская аграрная партия, Белорусская патриотическая партия, Белорусская социально-спортивная партия,

Республиканская партия). Перечисленные партии постоянно оказывают политическую поддержку действующей власти в период избирательных кампаний парламентского и президентского уровня, депутаты, которые находятся в парламенте от этих партий, в большинстве случаев выступают за предложенные государственной властью законодательные инициативы;

2) *конструктивно-оппозиционные* (Социал-демократическая партия Народного Согласия, Либерально-демократическая партия Беларуси). Данные политические партии, выступая с критикой отдельных инициатив и действий правительства, как правило, вносят позитивные предложения, направленные на совершенствование и развитие белорусского общества;

3) *умеренно-оппозиционные* (Белорусская социал-демократическая партия «Грамада», партия «Белорусская социал-демократическая Грамада», Белорусская партия «Зеленые»). Данные партии выступают с умеренной критикой власти, выступая за локальные реформы и преобразования;

4) *крайне-оппозиционные* (Партия БНФ, Консервативно-христианская партия БНФ, Белорусская партия левых «Справедливый мир», Объединенная гражданская партия). Эти партии выступают с критикой власти. Они – сторонники кардинальных изменений и реформ и по своей сути являются внесистемной политической оппозицией.

Таким образом, политические партии в современной Беларуси развиваются не по классическому сценарию западноевропейских или постсоветских стран, где в результате эволюционного политического развития или демократического транзита и более значительных трансформационных преобразований политические партии занимают важное место в политической системе и играют большую роль в общественной жизни. Повышению социального статуса и стимулированию активности белорусских политических партий будут способствовать введение пропорциональной (по партийным спискам) или смешанной избирательной системы, практика государственного субсидирования деятельности политических партий, санкции в отношении тех политических партий, которые не проявляют никакой политической активности и существуют только на бумаге, развитие политической и электоральной культуры населения. Активизация политико-партийного строительства необходима для дальнейшего продвижения Республики Беларусь по пути развития демократии и построения гражданского общества.

Список использованных источников

1. О политических партиях по состоянию на 1 июля 2018 г. [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Республики Беларусь. – Режим доступа: https://minjust.gov.by/directions/compare_coverage/. – Дата доступа: 01.08.2018.

2. *Дюверже, М.* Политические партии : пер. с фр. / М. Дюверже. – М. : Акад. Проект ; Гаудеамус, 2013. – 544 с.

3. *Блондель, Ж.* Политическое лидерство: путь к всеобъемлющему анализу : пер. с англ. Г. М. Квашнина [Электронный ресурс] / Ж. Блондель. – М. : Рос. акад. управления, 1992. – Режим доступа: <http://grachev62.narod.ru/blondel/contents.htm>. – Дата доступа: 06. 08. 2018.

4. Общая численность членов КПК достигла 87,79 млн человек [Электронный ресурс] // Агентства Синьхуа. – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/china/txt/2015-06/30/content_35940875.htm. – Дата доступа: 10. 08. 2018.
5. Социал-демократы Германии [Электронный ресурс] // Politik. Neue Sozialdemokraten Deutschlands. – Минск, 2016. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
6. *Katz, R. S.* The Cartel Party Thesis: A Restatement / R. S. Katz, P. Mair // *Perspectives on Politics*. – 2009. – Vol. 7, iss. 4. – P. 753–766.
7. О регистрации общественных объединений в Белорусской ССР [Электронный ресурс] : постановление Верхов. Совета Белорусской ССР от 28 июля 1990 г. № 222-ХП. – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby09/sbor91/text91416.htm>. – Дата доступа: 21.08.2018.
8. *Исаев, Б. А.* Теория партий и партийных систем : учеб. пособие для студентов вузов / Б. А. Исаев. – М. : Аспект Пресс, 2008. – 367 с.
9. *Downs, A.* An Economic Theory of Democracy / A. Downs. – New York : Harper and Row, 1957. – 112 s.
10. *Хамутовская, С. В.* Электоральное поведение населения Республики Беларусь : социологический анализ : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / С. В. Хамутовская ; Ин-т социологии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск, 2010. – 148 с.
11. *Котляров, И. В.* Институционализация политических партий Беларуси: возможности и политические реалии / И. В. Котляров, А. В. Гавриков // *Вестн. Беларус. дзярж. экан. ун-та. Сер. гуманітар. навук.* – 2017. – № 2. – С. 107–115.
12. *Maurice, D.* Les constitutions de la France / D. Maurice. – 7 éd. – Paris, 1961. – 128 p.
13. Универсальные партии: определение, особенности, функции и примеры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fb.ru/article/243155/universalnyie-partii-opredelenie-osobennosti-funktsii-i-primeryi>. – Дата доступа: 03.10.2018.
14. *Гросс, Е. П.* Институционализация общественных объединений Республики Беларусь (1991–2010 гг.) / Е. П. Гросс // *Вестн. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук.* – 2015. – № 1. – С. 47–51.

Поступила 12.10.2018 г.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 001.007:331.108.23+001.007:331.108.24+001.007:378(476)

М. И. АРТЮХИН,

*кандидат философских наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, e-mail: art47@mail.ru*

С. А. ПУШКЕВИЧ,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, e-mail: pushkevich@gmail.com

СОСТОЯНИЕ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА БЕЛОРУССКОЙ НАУКИ ЗА ПЕРИОД 2006–2017 ГОДЫ

В статье представлен анализ динамики развития отраслевой, квалификационной, возрастной структуры научных кадров Республики Беларусь за период 2006–2017 гг. Показано, что негативные тенденции развития кадрового потенциала отечественной науки прошлых лет не преодолены и существенно влияют на формирование адекватного задачам инновационного развития экономики и общества конкурентоспособного состава научных кадров. Ситуация при этом усугубляется низкой эффективностью национальной системы подготовки научных кадров высшей квалификации. Определяющее влияние на позитивное решение накопившихся проблем будет иметь принятие комплекса государственных мер по оптимизации качественного состава научных кадров, созданию эффективной системы их подготовки, а также выработке эффективных социально-экономических механизмов привлечения и закрепления молодых талантливых ученых в научной сфере.

Ключевые слова: кадровая политика, кадровый потенциал, научные кадры, квалификационная структура научных кадров, система подготовки научных кадров.

M. I. ARTYUKHIN,

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, e-mail: art47@mail.ru*

S. A. PUSHKEVICH,

*Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
e-mail: pushkevich@gmail.com*

STATE AND MAIN TENDENCIES OF THE DEVELOPMENT OF THE PERSONNEL POTENTIAL OF THE BELARUSIAN SCIENCE FOR THE PERIOD OF 2006–2017

The article presents an analysis of the dynamics of development of the sectoral, qualification, age structure of the scientific personnel of the Republic of Belarus for the period 2006–2017. It is shown that the negative trends in the development of the personnel potential of the national science of the past years have not been overcome and significantly influence the formation of the competitive composition of scientific personnel that is adequate to the tasks of the innovative development

of the economy and society. The situation is got worse by the low efficiency of the national system of training of highly qualified scientific personnel. A decisive influence on the positive solution of the accumulated problems will be the adoption of a set of government measures to optimize the qualitative composition of scientific personnel, create an effective system of their training, and develop effective socio-economic mechanisms to attract and retain talented young scientists in the scientific field.

Keywords: personnel policy, personnel potential, scientific personnel, qualification structure of scientific personnel, system of training of scientific personnel.

Республика Беларусь вступила в качественно новый этап социально-экономического развития, отличительной чертой которого является становление и развитие экономики инновационного типа. Сегодня стоит задача преодолеть инерционность научного потенциала Беларуси, разрыв между фундаментальной наукой, прикладными исследованиями и реальной экономикой, ускорить освоение в производстве научных разработок и отработать эффективный механизм создания отечественных высоких технологий и их реализации. В решении этой стратегической задачи ключевая роль принадлежит кадровому потенциалу белорусской науки и его интеллектуальному ядру – научным кадрам высшей квалификации – докторам и кандидатам наук.

Вместе с тем кадровая ситуация в белорусской науке остается сложной и негативные тенденции ее развития превалируют над положительными моментами. Основными проблемами развития кадрового состава являются: ухудшение качественных характеристик занятого в науке персонала; интенсивный отток из науки исследователей средних возрастов; сокращение социальной базы воспроизводства научных кадров высшей квалификации. Нельзя признать также оптимальными сложившиеся в настоящее время отраслевую, квалификационную, возрастную структуру научных кадров и их региональное распределение.

Сегодня кадровый потенциал белорусской науки составляет всего 24,7 % от уровня начала 1990-х годов. За период с 1990 по 2017 г. численность работников, выполнявших научные исследования и разработки, сократилась в 4,1 раза, в том числе исследователей – в 4,0 раза. Следует отметить, что начиная с 2006 г. процесс уменьшения численности работников, выполнявших научные исследования и разработки, был приостановлен. Так, в 2010 г. по сравнению с 2006 г. численность научных кадров в целом по республике увеличилась на 1168 человек, или на 3,8 %. Причем этот рост произошел за счет увеличения численности научных работников без ученой степени: с 14 569 человек в 2006 г. до 15 990 человек в 2010 г. Однако в последующие годы эта положительная тенденция роста численности научных кадров была утрачена.

В 2017 г. численность работников, выполнявших научные исследования и разработки, составила 26,5 тыс. человек, из них исследователи – 17,1 тыс. человек, или 64,5 %; техники – 1,7 тыс. человек, или 6,4 %; вспомогательный персонал – 7,7 тыс. человек, или 29,1 %. Наибольшее количество докторов и кандидатов наук, выполнявших научные исследования и разработки, работало в научных организациях НАН Беларуси – 404 доктора наук, или 62,6 %

от общей их численности в научной сфере республики, 1592 кандидата наук, или 55,9 % от общей их численности в научной сфере республики [13].

За период 2006–2017 гг. общая численность работников, выполнявших научные исследования и разработки, уменьшилась на 4061 человек, или на 13,3 %. Среди исследователей процент сокращения составил 7,6 % (табл. 1).

Таблица 1. Динамика численности работников, выполнявших научные исследования и разработки в Республике Беларусь за период 2006–2017 гг., человек (сост. по: [1–11])

Категории работников	2006 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.	Изменения за 2006–2017 гг.	
					человек	%
Работники, выполнявшие научные исследования и разработки, всего	30 544	31 712	26 153	26 483	–4 061	–13,3
Исследователи, всего	18 494	19 879	16 953	17 089	–1 405	–7,6
из них:						
доктора наук	758	746	648	645	–113	–14,9
кандидаты наук	3167	3143	2822	2850	–317	–10,0
без ученой степени	14 569	15 990	13 483	13 594	–975	–6,7

За последнее десятилетие наиболее нежелательные изменения наблюдались среди исследователей высшей квалификации. Так, доктора наук, занятые в научной сфере, своего пика численности достигли в 2000 г. – 819 человек. В последующие годы общая численность докторов наук начинает сокращаться. За период 2006–2017 гг. численность докторов наук, выполняющих научные исследования и разработки, уменьшилась на 113 человек, или на 14,9 %. Это же можно сказать и о кандидатах наук, численность которых за этот же период уменьшилась на 317 человек, или на 10,0 %.

Вызывает тревогу тот факт, что значительное уменьшение как докторов, так и кандидатов наук за период 2006–2017 гг. произошло в НАН Беларуси: докторов наук – на 106 человек (19,9 %), кандидатов наук – на 244 человека (12,5 %) [13].

Отраслевая структура исследователей

В 2017 г. отраслевая структура исследователей в целом по республике была представлена следующим образом: в области естественных наук численность исследователей составила 3469 человек, или 20,3 % от общей численности исследователей; технических – 10 067 человек, или 58,9 %; медицинских – 783 человека, или 4,6 %; сельскохозяйственных – 1000 человек, или 5,9 %; общественных – 1293 человека, или 7,6 %, и гуманитарных наук – 477 человек, или 2,8 %.

Анализ распределения численности научных кадров высшей квалификации по отраслям наук показывает, что в настоящее время продолжает наблюдаться определенный дисбаланс в количестве докторов наук в разрезе отраслей наук. Так, на долю 7 из 23 отраслей науки приходится около 80 % от общей численности докторов наук: технической (21,7 %), медицинской (18,4 %),

физико-математической (15,1 %), экономической (6,5 %), биологической (6,1 %), сельскохозяйственной (4,9 %) и исторической (4,5 %) [14].

За период 2006–2017 гг. в отраслевой структуре исследователей произошли существенные как положительные, так и негативные изменения. Так, за этот период наблюдается небольшой рост доли исследователей в области общественных наук – с 6,5 % в 2006 г. до 7,6 % в 2017 г. и гуманитарных наук – с 2,3 % в 2006 г. до 2,8 % в 2017 г. Вместе с тем произошло уменьшение доли исследователей в области технических наук – с 59,1 % в 2006 г. до 58,9 % в 2017 г., естественных наук – с 20,5 % в 2006 г. до 20,3 % в 2017 г., сельскохозяйственных наук – с 6,3 % в 2006 г. до 5,9 % в 2017 г., медицинских наук – с 5,3 % в 2006 г. до 4,6 % в 2017 г. (рис. 1).

Квалификационная структура научных кадров

В 2017 г. численность научных кадров высшей квалификации, занятых научными исследованиями и разработками, в целом по республике составила 3495 человек, а их удельный вес в общей численности работников, выполнявших научные исследования и разработки, – 13,2 %; докторов наук – 2,4 %; кандидатов наук – 10,8 %.

Следует отметить, что показатели квалификационной структуры научных кадров НАН Беларуси намного выше средних показателей по республике. В НАН Беларуси на начало 2018 г. удельный вес научных кадров высшей квалификации в общей численности работников, выполнявших научные исследования и разработки, составил среди докторов наук 5,1 %, кандидатов наук – 20,1 % [13].

Анализ показывает, что квалификационная структура научных кадров за последнее десятилетие претерпела нежелательные тенденции. Так, удельный

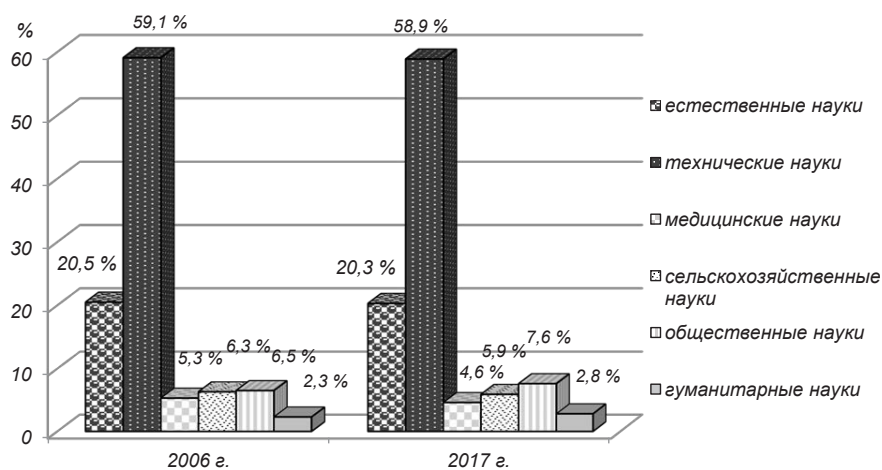

Рис. 1. Динамика отраслевой структуры исследователей за период 2006–2017 гг. (сост. по: [9; 11])

вес докторов наук в общей численности исследователей снизился с 4,1 % в 2006 г. до 3,8 % в 2017 г., а кандидатов наук – с 17,1 % до 16,7 %.

Динамика показателей динамики квалификационной структуры исследователей по ряду областей науки имеет проблемный характер. Так, если в 2006 г. удельный вес докторов наук в общей численности исследователей в области технических наук составлял 1,8 %, то в 2017 г. – 1,4 %. Гуманитарные науки также снизили свои квалификационные характеристики. В большей мере это относится к удельному весу докторов наук в общей численности исследователей-гуманитариев, который уменьшился с 14,8 % в 2006 г. до 10,9 % в 2017 г. Несколько улучшили свои квалификационные характеристики медицинские и общественные науки (табл. 2).

Таблица 2. Динамика квалификационной структуры исследователей по областям науки за период 2006–2017 гг. (сост. по: [9; 11])

Отрасли науки	Удельный вес докторов наук в общей численности исследователей, %		Удельный вес кандидатов наук в общей численности исследователей, %	
	2006 г.	2017 г.	2006 г.	2017 г.
Всего по республике	4,1	3,8	17,1	16,7
Естественные	7,8	7,8	30,1	29,9
Технические	1,8	1,4	8,7	6,7
Медицинские	9,1	10,9	29,4	35,8
Сельскохозяйственные	6,5	5,1	31,0	34,9
Общественные	3,0	3,9	18,7	24,8
Гуманитарные	14,8	10,9	39,4	40,3

В 2017 г. по областям науки удельный вес научных кадров высшей квалификации в общей численности исследователей распределился следующим образом: удельный вес докторов наук в общей численности исследователей в области естественных наук составил 7,8 %, кандидатов наук – 29,9 %; медицинских наук: докторов наук – 10,9 %, кандидатов наук – 35,8 %; сельскохозяйственных наук: докторов наук – 5,1 %, кандидатов наук – 34,9 %; общественных наук: докторов наук – 3,9 %, кандидатов наук – 24,8 %; гуманитарных наук: докторов наук – 10,9 %, кандидатов наук – 40,3 %.

Наименьшая доля докторов наук в общей численности исследователей отмечена в области технических наук – 1,4 % (137 человек), кандидатов наук – 6,7 % (671 человек). Такой низкий показатель квалификационной структуры в области технических наук сложился вследствие значительной численности исследователей, занятых в технических науках, – 10 067 человек, или 58,9 % в общей их численности в целом по республике. Эта же картина наблюдается и в области естественных наук, где численность докторов наук в 2017 г. составила 270 человек, или 41,9 % от их общей численности, кандидатов наук – 1037 человек, или 36,4 %. Но в виду того, что численность исследователей в этой области наук составляет 3469 человек, или 20,3 % от общей численности

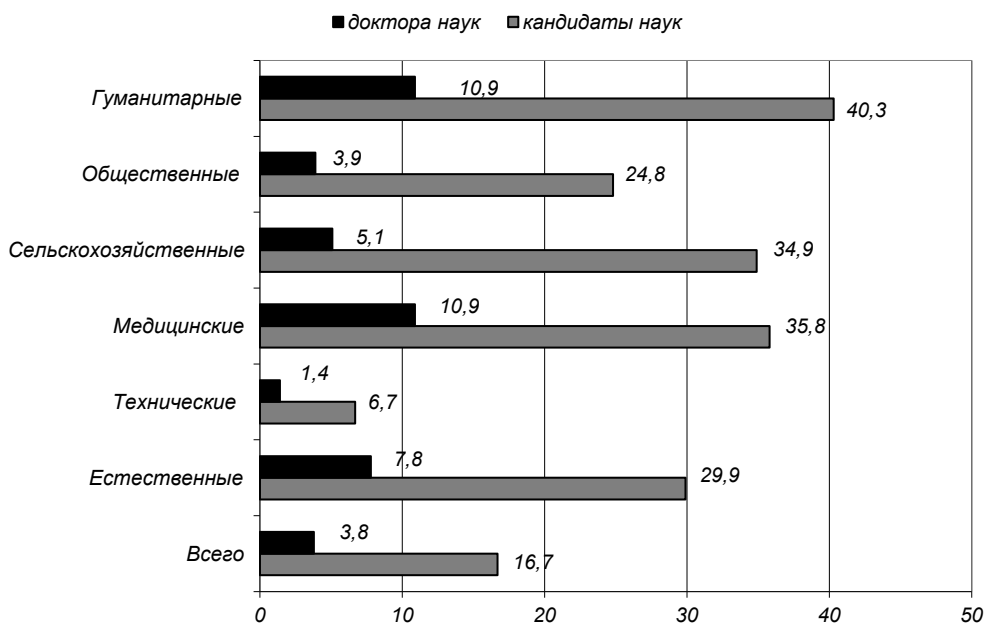

Рис. 2. Удельный вес научных кадров высшей квалификации в общей численности исследователей по областям науки, 2017 г., в % (сост. по: [9])

исследователей, показатель квалификационной структуры здесь имеет средний уровень – 7,8 % по докторам наук и 29,9 % по кандидатам наук. И наоборот, высокий показатель удельного веса докторов наук в общей численности исследователей имеют гуманитарные науки – 10,9 %, а по кандидатам наук – 40,3 %, так как численность исследователей здесь составляет всего 477 человек, или 2,8 % от общей численности исследователей (рис. 2).

Приведенные данные свидетельствуют о наличии явной диспропорции в распределении удельного веса докторов и кандидатов наук в общей численности исследователей по некоторым областям науки. Так, если на 100 исследователей по состоянию на 1 января 2018 г. в области естественных наук приходилось 8 докторов и 30 кандидатов наук, в области медицинских наук – 11 докторов и 36 кандидатов наук, в области гуманитарных наук – 11 докторов и 40 кандидатов наук, то в области технических наук – всего 1 доктор и 7 кандидатов наук. Последнее в значительной мере затрудняет решение основной задачи науки в Беларуси – обеспечение ускоренного развития наукоемких производств.

Возрастная структура исследователей

Оптимизация возрастной структуры научных кадров входит в число приоритетных задач государственного уровня. Внимание к данному вопросу не случайно, так как неблагоприятная тенденция старения кадров в сфере науки до сих пор не преодолена. Об этом говорят следующие данные ВАК. В настоящее время средний возраст докторов наук составляет 67 лет. На долю докторов

наук старше 60 лет приходится около 80 % от их общей численности, в том числе старше 80 лет – около 13 %. Возраст лишь 17 докторов наук, занятых в научно-образовательной сфере, не превышает 40 лет, что составляет 0,7 % от их общего числа. Средний возраст кандидатов наук составляет 45 лет [14].

Возрастная структура исследователей в 2017 г. (табл. 3) была следующей: численность исследователей в возрасте до 29 лет составила 4,0 тыс. человек, или 23,5 % от общей численности исследователей, в возрасте 30–39 лет – 4,1 тыс. человек (24,2 %), 40–49 лет – 2,5 тыс. человек (14,6 %), 50–59 лет – 3,2 тыс. человек (18,7 %), 60–69 лет – 2,4 тыс. человек (14,0 %), 70 лет и старше – 0,9 тыс. чел. (5,0 %).

Таблица 3. Динамика возрастной структуры исследователей Республики Беларусь за период 2006–2017 гг. (сост. по: [9; 11])

Возраст	Численность исследователей				Из них имеют ученую степень							
					доктора наук				кандидата наук			
	2006 г.		2017 г.		2006 г.		2017 г.		2006 г.		2017 г.	
	человек	удельный вес, %	человек	удельный вес, %	человек	удельный вес, %	человек	удельный вес, %	человек	удельный вес, %	человек	удельный вес, %
Всего	18 494	100	17 089	100	758	100	645	100	3167	100	2850	100
До 29 лет	4495	24,3	4012	23,5	–	–	–	–	119	3,8	25	0,9
30–39 лет	2888	15,6	4134	24,2	2	0,3	3	0,5	448	14,1	622	21,8
40–49 лет	4001	21,6	2493	14,6	67	8,8	25	3,9	684	21,6	622	21,8
50–59 лет	4838	26,2	3198	18,7	260	34,3	95	14,7	1113	35,1	562	19,7
60–69 лет	1840	9,9	2400	14,0	263	34,7	261	40,5	643	20,3	676	23,7
70 лет и старше	432	2,3	852	5,0	166	21,9	261	40,5	160	5,1	343	12,0

Как видим из данных табл. 3, за период 2006–2017 гг. высокий удельный вес численности исследователей в возрасте до 29 лет в их общей численности практически не изменился (23,5 %). Отметим как положительную тенденцию рост доли исследователей в возрасте 30–39 лет с 15,6 % в 2006 г. до 24,2 % в 2017 г. (на 8,6 п. п.). Однако удельные веса последующих возрастных групп исследователей за этот же период снизились. Так, удельный вес исследователей в возрасте 40–49 лет снизился с 21,6 % до 14,6 % (на 7,0 п. п.), в возрасте 50–59 лет – с 26,2 % до 18,7 % (на 7,5 п. п.). Одновременно удельный вес численности исследователей в возрасте 60–69 лет увеличился с 9,9 % в 2006 г. до 14,0 % в 2017 г. (на 4,1 п. п.), в возрасте 70 лет и старше – на 2,7 п. п. за тот же период.

Одним из важнейших условий и предпосылок динамичного развития национальной науки является возрастная структура ее интеллектуального ядра – кандидатов и докторов наук. Вместе с тем статистические данные свидетельствуют о нарастающей тенденции старения исследователей высшей квалификации, что ведет не только к снижению показателей научной продуктив-

ности, но и к угрозе нарушения непрерывности и преемственности воспроизводства научной элиты и инновационного развития науки в целом. На это обращено внимание в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 (п. 31), где отмечено, что неблагоприятная возрастная структура научных кадров высшей квалификации в научно-технологической сфере республики является внутренним источником угроз национальной безопасности [12].

В этой связи больше всего вызывает тревогу нарастающая негативная динамика возрастной структуры докторов наук, занятых в научной сфере. Так, если в 2006 г. доля докторов наук до 40 лет составляла 0,3 %, то в 2017 г. – 0,5 %. И напротив, если в 2006 г. 56,6 % докторов наук имели возраст 60 лет и старше (в том числе 60–69 лет – 34,7 %, старше 70 лет – 21,9 %), то в 2017 г. 81,0 % докторов наук имели возраст 60 лет и старше (в том числе 60–69 лет – 40,5 %, старше 70 лет – 40,5 %). При этом наиболее неблагоприятная «демографическая» ситуация в докторском корпусе сложилась в тех секторах науки, которые принесли мировое признание белорусской науке: естественнонаучных и технических отраслях научного знания (рис. 3).

Аналогичная картина наблюдается и в возрастной структуре кандидатов наук. При увеличении удельного веса численности кандидатов наук в возрасте 30–39 лет с 14,1 % до 21,8 % (на 7,7 п. п.), удельный вес исследователей в возрасте до 29 лет в их общей численности за период 2006–2017 гг. снизился с 3,8 % до 0,9 % (на 2,9 п. п.), в возрасте 40–49 лет с 21,8 % до 21,6 % (на 0,2 п. п.), а в возрасте 50–59 лет – с 35,1 % до 19,7 % (на 15,4 п. п.). Одновременно удельный вес численности кандидатов наук в возрасте старше 60 лет увеличился с 25,4 % в 2006 г. (в том числе в возрасте 60–69 лет – 20,3 %) до 35,7 % в 2017 г. (в том числе в возрасте 60–69 лет – 23,7 %), или на 10,3 п. п. При этом особо следует отметить увеличение за этот период удельного веса численности кан-

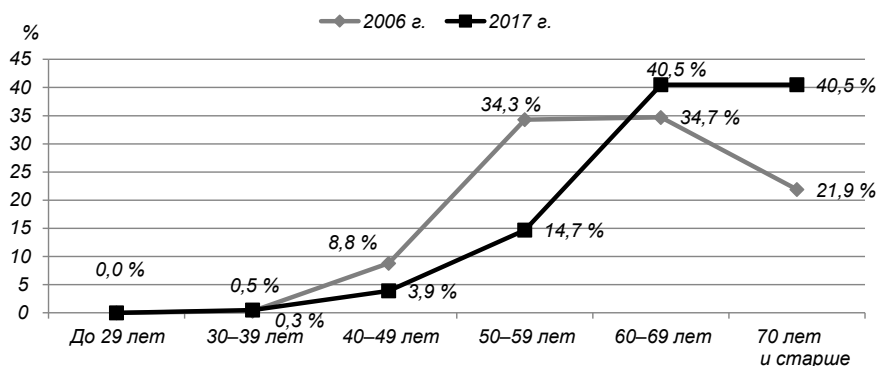

Рис. 3. Динамика возрастной структуры докторов наук за период 2006–2017 гг. (сост. по: [9; 11])

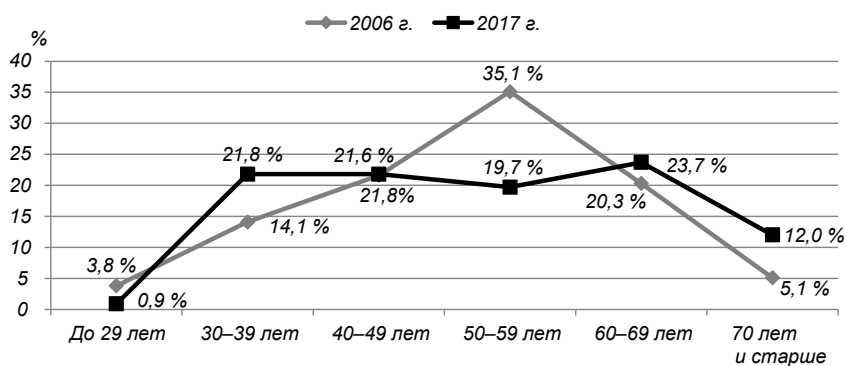

Рис. 4. Динамика возрастной структуры кандидатов наук за период 2006–2017 гг. (сост. по: [9, 11])

дидатов наук в возрасте 70 лет и старше – с 5,1 % до 12,0 % (то есть в 2,4 раза) (рис. 4).

Отсутствие в науке достаточного числа молодых докторов и кандидатов наук и незначительная доля докторов наук и кандидатов наук средних возрастов при одновременном преобладании в их составе лиц пенсионного возраста может негативно сказаться на перспективах развития белорусской науки и повышения ее конкурентоспособности. Этот вывод остается верным даже при констатации наличия в кадровом составе национальной науки значительной доли исследователей до 29 лет и некоторого роста за последние годы численности возрастной группы 30–39 лет. Анализ показывает, что даже при этих положительных моментах в белорусской науке не пополняется самая продуктивная для научной деятельности возрастная группа исследователей – 40–49 лет. Последнее свидетельствует о том, что значимая часть молодежи даже из тех исследователей, которые имеют кандидатскую степень, уходят из науки в другие высокодоходные сферы деятельности. В результате наиболее продуктивные для научной деятельности возрастные группы исследователей лишаются кадровой подпитки и теряют критическую массу, необходимую для своего воспроизводства и эффективного развития. Итогом этой отрицательной тенденции может стать постепенно усиливающаяся перспектива формирования так называемого кадрового «провала» и разрыва научных поколений.

В условиях ухудшения качественных характеристик занятого в науке персонала, интенсивного оттока исследователей средних возрастов, сокращения социальной и интеллектуальной базы воспроизводства научных кадров, особую актуальность приобретают задачи оптимизации системы подготовки научных кадров высшей квалификации – аспирантуры и докторантуры. Следует отметить, что эти важнейшие источники пополнения научных кадров высшей квалификации не в полной мере справляются с поставленными задачами формирования интеллектуального ядра качественного роста кадрового потенциала национальной науки и его омоложения.

За период 2011–2017 гг. численность аспирантов в целом по республике уменьшилась на 630 человек (10,9 %). Эффективность деятельности республиканской аспирантуры крайне низка. В 2017 г. доля лиц, защитивших диссертацию в срок обучения в аспирантуре, в общей численности выпуска составила всего 9,1 %. В абсолютных цифрах это означает, что в среднем в республике ежегодно в срок обучения защищаются всего 45–50 выпускников аспирантуры, включая соискателей [9].

Следует особо отметить, что самое значительное уменьшение численности аспирантов наблюдается в областях науки, являющихся важнейшими для обеспечения инновационного развития экономики страны. Так, за этот же период численность аспирантов в области естественных наук уменьшилась на 14,0 % (на 111 человек), технических наук – на 8,3 % (на 98 человек), сельскохозяйственных – на 39,2 % (на 140 человек). Последствия этой негативной динамики уже проявились. По данным ВАК, в 2016 г. по сравнению с 2015 г. наблюдалось резкое снижение количества защит кандидатских диссертаций по техническим наукам – почти на 30 % [14].

Анализ деятельности республиканской докторантуры показывает устойчивую динамику роста численности докторантов. В 2017 г. общая численность докторантов в целом по стране составила 503 человека. За десятилетие общая численность докторантов увеличилась почти в три раза со 152 человек в 2006 г. до 503 человек в 2017 г. Однако выросла она за счет соискателей, которых в соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании с 2011 г. стали считать полноценными докторантами, проходящими обучение в форме соискательства. Об этом свидетельствует тот факт, что в 2016 г. на дневной докторантуре обучалось 114 человек, а в форме соискательства – 318 человек.

Следует отметить, что в докторантурах научных организаций Беларуси в 2017 г. обучалось 132 человека, или 26,2 %; в учреждениях образования – 371 (73,8 %). Это значит, что на науку работает только одна четверть республиканской докторантуры.

В целом за период 2011–2017 гг. показатель ежегодных защит докторских диссертаций в срок обучения в среднем составил 14,6 %. В абсолютных цифрах в среднем ежегодно в стране защищаются в срок обучения всего 8–10 выпускников докторантуры.

Анализ отраслевой структуры республиканской докторантуры показывает, что она далека от оптимальной. Так, в 2017 г. доля докторантов, проходящих подготовку в области общественных и гуманитарных наук, составила 35,6 % от общей численности докторантов (179 человек); в области естественных наук – 10,3 % (52 человека); технических – 12,5 % (63 человека); медицинских – 28,4 % (143 человека); сельскохозяйственных – 5,16 % (28 человек) [9].

Возрастной состав республиканской докторантуры также требует оптимизации. Согласно статистике, в 2016 г. почти половина всех докторантов находились в возрастной категории 40–49 лет. Каждый четвертый докторант – старше 50 лет. Только 10,0 % обучавшихся докторантов были в возрасте до 35 лет и 19,4 % – в возрастном диапазоне 35–39 лет.

Во многом нынешнее проблемное состояние системы подготовки научных кадров высшей квалификации начинает сказываться на одном из важнейших индикаторов ее эффективности – ежегодном количестве утвержденных ВАК диссертаций. В последние годы ВАК утверждает в среднем только 45–47 докторских и 550–575 кандидатских диссертаций.

К основной причине такого неблагоприятного положения дел в системе подготовки научных кадров высшей квалификации следует отнести тот факт, что сложившиеся подходы к планированию подготовки научных работников высшей квалификации и определению контрольных цифр приема в аспирантуру и докторантуру по каждой специальности и форме получения послевузовского образования (дневная и соискательство) на текущий год определяются исходя из предложений организаций-заказчиков, в подчинении которых находятся организации, осуществляющие эту подготовку [14].

При таком подходе потребности государства в кадрах обеспечении ускоренного развития высокотехнологичных производств не всегда учитываются, так как научные организации при определении плана подготовки научных работников высшей квалификации по прорывным специальностям исходят прежде всего из своих возможностей и имеющегося количества докторов наук. Эти возможности, как известно, довольно проблематичны.

Подводя итоги проведенного анализа кадровой ситуации в белорусской науке, можно констатировать, что реализуемый в стране комплекс государственных мер по оптимизации количественного и качественного состава научных кадров является недостаточным и не оказывает решающего влияния на решение кадровых проблем. В результате белорусская наука теряет конкурентоспособность на республиканском рынке интеллектуального труда в сравнении с другими сферами деятельности, что может в перспективе значительно осложнить нормальное функционирование национальной научной системы, создать реальную угрозу утраты преемственности между поколениями белорусских ученых и привести к исчерпанию потенциала национальных научных школ. Определяющее влияние на позитивное решение накопившихся проблем будет иметь принятие комплекса государственных мер по совершенствованию кадровой и социальной политики в научной сфере, созданию эффективной системы отбора и подготовки высококвалифицированных научных кадров, а также выработке эффективных социально-экономических механизмов привлечения и закрепления молодых талантливых ученых в научных организациях.

Список использованных источников

1. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2010.
2. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2011.
3. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2012.

4. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2013.
5. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2014.
6. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2015.
7. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2015 году : стат. бюл. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016.
8. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2016 году : стат. бюл. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2017.
9. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2017 году : стат. бюл. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018.
10. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2005 года : аналит. доклад. – Минск : БелИСА, 2006.
11. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2006 года : аналит. доклад. – Минск : БелИСА, 2007.
12. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575>. – Дата доступа: 22.09.2018.
13. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2017 году. – Минск : Беларус. навука, 2018. – 412 с.
14. Пальчик, Г. В. Развитие системы аттестации научных кадров высшей квалификации / Г. В. Пальчик // Беларус. думка. – 2017. – № 10. – С. 3–9.

Поступила 15.10.2018 г.

С. А. ДУШИНА,

*кандидат философских наук, доцент,
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН, г. Санкт-Петербург, e-mail: sadushina@yandex.ru*

А. В. КАМНЕВА,

*магистрант факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
г. Санкт-Петербург, e-mail: comon70@mail.ru*

В ПОИСКАХ КОЛЛАБОРАЦИИ. ВОЗМОЖНОСТИ АКАДЕМИЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-СЕТЕЙ

В статье представлен анализ академических социальных интернет-сетей как инструмента коллабораций. Принимая во внимание результаты социологического опроса, авторы показывают, что основанием для приглашения в проекты через сеть являются академические заслуги пользователя. Выявлено, что профессиональные социальные сети играют, скорее, опосредованную роль для установления коллабораций, предоставляя информацию в исследовательских профилях. Подчеркивается важность традиционных коммуникативных пространств (конференции, семинары) для завязывания сотрудничества.

Ключевые слова: ученый, коллектив, команда, наука, сотрудничество, публикация, проект, опрос, авторство, карьера, исследование.

S. A. DUSHINA,

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Institute for the History of Science and Technology named by S. I. Vavilov,
St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, e-mail: sadushina@yandex.ru*

A. V. KAMNEVA,

*MA Student, Department of Sociology,
St. Petersburg State University, e-mail: kamnevanya@gmail.com*

SEARCHING FOR COLLABORATION. OPPORTUNITIES OF ACADEMIC SOCIAL INTERNET NETWORKS

The article presents an analysis of academic social Internet networks as a tool for collaborations. Taking into account the results of the sociological survey, it is shown that the basis for the invitation to projects through the network is the user's reputation. It is revealed that academic social networks play, rather, a mediated role for establishing collaborations, providing information in research profiles. The importance of traditional communicative spaces (conferences, seminars) for establishing cooperation is emphasized.

Keywords: scientist, team, science, cooperation, publication, project, survey, authorship, career, research.

Введение. Научное сотрудничество является одним из условий продуктивной работы, оказывающим влияние на академические карьеры. Часто современные исследования выполняются командами ученых, которые междисциплинарны, транснациональны и географически разбросаны. Особенности коллаборации вызывают в связи с крупными экспериментами, проектной деятельностью, с междисциплинарными исследованиями, когда ученые из разных организаций объединяются во временные исследовательские группы для решения поставленных задач. С появлением Интернета, особенно технологий Web 2.0, открываются новые возможности для завязывания коллабораций в виртуальном пространстве. Для удобства поиска партнеров создаются специализированные интернет-платформы для научных организаций, содержащие информацию об исследователях, их профессиональной деятельности, научных достижениях, картах соавторства [1, р. 352]. Цель этих платформ – облегчить поиск сотрудников в проекты. Сеть становится инструментом исследовательской культуры, с помощью которого создают научные коллективы, собирают данные и представляют результаты работы. Цель нашего исследования – показать, насколько социальные академические интернет-сети (ResearchGate, Academia.edu, Mendeley и др.) используются для научной интеграции, установления исследовательской коллаборации, приглашений ученых в проект, а также выявить результативность такого рода сотрудничества. Под академическими социальными компьютерными сетями мы будем понимать веб-сайты, предназначенные для построения социальных взаимодействий ученых, предоставляющие такие сетевые приложения, как семантический поиск, обмен публикациями, форумы, возможности комментирования, создание групп по интересам [2]. Мы будем опираться на данные, полученные в ходе социологического исследования, которое в виде специально разработанного интернет-опроса проводилось на базе Центра социолого-наукоедческих исследований Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники (СПбФ ИИЕТ) РАН весной 2018 г. Прежде чем перейти к описанию и интерпретации результатов, мы, обращаясь к исследованиям по истории науки, покажем разнородность форм сотрудничества и значимость коллаборации для субъектов производства знания.

От коллектива экспериментаторов к коллаборационному Совету. Командную науку, то есть науку как коллективное производство знания, связывают с «большой наукой», с технаукой и ее зарождение относят к XX в. [3, с. 23–58; 4]. Однако даже поверхностный взгляд на историю науки показывает, что работа в сотрудничестве, более того, в соавторстве имела место быть уже в Новое время. Как замечают Д. Бивер и Р. Розен, коллективная исследовательская работа, завершавшаяся совместными публикациями, практиковалась уже в XVII–XVIII вв., при этом их большая часть приходилась на астрономию [4, р. 71–72]. В научных журналах того времени появлялись сообщения о совместных наблюдениях и экспериментах. Так, в первом номере «Journal des Sçavans», вышедшем в свет в январе 1665 г., опубликован отчет об обсуждении

учеными природного явления – прохождении кометы, представляющий собой текст авторских выступлений, в каждом из которых содержится понимание причин и следствий этого астрономического события.

Петербургская академия наук в конце 60-х годов XVIII в. была вовлечена в крупнейшее международное предприятие – наблюдение прохождения Венеры по диску Солнца 23 мая 1769 г. с целью «определения величины солнечного параллакса и длины астрономической единицы» [5, с. 164]. В проект вошли более 150 ученых, организовавших наблюдения в 77 астрономических пунктах, разбросанных по всему миру. Руководителем астрономической программы Петербургской академии, как указывают Ю. Х. Копелевич и Г. И. Смагина, был С. Я. Румовский. Отчеты о наблюдениях опубликованы в «*Novi Commentarii*» – издании Санкт-Петербургской академии – во второй части XIV тома за 1769 год (*Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Tom XIV. Pars II. P. 131–133*).

Современные научные коллаборации, особенно в области астрофизики и физики элементарных частиц, весьма отдаленно напоминают коллективную работу ученых Нового времени. Они иные и по характеру, и по модели сотрудничества. Суть трансформации командной работы во второй половине XX в. хорошо эксплицирована П. Галисоном. Он показал, что коллаборации собираются вокруг технического (ускорительные комплексы, пузырьковые камеры – объекты мегасайнс), разрастаются до нескольких тысяч сотрудников и представляют собой пространственно распределенные, объединенные соглашениями о сотрудничестве команды, «переменного состава и размера, с трудно устанавливаемыми границами». Метаколлаборации – это новый «социальный феномен, непостоянный по форме и точно неопределяемый» [6]. Если коллаборации 1960-х годов имели персонифицированный характер, потому что были подчинены единому центру во главе с его руководителем – лидером, принимающим решения и ответственным за финансирование, результат, публикации, то в конце 1990-х годов, фиксирует П. Галисон, никакая группа в отдельности не могла управлять мультиинституциональной и многонациональной коллаборацией. Таким образом, «группа как квазииндивид уступила дорогу федеративной ассоциации частей», и вместо имени лидера, известного физика, теперь – анонимный Совет коллаборации [6]. Аналогичные изменения произошли и в политике авторства, приведшие к появлению нового типа соавторства, определяемого «высокоструктурированной системой контроля», надындивидуального, включающего до нескольких тысяч человек. Традиционные механизмы репутации здесь не работают, и соавторство вряд ли способствует узнаваемости ученого и его признанию.

В своих исторически различных формах коллаборации оказываются необходимым элементом организации научных исследований. Д. Бивер и Р. Розен на примере Франции первой половины XIX в. убедительно показали, что сотрудничество ученых (выражающееся, в частности, в соавторстве) представляет собой ответ на растущую профессионализацию науки. Теперь иссле-

дователю, желавшему посвятить себя науке, не надо искать покровителя из дворянского сословия¹; поддержку можно найти в институциональной исследовательской структуре, среди ее элиты, в руках которой находился контроль за разного рода ресурсами, включая и «вербовку» новых сотрудников. Профессиональная стратификация порождает необходимость в научной кооперации. Конечно, научная кооптация не всегда может быть выдвинута в качестве непосредственного основания академического успеха или неудачи в карьере французского ученого, тем не менее, по мнению Д. Бивера и Р. Розена, она играет значительную роль в профессиональном становлении [7, р. 135–136]. К такому выводу они пришли, изучая биографии ученых, составивших элиту французской науки. Примеров положительных эффектов научного сотрудничества гораздо больше, чем отрицательных последствий. Для молодых исследователей сотрудничество с научным авторитетом означает доступ к ресурсам (как информации, так и оборудованию), карьерный рост, обретение узнаваемости и признания; для опытных ученых коллаборации открывают возможности для интеллектуального влияния, распространения идей, подтверждения своего статуса.

В целом в исследованиях научных коллабораций преобладают положительные оценки этого социального явления². Достаточно вспомнить классическое исследование о нобелевских лауреатах Г. Цукерман (Х. Закерман), в котором зафиксирована прямая зависимость между коллаборацией и научной производительностью [8]. Выделяют три группы факторов, объясняющих сотрудничество: экономические, социальные и когнитивные [9, р. 102]. Д. Прайс полагал, что коллаборация «возникает больше из экономической, чем из интеллектуальной зависимости», что ее экономическая ценность обусловлена совместным использованием дорогостоящих установок и оборудования, а также ростом продуктивности, получаемой от совместной работы

¹ О важности «связей» для карьеры ученого (только на английской почве) см. в статье Hall R. A., Hall M. B.: «Мир, который включал в себя интеллектуальные занятия и публичную жизнь, был, конечно, маленьким миром джентри... Однако этот маленький мир сам по себе был гибким... Тот, кто мог быть квалифицирован, чтобы быть допущенным на дно этого мира (и в данном случае университетская степень могла бы открыть двери), мог бы и когда-то достичь его вершины. Тем не менее это был мир, в котором «связи» во всем их переплетении в разного рода сети... имели первостепенную важность. Генри Ольденбург никогда бы не стал секретарем Королевского общества, если бы он не оказался причастен к той могущественной семейной связи [Р. Бойль] ... которая сделала его известным человеком и возможным кандидатом» (Hall R. A., Hall M. B. Further Notes on Henry Oldenburg // Notes and Records of the Royal Society of London. – 1968. – Vol. 23, No. 1. – P. 39–40).

² Значительно меньше внимания в исследовательской литературе уделено негативным последствиям коллабораций. О проблематизации влияния на карьеру метаколлабораций и соавторства нового типа см. у П. Галисона [6]; специальный октябрьский выпуск журнала *Social Studies of Science* за 2005 г. посвящен анализу ряда проблем кооперации, приобретающих дискуссионный характер, среди которых, в частности: что означает рост знаний? Для каких субъектов? Каковы последствия коллабораций для развитых стран и стран с развивающейся экономикой? Действительно ли коллаборация и соавторство повышают научную производительность?

[10, p. 160]. В когнитивном плане считается, что сотрудничество ученых из разных исследовательских областей, являющихся носителями уникальных методик, владеющих специальными технологиями, теоретическими подходами, дает некоторое «перекрестное опыление», «синергичный эффект», из которого рождаются новые идеи, объяснительные конструкции, способствующие научной производительности. Г. Мелин выгоды от коллабораций для их участников усматривает в приобретении знания, в высочайшем качестве исследовательской работы и в расширении исследовательской сети [11]. Научная политика государств также исходит из позитивной оценки коллабораций, в противном случае невозможно объяснить наличие разного уровня программ, способствующих международной кооперации, мобильности исследователей.

Где завязываются коллаборации. Традиционно для установления контактов и сотрудничества использовалась переписка (письмо), а также встречи профессионалов – конференции, семинары – непосредственная формальная и неформальная коммуникация. Так, Петербургская академия в первые годы своего существования направляла письма зарубежным научным объединениям – академиям – для установления с ними сотрудничества. Однако, как замечает Ю. Х. Копелевич, более плодотворными оказались непосредственные контакты ученых. Академики поддерживали переписку с учеными, с которыми были связаны до приезда в Петербург, и устанавливали новые контакты [12, с. 178–179]. При этом подчеркивается, что особенно заинтересован был в расширении связей Ж. Делиль, для которого научная коллаборация – обмен астрономическими наблюдениями – была необходимым условием его исследовательской работы. Помимо писем, средством становления профессиональных отношений были личные встречи. Академики, отправлявшиеся в заграничные путешествия, получали специальные инструкции по налаживанию отношений с иностранными учеными. Непосредственные разговоры вокруг обсуждаемой проблемы (лицом к лицу) облегчают коммуникацию, выделяют единомышленников и формируют доверие как предпосылку дальнейшей коллаборации. Вот почему посещение конференций, разговоры в кулуарах расцениваются исследователями как наиболее надежный инструмент потенциального сотрудничества, установления профессиональных связей.

Современная научная кибер-инфраструктура в виде электронных библиотек, блогов, разного рода веб-сайтов ускоряет исследовательскую коммуникацию и облегчает информационные обмены. Академическая социальная сеть предоставляет пользователю новые инструменты поиска коллабораторов. Сеть является хранилищем информации об исследовательских профилях, позволяет размещать статьи и неопубликованные материалы, включая гипотезы, исходные данные или экспериментальный метод, а также и результаты. Минуя социальные барьеры офлайн, одним кликом можно пригласить пользователя – исследователя с необходимой квалификацией в проект, завязать сотрудничество.

Основной вопрос этой статьи состоит в том, насколько ученые – участники академических социальных интернет-сетей используют медиа для поиска

коллабораторов. Для этого проведено социологическое исследование. Опросный лист был разослан с марта по май 2018 г. по 4000 адресам преподавателей и исследователей статусных университетов, а также институтов системы РАН. Адреса респондентов брались с официальных сайтов организаций. Анкету заполнили 400 человек (10 % от выборочной совокупности). В анкете содержался блок вопросов, направленный на выявление коллаборативных стратегий пользователей. Из всех респондентов доля зарегистрированных в академических интернет-сетях составляет 57 %, самой популярной сетью является ResearchGate. Чаще всего в сетях регистрируются мужчины, кандидаты наук, работающие в организациях научно-образовательного (смешанного) профиля. Сети в меньшей степени привлекательны для ученых постпенсионного возраста [2] (табл. 1).

Таблица 1. Социодемографические характеристики пользователей академических интернет-сетей

Пол	
Мужской	53 % ($n = 120$)
Женский	47 % ($n = 107$)
Научная степень	
Не имею	24,7 % ($n = 56$)
Кандидат наук	56,8 % ($n = 129$)
PhD	1,7 % ($n = 4$)
Доктор наук	16,8 % ($n = 38$)
Профиль организации	
Исследовательский	26,4 % ($n = 60$)
Научно-образовательный	58,1 % ($n = 132$)
Смешанный	14,1 % ($n = 32$)
Другое	1,3 % ($n = 3$)
Возраст	
До 29 лет	20,3 % ($n = 46$)
30–39 лет	34,4 % ($n = 78$)
40–49 лет	21,6 % ($n = 49$)
50–59 лет	15,9 % ($n = 36$)
60–69 лет	5,7 % ($n = 13$)
От 70 лет	0,9 % ($n = 2$)

Итак, насколько сеть содействует созданию проектов, образованию научных групп, поискам единомышленников? Респондентам были заданы вопросы о коллаборации, завязанной в сетях. Выяснилось, что 48 респондентов (25,7 % от общего числа пользователей), были приглашены в проекты через сети, почти половина из них (23 человека) приняли предложение о сотрудничестве.

22 респондента (11,8 % от зарегистрированных пользователей) сами приглашали к сотрудничеству, при этом 19 получили положительный ответ. При этом 15 респондентов указали на позитивный результат коллаборации, образовавшейся через сеть, итогом которой стали, в частности, статьи, монография, фондовая поддержка.

В качестве гипотезы мы предполагали, что приглашать в коллаборации через сеть склонны, прежде всего, молодые ученые, потому что их исследовательские связи не сформированы, им сложнее, в силу небольшого профессионального опыта, основываясь на непосредственных контактах, найти сотрудника с необходимой квалификацией. Сеть же расширяет круг профессионального общения, причем в этот круг входят исследователи, работающие в разных дисциплинарных областях, что, по идее, должно облегчить поиск коллаборатора (рис. 1; 2).

Наше предположение не подтвердилось. Большая часть тех, кто приглашал кого-либо в проект, оказались опытными учеными возраста от 40 до 59 лет, их вдвое больше, чем молодых (14 пользователей против 7). Обнаружилось, что и приглашают в проект преимущественно опытных исследователей (33 респондента против 13). Представляется, что такого рода положение дел обусловлено исключительно академическим признанием и репутацией исследователя: у опытных исследователей профессиональных заслуг значительно больше, чем у начинающих ученых. Если исследователь, используя возможности сети, размещает подробную информацию о своих достижениях, включая публикации, то он может потенциально представлять интерес для других пользователей.

Другая наша гипотеза была связана с условиями работы. Мы исходили из того, что чем меньше возможностей у пользователя посещать конференции, работать в передовых научных центрах, тем больше он склонен искать колла-

Рис. 1. Круг общения пользователей академических интернет-сетей

Вы и круг Вашего общения в академической сети – люди одной специальности (научного направления)?

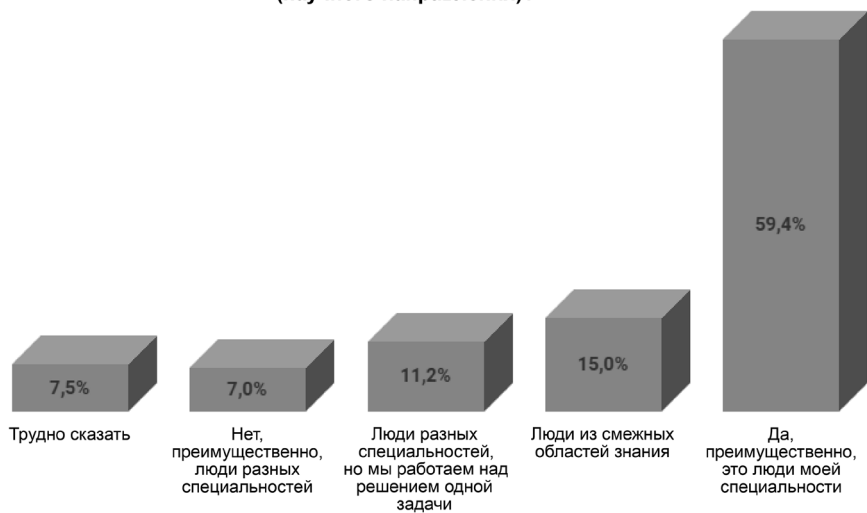

Рис. 2. Круг общения пользователей академических интернет-сетей на основании научного направления

бораторов в сети. Здесь наши предположения скорее оправдались. Большинство респондентов, которые приглашали в проект коллабораторов, оценивают возможности посещения конференций невысоко, но еще ниже – возможности стажировок. Это в полной мере относится и к тем, кого приглашали в коллаборацию (табл. 2).

Таблица 2. Соотношение условий работы и приглашений в проекты через академические интернет-сети

Приглашали ли Вас в какой-либо проект через академические интернет-сети?		Условия работы (поездки на конференции/школы, семинары)					Всего
		очень плохо	плохо	удовлетворительно	хорошо	отлично	
Нет	<i>n</i>	26	26	31	37	19	139
	%	18,70	18,70	22,30	26,60	13,70	100,00
Да	<i>n</i>	12	9	12	7	8	48
	%	25,00	18,80	25,00	14,60	16,70	100,00
Всего	<i>n</i>	38	35	43	44	27	187
	%	20,30	18,70	23,00	23,50	14,40	100,00

Вместе с тем такие необходимые составляющие научной работы, как «доступ к новой/новейшей литературе», «доступ к оборудованию», «коллектив» большинство пользователей оценивают как «хорошо» и «отлично». Следует также обратить внимание на то, что значительная часть вступающих в коллаборации через академические социальные интернет-сети работают не в исследовательских, а в научно-образовательных организациях. Возможно, это

связано с тем, что в институтах РАН, где традиционно занимались исследованиями, научные связи – социальный капитал – более разветвленные, чем в университетах, которые в последние годы переориентируются на научную работу и интенсивно создают коллаборации.

Из полученных данных можно заключить, что определенная часть респондентов рассматривают сети как инструмент для поиска коллегаторов (26, 7 %) (рис. 3), для половины опрошенных – пользователей сетей эта функция не имеет значения.

Ученые, зарегистрированные в сети, используют ее возможности для чтения литературы, распространения собственных работ и для поиска информации о коллегах. На подготовительном этапе нашего социологического исследования доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник одного из академических институтов, сообщила в интервью, что информация, содержащаяся о научной деятельности в ее исследовательском профиле на Academia.edu, сыграла важную роль в приглашении в международный проект с участием трех стран: «Со слов японского руководителя проекта, мой профиль на Academia.edu был отправной точкой для получения экспертной оценки моих исследований в интересующем их направлении, они смотрели мою страницу» (респондент Y). Исходя из этого, можно сделать вывод, что сети, будучи своего рода репозиторием, хранилищем информации об исследователях, опосредованно способствуют коллаборациям.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что академические интернет-сети встроены в научные коммуникации и представляют собой полез-

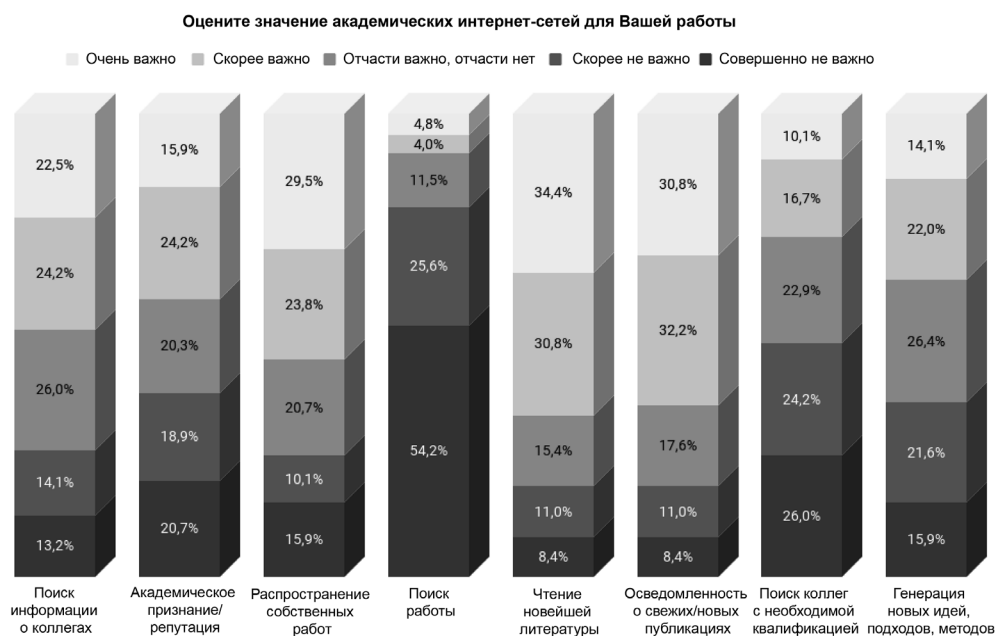

Рис. 3. Оценка значения академических интернет-сетей для работы

ный инструмент для ученого. Обозначена определенная группа исследователей, далеко не самая многочисленная, которая обращается к интернет-сетям в поисках сотрудников. Коллаборации играли и играют существенную роль в научных исследованиях, и, по-видимому, для формирования профессиональных контактов по-прежнему наиболее подходящими «местами» являются пространства коммуникации, не опосредованные техническими медиа: конференции, семинары и т. д. Их значимость показывают и результаты нашего исследования, в ходе которого была выявлена положительная корреляция между академической мобильностью и научной продуктивностью: поездки на конференцию, стажировки, доступ к оборудованию положительно влияют на количество публикаций в WoS и Scopus, а также на их цитирование.

Таблица 3. Корреляционная матрица: научные показатели – условия работы

Показатель	Базы	Доступ к литературе	Доступ к новейшей литературе	Доступ к оборудованию	Обеспечение материалами	Поездки на конференции/школы	Стажировки	Площадки для обсуждения	Доступ к архивам	Коллектив
Число статей	РИНЦ	0,057	0,067	0,077	0,041	0,048	0,019	0,043	0,036	0,052
	WoS	0,099	,131*	,177**	0,097	,164**	,184**	,121*	0,106	0,111
	Scopus	0,114	,138*	,169**	0,099	,166**	,162**	0,11	0,098	,121*
	Google Scholar	-0,004	0,072	,145*	,142*	0,123	,157*	0,047	0,002	0,021
Число цитирований	РИНЦ	0,071	0,074	0,074	0,041	0,044	0,016	0,044	0,036	0,054
	WoS	0,099	,128*	,188**	0,097	,196**	,175**	,131*	,128*	0,113
	Scopus	0,096	,139*	,186**	0,086	,187**	,151*	0,117	0,112	0,123
	Google Scholar	0,038	0,096	0,133	0,095	,163*	,186**	0,083	0,073	0,025
Индекс Хирша	РИНЦ	0,086	0,114	,128*	,129*	0,1	0,115	0,085	0,072	0,07
	WoS	0,103	,146*	,204**	0,115	,217**	,238**	,164*	0,126	0,125
	Scopus	0,12	,142*	,181**	0,095	,181**	,206**	,137*	0,122	,147*
	Google Scholar	0,007	0,105	,157*	,165*	,138*	,193**	0,074	0,05	0,025

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Заклучение. Социальные интернет-сети представляют собой относительно простой и удобный способ научной коммуникации. Прежде всего они востребованы в своем качестве репозитория, хранилища публикаций и сведений об авторских профилях, и именно это обстоятельство делает их пригодными для поиска необходимой информации, в том числе и о сотрудниках, и для завязывания коллабораций. С этой точки зрения сети оказывают влияние на профессиональную деятельность, расширяя возможности пользователя. Вместе с тем не следует переоценивать возможности технических медиа в поисках коллабораций. Сотрудничество возникает, скорее всего, не столько

в виртуальных пространствах, сколько при непосредственных беседах и встречах на научных мероприятиях. Но это требует эмпирической проверки, это дальнейшая перспектива наших исследований.

Из нашей работы следует два прагматических вывода. Первый касается ученых. Академические социальные интернет-сети представляют собой своего рода открытый банк исследовательских профилей. Чуть менее трети опрошенных (26,7 %) от общего числа наших респондентов считают его релевантным для поиска сотрудничества. Это означает, что работа с собственным профилем в сети, тем более размещение публикаций, может принести дивиденды. Второй вывод имеет отношение к научной политике. Преследуя цели интеграции в мировую науку и лидерства (по приоритетным направлениям), научная политика должна быть направлена на стимулирование академической мобильности, на поощрение стажировок и поездок на конференции. Непосредственная коммуникация с профессионалами и известными учеными в своей области способствует разработке новых направлений и выходу из исследовательского провинциализма.

Список использованных источников

1. *Carey, J. Scientific Communication Before and After Networked Science / J. Carey // Information & Culture. – 2013. – Vol. 48, iss. 3. – P. 344–367.*
2. *Душина, С. А. Социальные академические интернет-сети как репрезентация «открытой науки» / С. А. Душина, В. А. Куприянов, Т. Ю. Хватова // Социология науки и технологий. – 2018. – Т. 9, № 3. – С. 80–98.*
3. *Коммуникации в науке: эпистемологические, социокультурные, инфраструктурные аспекты : материалы «круглого стола» / Б. И. Пружинин [и др.] // Вопр. философии. – 2017. – № 11. – С. 23–58.*
4. *Beaver, D. B. Studies in Scientific Collaboration. Part I. The Professional Origins of Scientific Co-Authorship / D. B. Beaver, R. Rosen // Scientometrics. – 1978. – Vol. 1, iss. 1. – P. 65–84.*
5. *Копелевич, Ю. Х. Становление международных связей Академии наук / Ю. Х. Копелевич, Г. И. Смагина // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках : ист. очерки. – СПб. : Наука, 2003. – С. 149–170.*
6. *Галисон, П. Коллективный автор / П. Галисон // Вопр. философии. – 2018. – № 5. – С. 1–22.*
7. *Beaver, D. B. Studies in scientific collaboration. Part II. Scientific Co-Authorship, Research Productivity and Visibility in the French Scientific Elite, 1799–1830 / D. B. Beaver, R. Rosen // Scientometrics. – 1979. – Vol. 1, iss. 2. – P. 133–149.*
8. *Zuckerman, H. Nobel Laureates in Science: Patterns of Productivity, Collaboration, and Authorship / H. Zuckerman // American Sociological Rev. – 1967. – Vol. 32, iss. 3. – P. 391–403.*
9. *Luukkonen, T. Patterns of International Scientific Collaboration / T. Luukkonen, O. Persson, G. Sivertsen // Science, Technology, & Human Values. – 1992. – Vol. 17, iss. 1. – P. 101–126.*
10. *De Solla Price, D. J. Little Science, Big Science... and Beyond / D. J. De Solla Price. – New York : Columbia Univ. Press, 1986. – 301 p.*
11. *Melin, G. Pragmatism and Self-organization: Research Collaboration on the Individual Level / G. Melin // Research Policy. – 2000. – Vol. 29, iss. 1. – P. 31–40.*
12. *Копелевич, Ю. Х. Основание Петербургской академии наук / Ю. Х. Копелевич. – Л. : Наука, 1978. – 208 с.*

Поступила 15.10.2018 г.

УДК 316.42/316.33:001

И. Н. ШАРЫЙ,

кандидат социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

**ДИНАМИКА ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ
ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА
И ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Представлен сравнительный анализ динамики возрастной структуры профессорско-преподавательского состава (ППС) и исследователей. Показано, что в последние годы усилились негативные тенденции, связанные с сокращением численности докторов и кандидатов наук из числа ППС и исследователей. Обоснована необходимость разработки системы государственных мер по преодолению негативных тенденций, поскольку возможности эффективного решения проблемы на ведомственном уровне ограничены.

Ключевые слова: воспроизводство, возрастная структура, сравнительный анализ, динамика численности, возрастные категории, профессорско-преподавательский состав, исследователи, доктора наук, кандидаты наук.

I. N. SHARY,

Candidate of Sociology, Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk

**THE DYNAMICS OF THE AGE STRUCTURE
OF THE PROFESSORIAL-TEACHING STAFF AND RESEARCHERS
IN THE REPUBLIC OF BELARUS: A COMPARATIVE ANALYSIS**

A comparative analysis of the dynamics of the age structure of the professorial-teaching staff and researchers is presented. It is shown that in recent years, negative trends associated with a reduction in the number of doctors and candidates of science of the professorial-teaching staff and researchers have intensified. The necessity of developing a system of state measures to overcome negative trends is substantiated, since the possibilities for effectively solving the problem at the departmental level are limited.

Keywords: reproduction, age structure, comparative analysis, population dynamics, age categories, professorial-teaching staff, researchers, doctors of Sciences, candidates of Sciences.

В процессе перехода экономики на инновационный путь развития сохранение и развитие кадрового потенциала белорусской науки является одной из наиболее актуальных задач. Этой проблеме существенное место уделено в системе стратегического планирования Республики Беларусь. В Концепции национальной безопасности (утверждена Указом Президента Республики Беларусь 9 ноября 2010 г. № 575) были впервые сформулированы национальные интересы в научно-технологической сфере, а среди проблем отмечена неблагоприятная возрастная структура научных кадров [1, с. 20]. Эта проблема рас-

сма тривалась и в сфере высшего образования. В Государственной программе развития высшего образования на 2011–2015 годы среди проблем кадрового характера отмечалось, что «имеет место старение профессорско-преподавательского состава» [2]. Актуальность этой проблемы вновь была отмечена на пленарном заседании Республиканского педагогического совета, который состоялся 24 августа 2018 г. в г. Минске [3].

Проблеме оптимизации воспроизводственной структуры научных кадров было уделено важное место в Программе совершенствования научной сферы Республики Беларусь, утвержденной постановлением НАН Беларуси и ГКНТ от 24.12.2013 г. № 5/25. В монографии «Научный прогноз экономического развития Республики Беларусь до 2030 года», опубликованной в 2015 г., отмечалось: «В научной сфере страны не преодолена тенденция старения научных кадров» [4, с. 71]. О важности развития научной сферы свидетельствуют такие мероприятия, как проведение в Беларуси в 2017 г. Года науки и II съезда ученых. На съезде задача повышения эффективности государственного управления процессами подготовки научных работников высшей квалификации была определена как одна из наиболее актуальных. В Стратегии «Наука и технологии: 2018–2040», рассмотренной на II съезде ученых Республики Беларусь, отмечалось, что «кадровый состав и возрастная структура ученых не являются оптимальными» [5, с. 5].

Поскольку проблемы воспроизводства кадров актуальны для научной сферы и сферы высшего образования, целесообразно провести сравнительный анализ динамики возрастной структуры докторов и кандидатов наук из числа профессорско-преподавательского состава (ППС) и исследователей. Как показывает анализ, кадровый состав сферы высшего образования в 90-е годы прошлого века развивался стабильно. В первой половине 90-х годов сокращение численности ППС, в отличие от численности исследователей, было незначительным. С 1992 по 1995 г. численность ППС государственных вузов в Беларуси сократилась на 0,8 %, но уже с 1995 по 2000 г. выросла на 20,5 % [6, с. 32]. В 2000 г. численность ППС была на 19,6 % больше, чем в 1992 г. Численность исследователей с 1993 по 2000 г. сократилась на 43 %.

На рис. 1 представлены данные, характеризующие динамику численности докторов наук из числа профессорско-преподавательского состава по возрастным категориям за период с 2000 по 2017 г.

Как следует из данных, представленных на рис. 1, с 2000 по 2017 г. численность докторов из числа ППС выросла на 26,6 %. Однако в последние годы численность докторов наук сокращалась. С 2011 по 2017 г. численность докторов наук из числа ППС уменьшилась почти на 3 %. Рост численности докторов наук из числа ППС с 2000 по 2017 г. был обеспечен за счет роста численности работников в возрасте старше 60 лет. За рассматриваемый период численность докторов наук в возрасте 60 лет и старше выросла в 2 раза, тогда как численность докторов наук в возрасте до 60 лет сократилась на 38,2 %. Как следует из данных, представленных на рис. 1, до 2005 г. численность докторов наук из числа ППС в возрастной категории до 60 лет росла, однако в последу-

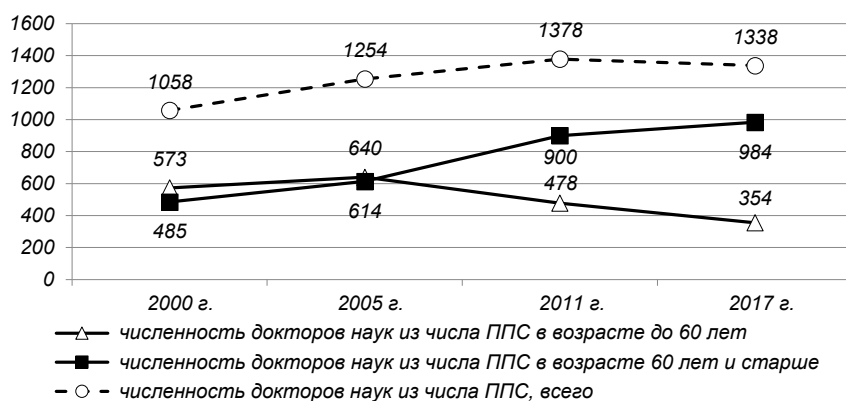

Рис. 1. Динамика численности докторов наук из числа профессорско-преподавательского состава по возрастным категориям в Республике Беларусь с 2000 по 2017 г. (с 2000 по 2005 г. представлены данные для государственных УВО)

И с т о ч н и к: данные ГКНТ и Национального статистического комитета Республики Беларусь [6; 8; 9].

ощем произошло сокращение их численности на 44,6 %. Замедление темпов прироста численности докторов наук в возрасте 60 лет и старше после 2010 г., а также высокие темпы сокращения докторов наук в возрасте до 60 лет привели к тому, что численность докторов наук из числа ППС в последние годы стала снижаться. Высока вероятность того, что эта неблагоприятная тенденция может продолжиться. На рис. 2 представлены данные, характеризующие динамику численности докторов наук из числа исследователей по возрастным категориям за период с 2000 по 2017 г.

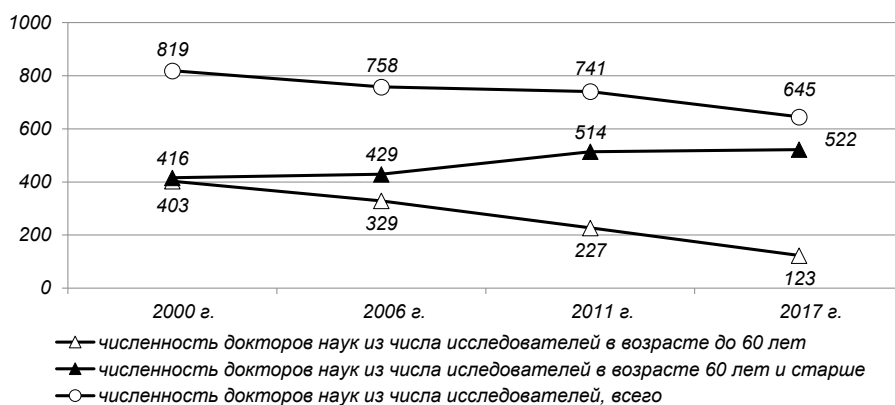

Рис. 2. Динамика численности докторов наук из числа исследователей по возрастным категориям в Республике Беларусь с 2000 по 2017 г.

И с т о ч н и к: данные ГКНТ и Национального статистического комитета Республики Беларусь [7; 10; 11; 13].

Как следует из представленных на рис. 2 данных, за рассматриваемый временной период численность докторов наук из числа исследователей сократилась на 21,2 %. Относительная стабилизация численности докторов наук с 2006 по 2011 г. объясняется тем, что за этот период существенно выросло число докторов наук в возрасте 60 лет и старше (на 19,8 %), что компенсировало сокращение докторов наук в возрастной категории до 60 лет. Однако в последующем, при высоких темпах сокращения докторов наук в возрастной категории до 60 лет и незначительном росте численности докторов наук в возрасте старше 60 лет, численность докторов наук стала резко сокращаться. С 2011 по 2017 г. численность докторов наук сократилась почти на 13 %, что существенно выше, чем в период с 2000 по 2006 г. (-7,5 %). Таким образом, неблагоприятная тенденция сокращения численности докторов наук из числа исследователей в последние годы усилилась.

В 2017 г. доля докторов наук в возрасте 60 лет и старше составила 80,9 %, что является очень высоким показателем. Существует опасность дальнейшего сокращения численности докторов наук из числа исследователей.

Из данных, представленных на рис. 2, следует, что численность докторов наук в возрасте до 60 лет за период с 2000 по 2017 г. сократилась в 3,3 раза. Высокие темпы уменьшения численности докторов наук сохранились и в последние годы. С 2015 по 2017 г. численность докторов наук в возрасте до 60 лет сократилась на 6,8 %. Социально-экономический механизм, обеспечивающий расширенное воспроизводство докторов наук, не сложился. Как показывает анализ, в июле 2018 г. средняя начисленная заработная плата работников по виду экономической деятельности «исследования и разработки» в Беларуси составляла 136,9 % от номинальной начисленной среднемесячной заработной платы в республике. В то же время в июле 2018 г. начисленная заработная плата исследователя с ученой степенью доктора наук в возрасте до 60 лет в г. Минске могла составлять, при отсутствии дополнительно привлеченных средств из бюджетных и внебюджетных источников, менее 50 % от номинальной начисленной среднемесячной заработной платы в г. Минске.

Ухудшение возрастной структуры докторов наук имеет место и у ППС, и у исследователей. При этом наиболее неблагоприятная ситуация сложилась у исследователей. Если в 2000 г. численность докторов наук из числа ППС в 1,3 раза была больше численности исследователей, имеющих ученую степень доктора наук, то в 2017 г. – в 2 раза. Еще большие различия сложились в соотношении численности докторов наук из числа ППС и докторов наук из числа исследователей в возрасте до 60 лет. Если в 2000 г. численность докторов наук из числа ППС в возрасте до 60 лет была на 30 % больше численности докторов наук из числа исследователей в том же возрасте, то в 2017 г. – почти в 3 раза больше.

Для сравнительного анализа особенностей динамики численности ППС и исследователей необходимо рассмотреть динамику численности кандидатов наук. На рис. 3 представлены данные, характеризующие динамику численности

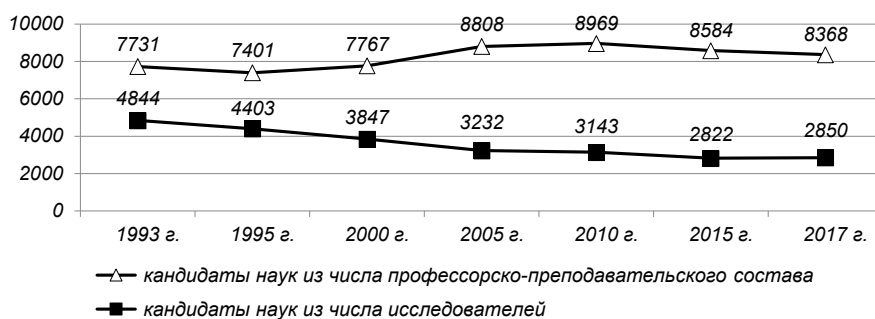

Рис. 3. Динамика численности кандидатов наук из числа профессорско-преподавательского состава и исследователей в Республике Беларусь с 1993 по 2017 г. (для ППС представлены данные за 1992 г.)

Источники: данные ГКНТ и Национального статистического комитета Республики Беларусь [6; 8; 9; 10; 12; 13; 14].

кандидатов наук из числа ППС и исследователей в Республике Беларусь с 1993 по 2017 г.

Как следует из представленных на рис. 3 данных, изменение численности кандидатов наук из числа ППС и исследователей в целом в рамках рассматриваемого временного периода существенно различалось. В период с середины 90-х годов прошлого века до 2010 г. численность кандидатов наук из числа ППС росла, а численность кандидатов наук из числа исследователей сокращалась на всем рассматриваемом временном этапе, кроме 2017 г., когда их численность немного выросла. В последние годы началось сокращение численности кандидатов наук из числа ППС. При этом следует отметить, что темпы сокращения кандидатов наук из числа исследователей были выше. С 2010 по 2017 г. численность исследователей – кандидатов наук сократилась на 9,3 %, а численность кандидатов наук из числа ППС – на 6,7 %.

Численность кандидатов наук из числа исследователей за период с 1993 по 2017 г. уменьшилась на 41,2 %, а численность кандидатов наук из числа ППС за тот же период выросла на 8,3 %. После относительной стабилизации численности исследователей с 2005 по 2010 г. продолжилось их сокращение. С 2010 по 2017 г. численность исследователей уменьшилась на 14 %, численность докторов наук – на 13,5 %, кандидатов наук – на 9,3 %. Одним из позитивных достижений последних лет была тенденция роста численности кандидатов наук из числа исследователей в возрасте до 39 лет. Однако в последние годы численность этой категории исследователей сократилась, что связано с уменьшением численности кандидатов наук в возрасте до 29 лет. После 2010 г. началось сокращение численности кандидатов наук из числа ППС, при этом темпы сокращения кандидатов наук в возрасте до 60 лет выше, чем темпы сокращения численности кандидатов наук в возрасте старше 60 лет.

Важной характеристикой происходящих изменений кадрового состава является изменение возрастной структуры кандидатов наук. На рис. 4 представ-

лены данные о динамике возрастной структуры кандидатов наук из числа ППС с 2000 по 2017 г. Как следует из представленных данных, в 2000 г. возрастную структуру кандидатов наук из числа ППС можно считать достаточно сбалансированной. Основную долю численности кандидатов наук в 2000 г. составляли работники в возрасте от 40 до 59 лет. Стабилизация численности кандидатов наук из числа ППС в 90-е годы прошлого века обеспечила сохранение существенной доли кандидатов наук в возрастной категории до 39 лет в сфере высшего образования. В целом за рассматриваемый временной период произошли существенные качественные изменения в возрастной структуре кандидатов наук из числа ППС, которые свидетельствуют о нарастании негативных тенденций – росте в 1,5 раза доли работников в возрастной категории 60 и более лет и резком снижении доли кандидатов наук в возрастной категории от 40 до 59 лет. Доля кандидатов наук из числа ППС в возрасте от 40 до 49 лет сократилась за рассматриваемый период на 5,4 п. п., а в возрасте от 50 до 59 лет еще больше – на 6,8 п. п. Важно отметить, что рассматриваемые изменения в возрастной структуре кандидатов наук из числа ППС происходили в процессе сокращения их численности с 2010 по 2017 г., как это показано выше на рис. 3. Таким образом, сокращение численности кандидатов наук сопровождалось ухудшением характеристик возрастной структуры.

На рис. 5 представлены данные о динамике возрастной структуры кандидатов наук из числа исследователей за период с 2000 по 2017 г. Из представленных данных следует, что в 2000 г. основная доля кандидатов наук приходилась на возрастную категорию 40–59 лет. В то же время доля кандидатов наук в возрасте до 39 лет составляла всего 14,3 %, что явно недостаточно для того, чтобы сложившееся доминирование доли возрастной категории от 40 до 59 лет сохранилось достаточно долго.

Из приведенных на рис. 4 и 5 данных следует, что в 2000 г. доля кандидатов наук в возрасте до 39 лет в возрастной структуре ППС была существенно выше, чем в возрастной структуре исследователей (19,6 % и 14,3 % соответ-

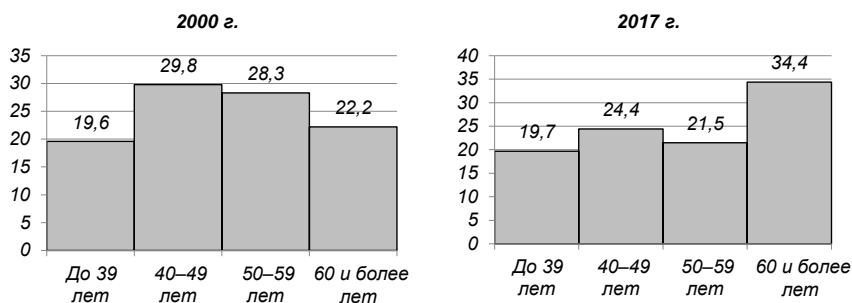

Рис. 4. Динамика возрастной структуры кандидатов наук из числа профессорско-преподавательского состава с 2000 по 2017 г., %

Представлено на основе данных ГКНТ и Национального статистического комитета Республики Беларусь.

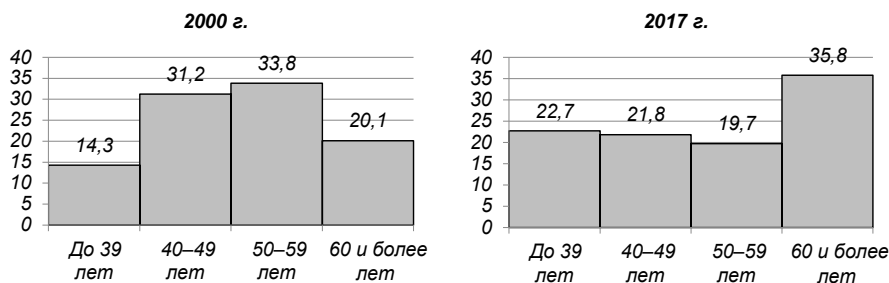

Рис. 5. Динамика возрастной структуры кандидатов наук из числа исследователей с 2000 по 2017 г., %

Представлено на основе данных ГКНТ и Национального статистического комитета Республики Беларусь.

ственно). Поскольку проблема недостаточной численности кандидатов наук в возрастной структуре исследователей была более острой, чем у ППС, сокращение доли кандидатов наук в возрасте от 40 до 59 лет также оказалось большим. Доля кандидатов наук в возрасте 40–49 лет с 2000 по 2017 г. сократилась на 9,4 п. п., а в возрасте 50–59 лет – на 14,1 п. п. За рассматриваемый период существенно увеличилась доля кандидатов наук в возрасте до 39 лет – с 14,3 % до 22,7 %. В наибольшей степени выросла доля кандидатов наук в возрасте старше 60 лет – в 1,8 раза.

Сравнение особенностей динамики возрастной структуры кандидатов наук из числа ППС и исследователей показывает, что изменения в возрастной структуре исследователей носили более глубокий характер, что связано с деформацией возрастной структуры и более продолжительным периодом сокращения численности исследователей. В то же время следует отметить, что доля кандидатов наук в возрасте старше 60 лет у ППС и исследователей к 2017 г. стала почти одинаковой.

Как показал проведенный анализ, в возрастной структуре исследователей и профессорско-преподавательских работников усиливаются негативные тенденции. С 2000 по 2017 г. численность докторов наук из числа исследователей в возрасте до 60 лет сократилась в 3,3 раза, а численность докторов наук из числа ППС в возрасте до 60 лет – в 1,6 раза. Наличие ученой степени характеризует уровень квалификации исследователей, но ее значение как гарантии определенного уровня заработной платы при выполнении НИОКР оказалось в значительной мере нивелировано, что стало одной из причин многолетнего непрекращающегося сокращения численности докторов наук в возрасте до 60 лет. Социально-экономический механизм поддержки докторов молодого и среднего возраста не сложился.

В научно-образовательной сфере республики сложилась неблагоприятная тенденция сокращения численности кандидатов наук в возрасте до 29 лет. С 2011 по 2015 г. численность кандидатов наук из числа исследователей в возрасте до 29 лет сократилась на 21,4 %, а в период с 2015 по 2017 г. – в 2,6 раза.

Аналогичная ситуация сложилась и в сфере высшего образования. Численность кандидатов наук в возрасте до 29 лет из числа ППС уменьшилась с 2011 по 2017 г. в 3,4 раза. Сокращение численности кандидатов наук в возрасте до 29 лет и свидетельствует о проблемах эффективности молодежной политики в научно-образовательной сфере.

Для решения сложившихся кадровых проблем молодежная политика в науке должна рассматриваться как часть политики в области воспроизводства научных кадров, соответственно эффективность молодежной политики должна оцениваться, прежде всего, в этой связи. Начавшееся после 2010 г. сокращение кандидатов наук из числа ППС и непрекращающееся с начала 90-х годов прошлого века сокращение численности кандидатов наук из числа исследователей может продолжиться из-за высокой доли кандидатов наук в возрасте старше 60 лет и недостаточной численности кандидатов наук в возрасте от 30 до 39 лет. Большое значение, наряду с привлечением и закреплением молодежи, имеет повышение роли исследователей среднего возраста. Без решения проблемы «среднего звена» обеспечить проблему стабилизации и роста численности исследователей не получится.

В современных условиях объективно необходима разработка системы мер, направленных на повышение эффективности системы государственного регулирования воспроизводства научных кадров, обеспечивающей стабилизацию численности исследователей, а в последующем их рост. В связи с этим следует отметить важность принятия в 2016 г. новой редакции Директивы Президента Республики Беларусь от 14 июня 2007 г. № 3 «О приоритетных направлениях укрепления экономической безопасности государства» (в редакции Указа Президента Республики Беларусь № 26 от 26 января 2016 г.). В Директиве поставлена задача – увеличить численность исследователей до 22 человек на 10 тыс. населения [3]. В соответствии с резолюцией II съезда ученых предполагается реализовать масштабные меры по привлечению и закреплению талантливой молодежи в научно-инновационной сфере.

Как показывает анализ, на ведомственном уровне возможности эффективного решения проблемы воспроизводства работников высшей научной квалификации ограничены. В связи с этим необходима разработка системы государственных мер по преодолению негативных тенденций. Меры конкурсной поддержки работников сферы науки и высшего образования целесообразно дополнить мерами по повышению уровня заработной платы, прежде всего работников высшей научной квалификации.

Список использованных источников

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 3575 (официальное издание). – Минск : Белорус. Дом печати, 2011. – 48 с.
2. Государственная программа развития высшего образования на 2011–2015 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.government.by/upload/docs/file4be2eb5d8d5d283a.pdf>. – Дата доступа: 11.10.2018.

3. Участие в Республиканском педагогическом совете [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/uchastie-v-respublikanskom-pedagogicheskom-sovete-16913/. – Дата доступа: 10.10.2018.
4. Научный прогноз экономического развития Республики Беларусь до 2030 года / В. Г. Гусаков [и др.] ; под ред. акад. В. Г. Гусакова. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 243 с.
5. Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nasb.gov.by/congress2/strategy_2018-2040.pdf. – Дата доступа: 10.10.2018.
6. Наука, инновации и технологии в Республике Беларусь 2005 : стат. сб. / подг. В. Н. Томашевич [и др.]. – Минск : БелИСА, 2006. – 204 с.
7. Наука, инновации и технологии в Республике Беларусь 2006 : стат. сб. / подг. В. Н. Томашевич [и др.]. – Минск : БелИСА, 2007. – 212 с.
8. Труд и занятость в Республике Беларусь : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2012. – 278 с.
9. Труд и занятость в Республике Беларусь : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018. – 310 с.
10. Наука Республики Беларусь, 2001 : стат. сб. / подг. В. Н. Томашевич [и др.]. – Минск : КНТ, Минстат, 2002. – 129 с.
11. О выполнении научных исследований и разработок в 2011 году : стат. бюл. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2012. – 45 с.
12. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, Гос. ком. по имуществу Респ. Беларусь, 2016. – 142 с.
13. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь : стат. бюл. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018. – 133 с.
14. Развитие науки в Беларуси в 2002 году : [Аналит. докл.] / В. Ф. Иванов [и др.]. – Минск : БелИСА, 2003. – 178 с.

Поступила 15.10.2018 г.

УДК 001.891(477)

В. И. ОНОПРИЕНКО,

главный научный сотрудник Института исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г. М. Доброва НАН Украины, доктор философских наук, профессор, г. Киев, Украина, e-mail: valonopr@gmail.com

АСПИРАНТУРА ГЛАЗАМИ АСПИРАНТОВ И ЭКСПЕРТОВ

Неотступный государственный контроль привел к крайней бюрократизации науки и университетского образования. Жесткая регламентация процедур обучения в аспирантуре и подготовки диссертаций противопоказана науке с ее автономией и механизмами самоорганизации. Работа по совершенствованию аспирантуры должна согласовываться с новейшими тенденциями развития образования и науки в мире.

Ключевые слова: наука, высшая школа, аспирантура, диссертация, эксперименты, приборная база, информационная база, научные коммуникации, научные публикации, научный руководитель, аттестация.

V. I. ONOPRIYENKO,

Principal Research Scientist, Institute for Scientific and Technological Potential and History of Science Studies of G.M. Dobrov of the National Academy of Sciences of Ukraine, Doctor of Philosophy, Professor, Kiev, Ukraine, e-mail: valonopr@gmail.com

POST-GRADUATE STUDY AS SEEN BY POST-GRADUATE STUDENTS AND EXPERTS

Persistent state control has led to extreme bureaucratization of science and university education. Strict regulation of training procedures during post-graduate study and thesis preparation is completely inappropriate for science with its autonomy and mechanisms of self-organization. Work to improve post-graduate study should be consistent with the present global trends in education and science.

Keywords: science, high school, post-graduate study, thesis, experiments, instrument base, information base, science communication, research papers, research advisor, attestation.

В 2016–2017 гг. в Украине проводилось анкетирование аспирантов институтов НАН Украины: кибернетики, проблем математических машин, проблем регистрации информации, программных систем, международного научно-учебного центра информационных технологий и систем, металлофизики им. Г. В. Курдюмова, Главной астрономической обсерватории, геохимии, минералогии и рудообразования, электросварки им. Е. О. Патона, проблем материаловедения им. И. М. Францевича, сверхтвердых материалов им. В. Н. Бакуля, физической химии им. Л. В. Писаржевского, общей и неорганической химии им. В. И. Вернадского, биоорганической химии и нефтехимии, биохимии

им. А. В. Палладина, физиологии им. А. А. Богомольца, Центра гуманитарного образования. Для сравнения было проведено анкетирование аспирантов в Национальном авиационном институте и Киевском национальном университете строительства и архитектуры. Всего было получено около полутора сотен анкет. К сожалению, удалось охватить преимущественно аспирантов 1–2-го года обучения, аспиранты поздних сроков обучения более атомизированные и их труднее включить в обследование, хотя именно они лучше понимают проблемы завершения аспирантуры и подготовки диссертации.

Первый блок анкеты посвящен персональным данным, мотивам поступления в аспирантуру и взаимоотношениям с научным руководителем. Если среди мотивов поступления преобладают успехи учебы в университете и приглашение будущего научного руководителя, что естественно, то информация о том, что немалая часть поступивших в аспирантуру, прежде всего в академические институты, закончила провинциальные университеты, а вовсе не ведущие столичные, и проживает в Киеве в общежитии, наводит на вывод о том, что немалая часть поступивших в аспирантуру руководствовалась не столько научным призванием, сколько привлекательностью жить в нашем централизованно организованном государстве в столице, где возможности более широкие, чем в провинции.

Немалая часть респондентов ответила на вопрос о мотивах поступления в аспирантуру честно: невозможность найти достойную и интересную работу или семейные обстоятельства. Эта часть аспирантов продолжает колебаться в своем выборе. Среди них те, кто боится попасть в армию, да еще когда ведутся боевые действия, а также женщины, вышедшие замуж, родившие ребенка и т. д. Для них аспирантура – это отложенное решение о жизненном выборе. Многие из них не подготовят диссертацию.

Среди аспирантов есть такие, которые успели получить еще одно высшее образование и надеются использовать его при подготовке диссертации, но есть и такие, которые поступили в аспирантуру на специальности, не стыкующиеся с их дипломом о высшем образовании. В этом последнем случае они сами создали себе проблемы: чересчур много им придется добирать, чтобы сравняться с теми, кто пошел в аспирантуру по своему профилю. Ныне, когда идет интенсивный процесс дифференциации и разветвления специальностей, это достаточно типичная ситуация, но она содержит в себе риски, которые могут стать непреодолимыми.

Один из опрошенных на вопрос о мотивах поступления в аспирантуру, наряду с фактором успешной учебы в университете, называл еще один мотив: «Желание испытать себя в науке, использовать шанс на дополнительные бесплатные образование и повышение квалификации». Такой ответ очень симптоматичен сегодня, когда приходит понимание, что статуса в науке надо добиваться, он достигается в соревновании, должен доказываться и постоянно подтверждаться, это действительно испытание, в котором исход проблематичен и неизвестен.

Относительно темы диссертации фактически все респонденты ответили, что ее сформулировал научный руководитель, и она отвечает тематике отдела или лаборатории. В целом это нормальная практика. Лишь единицы, причем имеющие исследовательский опыт, отметили, что их темы авторские, и это повышает их статус, но и ответственность. Иногда темы диссертации представляют коллективное творчество отдела и ученого совета, и это очень опасное явление, потому что они формулируются и навязываются спонтанно, на слух, часто с недопониманием проблемы.

Ответы на вопрос о том, есть ли у них уверенность, что выбранная тема диссертации отвечает переднему краю исследований (имеется в виду мировой уровень), почти все респонденты, не особо задумываясь, ответили положительно. Между тем наша наука находится в затяжной депрессии, во многих областях потеряна сама возможность ориентации. Здесь нужны специальные доказательства и убедительная аргументация. Поскольку мне часто приходится выступать в роли эксперта в конкурсах, меня крайне раздражают почти повсеместные клише в заявках проектов – «мировой уровень исследований». В абсолютном большинстве такое заявление, кроме досады, не может ничего вызывать. Интерес представляет следующий ответ от аспиранта, который сам придумал себе тему (таких в выборке фактически нет): «У меня нет сомнений в приоритетности темы в мировой науке, но есть большие сомнения, будет ли признана ее приоритетность в моем институте».

Большинство респондентов высоко оценивают помощь научных руководителей. Они, как правило, имеют статус не ниже доктора наук. Но есть аспиранты, которые роль руководителей оценивают как формальную. Например, один из аспирантов, у которого руководитель академик, отметил, что не понял, для чего руководитель ему нужен. Это давняя традиция в советской аспирантуре, высокостатусные научные руководители делегировали исполнение своих функций своим подчиненным. Последние нередко многому учили аспирантов, ежедневно работая с ними, – методикам, организации экспериментирования, сбору фактического материала, его систематизации и интерпретации и т. д., вплоть до норм научной этики. Лавры, конечно, доставались официальным руководителям, но в целом никто не был в обиде. Я полагаю, что указанный аспирант пока на самом деле не понял, для чего ему нужен такой руководитель, но не исключено, что он окажется очень даже нужен: в организации науки существует множество функций, и сразу не определишь, какая из них важнее.

Как правило, аспиранты считают, что им еще многое надо освоить, чтобы работать относительно эффективно. Это можно сделать в лаборатории, в институте и за его пределами, например, путем стажировок, такие возможности иногда существуют.

Самые различные оценки аспирантов получили исследовательские возможности приборного парка институтов, от саркастического заключения, что «уровень всех приборов старше меня по возрасту», до более дифференциро-

ванных заключений. Оказывается, в академических институтах есть и относительно новые приборы, и продолжает работать техника в течение нескольких десятилетий. Оценки относительно комплектации приборного парка в высших учебных заведениях более пессимистичны, вплоть до катастрофических выводов.

Большинство полагает, что в отделе, лаборатории, институте можно получить квалифицированную помощь при работе над диссертацией. Единственный вопрос из этой серии, на который фактически все респонденты дали отрицательный ответ, это вопрос о том, с кем из зарубежных ученых они завязали контакты и поддерживают коммуникацию. В век тотальных коммуникаций это выглядит как парадокс, но на самом деле большая часть аспирантов еще не определилась в том, чем они занимаются, нет предмета для коммуникации. Поэтому не случаен ответ одного аспиранта: «...зарубежные контакты есть у моего руководителя». Еще один характерный ответ аспиранта, закончившего университет в Тернополе: «...поддерживаю контакты с зарубежной украинской научной диаспорой».

Отдельный блок вопросов был связан с возможностями подготовить диссертацию в отведенный для нее срок. Как ни странно, большинство ответили на этот вопрос положительно, что такие возможности существуют. Такие ответы расходятся со статистикой защит на протяжении десятилетий. Нынче же сама процедура защиты занимает продолжительное время из-за чересчур многих требований, которые растут с каждым годом. Скорее всего, опрашиваемые не владеют этой информацией. На самом деле, здесь есть и реальные преграды на пути форсированной подготовки диссертации. Поэтому еще на один вопрос из этой серии: «Реально ли опубликовать к защите полноценную статью в рейтинговых зарубежных журналах?» – ответы оказались уже не столь однозначными. У многих аспирантов из области естествознания такие возможности есть, но для этого нужна реальная коммуникация с зарубежными коллегами, к тому же для этого требуется время – материал для такого рода публикации появляется лишь на финише аспирантского срока, а нынче рецензирование публикаций в такого рода журналы занимает значительные сроки и перепроверки. Это только одна из реальных преград, задерживающих представление защиты в срок.

На следующий вопрос из данной серии: «Есть ли шанс представлять свои результаты на конференциях за рубежом?» – большая часть ответов была следующего содержания: «такой шанс есть, но трудно или невозможно насобирать денег, чтобы его использовать». Почти кончилось такое время, когда была возможность выхлопотать участие в зарубежной конференции за счет принимающей стороны. Поездка же за свой счет при уровне оплаты труда в науке и университетах в постсоветских странах абсолютно не реальна для того, чтобы реализовать такой шанс.

Вопрос о том, участвуют ли аспиранты в институтах в работе по грантам, отечественным или зарубежным, получил утвердительный ответ у большин-

ства опрашиваемых, но понять по этим ответам, какова степень этого участия и роль аспирантов, не удалось.

Специальным блоком в анкете выделена информационная составляющая в работе аспирантов. На вопрос: «Какую часть информации Вы получаете через Интернет?» положительно ответили от 80 до 90 % респондентов, и только от 10 до 20 % (чаще всего от гуманитариев) отмечали, что львиную долю информации получают в архивах и библиотеках. Конечно, это крайности, но, к сожалению, они красноречивы. Поэтому и на вопрос: «Читаете ли Вы зарубежные рейтинговые журналы по Вашей специальности и находите ли там полезную информацию?», как правило, аспиранты отвечали, что читают их в Интернете. На третий вопрос: «Работаете ли в поисках информации в библиотеках, патентных и статистических бюро? Насколько значима эта работа для подготовки диссертации?» получено много ответов, подтверждающих значимость этой работы, особенно от представителей технических наук, но, вместе с тем, были и ответы, утверждающие, что и такого рода информацию можно найти в специальных местах в Интернете. Безусловно, новая информационная революция существенно затронула науку.

Задавался также вопрос об участии в работе научных обществ, семинаров института, отделов, лабораторий, аспирантских семинаров. Фактически в них участвуют все, но далеко не так продуктивно, как следовало бы, то есть преобладает участие пассивное. Но многое, видимо, зависит от самих семинаров и тех, кто их ведет. Тем не менее есть и такие лица, которые видят толк в этих обсуждениях, фактически проводят через них все свои публикации и получают немало полезных замечаний и рекомендаций.

Ответы на вопрос: «За какой срок Вы рассчитываете расплатиться с долгами по защите диссертации?» имели существенные различия. Так, большая часть опрашиваемых, которым еще далеко до защиты, ответили, что сумеют отдать долги за срок от трех месяцев до полугода, а более осведомленные их коллеги – за 2–3 года.

Актуальными оказались вопросы о том, что может помешать аспирантам подготовить диссертации в срок.

Приведем наиболее характерные ответы:

«Нужно написать и опубликовать целых 5 статей; существует зависимость от успеха работы других работников отдела, с кем придется сотрудничать при выполнении экспериментальной части работы; есть зависимость от финансирования лаборатории; некоторые реагенты для дальнейших исследований необходимо синтезировать самостоятельно в лаборатории, а синтез не всегда бывает таким эффективным, как предполагалось, и приходится затрачивать много времени; возможно, кроме обязательной работы по аспирантскому плану придется выполнять другую дополнительную работу, необходимую для лаборатории»;

«Трудности с оборудованием и необходимыми материалами, особенно по моей теме “Наноматериалы, многослойные конденсаторы”»;

«Возраст приборов – главная проблема. Есть и новые, но есть и с возрастом в полвека»;

«Возможны неудачи при выполнении экспериментальной части работы, вызванные спецификой объекта; публикация 5 статей по теме диссертации; большая нагрузка курсами по философии и английскому языку»;

«Экспериментальное оборудование в институте превышает 50 лет, хотя сам институт один из ведущих в Академии наук; длительный срок публикации статей, необходимых для защиты»;

«Много дел в институте, не касающихся работы над диссертацией», и др.

Поразили нас безысходностью ответы аспирантки-заочницы зрелого возраста, работающей в крупнейшей авиакорпорации «Антонов» и даже добившейся там определенного статуса, но увлекшейся исследовательской деятельностью и поступившей в аспирантуру. В университете ее ошеломляют беспредельная и безнадежная бюрократия, когда по любой чепуховой проблеме надо проводить в университете целые дни – для работающего в условиях режимного предприятия это совершенно не приемлемо. Чтобы пройти череду согласований для подписания акта экспертизы, надо потратить неделю. Действительно, бюрократия, этот антипод научной деятельности, пронизала все уровни и в науке, и в образовании. Я полагаю, что с ней придется встретиться всем, кто останется в этих сферах. В науке, в академических институтах ее как будто меньше, но ежедневные потери на бесконечные отчеты и рекомендации составляют львиную долю трудозатрат любого исследователя.

Заключительный блок анкеты назывался «Диссертация как жизненная перспектива». В нем предлагались вопросы относительно планов аспирантов после защиты диссертации. В ответах преобладали намерения посвятить себя именно исследованиям. Многие уже почувствовали вкус к исследовательской деятельности. Такие планы не могла остановить даже нынешняя ситуация с наукой в Украине. Многие понимают, что ничего хорошего ждать не приходится. Не исключено, что придется где-то подрабатывать, особенно иногородним аспирантам, которые вынуждены будут снимать жилье в Киеве.

На втором месте в планах на работу стоит преподавательская деятельность, которая не рассматривается как альтернативная исследовательской, но все-таки специфическая, совсем не такая, как в западных университетах, – ей надо отдаваться тоже практически целиком, как службе. Больше она привлекает аспирантов-женщин.

По ответам оказалось совсем немного тех, кто предполагает уйти в бизнес и на производство. К сожалению, и здесь перспективы в Украине далеко не привлекательны.

Относительно желания уехать за рубеж и заниматься там наукой заявили всего 2–3 человека, но, видимо, такие, которые уже твердо на это решились и в аспирантуре делают в этом направлении реальные шаги.

Задавался вопрос, надеются ли опрошиваемые на карьерный рост, оставшись в науке. Абсолютное большинство ответили утвердительно. Но, скорее

всего, учитывая ситуацию в науке, этот рост будет медленным, не будет поспевать за ростом стоимости жизни и коммунальных расходов. Возможно, он более реален в преподавательской профессии, где есть шанс достичь доцентского статуса, в любом случае быстрее, чем получить должность старшего научного сотрудника в науке.

Для нас были ценны мнения об аспирантуре научных руководителей и различного рода экспертов, имеющих опыт организации подготовки и аттестации аспирантов.

Одно интервью мы провели с академиком НАН Украины Валерием Павловичем Кухарем, известным в мире специалистом в области органической химии, химии элементоорганических соединений, биоорганической химии и экологии, которого ныне, к сожалению, уже нет с нами. В. П. Кухарь – автор более 600 статей и почти 20 обзоров в ведущих химических журналах, соавтор 6 монографий, автор многих патентов. Его главное достижение в химии фосфора – издание в соавторстве с Гарри Хадсоном фундаментальной книги “Aminophosphonic and Aminophosphinic Acids. Chemistry and Biological Activity”. Валерий Кухарь является лауреатом многих премий, в том числе международной Арбузовской премии (2013). Занимал высокие позиции в Академии наук Украины: академик-секретарь Отделения химии (1978–1988), вице-президент АН Украины (1988–1993), директор Института биоорганической химии и нефтехимии НАН Украины (1987–2012), затем почетный директор института. Он много и активно преподавал в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко, многие годы возглавлял специализированный совет своего института по защитах докторских диссертаций. В разные годы Кухарь был президентом Украинского Комитета «МАВ» (UNESCO), президентом Украинского химического общества, председателем Комиссии по ядерной политике и экологической безопасности при Президенте Украины, председателем совета Государственного фонда фундаментальных исследований. Самое же главное, что он был неравнодушным, открытым человеком, желающим изменить ситуацию с наукой в Украине и с подготовкой и аттестацией кадров науки. Он многократно участвовал в социологических исследованиях.

В ходе интервью В. П. Кухарь выделил ряд проблем: «болевая точка» химических институтов – обеспечение исследований реактивами, которые резко подорожали или их вообще нельзя достать; перманентно продолжаются министерские новации по диссертационному процессу, которые уже давно превысили всякие бюрократические пределы и не сравнимы с зарубежными аналогами; растут затраты диссертантов и членов их семей на получение ученой степени, и они никак не сравнимы с зарплатами, которые успешно защитившиеся будут получать на протяжении многих лет; фактически при защите диссертации не учитываются способности диссертанта правильно спланировать исследовательский процесс, его свободная ориентация в новейшей литературе по специальности, чему придается большое значение в европейских университетах и научных центрах, но зато нагромождаются новые формаль-

ные преграды; существуют проблемы трудоустройства успешно окончивших аспирантуру и защитивших диссертации, штаты Академии наук «заморожены»; пока аспиранты недостаточно подключаются к международным проектам; несмотря на все призывы и декларации количество публикаций в рейтинговых изданиях невелико.

Еще один эксперт – молодой доктор наук Сергей Николаевич Ягодзинский, заместитель директора учебно-научного Гуманитарного института Национального авиационного университета. Он, напротив, считает многие требования к аспирантам со стороны министерства достаточно рациональными: «Введение зарубежных публикаций, по моему мнению, довольно позитивно сказалось если не на качестве, то хотя бы на представленности наших ученых. Печатая статьи в журналах, которые входят пусть не в самые крутые базы данных (типа Scopus или WoS), тем не менее это позитивно влияет на индексированность. Вместе с тем хотел бы указать на недопустимость чрезмерного радикализма в вопросе публикации материалов диссертационных исследований. Ведь отсутствие отечественных журналов в базе данных Scopus или WoS есть не только вопрос научный, но и политический, социокультурный. Кроме того, вызывает много вопросов сам факт передачи (часто за деньги самого же соискателя) результатов новейших научных исследований зарубежным журналам. Выходит, что непомерные условия для публикаций материалов диссертации нивелируют интеллектуальную цену (не ценность, а именно цену) этой работы. Кто заплатит автору за его результаты, если он сам же добровольно-принудительно их опубликовал? Вопрос риторический».

Были использованы также результаты исследования, проведенного Институтом аспирантуры и докторантуры Нижегородского университета под руководством Б. И. Бедного. Проект был посвящен изучению воспроизводства научных кадров в аспирантурах вузов Приволжского федерального округа. Опросы были проведены в пяти государственных университетах. Было опрошено 347 аспирантов по квотной выборке. Одновременно в этих же вузах опрошено 517 студентов 4-го курса и 245 преподавателей – докторов и кандидатов наук [1].

Используя методы многомерного анализа данных (факторный, кластерный анализ данных и т. д.), исследователи выделили многомерную типологию современных аспирантов.

Главная особенность первого типа – «высокоресурсных аспирантов» (18 %) заключается в том, что эти молодые люди обладают широким набором различных высокоразвитых способностей. В данном кластере преобладающее количество составляют мужчины (86 %). Второй тип – «депривированные» юноши и девушки – самый крупный (31 %). Сюда входят аспиранты, находящиеся в неблагоприятных материальных условиях, имеющие проблемы со здоровьем, что создает значительные трудности в работе над диссертацией. Пропорция мужчин и женщин здесь такая же, как и в выборочной совокупности. Третий кластер – «мотивированные на науку аспиранты» (мужчин – 42 %).

Это единственный тип, где женщины преобладают. Молодые люди, принадлежащие к данному типу, наиболее перспективны с точки зрения успешного обучения в аспирантуре, защиты диссертаций в срок и дальнейшей научно-педагогической карьеры. Четвертый кластер – «балласт» (62 % мужчин). Молодые люди данного типа наименее перспективны для научной и научно-педагогической деятельности.

Получается, что в современной аспирантуре высоко количество «лишних» людей. Отсутствие у молодых людей четких жизненных планов, ориентиров, целей приводит к тому, что аспирантура становится неким «перевалочным пунктом» для людей, «ищущих» себя в этой жизни. Важно отметить, что большее количество среди балласта составляют мужчины. Многие молодые люди используют аспирантуру не только как систему подготовки для последующей научной деятельности, но и как «перевалочный пункт», как способ избежания армии и пр. К тому же в аспирантуре, как показали результаты исследования, учатся люди, имеющие различные, порой даже противоположные ценности. Внутри аспирантов как группы можно наблюдать расслоение. Налицо отсутствие разделения общих целей организации ее участниками, что, безусловно, влияет на состояние современной аспирантуры. Указанные выше моменты говорят о наличии проблем в функционировании аспирантуры как организации. Конечно, не надо забывать и о других составляющих аспирантуры как организации (преподаватели, материально-техническая база и т. д.) [2].

Проведенные опросы аспирантов и экспертов показывают, что институт аспирантуры стал неотъемлемой частью высшего образования и подготовки кадров для него и науки. Большие перемены в постиндустриальном обществе отразились и на институте аспирантуры, он, как и все высшее образование, вписался в рыночные отношения, вплоть до возникновения новых коррупционных схем. Неотступный государственный контроль, конечно, не спасает от негативных последствий в аспирантуре, но привел к крайней бюрократизации науки и университетского образования, что им противопоказано по их природе. Жесткая «зашнуровка» и регламентация процедур обучения в аспирантуре и подготовки диссертации противопоказаны науке с ее автономией и механизмами самоорганизации, а также самой неуклонной тенденции глобализации современного мира и свободным перетеканиям научного потенциала и постоянным переквалификациям научных работников.

Естественно, целеустремленная работа по совершенствованию аспирантуры должна согласовываться с новейшими тенденциями развития образования и науки в мире. В Европе существует специальная база данных, содержащая сведения о различных стипендиях для получения степени магистра или PhD, программах, источниках финансирования, включая сведения о правительственных организациях, университетах, корпорациях и некоммерческих организациях и о позициях постдоков (исследователей, получивших степень PhD и продолжающих заниматься научной работой). Доступ к этой базе данных свободный, и каждый может разместить в ней информацию о стипендиях –

scholarship. Эта база данных доступна в Интернете по адресу: www.Scholarship-links.com. Все европейские и американские университеты ведут очень активную вебметрическую деятельность по привлечению аспирантов. Именно поэтому они занимают высокие позиции в мировом вебметрическом рейтинге, в котором отечественные университеты не поднимаются выше 600-го ранга в мире [3].

Никак не отрицая и не подвергая сомнению различные попытки мониторинга и анализа эффективности аспирантуры (напротив, всячески их приветствуя), все-таки трудно прийти к мнению, что вся ее система эффективна в современных условиях, в особенности когда речь идет о подготовке молодых специалистов именно для исследований на передовых рубежах науки. В России проводятся и такого рода оценки, как, например, по подготовке специалистов по нанотехнологиям в разных их версиях [4; 5]. В Украине трудно это сделать, потому что можно лишь говорить о том, что такого рода исследования проводятся, но до технологического их применения еще очень далеко [6].

Список использованных источников

1. Многомерная типология аспирантов / С. С. Балабанов [и др.] // Социол. журн. – 2003. – № 3. – С. 71–85.
2. Калинина, О. В. Проблемы аспирантуры как организации / О. В. Калинина // Организация в фокусе социологических исследований : в 2 т. – Н. Новгород : НИСОЦ, 2005. – Т. 1 / под общ. ред. проф. З. Х. Саралиевой. – С. 79–82.
3. Маркусова, В. А. Факторы, влияющие на подготовку нового поколения высококвалифицированных научных кадров в Европе и США : сравнительный анализ / В. А. Маркусова, А. Г. Аллахвердян // Научно-техническая информация. Сер. 1. Организация и методика информационной работы. – 2013. – № 5. – С. 35–41.
4. О подготовке кадров высшей квалификации в области нанонауки и нанотехнологий / Е. В. Чупрунов [и др.] // Высшее образование в России. – 2009. – № 5. – С. 15–27.
5. Бедный, Б. И. Подготовка научных кадров в сфере нанотехнологий : библиометрический анализ / Б. И. Бедный, А. А. Миронос, Т. В. Серова // Университетское управление: практика и анализ. – 2010. – № 4 (68). – С. 44–49.
6. Бессалова, Т. В. Образование в сфере нанотехнологий / Т. В. Бессалова, В. И. Оноприенко // Наука та науковедение. – 2015. – № 2. – С. 113–126.

Поступила 16.09.2018 г.

УДК 159.923.2

О. Г. ВОРОШЕНЬ,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, e-mail: olga-vn@list.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ АКАДЕМИЧЕСКОГО СЕКТОРА НАУКИ

В статье исследуются особенности формирования профессиональной идентичности молодых ученых. Идентичность рассматривается исходя из представлений о множественности идентификаций в структуре идентичности. В структуре профессиональной идентичности молодых исследователей выделен ряд идентификаций с профессиональными сообществами разного уровня, а также оценена степень их выраженности.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, множественность идентификаций, устойчивая профессиональная идентичность, молодые ученые.

O. G. VOROSHEN,

Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, e-mail: olga-vn@list.ru

FEATURES OF THE FORMATION OF PROFESSIONAL IDENTITY OF YOUNG SCIENTISTS OF THE ACADEMIC SECTOR OF SCIENCE

The article discusses the features of the formation of the professional identity of young scientists. Identity is considered on the basis of ideas about the multiplicity of identifications in the structure of identity. In the structure of professional identity of young researchers, a number of identifications with professional communities of different levels are highlighted, and the degree of their expression is also assessed.

Keywords: professional identity, the multiplicity of identifications, sustainable professional identity, sustainable professional identity, young scientists.

В настоящее время интерес к проблеме профессиональной идентичности неизменно растет. Исследователи становления индивида как профессионала и профессиональной идентификации в структуре идентичности (Д. Сьюпер, Л. Б. Шнейдер, А. В. Гузь, Д. Н. Завалишина, Е. П. Ермолаева и др.) отмечают, что в современных условиях профессиональная идентичность, наряду с национальной и этнической, является наиболее актуальным видом идентичности.

По мнению ряда исследователей, именно профессия и осознание себя в профессии, соотнесение себя с определенной профессиональной общностью помогают ориентироваться в постоянно изменяющихся социально-экономических условиях, реализовывать личностный и профессиональный потенциал. Как отметила в своей работе А. И. Прихидько, «формирование позитивной профес-

сиональной идентичности выступает значимым аспектом социально-психологической адаптации ученых к социальным изменениям» [1]. Особую актуальность в современных реалиях приобретает изучение особенностей профессиональной идентичности у представителей различных сфер деятельности.

Профессиональная идентичность как комплексное, интегративное понятие исследовалось многими учеными (Е. П. Ермолаева, Д. Н. Завалишина, Н. С. Пряжников, Е. А. Климов, Л. Б. Шнейдер, Ю. П. Поваренков и др.). В наиболее обобщенном виде профессиональная идентичность рассматривается как сложный феномен, как ведущая характеристика профессионального развития человека, которая свидетельствует о степени принятия избранной профессиональной деятельности в качестве средства самореализации и развития [2; 3], как осознание своей принадлежности к профессиональной группе [4], принятие себя как профессионала и значимого члена профессионального сообщества.

В нашей работе профессиональная идентичность вслед за Л. Б. Шнейдер трактуется как результат профессионального самоопределения, проявляющийся в осознании себя представителем определенной профессии и профессионального сообщества [4].

Исследование профессиональной идентичности молодых ученых, проведенное нами, разрабатывалось в соответствии с представлениями о множественности идентификаций в составе идентичности. Такой подход представлен в работах ряда ученых. В частности, Х. Тэджфел и Дж. Тернер, представители когнитивно-ориентированной психологии, рассматривают идентичность как когнитивную систему, выполняющую роль регулятора поведения. Одним из аспектов такой системы выступает социальная идентичность, которая складывается из отдельных идентификаций и определяется принадлежностью человека к различным социальным категориям, группам.

Согласно Ш. Струкеру, идентичность – это интериоризированная роль, определяемая социальными позициями человека [5]. Она является продуктом представления социальных ролей в общностях разного размера и значимости для человека (профессиональное сообщество, коллеги). Структура идентичности представляет собой иерархическую последовательность различных интериоризированных ролей. Поскольку человек вступает в многочисленные социальные связи и исполняет большое количество социальных ролей, у него должно быть много соответствующих идентичностей, которые в свою очередь отражаются на поведении, эмоциях и по-разному влияют на социальное взаимодействие. Структура идентичности постепенно конструируется, включая в себя данные от рождения идентичности, а также те, которые формируются в ходе социального взаимодействия.

Представление о множественности идентичности развивается и в работах М. Берзонски [6], который постулирует множественность процесса идентификации. Поскольку в современном мире объективно растет количество возможных оснований для самокатегоризации, результаты идентификации в этой

множественности будут зависеть и от отношения и включенности человека в те или иные социальные группы, разделяемых ценностей, норм, и от его умения и готовности ориентироваться в увеличивающемся потоке информации.

В процессе профессиональной идентификации происходит отождествление индивида с другими субъектами профессиональной деятельности или профессиональными группами и осознание себя представителем определенной профессии и определенного профессионального сообщества [7]. В ходе становления профессиональной идентичности происходит также освоение человеком норм, ценностей, традиций соответствующей профессиональной группы.

Таким образом, помимо осознания себя как профессионала в процессе идентификации происходит осознание себя внутри профессиональной среды, себя как части профессионального пространства. Это пространство включает в себя как ближайшее социальное окружение – коллег, подчиненных и руководителей профессионала, так и более удаленных носителей профессиональных норм – представителей национального и международного профессиональных сообществ.

Профессиональное становление ученого также сопровождается идентификацией с рядом профессиональных сообществ. В нашем исследовании мы рассматривали следующие профессиональные группы: ближайшее профессиональное окружение, представленное коллективами структурного подразделения и научной организации, а также белорусское научное сообщество и мировое научное сообщество.

Таким образом, в структуре профессиональной идентичности молодых ученых были выделены идентификации с:

- мировым научным сообществом;
- белорусским научным сообществом;
- научным коллективом конкретной научной организации;
- коллективом конкретного структурного подразделения.

Для выявления особенностей формирования профессиональной идентичности молодых научных работников были опрошены сотрудники учреждений академического сектора науки в возрасте до 35 лет (исследование проведено Центром мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров Института социологии НАН Беларуси в 2016 г.). Респондентам предлагалось ответить на вопрос, испытывают ли они чувство причастности к вышеперечисленным общностям. Ответы респондентов интерпретировались следующим образом. Выбор варианта ответа «часто» указывал на устойчивую идентификацию с данной профессиональной общностью, «иногда» – на ситуативную. Вариант ответа «практически никогда» свидетельствовал о несформированности идентификации с предполагаемым сообществом [8].

Обработка и анализ полученных данных позволили выявить иерархию устойчивых, ситуативных и несформированных идентификаций в структуре профессиональной идентичности молодых ученых.

Анализ ответов респондентов позволил выделить 3 группы устойчивых идентификаций: *организационную* (со структурным подразделением и своей

научной организацией в целом), идентификацию с *национальным научным сообществом* и с *международным научным сообществом*. В первую группу можно отнести молодых ученых, которые часто испытывают чувство причастности к ученым своего структурного подразделения и своей научной организации (71,6 % и 35,2 % соответственно). С белорусским научным сообществом идентифицируют себя 11,4 % молодых исследователей. Часто идентифицируют себя с мировым научным сообществом только 4,7 % опрошенных молодых сотрудников. Таким образом, в структуре профессиональной идентичности молодых исследователей выявляется следующее распределение устойчивых идентификаций (рис. 1).

Ситуативная идентификация проявляется время от времени, носит неустойчивый характер, может рассматриваться как основа для построения устойчивой идентификации с данной общностью в дальнейшем. Данная идентификация показывает переменную включенность в социокультурное поле данного сообщества. Наиболее выраженной является ситуативная идентификация с научным коллективом института: ответ «иногда» дали 47,1 % молодых работников. В целом иерархия неустойчивых идентификаций выглядит следующим образом (рис. 2).

На рис. 3 представлено, с какими профессиональными сообществами у опрошенных отсутствует идентификация. Большинство респондентов никогда не испытывали чувство общности с мировым научным сообществом и белорусским научным сообществом (43,8 % и 34,5 % соответственно). На противоположном полюсе иерархии расположена организационная идентифи-

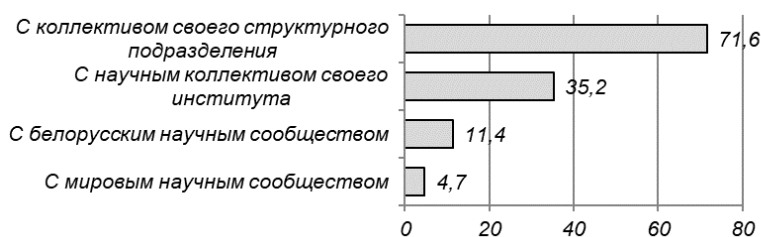

Рис. 1. Распределение устойчивых идентификаций в структуре профессиональной идентичности молодых ученых, %

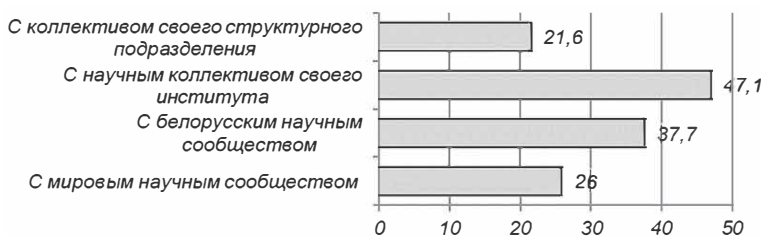

Рис. 2. Распределение ситуативных идентификаций в структуре профессиональной идентичности молодых ученых, %

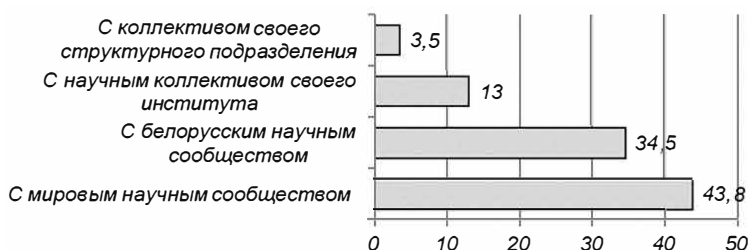

Рис. 3. Распределение несформированных идентификаций в структуре профессиональной идентичности молодых ученых, %

кация со своим структурным подразделением – 3,5 % опрошенных не идентифицируют себя с учеными своего структурного подразделения.

Выявленная в нашем исследовании особенность формирования профессиональной идентификации молодых ученых – устойчивая идентификация с подразделением более выражена, чем с организацией в целом – совпадает с результатами эмпирических исследований организационной идентификации, которые продемонстрировали, что величина идентификации работников с рабочей группой чаще всего выше, чем величина их идентификации с организацией в целом [9]. Авторы предложили несколько объяснительных моделей данному феномену. Во-первых, этому способствуют особенности межличностного взаимодействия в организации. А именно то, что большую часть своего рабочего времени люди проводят внутри своего структурного подразделения, взаимодействуют в основном с членами своей рабочей группы, они лучше знают и понимают ее членов, чем тех членов организации, которые работают в других группах и подразделениях.

Еще один аспект связан с особенностями межгруппового восприятия. Индивид в большей степени будет идентифицировать себя с группой, члены которой во многом похожи на него, которых объединяет один вид деятельности, общие цели и задачи подразделения, разрабатываемые темы, общая история. В таком случае внутригрупповое сходство между членами структурного подразделения будет выше, чем между всеми работниками организации.

Люди предпочитают идентифицироваться с относительно небольшими группами, так как идентификация с группой большого размера несет в себе угрозу стирания индивидуальных различий между людьми, а рабочая группа, структурное подразделение по определению всегда меньше, чем вся организация [10].

Таким образом, полученные данные позволяют утверждать, что чем обширнее профессиональная группа и чем более дистантны ее представители от респондентов, тем реже они испытывают чувство общности с данной группой.

Особый интерес представляет анализ распространенности устойчивых идентификаций среди молодых исследователей в зависимости от их пола, возраста, направления научной деятельности.

Проведенное исследование позволило выявить особенности формирования профессиональной идентичности в различных возрастных группах молодых

ученых. Прежде всего следует отметить, что во всех возрастных группах иерархия устойчивых идентификаций имеет сходную структуру. Наиболее выражена идентификация с коллективом структурного подразделения, в котором работают опрошенные (табл. 1). Далее следует идентификация с коллективом института, с белорусским научным сообществом. Наиболее слабо выражены идентификации с международным научным сообществом.

Таблица 1. Распределение устойчивых идентификаций в различных возрастных группах молодых ученых, в %

Испытываете ли Вы чувство причастности?	Возраст			Всего
	21–24 года	25–29 лет	30–34 года	
К коллективу Вашего структурного подразделения	71,4	66,4	81,3	71,6
К научному коллективу Вашего института	29,4	34,1	39,7	35,2
К белорусскому научному сообществу	2,9	10,2	17,5	11,4
К мировому научному сообществу	9,1	3,7	3,2	4,7

В то же время анализ данных показывает укрепление организационной идентификации и идентификации с национальным научным сообществом у молодых ученых в более старших возрастных группах. Так, если доля молодых сотрудников, только начинающих свой путь в науке, часто идентифицирующих себя с коллективом структурного подразделения, составила 71,4 %, то в группе 30–34-летних исследователей этот показатель составляет уже 81,3 %.

Выявлены различия в формировании устойчивой организационной идентификации, обусловленные полом респондентов. Женщины чаще идентифицируют себя с ближайшим профессиональным окружением по сравнению с мужчинами. 76,9 % исследователей-женщин испытывают чувство причастности к коллективу своего структурного подразделения, и 43,2 % – к научному коллективу организации. В то время как эти показатели среди исследователей-мужчин значительно ниже (67,5 % и 27,9 % соответственно). Осознание себя членом мирового научного сообщества чаще происходит у исследователей-мужчин (7,4 %), женщины реже идентифицируют себя с представителями мировой науки (1,8 %).

Устойчивая идентификация среди молодых сотрудников с ученой степенью выражена в большей степени, чем среди исследователей без ученой степени (табл. 2).

Наиболее заметная разница наблюдается в формировании идентификации с белорусским научным сообществом. Так, если среди кандидатов наук 33,3 % опрошенных испытывают чувство причастности к белорусскому научному сообществу, то среди сотрудников без ученой степени доля таких респондентов составила только 8 %. Можно предположить, что именно благодаря полученному статусу и процессу его достижения кандидаты наук в большей степени ощущают свою причастность к белорусскому научному сообществу.

Таблица 2. Распределение устойчивых идентификаций среди молодых исследователей с ученой степенью и без, в %

Испытываете ли Вы чувство причастности?	Кандидаты наук	Без ученой степени	Всего
К коллективу Вашего структурного подразделения	73,5	70,9	71,6
К научному коллективу Вашего института	44,1	33,3	35,2
К белорусскому научному сообществу	33,3	8,0	11,4
К мировому научному сообществу в целом	6,1	4,5	4,7

Наименьшие различия отмечаются при идентификации с коллективом структурного подразделения. Доля кандидатов наук и исследователей без ученой степени, которые часто испытывают чувство причастности к своим ближайшим коллегам, сопоставимы – 73,5 % и 70,9 % соответственно.

Выявлены различия и среди представителей различных отделений наук (табл. 3).

Таблица 3. Распределение устойчивых идентификаций среди молодых исследователей, представляющих различные отделения наук, в %

Испытываете ли Вы чувство причастности?	Отделения*						Всего
	1	2	3	4	5	6	
К коллективу Вашего структурного подразделения	82,4	75,4	57,1	73,7	70,6	68,3	71,6
К научному коллективу Вашего института	38,2	28,1	29,3	33,3	58,8	41,0	35,2
К белорусскому научному сообществу	6,1	6,3	19,0	7,7	11,8	19,5	11,4
К мировому научному сообществу в целом	3,0	4,7	9,8	—	6,3	4,9	4,7

* 1 – Отделение физико-математических наук; 2 – Отделение физико-технических наук; 3 – Отделение химии и наук о Земле; 4 – Отделение биологических наук и Отделение медицинских наук; 5 – Отделение гуманитарных наук; 6 – Отделение аграрных наук.

Менее всего распространена устойчивая организационная идентификация среди представителей Отделения химии и наук о Земле (57,1 % и 29,3 %). С коллективом структурного подразделения чаще всего соотносят себя сотрудники Отделения физико-математических наук, с коллективом института – молодые ученые Отделения гуманитарных наук (58,8 %), с белорусским научным сообществом – исследователи Отделения аграрных наук (19 %) и Отделения химии и наук о Земле (19,5 %), с мировым научным сообществом – опрошенные Отделения химии и наук о Земле (9,8 %).

Степень выраженности идентификации с профессиональными сообществами, которые представлены ближайшим окружением, обусловлена качеством межличностных и профессиональных отношений, сложившихся в коллективе структурного подразделения и научной организации в целом. Об этом свидетельствуют данные нашего исследования. Молодым исследователям было предложено оценить степень удовлетворенности отношениями, сложившимися

в их профессиональном окружении. Среди респондентов, которые в полной мере удовлетворены отношениями в коллективе структурного подразделения, в научном коллективе института, преобладают лица с устойчивой профессиональной идентификацией с этими профессиональными общностями. И, напротив, неудовлетворенность отношениями коррелирует с несформированной идентификацией (коэффициент корреляции Спирмена для профессиональной общности – коллектив структурного подразделения – равен 0,336 при уровне значимости 0,01, для коллектива научной организации – 0,209 при уровне значимости 0,01).

Немаловажное значение имеют и сложившиеся отношения с руководством подразделений и организации в целом. Удовлетворенность отношениями с дирекцией института также способствует формированию устойчивой идентификации с научной организацией (коэффициент корреляции Спирмена равен 0,359 при уровне значимости 0,01). Это же можно сказать и об отношениях с непосредственным научным руководителем (коэффициент корреляции Спирмена равен 0,362 при уровне значимости 0,01).

Возвращаясь к данным, представленным выше, следует отметить, что среди молодых ученых из Отделения химии и наук о Земле, по сравнению с другими отделениями, ниже всего доля исследователей, в полной мере удовлетворенных отношениями в научном коллективе института, в структурном подразделении, а также с дирекцией института.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить некоторые особенности в формировании профессиональной идентичности молодых ученых. На разных этапах профессионального становления идентификация с профессиональными сообществами разного уровня имеет разную степень выраженности. Как показали результаты исследования, в начале профессионального пути степень выраженности устойчивых идентификаций с рядом профессиональных сообществ ниже, чем у молодых исследователей с большим опытом работы. Наиболее выражена устойчивая идентификация с такими профессиональными группами, как коллективы структурного подразделения и научной организации, в которых работают молодые исследователи, наименее – с представителями мирового научного сообщества.

На формирование устойчивой профессиональной идентификации с профессиональными сообществами оказывают влияние межличностные и профессиональные отношения, сложившиеся в коллективе, организации. Удовлетворенность отношениями способствует формированию устойчивой профессиональной идентичности.

Список использованных источников

1. Прихидько, А. И. Социально-психологические аспекты адаптации российских ученых к социальным изменениям / А. И. Прихидько // *Вопр. психологии.* – 2008. – № 1. – С. 101–110.
2. Родыгина, У. С. Психологические особенности профессиональной идентичности студентов / У. С. Родыгина // *Психологическая наука и образование.* – 2007. – № 4. – С. 39–51.

3. *Поваренков, Ю. П.* Психологическое содержание профессионального становления человека / Ю. П. Поваренков. – М. : Изд-во УРАО, 2002. – 160 с.
4. *Шнейдер, Л. Б.* Профессиональная идентичность / Л. Б. Шнейдер. – М. : МОСУ, 2001. – 272 с.
5. *Иванова, Н. Л.* Социальная идентичность и профессиональный опыт личности / Н. Л. Иванова, Е. В. Конева. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2003. – 246 с.
6. *Белинская, Е. П.* Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? / Е. П. Белинская // Психологические исследования : (электронный журнал). – 2015. – Т. 8, № 40. – С. 12–20.
7. *Шнейдер, Л. Б.* Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг / Л. Б. Шнейдер. – М. : Изд-во Моск. соц.-психол. ин-та, 2004. – 206 с.
8. *Осипова, Е. В.* Особенности профессиональной идентичности белорусских ученых / Е. В. Осипова // Иппокрена. – 2013. – № 2 (23). – С. 128–146.
9. *Рольф, Д. ван.* Преданность и идентификация с организацией : пер. с нем. / Д. ван Рольф. – Харьков : Гуманитар. Центр, 2006. – 142 с.
10. *Липатов, С. А.* Исследования организационной идентификации в зарубежной психологии / С. А. Липатов, А. В. Ловаков // Нац. психол. журн. – 2010. – № 1 (3). – С. 70–76.

Поступила 15.10.2018 г.

А. П. СОЛОВЕЙ,

*научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: alesya-solovei@mail.ru*

ФЕМИНИСТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАУКИ: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

В статье представлен анализ основных работ и идей зарубежных авторов относительно различных аспектов социально-профессионального положения женщин в науке. Показано, что значительный вклад в исследование теоретических и методологических оснований гендерного анализа научной деятельности внесли представители феминистского подхода. Выявленные проблемы актуализируют необходимость обращения к методологии феминистских исследований в контексте проблематизации положения женщин в науке.

Ключевые слова: наука, гендер, женщины-ученые, феминистская методология, феминистские исследования.

A. P. SOLOVEI,

*Research Fellow Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
e-mail: alesya-solovei@mail.ru*

FEMINIST STUDIES OF SCIENCE: A REVIEW OF FOREIGN EXPERIENCE

Article presents the analysis of main works and ideas of foreign authors on various aspects of socio-professional status of women in science. It is shown that representatives of feminist approach made a significant contribution to the study of theoretical and methodological foundations of gender analysis of scientific activity. The revealed problems actualize the need to refer to methodology of feminist research in the context of problematization of position of women in science.

Keywords: science, gender, women-scientists, feminist methodology, feminist research.

Различные аспекты социального и профессионального статуса женщины-ученого стали предметом изучения зарубежных исследователей со второй волны движения «за освобождение женщин» в США (середина 1960-х годов), которое было ориентировано на изменение сексистских стереотипов в культуре, воспроизводящих представление о женщине как более слабой, пассивной, зависимой, эмоциональной и менее рациональной по сравнению с мужчиной. Рост социально-политической активности женщин, а также развитие социальных исследований, которые посвящены анализу положения и роли женщин в различных сферах общества, в том числе и науке, являются значительными результатами данного движения. Феминистские исследования, которые развивались в 1970-е годы, позволили интегрировать «женскую тему» в социальные науки. Наиболее существенный вклад в развитие теоретико-методологических осно-

ваний исследования науки в ракурсе гендерного дискурса внесли представители феминистского подхода. В 1980-е годы стала популярной идея о социальной обусловленности производства знания, что привело к осмыслению трех тем: женщины как информантки (носители знания), женщины как объект анализа в социальных науках, женщины как профессиональные ученые [2, с. 38].

Сторонники европейского и американского движений за эмансипацию женщин стали уделять основное внимание не столько достижениям женщин в науке, сколько препятствиям, которые стоят у них на пути и мешают добиваться успеха в науке. К примеру, М. Росситер, изучавшая борьбу американских женщин-исследователей за свои права, выделяет две основные формы половой дискриминации, которые долгое время существовали в научном сообществе и до сих пор полностью не изжиты. Первая вынуждает женщин выполнять так называемые строго определенные «женские виды работ», к примеру, каталогизация коллекций по естественной истории. Вторая принуждает одаренных и талантливых женщин оставаться на положении помощников, которые получают небольшое денежное вознаграждение. Не случайно первые женщины, которые стали лауреатами Нобелевской премии (М. Складовская-Кюри, И. Жолио-Кюри, Г. Т. Кори), работали со своими мужьями. Научное сообщество скорее открывало свои двери «исследовательским парам», нежели женщинам, которые работали в одиночестве. Неравномерно происходили и распределения исследовательских грантов между супругами: муж, как правило, получал большую часть гранта [3, с. 10]. Как отмечает М. Росситер, «занятия наукой, как часто утверждалось, были всегда открыты для обоих полов. Но фактически отдельные рынки труда долго существовали для мужчин и женщин в науке» [13, р. 381].

Однако даже с появлением в 20–30-х годах XX в. истории науки как самостоятельной дисциплины, исследования, посвященные роли женщин в производстве научного знания, носили эпизодический характер. Положение стало меняться лишь с того времени, когда сами женщины-ученые начали писать о тех проблемах, с которыми они сталкиваются в научном сообществе. В основном это были исследования биографического характера. Но все же женщины-ученые рассматривались как исключение из правил, а правило – «мужская» наука, «мужские» нормы и критерии научного результата. Первые работы о женщинах, гендере и науке появились в начале 1970-х годов в США. К примеру, обзорная работа С. Г. Кольштедт и Х. Лонгино «Женщины, гендер и научный вопрос» (“The Women, Gender, and Science Question”). Наиболее известные работы этого периода по истории женщин в науке принадлежат М. Росситер: «Женщина-ученый в Америке до 1920 г.» (“Women Scientists in America before 1920”, 1974) и Э. Ф. Келлер: «Женщина в науке: социологический анализ» (“Women in Science: A Social Analysis”, 1974) [1, с. 7; 11]. Историки, проводившие исследования в рамках феминистского подхода, стремились продемонстрировать тот факт, что традиционная история науки игнорирует вклад значительного числа женщин-ученых в научное знание. Изучив биографиче-

ский опыт женщин-ученых, сыгравших важную роль в развитии науки, исследователи проанализировали влияние на карьерные и научные достижения женщин структурных условий и обстоятельств личной жизни. К концу 1970-х годов был накоплен значительный материал, который позволяет оценить место и роль женщин в науке. Работы Ш. М. Малкольм, П. К. Холл и Дж. У. Браун «Двойная зависимость: цена женского меньшинства в науке» (“The Double Bind: The Price of Being a Minority Women in Science”, 1976); Э. Рид «Сексизм и наука» («Sexism and Science», 1978) послужили стимулом к развитию критических исследований, направленных на выявление дискриминационных механизмов, действующих в структуре научных институтов [12; 1, с. 9]. Данные исследования доказывали маргинальность положения женщин-ученых, описывали явления запаздывания женской карьеры, влияние «стеклянного потолка» на построение женщинами научной карьеры.

В феминистских исследованиях науки важное место занимает критика, которая направлена на ликвидацию попыток придать научный статус некоторым идеям, носящим дискриминационный характер. К примеру, идея социобиологической обусловленности несостоятельности женщин в некоторых сферах общественного разделения труда, и в научном труде, в частности. Рассматривая различные критические замечания, сделанные феминистами в разное время, в первую очередь необходимо уделить внимание либеральной критике. Центральное замечание данной критики – это обвинение в несправедливости условий занятости, которое основывается на том факте, что большинство ученых – мужчины. Как отмечает Э. Келлер, «на науку как таковую большее или меньшее число женщин ученых или даже их отсутствие никак не влияет» [8, p. 590]. Тем самым данная критика не противоречит традиционным концепциям науки.

Противоположного мнения придерживаются представители радикальной критики науки. По их мнению, тот факт, что мужчины составляют в научной сфере подавляющее большинство, привел к предвзятости в выборе и определении проблем научных исследований, а также к неравноправию в организации экспериментов и интерпретации их результатов. Задача данной критики – обнаружить андроцентрическую предвзятость не только в организации науки, но и в самой идеологии науки, подвергая сомнению базовые понятия объективности и рациональности, которые лежат в основе научной деятельности [8, p. 590–591]. Подобного рода радикальные шаги необходимы по двум причинам. Во-первых, восстановив позиции женщин как действующих и познающих субъектов, необходимо изучить проявления патриархатной предвзятости на глубинных уровнях социальной структуры, которые зачастую ограничивают научную деятельность женщин. Во-вторых, феминистская критика смогла затронуть основания научного мышления. До этого считалось, что развитие научной мысли детерминировано исключительно ее же собственной логикой и эмпирикой. В такой системе знания нет места для авторства, будь то мужчина или женщина. Идея о различиях миропонимания мужчин и женщин рас-

сма тривалась как дополнительный повод исключения женщин из науки [8, р. 592–593].

Следует отметить, что так называемые «научно обосновываемые» предрассудки, касающиеся природы половых различий, имеют важное социальное значение, так как затрагивают саму науку. Научная лаборатория – это своеобразная модель рынка труда, на котором действуют принципы сегрегации: одни условия – для мужчин, другие – для женщин. В то же время в ней сохраняются черты «традиционного», или «патриархального», способа организации труда, что определяет дуализм эпистемологического анализа, относящегося к роли женщин в научно-исследовательской работе [6, с. 23]. Поэтому одним из элементов программы феминизма относительно науки является формальное, а не фактическое, равенство женщин, занятых научным трудом, ликвидация в духовной атмосфере науки вредных маскулинных предрассудков. Феминистские исследования за последние десятилетия показали социальную и культурную значимость взаимоотношения между принадлежностью к полу и занятием наукой. Они обеспечивают иной взгляд на положение женщин в науке.

Основополагающее исследование по проблемам положения женщин в университетах и исследовательских центрах США принадлежит социологу и почетному профессору Пенсильванского университета Дж. Бернارد («Женщины в академической науке», 1964 г.). Работа А. Симеон «Женщины в академической науке: деятельность во имя достижения равенства» основывается на методологии Дж. Бернард и подводит итог исследованиям роли женщин в научном мире США до середины 60-х годов XX в. В данной монографии рассматриваются показатели формального статуса женщины в науке, а также факторы, влияющие на выбор женщинами научной карьеры. Дается анализ профессорско-преподавательского состава и разного положения в нем мужчин и женщин, исследуются неформальные связи в академической среде и роль женщины как коллеги и руководителя, влияние семейной жизни женщины на ее академическую карьеру. Автор выделяет следующие факторы, которые определяют выбор женщиной научной деятельности: стремление к самоутверждению, финансовую сторону и любовь к избранной отрасли науки. Внимание акцентируется на роли неформальных связей при продвижении женщин по служебной лестнице, получении различных льгот и вознаграждений в научной сфере. Основываясь на результатах социологических исследований, А. Симеон заключает, что неформальные связи между мужчинами, которые окончили одни и те же колледжи и университеты, намного прочнее, нежели связи их коллег женского пола. Основанием данных связей выступает не только общность научных интересов, но также совместно проведенный досуг. По мнению автора, все это создает фундамент для взаимной поддержки при публикациях, продвижении по карьерной лестнице. При анализе семейного и материального положения женщин-ученых отмечается, что замужество и особенно рождение ребенка негативно сказываются на их научном росте, соответственно и материальном положении. Многие женщины вынуж-

ждены считаться с тем фактом, что получение ими более высокой научной степени, чем у супруга-ученого, часто отрицательно сказывается на взаимоотношениях в семье [5]. Анализируя результаты проведенных социологических исследований в США, А. Симеон делает вывод о том, что в традиционно «мужских» отраслях науки к научной работе женщин предъявляются более строгие требования.

Одна из представительниц феминистской теории американский философ С. Хардинг в своей работе «Вопрос науки в феминизме» (“The Science Question in Feminism”, 1986) фокусирует внимание на социально-культурной детерминированности науки, в первую очередь, на фундаментальности гендера как категории, посредством которой значения и ценности приписываются всем социальным отношениям. По мнению автора, в гендерное конструирование науки включены три элемента: 1) гендерный символизм как результат приписывания метафор, наделенных сексуализированными значениями, различным социальным явлениям; 2) гендерная структура, которая выступает как организация социальной активности в соответствии с гендерными различиями (например, гендерное разделение труда); 3) индивидуальный гендер – форма социально сконструированной индивидуальной идентичности. Данные элементы рассматриваются во взаимосвязи друг с другом, открывая различные перспективы гендерного анализа науки. Иллюстрирует взаимосвязь этих элементов анализ исследований, объясняющих низкую представленность женщин в научных сообществах механизмами женской гендерной социализации. В подобных исследованиях анализируются характеристики женской идентичности и женственного поведения, которые создают барьеры для включения женщин в научную деятельность. Примерами таких барьеров могут служить слабая мотивация к занятиям наукой и неразвитость необходимых для научной работы навыков [7; 1, с. 26]. На основании данных исследования для улучшения положения женщин в науке рекомендуется изменение мотивации, что в свою очередь приведет к смене «женской» идентичности и поведения на «мужские» эквиваленты. Таким образом, если принять к рассмотрению факт того, что обуславливают низкую представленность женщин в науке гендерное разделение труда в обществе и гендерный символизм, то объяснение данной ситуации будет более глубоким [1, с. 26].

В работе американской экофеминистки, философа и историка науки К. Мёрчант «Смерть природы. Женщины, экология и научная революция» (1980) анализируются символические связи между категориями «наука» и «маскулинность», «природа» и «женственность», которые рассматриваются как социальные конструкты. Опираясь на ценности и нормы общества, в котором люди социализировались, они создают свои представления о природе и науке, феминности и маскулинности. По мнению автора, социальная роль женщины оценивается ниже, чем социальная роль мужчины. Это объясняется предписанными этой роли функциями рождения и вскармливания детей, которые символически сближают женщину со свойствами природы. При этом «совре-

менная наука воспроизводится как маскулинная, реализуя проект доминирования как над природой, так и над женщиной» [4, с. 760].

Значительный вклад в развитие феминистских исследований науки внесла физик, доктор философии Э. Ф. Келлер, исследования которой сфокусированы на истории и философии современной биологии, гендере и науке. Причину различных представлений о роли мужчины и женщины в науке исследователь видит в процессе формирования гендерной идентичности и создания представлений о маскулинности и феминности. По мнению автора, «отношения между гендером и наукой – это сложный вопрос не только потому, что женщины исторически были исключены из науки, но из-за глубокого взаимопроникновения между нашим культурным конструированием гендера и нашим пониманием науки» [9, р. 279]. С формированием идентичности в семье индивид усваивает комплекс социальных ценностей и норм. Современное общество и семья транслируют социальный порядок, в котором объективность и рациональность отождествляются с маскулинностью, а субъективность и эмоциональность – с феминностью.

В книге Э. Ф. Келлер «Размышления о гендере и науке» (“Reflections on Gender and Science”, 1985) внимание фокусируется не на культурных препятствиях, с которыми сталкиваются женщины в науке, а скорее на роли, которую сыграли гендерные стереотипы в развитии науки. Исключение ценностей, которые культурно отнесены к женской сфере, привело к массовой маскулинизации науки. В свою очередь, маскулинизация науки рассматривается как непреднамеренный союз научных ценностей и идеалов маскулинности, который вреден не только для женщин-ученых, но и для всех ученых и для самой науки в целом [10]. Гендерные стереотипы, в частности, традиционное определение науки как маскулинной, способствовали исключению женщин из науки. Наглядным примером, который подтверждает дискриминационное гендерное различие в науке, является пример Б. Макклиток. В 1983 г. американский генетик высших растений получила Нобелевскую премию за открытие подвижных элементов в молекуле ДНК, однако само открытие ею было сделано на тридцать лет раньше. Открытие не получило своевременного признания по причине того, что логика исследований противоречила конвенциональному подходу. Недооценку важности открытия Б. Макклиток можно объяснить влиянием гендерных различий на способы научного познания. Ученый утверждает, показав на биографическом примере, то, что наука, которую делают женщины, отличается от мужской науки, значимость гендерного измерения в социальных исследованиях науки. Повлиять на данную ситуацию можно через изменение ценностей, отражающих совокупность представлений о науке и гендере в обществе. Однако изменить ценности, которые традиционно укоренились в сознании, трудно, и данный процесс потребует длительного времени [11]. На основании анализа научной деятельности Б. Макклиток Э. Ф. Келлер доказывает, что существует разумная причина убедить ученых и общество в целом, что образ ученого должен нести гендерно нейтральные черты.

Интерес Ш. Травик как культурного антрополога заключается в стремлении понять культуру научного сообщества, в частности, гендерные различия в науке. Описывая атрибуты «мужской» культуры научного сообщества, исследователь пытается прояснить повседневные практики в лаборатории, где находят выражение гендерные различия. В работе «Ритм ускорителя и ритм жизни: мир физиков высоких энергий» (“Beamtimes and Lifetimes: The World of High Energy Physics”, 1988) автор анализирует гендер как один из элементов культуры научного сообщества. Это образец анализа науки с позиции социального конструктивизма, раскрывающего гендерную детерминированность социальных и материальных практик ученых и научных сообществ. Основное положение исследований Ш. Травик – гендер как ресурс научного производства сфокусирован на гендерных атрибутах культуры современных научных сообществ физиков, инкорпорированных в их социальную структуру и повседневные практики [14; 1].

Таким образом, обобщив взгляды представителей феминистского подхода на положение женщины в науке, можно сделать следующие основные выводы.

Во-первых, выделяют четыре основных направления, представители которых по-своему стремятся определить роли женщин в производстве научного знания. К первому направлению относятся работы, которые анализируют реальный вклад женщин в развитие науки, показывают, что научные достижения женщин преуменьшены, а имена многих женщин незаслуженно забыты историками науки. Второе направление дополняет первое и рассматривает историю участия женщин в научных институтах, а также их статус в качестве профессиональных ученых. Третье направление связано с изучением биологических и психологических особенностей женщин, с выявлением социокультурных факторов, определяющих маргинальное положение женщин в науке. Четвертое направление более радикальное: анализирует саму природу науки, те искажения в нормах и методах научного исследования, которые явились результатом практического неучастия женщин в становлении науки.

Во-вторых, основополагающий постулат феминистской методологии, который можно применить к исследованию положения женщин в профессиональной научной деятельности, заключается в том, что наука предстает как маскулинизированная сфера, где доминирует «мужская» система ценностей, «мужские» установки и идеалы, где долгое время способности, мнения и ценностные ориентации женщин игнорировались. Наиболее важным результатом феминистских и гендерных исследований науки является раскрытие многообразных стратегий, которые способствуют воспроизводству маскулинных паттернов в науке.

В-третьих, гендерная асимметрия в структуре научных кадров рассматривается как процесс уменьшения количества женщин с повышением уровня профессионально-должностной иерархии. Асимметрия в науке сохраняется не в результате того, что женщины могут подвергаться различным формам дискриминации в процессе карьерного продвижения, и как результат – в наименьшей степени представлены в высших квалификационных и административных эшелонах науки. Подобное состояние сохраняется в силу того, что

в самом научном сообществе устойчиво воспроизводятся представления, символы и мифы, маркирующие женщину в науке как «другого».

В-четвертых, научное познание, опираясь на феминистскую эпистемологическую позицию, которая рассматривает гендерные различия в подходах к знанию, выходит на принципиально новую позицию в изучении науки, проблематизируя гендерные отношения и положение женщины в научной сфере. Методология феминистских исследований ориентирована на личную включенность познающего субъекта в исследовательский процесс (традиция качественной методологии). Это способствует упразднению между познающим и познаваемым отношений иерархии и нивелированию эффекта навязывания исследователем своей позиции и повышает роль исследуемых в процессе производства знания. Тем самым позволяет осуществить анализ жизненного опыта женщины-исследователя, феноменов ее самопрезентации и культурной самоидентификации.

Список использованных источников

1. *Ведерникова, Е.* Феминистские исследования науки: позиции и аргументы / Е. Ведерникова // Гендерное устройство: социальные институты и практики : сб. ст. / под ред. Ж. В. Черновой. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2005. – С. 23–40.
2. *Досина, Н. В.* Гендерные исследования в социологии : учеб. пособие / Н. В. Досина; Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2010. – 148 с.
3. Женщины в науке : реф. сб. / сост. Т. В. Виноградова, Т. П. Иванова. – М. : ИНИОН, 1989. – 176 с.
4. *Мёрчант, К.* Смерть природы. Женщина, экология и научная революция / К. Мёрчант // Введение в гендерные исследования. – Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетей, 2001. – Ч. II : Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. – С. 759–774.
5. *Симеон, А.* Женщины в академической науке: деятельность во имя достижения равенства / А. Симеон // Социально-политическое положение женщин в США : реф. сб. / сост. М. В. Кордобовская. – М. : ИНИОН, 1990. – С. 85–93.
6. Феминизм: перспективы социального знания : [сб.] / сост. Э. П. Васильева. – М. : ИНИО, 1992. – 242 с.
7. *Harding, S.* The Science Question in Feminism / S. Harding. – Cornell Univ. Press. – 1986. – 263 p.
8. *Keller, E. F.* Feminism and science / E. F. Keller // Signs: J. of Women in Culture and Society. – 1982. – № 7 (3). – P. 589–602.
9. *Keller, E. F.* On the need to count past two in our thinking about gender and science / E. F. Keller // New ideas in psychology. – 1987. – Vol. 5, iss. 2. – P. 275–287.
10. *Keller, E. F.* Reflections on Gender and Science / E. F. Keller. – New Haven : Yale Univ. Press, 1985. – 193 p.
11. *Keller, E. F.* Women in Science: An Analysis of a Social Problem / E. F. Keller // Harvard Magazine. – 1974. – № 2. – P. 14–19.
12. *Malcolm, S. M.* The Double Bind: The Price of Being a Minority Woman in Science / S. M. Malcolm, P. Q. Hall, J. W. Brown. – Washington, DC : American Association for the Advancement of Science, 1976. – 79 p.
13. *Rossiter, M. W.* Women's Work in Science, 1880–1910 / M. W. Rossiter // Isis. – 1980. – Vol. 71, iss. 3. – P. 381–398.
14. *Traweek, S.* Beamtimes and Lifetimes: The World of High Energy Physicists / S. Traweek. – Harvard Univ. Press, 1988. – 187 p.

Поступила 15.10.2018 г.

УДК 316.334.2

Д. О. УРБАН,

*магистр социологических наук,
Исследовательский центр ИПМ, г. Минск, e-mail: urban@research.by*

СОСТОЯНИЕ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА НАСЕЛЕНИЯ И ЭКСПЕРТОВ

В статье представлены результаты исследования, направленного на выявление проблем и слабых мест современной системы среднего образования. Произведен анализ использования услуг репетиторов в различные периоды получения среднего образования. Выявлена степень вовлеченности родителей учеников в образовательные процессы. Составлена общая картина успеваемости респондентов, а также произведен анализ их отношения к системе оценивания знаний.

Ключевые слова: образование, среднее образование, выпускники школ, преподаватели.

D. O. URBAN,

Master of Sociology, IPM Research Center, Minsk, e-mail: urban@research.by

STATE OF SECONDARY EDUCATION IN BELARUS: RESULTS OF REPUBLICAN RESEARCH AND INTERVIEWS WITH EXPERTS

The article presents the results of a study aimed at identifying the problems and weaknesses of the modern system of secondary education. The analysis of the use of tutor services in different periods of secondary education was analysed. The degree of involvement of parents of students in educational processes was revealed. The overall picture of the performance of respondents was compiled, and their relationship to the knowledge assessment system was analyzed.

Keywords: education, secondary education, school graduates, teachers.

Традиционно среднее образование во многих странах является одним из наиболее обсуждаемых вопросов, как среди экспертов, так и в обществе в целом. Эта сфера общественной жизни, так или иначе, затрагивает интересы большинства людей и в настоящий момент является одной из наиболее актуальных тем для широкого обсуждения. Во многих странах постоянно ведется диалог о необходимости модернизации системы среднего образования, которая во многом продиктована стремительными изменениями экономических потребностей в мире, изменением способов работы с информацией и огромными темпами наращивания ее объемов, а также устареванием традиционных источников получения знаний, их форм и подходов к обучению. Меняется и ценность образования как такового. Если раньше хорошее образование давало некоторые гарантии трудоустройства, то в настоящее время ситуация изменилась.

В Беларуси постоянно проводятся изменения в сфере среднего образования. Они могут иметь как «косметический» характер, так и быть более основательными, однако общая концепция остается прежней. Образовательные программы обновляются лишь незначительно, а скорость их актуализации иногда не соответствует требованиям времени и не решает проблемы. То же можно сказать и о подходах к преподаванию и других аспектах системы среднего образования.

В то же время развитая система образования является обязательным и необходимым условием для устойчивого развития общества. Высокое качество школьного образования обеспечивает формирование не только и не столько профессиональных качеств, необходимых для работы, сколько закладывает навыки обучения и в значительной степени оказывает влияние на формирование общего мировоззрения населения. Сейчас становится понятным, что с той скоростью развития информационных технологий, которую мы можем наблюдать уже сегодня и которая с каждым годом лишь растет, необходимо практически полное изменение подходов к образованию.

Актуализация программ и подходов к обучению являются не единственными востребованными изменениями в сфере среднего образования. Существуют проблемы, с которыми сталкиваются учителя в своей практике. Здесь в первую очередь речь идет о тех аспектах работы преподавателей, которые не связаны напрямую с их основной деятельностью или сопряжены с бюрократическими процедурами. Кроме того, учебный процесс складывается не только из трансляции знаний от учителя к ученику и их контроля, но и из отношений между людьми. Здесь появляется третья сторона в лице семей учеников. Эти отношения также требуют изучения, поскольку они во многом оказывают влияние на уровень и ценность образования [1–8].

Исследование особенностей системы среднего образования проводилось Исследовательским центром ИПМ в марте–августе 2017 г. Основной целью исследования было выявление основных проблем, существующих в системе среднего образования в Беларуси. Поскольку эта система является сложной и включает в себя множество взаимосвязанных элементов, методология изучения этой сферы предполагает комплексный подход. В связи с этим было решено проводить исследование с использованием методологической триангуляции для достижения максимального качества информации, а также рассмотрения проблем с различных точек зрения.

Для детального изучения вопроса необходимо было проведение всеобъемлющего исследования со значительным количеством респондентов. В качестве экспертов к исследованию были привлечены 18 человек, среди которых: учителя городских и сельских общеобразовательных школ, лицеев и гимназий, а также преподаватели высших учебных заведений. Несколько интервью с экспертами проводились не только до, но и после проведения анкетного опроса. Это было сделано для уточнения и интерпретации полученных данных. Результаты, полученные в ходе интервью, были использованы не только для финальной аналитики и написания отчета об исследовании, но и для со-

ставления инструментария для проведения анкетного опроса населения. Анкетный опрос был призван расширить фокус исследования в целом и рассмотреть проблемы школьного образования с точки зрения непосредственных участников этого процесса. Данные анкетного опроса были использованы для проведения количественного анализа.

В целях исследования был проведен расчет репрезентативной случайной выборочной совокупности, структурированной по критериям пола, области и размера населенного пункта проживания респондентов и учреждения образования, которое они окончили в прошедшем году. Объем достигнутой выборочной совокупности составил 1000 единиц.

Учебная нагрузка нормируется постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 27 декабря 2012 г. № 206 «Об утверждении санитарных норм и правил “Требования для учреждений общего среднего образования” и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства здравоохранения Республики Беларусь и их отдельных структурных элементов». В этом документе уровень сложности учебных предметов оценивается по шкале от 1 до 12, где 1 – наименьшая сложность, а 12 – наибольшая. Сложность большинства предметов респондентами оценивается значительно ниже, чем Министерством здравоохранения (рис. 1). Для предметов характерно различие в оценках их сложности в зависимости от успеваемости – чем

Рис. 1. Оценки сложности учебных предметов

ниже средний балл, тем выше оценка сложности предмета. В целом девушки оценивают сложность учебных предметов выше, чем юноши.

Значительная роль в оценке учебной нагрузки принадлежит тому, как респонденты оценивают субъективную важность каждой дисциплины. Практически для всех учебных предметов средние оценки их важности превышают 6 баллов из 12. Наиболее важными предметами респонденты считают иностранный и русский языки, математику, медицинскую подготовку и информатику. Важность всех предметов, для которых характерно наличие статистически значимых различий в средних баллах по признаку пола, выше оценивается девушками, чем юношами. Кроме того, исследование показало, что респонденты в целом имеют достаточно высокий уровень заинтересованности в предметах – практически все средние оценки превышают 6 из 12 баллов. Как и в двух предыдущих случаях, существуют статистически значимые различия в предпочитаемых предметах в зависимости от пола респондента – уровень заинтересованности девушек в целом выше, чем у юношей.

Существует статистически значимая связь между сложностью, важностью и заинтересованностью в учебных предметах и средним баллом респондентов. Важность предметов оценивается практически одинаково по всем группам, и, хотя для этой переменной существуют статистически значимые различия, их значимость ниже, чем в остальных случаях. Если говорить об абсолютных показателях учебной нагрузки, то большинство респондентов считают текущую продолжительность уроков и перемен оптимальными. При этом с повышением среднего балла повышается и частота оценок учебной нагрузки как недостаточной. Большая часть респондентов отводят на выполнение домашних заданий от часа до двух, а респонденты с низкими оценками тратят на выполнение домашних заданий значительно меньше времени, чем остальные.

Еще одним важным индикатором качества образования является необходимость и частота использования услуг репетиторов. Так 32,3 % респондентов дополнительно занимались с репетиторами во время обучения. При этом стоит обратить внимание на то, как участники опроса оценивают достаточность школьных знаний для поступления в вуз – по данному вопросу мнения разделились примерно пополам. Хуже всех достаточность знаний оценивают выпускники гимназий – среди них общий процент недовольных составляет 62 %. Значительно лучше оценивают достаточность знаний выпускники лицеев и колледжей. С повышением балла растет количество тех, кто считает школьные знания недостаточными для поступления в вуз/суз и наоборот. Значительные различия в использовании услуг репетиторов наблюдаются в зависимости от пола респондентов: к услугам репетиторов прибегали 25,7 % юношей против 40,5 % девушек. Кроме того, чаще всего к услугам репетиторов прибегают учащиеся гимназий. А также доля тех, кто занимался с репетитором, существенно возрастает вместе со средним баллом. Услугами репетиторов пользуются люди всех категорий доходов – респонденты из наименее обеспеченных семей практически также часто использовали услуги репети-

торов, как респонденты из семей, где хватает денег на еду и товары первой необходимости.

Основной причиной использования услуг репетиторов является необходимость продолжения образования. Причины использования услуг репетиторов варьируются в зависимости от среднего балла респондентов (рис. 2) – непонимание в качестве причины работы с репетитором чаще всего указывают те, у кого средний балл ниже, а недостаток знаний и желание знать предмет лучше – те, у кого высокий средний балл.

Опрос был направлен в том числе и на определение степени участия родителей в учебной деятельности. Большинство респондентов считают, что родители должны помогать с выполнением домашних заданий, если дети их об этом попросят. При этом в большинстве случаев родители нечасто помогают детям с выполнением домашних заданий. Кроме того, более чем у половины респондентов родители проверяли домашние задания редко или очень редко. Несмотря на умеренную степень вовлеченности родителей в образовательные процессы, конфликты с родителями из-за оценок возникали у 72 % респондентов, и в то же время не наблюдается различий в частоте конфликтов в зависимости от среднего балла. Однако ни контроль, ни наказания не оказывают статистически значимого влияния на успеваемость. Большинство экспертов сходятся во мнении, что родители должны принимать участие в процессе образования детей, но не в качестве контролирующего или карательного органа – и контролем, и санкциями сейчас занимается и школа, но в качестве помощников в случае необходимости, а также в качестве вдохновителей.

Эксперты, принимавшие участие в опросе, практически единодушно сошлись на мнении, что нынешняя система оценок в Беларуси требует некоторого пересмотра. В качестве основной проблемы, которая возникает в связи с оценками, учителя назвали требование постоянного повышения среднего балла по классам и школе в целом. Кроме того, многие эксперты считают, что

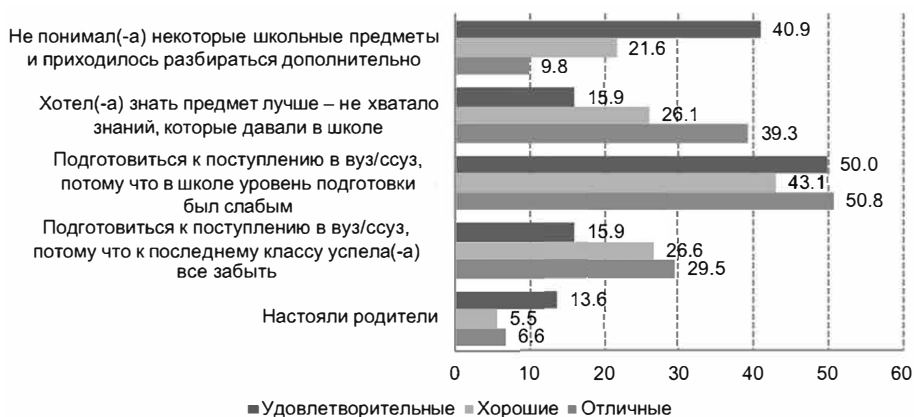

Рис. 2. Причины использования услуг репетиторов в зависимости от среднего балла, %

часто оценки воспринимаются не как объективный инструмент, помогающий определить уровень знаний, а как карательный или поощрительный инструмент.

В качестве одного из важнейших критериев сравнения и анализа был выбран средний балл учащихся и выпускников средних учебных заведений. В целом средние баллы распределились согласно законам нормального распределения. Для девочек характерна в целом более высокая успеваемость, чем для мальчиков. Статистически значимые различия в успеваемости наблюдаются и в зависимости от типа населенного пункта, где респондент получал среднее образование. Самые заметные различия по этому критерию характерны для хороших оценок – разница между долями этих групп в селе и городе составляет 10,4 п. п. За счет этого увеличивается разница между группами с отличными и удовлетворительными оценками. Существенные отличия в успеваемости наблюдаются в зависимости от уровня дохода семьи респондента. В семьях с высоким доходом больше всего отличников, и наоборот – в семьях с низким доходом больше всего учеников с неудовлетворительными оценками. Наибольшее количество отличников учится в гимназиях, учеников с неудовлетворительными оценками там нет вообще.

Почти половина опрошенных считают, что оценки показывают, насколько хорошо они справляются с работой, и несколько меньшее количество соотносят их с показателем уровня знаний, то есть причисляют их к объективным показателям. Для 13 % респондентов оценки не значат ничего. Считают оценки объективными показателями в основном те, у кого высокий средний балл. Никакого значения оценки не имеют в основном для тех, у кого средний балл попадает в группу неудовлетворительных. В случае с отношением к оценкам как к показателю уровня знаний существуют еще и статистически значимые гендерные различия. Такой вариант ответа выбирают 45,3 % девушек и 36,5 % юношей.

Большинство респондентов считают оценки скорее важными или очень важными. При этом хорошие оценки значительно важнее для девушек, чем для юношей. Различия в зависимости от типа населенного пункта также являются статистически значимыми – в целом получение хороших оценок важно для 71,4 % жителей села и 64,9 % жителей городов. Количество тех, кто полагает, что от хороших оценок зависит их будущее, увеличивается вместе с ростом успеваемости (рис. 3).

Более половины респондентов считают, что больше всего на оценки влияет постоянная работа с учебными материалами в школе и дома. Важно отметить, что 23,5 % респондентов выбирают «постоянную работу над учебными материалами» и «умение запоминать большие объемы информации» одновременно, что позволяет предположить, что для них эти действия синонимичны, и работа над учебным материалом заключается в том числе в запоминании больших объемов информации. Статистически значимые различия в оценке факторов, влияющих на отметки, наблюдаются в зависимости от типа учеб-

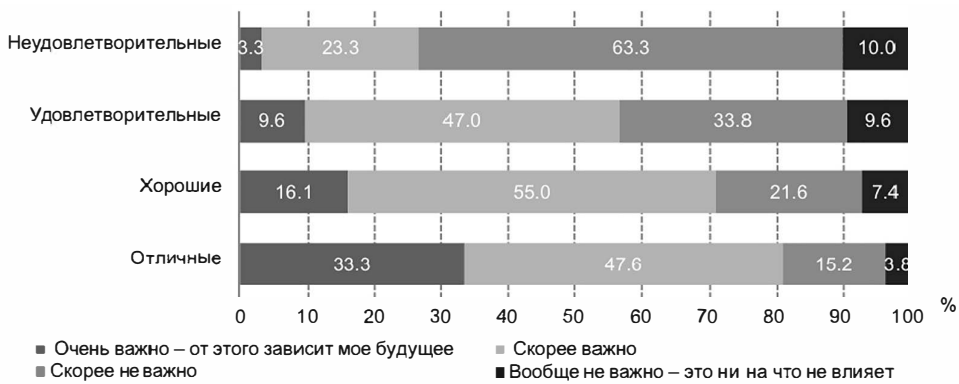

Рис. 3. Важность получения хороших оценок в зависимости от успеваемости, %

ного заведения. Чаще всех умение запоминать большие объемы информации в качестве фактора, влияющего на оценки, как и постоянную работу над учебными материалами, выбирают учащиеся лицеев, за ними – учащиеся гимназий. Умение списывать как фактор формирования оценок наиболее популярно среди гимназистов и учащихся общеобразовательных школ. Наибольшее число респондентов считает, что оценивать нужно виды работ, связанные с уже пройденным материалом.

Учителя средних и высших учебных заведений в основном полагают, что ценность среднего образования в Беларуси в настоящее время относительно невысока. При этом большинство респондентов считают, что нынешняя школьная программа соответствует требованиям времени. Однако практическая значимость учебных предметов в основном оценивается очень низко – только один предмет пригодился более, чем половине участников опроса, – это русский язык. В то же время все предметы, по мнению респондентов, нуждаются в изменениях.

Основной функцией среднего образования респонденты считают передачу знаний. Остальные пункты выбирают значительно реже, что, согласно мнению учителей, несколько противоречит действительному предназначению школы. Наибольшее количество респондентов считают среднее образование возможностью для получения нужных знаний и навыков. С другой стороны, более трети опрошенных называют образование необходимостью для поступления в вуз. Значительная разница в ответах о том, чем является школьное образование, характерна для жителей населенных пунктов различных типов, семей с различным доходом, учащихся разных типов учебных заведений и учеников с разным уровнем успеваемости. Сельские жители видят в получении среднего образования скорее *необходимость* для поступления в вуз и получения навыков, в то время как городские жители в основном рассматривают его как *возможность* для получения нужных знаний и навыков. Самая значительная доля тех, кто рассматривает образование как основу личностного развития, находится в группе респондентов из наименее обеспеченных семей. Также

можно заметить рост частоты выбора варианта ответа «необходимость для поступления в вуз и получения специальности» с ростом доходов семьи.

В ходе опроса экспертов были выявлены некоторые особенности организации учебного процесса, которые могут оказывать негативное влияние как на работу учителей, так и на работу учеников, и сказываться, например, на успеваемости. Наиболее популярной проблемой для респондентов является обязательное посещение мероприятий, не связанных с учебой. С этой проблемой в селе сталкиваются чаще, чем в городе. Еще одной проблемой является несправедливое выставление оценок. С этим девочки сталкиваются чаще мальчиков, и чаще всего эта проблема характерна для учеников гимназий, а реже всех – учеников лицеев. Кроме того, достаточно актуальной является предвзятость учителей, которая наиболее широко распространена в гимназиях. Со страхом перед учителем как с проблемой девушки сталкиваются чаще юношей. Половина респондентов с неудовлетворительными оценками никогда не испытывали страха перед учителем (рис. 4).

Одним из индикаторов уровня мотивации к учебе может быть частота пропусков школьных занятий без уважительной причины. В целом частота пропусков занятий среди респондентов невысока. Более половины респондентов пропускали занятия редко или очень редко, а 12,7 % не пропускали их никогда. Мальчики пропускают учебные занятия без уважительной причины чаще, чем девочки.

Важную роль в образовательном процессе играет дополнительная активность. Наиболее востребованными для учеников являются естественнонаучные факультативы, факультативы по иностранным языкам, по физической

Рис. 4. Как часто респонденты сталкиваются в школе с проблемами, %

культуре, а также литературные и лингвистические факультативы. Важнее всего обратить внимание на те факультативы, по которым потребность превышает предложение: факультативы по иностранным языкам, информационным технологиям, медицинские и военно-патриотические. Кроме того, в городах значительно выше потребность в естественнонаучных и лингвистических факультативах, а в сельской местности – в театральных и эстрадных, медицинских и военно-патриотических.

Важным фактором не только для эффективной учебы, но и для формирования и развития личностных качеств является наличие школьного самоуправления. Необходимость создания ученического самоуправления видят 38,4 % опрошенных. Основными функциями самоуправления, по мнению респондентов, являются коммуникация между учениками и учителями, а также решение спорных случаев.

Стоит также обратить внимание на то, существуют ли различия между типами учебных заведений в восприятии респондентов. Почти половина опрошенных считают, что уровень подготовки в гимназиях и лицеях выше, чем в обычных школах. Почти треть респондентов полагают, что подготовка в городских школах лучше, чем в сельских. Большинство опрошенных оценивают условия поступления в вузы для выпускников гимназий, лицеев и школ как неравные. И при этом большинство респондентов не считают, что учителя в гимназиях и лицеях лучше, чем в обычных школах.

Очень важной составляющей исследования являлся анализ установок, связанных с поведением на рынке труда, которыми руководствуются участники опроса. Наиболее популярными специальностями (рис. 5) среди респондентов являются: коммуникации, право, экономика, управление, экономика и организация производства, а также техника и технологии. Наиболее востребованными, по мнению респондентов, считаются информационные технологии, здравоохранение и общественное питание, бытовое обслуживание. При этом в большинстве случаев решение о выборе специальности респонденты принимали самостоятельно. Респонденты с высоким средним баллом склонны менее полагаться на чужое мнение.

Одним из индикаторов доверия к специальности и ее востребованности является намерение респондентов работать в ней в будущем. Половина участников опроса планируют работать по специальности. И в то же время практически четверть респондентов считают, что о будущей работе думать пока рано. Здесь заметны и гендерные различия – девушки выбирают менее рискованный путь, чем юноши, и в большинстве своем планируют работать по специальности или по смежной специальности. Больше всего тех, кто планирует работать по специальности, среди отличников, у них же самый низкий уровень безразличия к будущему трудоустройству.

Существенным фактором поведения на рынке труда является мотивация, которой руководствуются респонденты при выборе работы. Основным требо-

Рис. 5. Востребованность специальностей, %

ванием, предъявляемым к работе, для них является высокая оплата труда. С ростом успеваемости снижается значимость этого критерия в основном в пользу интересной работы.

Более половины опрошенных на момент проведения опроса уже имели опыт работы. В основном это нерегулярные подработки в прошлом. Постоянную работу имеют 15,9 % ответивших. При этом чем выше средний балл респондентов, тем меньшая их доля имела опыт работы. Мальчики имеют больше опыта работы, чем девочки. Если говорить об инициативности выпускников средних учебных заведений в плане бизнеса, то ее можно оценить как высокую – 61,5 % респондентов хотели бы открыть собственное дело.

Важным показателем при анализе рынка труда являются миграционные установки потенциальной рабочей силы. Только 16 % респондентов не станут работать за рубежом ни при каких обстоятельствах, и почти половина опрошенных готова уехать работать за границу при более выгодных условиях, и почти пятая часть уедет работать за границу при первой возможности. Стоит обратить внимание, что установки на миграцию выше среди отличников по сравнению с остальными группами по успеваемости (рис. 6) (то есть белорусский рынок труда недостаточно привлекателен для самых важных и успешных категорий выпускников средних учебных заведений), и среди жителей городов по сравнению с жителями сельской местности.

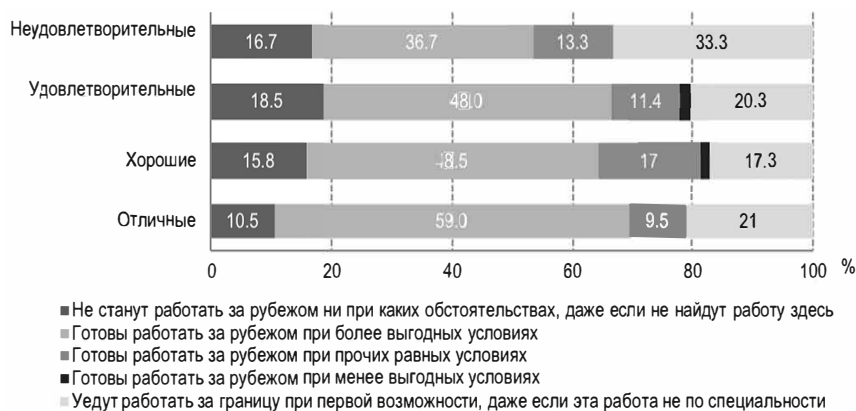

Рис. 6. Намерение уехать за границу в зависимости от успеваемости, %

В настоящее время для многих работодателей очень важным требованием при приеме на работу является уровень владения иностранными языками. Большинство респондентов владеют иностранным языком на базовом или элементарном уровне. Существуют гендерные различия в уровне владения языками, а также различия в зависимости от типа учебного заведения. Иностранскими языками не владеют 24,3 % юношей и 16,2 % девушек. Высокий уровень владения языком отмечают 7,4 % девочек и 4,3 % мальчиков. Наиболее высокий уровень владения иностранными языками демонстрируют учащиеся гимназий и лицеев. Самый низкий уровень – у учеников общеобразовательных школ.

Система среднего образования является одним из важнейших источников формирования кадрового, культурного и социального потенциала развития общества. Фактически это первая ступень приобретения знаний и навыков очень широкого спектра детьми, чьи родители доверили эту задачу институтам среднего образования. Качественное среднее образование обеспечивает высокий уровень развития науки, культуры, экономики и других сфер жизни страны в будущем. Поскольку среднее образование в долгосрочной перспективе оказывает влияние на все аспекты функционирования как отдельных личностей, так и общества в целом, то и предъявляемые к нему требования должны быть очень высоки.

Список использованных источников

1. Балабанова, Е. С. О комплексном характере социологических исследований / Е. С. Балабанова // Социол. исслед. – 2002. – № 10. – С. 11–16.
2. Белановский, С. А. Свободное интервью как метод социологического исследования / С. А. Белановский // Социология: методология, методы, математические модели. – 1991. – № 2. – С. 5–19.
3. Демин, А. Н. О совмещении количественного и качественного подходов в исследовательском цикле / А. Н. Демин // Социология: методология, методы, математические модели. – 1999. – № 11. – С. 5–26.

4. Журавлев, В. Ф. Анализ коммуникаций в качественном интервью / В. Ф. Журавлев // СОЦИОЛОГИЯ: 4М. – 1996. – № 7. – С. 82–102.
5. Количественный и качественный анализ: органическое единство или автономия / О. Б. Божков [и др.] // Социол. исслед. – 2004. – № 9. – С. 3–15.
6. Кузьменко, Т. В. Методологические основы комбинированного социологического исследования / Т. В. Кузьменко // Гуманит.-экон. вестн. – 2004. – № 3. – С. 82–87.
7. Cook, T. D. Qualitative and quantitative methods in evaluation research / T. D. Cook, C. S. Reichardt. – Pennsylvania : Sage Publications, 1979. – 160 p.
8. Creswell, J. W. Designing and conducting mixed methods research / J. W. Creswell, V. L. Plano Clark. – 2nd ed. – Thousand Oaks, CA : Sage, 2011. – 457 p.

Поступила 12.10.2018 г.

В ПАМЯТЬ
О СОКОЛОВОЙ ГАЛИНЕ НИКОЛАЕВНЕ
(19.07.1935–25.09.2018)

СОВЕРШАТЕЛЬНИЦА ОТКРЫТИЙ

*Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.
До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.
Все время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать,
любить,
Свершать открытья...*

Это любимое стихотворение Галины Николаевны Соколовой из наследия Бориса Пастернака. И не случайно. Все слова – о ней – женщине, сумевшей максимально себя реализовать... Как жена, как мама и как профессионал своего дела. О последней составляющей ее личности – особая речь. Галине Николаевне удалось, в лучших мировых научных традициях, удивительно органично сочетать роли глубокого исследователя-социолога и талантливого преподавателя. Она всю свою жизнь совершенно самоотверженно и с полной самоотдачей работала «на два фронта» – академический и университетский. Результаты международных научных проектов (с Великобританией, Германией, Польшей, Россией и т. д.), которыми руководила Галина Николаевна с белорусской стороны, не утрачивают своей актуальности и сегодня являются основаниями для составления перспективных программ социологических исследований по широкому спектру социально-экономических вопросов. Доводилось слышать из уст коллег Галины Николаевны фразы типа: «Везет же ей с учениками!...» На самом деле это было не везение, а результат каждодневного неустанныго и кропотливого труда.

Очень сложно было в самом начале 1990-х годов создавать экономическую социологию как науку и одновременно как учебную дисциплину. Но, обладая унаследованной от родителей стойкостью характера, Галина Николаевна восприняла это как задачу или даже как вызов. Сознание ученого трудилось

дни и ночи. Часами не смолкала любимая печатная машинка Галины Николаевны. Распорядок дня – как у барона Мюнхаузена – на сегодня запланирован подвиг! Это значит – новое открытие на заданную тему. А назавтра, согласно классическим принципам «наукостроения» Эмиля Дюркгейма, вместе со своим открытием – на кафедру социологии Белорусского государственного университета, к любимым студентам. Нужно немедленно поделиться результатами, апробировать выводы, отточить формулировки. А затем – к следующей теме. На таком высоком творческом накале профессор выстраивала здание собственной теории. Поэтому не случайно учебники Галины Николаевны по социологии труда и экономической социологии долгие годы остаются непревзойденными образцами учебных изданий, опираясь на которые преподаватели университетов готовят рабочие программы и курсы своих лекций. Современные российские энциклопедические издания воспроизводят статьи Галины Николаевны по тематике культуры труда и профессиональной культуры. В методологическом плане по этим направлениям ее никто не превзошел.

Галину Николаевну некоторые сотрудники неспроста называли «наша Маргарет Тэтчер». У этих женщин на самом деле было много общего: Непоколебимая сила воли. Фантастическая целеустремленность. Глубочайший интеллект. Тонкий вкус во всем – в одежде, в интерьерах... И еще – удивительная работоспособность. Приведу характерный пример, который прекрасно раскрывает силу духа Галины Николаевны и показывает ее масштаб как ученого. В тяжелейшем для белорусской науки 1993 году, когда практически не было никаких ресурсов, усилиями сотрудников отдела экономической социологии Института социологии Академии наук Беларуси, который возглавляла Галина Николаевна, провести в Минске действительно международную научную конференцию – это было рукотворное чудо. Нужно было «выбить» необходимые материальные средства, организовать транспорт для встречи высоких гостей, достать дефицитный по тем временам бензин и т. д. И в результате все получилось на самом высоком уровне, как это всегда бывало у профессора Соколовой. Ведущие зарубежные ученые ехали «на имя»... Предварительно интересовались по телефону: «Галина, а Беларусь – это где?»

Галина Николаевна была удивительно разносторонне развитым человеком. Она любила и великолепно умела танцевать – легко и грациозно. Могла весь вечер декламировать на память стихи или вдохновенно рассказывать о понравившейся ей прозе. Галина Николаевна научилась читать, будучи совсем маленькой, задолго до школы. Причем научилась сама. Брала щедро иллюстрированную и с большим шрифтом книгу сказок Александра Сергеевича Пушкина и спрашивала у родителей: «А это какая буква?... А это какая?» Вот так и освоила грамоту. А дальше – «с книгой по жизни» – это про нее. Обе комнаты ее квартиры скорее напоминали библиотеку – книги до потолка. Они были для нее добрыми друзьями, советниками, помощниками. Галина Николаевна обладала тонким гастрономическим вкусом и сама прекрасно готовила. Любой приглашенный в ее гостеприимный дом с первых секунд погружался

в атмосферу внимания и уюта. Предложить изысканный чай с лимоном и вкуснейший деликатес к чаю было неизменным правилом радушной хозяйки.

Галина Николаевна обладала редким даром предвидения. В «зеленых» еще студентах отделения социологии Белорусского государственного университета она видела будущих ученых – кандидатов и докторов наук, брала их под свою опеку и с материнской заботой возвращала их, бескорыстно делилась собственным опытом, поддерживала на всех ступеньках профессионального восхождения. И когда было нужно, а было это не раз, – бесстрашно бросалась на защиту интересов своих учеников. Профессор Г. Н. Соколова была ярчайшим и достойнейшим представителем русской интеллигенции. Но именно Беларусь стала для нее второй родиной, где она совершила свои главные научные открытия, написала монографии, учебники, создала белорусскую экономико-социологическую школу.

Светлая память о Галине Николаевне Соколовой – выдающемся ученом и прекрасном человеке – навсегда сохранится в наших сердцах!

*Олег Витальевич Кобяк,
доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета*

Научное издание

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Основан в 2010 году

Выпуск 10

Редактор *М. И. Ременца*

Художественный редактор *Д. А. Комлев*

Технический редактор *О. А. Толстая*

Компьютерная верстка *Л. И. Кудерко*

Подписано в печать 16.08.2019. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 31,53. Уч.-изд. л. 27,0. Тираж 120 экз. Заказ 186.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».

Свидетельства о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013, № 2/196 от 05.04.2017.

Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.